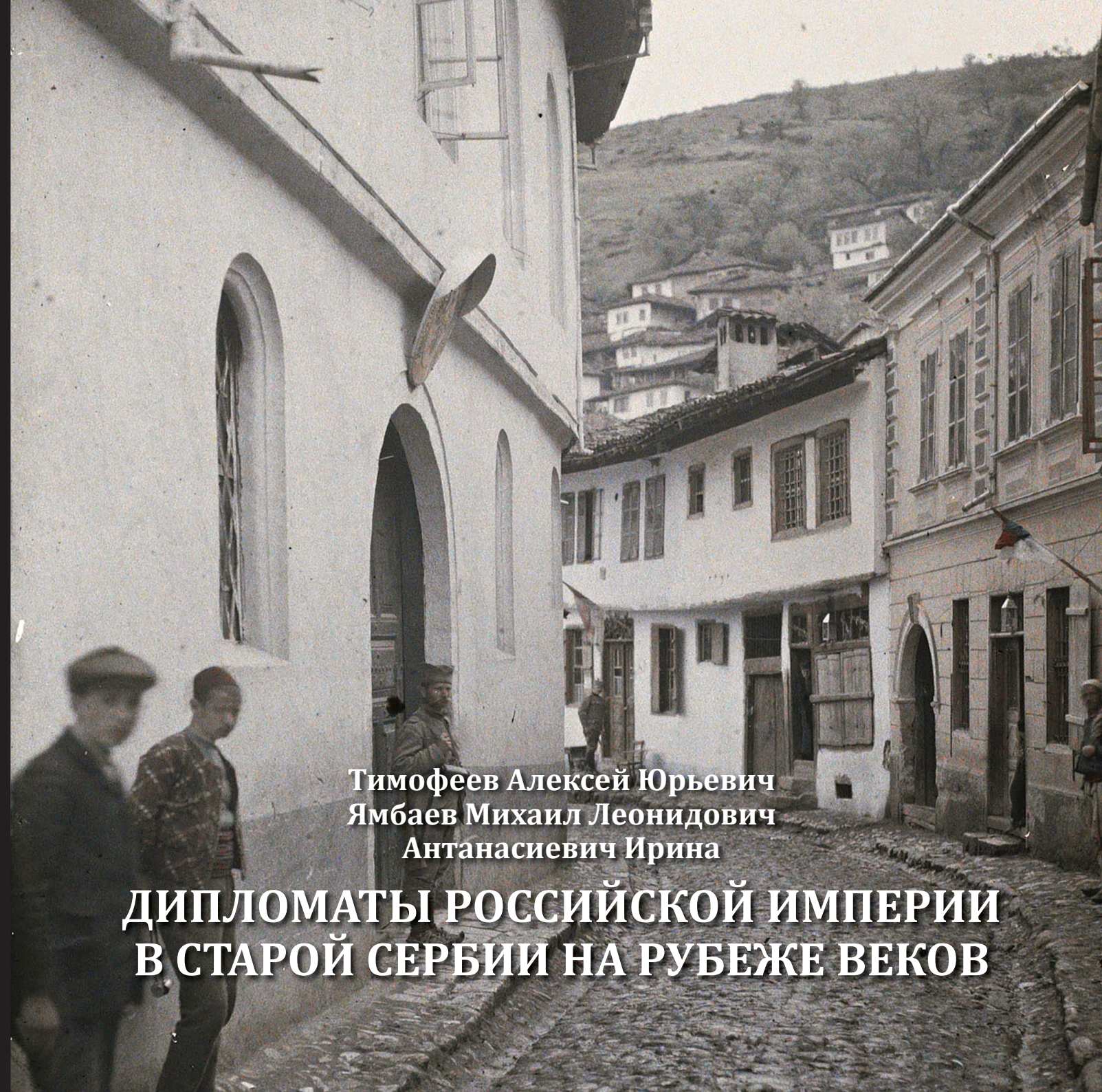

Тимофеев Алексей Юрьевич
Ямбаев Михаил Леонидович
Антанасиевич Ирина

ДИПЛОМАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СТАРОЙ СЕРБИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Тимофеев Алексей Юрьевич
Ямбаев Михаил Леонидович
Антанасиевич Ирина

ДИПЛОМАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СТАРОЙ СЕРБИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

**Русский научный институт
При поддержке Посольства Российской Федерации
в Республике Сербии**

- Русское консульство в Скадре**
- Русское консульство в Битоле**
- Русское консульство в Скопье**
- Русское консульство в Призрене**
- Русское консульство в Косовской Митровице**

*Тимофеев Алексей Юрьевич
Ямбаев Михаил Леонидович
Антанасиевич Ирина*

ДИПЛОМАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СТАРОЙ СЕРБИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Тимофеев Алексей Юрьевич

Ямбаев Михаил Леонидович

Антанасиевич Ирина

Дипломаты Российской империи в Старой Сербии на рубеже веков

Русский научный институт

За издателя

Ирина Антанасиевич

Рецензенты

Проф.д.и.н.Ярослав Валерианович Вишняков

Проф д.и.н. Михаил Валерьевич Белов

Вёрстка

Джордже Секерезович

Фотографии из фонда Албера Кана

При поддержке Посольства Российской Федерации в Республике Сербии

*Тимофеев Алексей Юрьевич
Ямбаев Михаил Леонидович
Антанасиевич Ирина*

ДИПЛОМАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СТАРОЙ СЕРБИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Белград / Београд

2024

Содержание:

Тимофеев Алексей Юрьевич,

Старая Сербия в политике Белграда в 1878-1912 гг..... 11

Ямбаев Михаил Леонидович,

**Русские консулы – проводники политики России
в Старой Сербии на рубеже XIX-XX вв 165**

Атанасиевич Ирина,

**Сводный справочник. Русские дипломаты в независимой Сербии
и Старой Сербии на рубеже веков 247**

Старая Сербия в политике Белграда (1878-1912).

ВВЕДЕНИЕ	12
ГЛАВА I. СЕРБСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА О ТАКТИКЕ ДЕЙСТВИЙ В СТАРОЙ СЕРБИИ.....	19
§1. От военных действий к мирной деятельности.....	19
§2. Планирование и начало организации СЕРБСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ в юго-восточном направлении.	22
§3. Отношение СЕРБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ПРОБЛЕМЕ СТАРОЙ СЕРБИИ.	33
ГЛАВА II. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОРОЛЕВСТВА (КНЯЖЕСТВА) СЕРБИИ В СТАРОЙ СЕРБИИ.....	39
§1. Основные направления в деятельности СЕРБСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ в Старой Сербии в последней четверти XIX века.....	39
§2. Международный фактор в проблеме Старой Сербии.....	50
§3. Сербско-албанские взаимоотношения в 1878-1912 гг.....	55
§4.Изменение сербской стратегии в Старой Сербии в начале XX века.....	69
ГЛАВА III. СЕРБСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ЦЕРКОВЬ В ДЕЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СТАРОЙ СЕРБИИ.....	78
§1. Меценаты, фонды, общественные организации.....	78
§2. Учебные заведения.....	87
§3. Издательская деятельность	96
§4. Православная церковь в процессе интеграции СЕРБСКОГО НАРОДА СТАРОЙ СЕРБИИ.....	99
ГЛАВА IV. СЕРБСКИЕ ЧЕТЫ В СТАРОЙ СЕРБИИ.....	106
§1. Начальный этап деятельности СЕРБСКИХ ЧЕТ.....	106
§2. Боевые акции СЕРБСКИХ ЧЕТ.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	124
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	127
СНОСКИ.....	137

Введение

Старая Сербия, это название исторической территории, которое использовалось в сербской политике и историографии со второй половины XIX века. Она непосредственно включает в себя северо-западную Македонию, Косово и Метохию, Прешево, Буяновац, Пчине и Рашку. В географическом смысле само понятие Старой Сербии возникает в ходе Первого сербского восстания (точнее после 1809 г.), когда в состав Сербии не вошли 6 нахий - Лесковацкая, Приштинская, Призренская, Новопазарская, Сеницкая, Старовлашские нахии и еще несколько каз в районе Скопья. В средние века они составляли ядро сербской государственности. Термин Старая Сербия использовали сербские ученые от Вука Караджича¹ до Й.Цвиича², этим названием оперировали русские ученые от И.С.Ястребова³ до академика П.Н.Кондакова⁴. Важно отметить, что термином Старая Сербия (подразумевая под ним только Косово и Метохию), в некоторых случаях оперировали даже политические деятели Болгарии, в исследуемый нами период⁵. Стоит отметить, что термин Старая Сербия в описываемый период (до 1912 г.) ясно различался от термина «Мачедония» (сербский вариант названия Македония) и включал большую часть Косовского вилаета (исключая большую часть Скопского санджака к юго-востоку от этой столицы Косовского вилаета).⁶

После Первой и Второй балканских сербская историография стала избегать выделения историко-географической области Старая Сербия, что отражало интеграционные стремления нового югославского государства⁷. Вместо этого территории Старой Сербии вместе с территориями Вардарской Македонии стали объединять в единое понятие Южной Сербии (или даже первые несколько лет после объединения – новой Сербией).⁸ С другой стороны, в Советской России, славистов поставили на позиции радикального левого интернационализма с трактовкой термина «Старая Сербия» как сербского шовинизма. После 1945 года на подобные же позиции перешло и абсолютное большинство исследователей в Югославии.

Хотя некоторые сербские социалистические теоретики и пренебрегали понятием Старая Сербия⁹, этот термин вряд ли можно считать «реакционным», если его использовал родоначальник сербского социализма С.Маркович¹⁰. В последнее время в связи с ослаблением марксистского догматического давления термин Старая Сербия вновь появился в лексиконе сербских исследователей¹¹, став на сегодняшний день полновесным термином исторической географии¹². В отечественной историографии рассмотрение Старой Сербии, как единого объекта пока еще не стало широко распространенным, хотя сам термин уже начал использоваться¹³.

В то же время некоторые филологические данные и по сей день позволяют говорить о сербском населении Старой Сербии. Стоит напомнить, что южнославянский языковой ареал современная филология разделяет на три зоны: словенско-кайкавскую, чакавско-штокавскую и балканскую¹⁴. В рамках третьей, балканской зоны, на территории современной Южной Сербии, Македонии и Западной Болгарии можно проследить специфическую группу наречий, отделяемую филологами от македонской и болгарской группы наречий. Эта отдельная группа наречий получила название северо-западной (шопско-торлакской) группы наречий. Она характеризуется рефлексом ж → у (зуб, дуб, рука, пут), одинаковые рефлексy на месте Ъ и Ь (сан, дан или сън, дън), рефлексy *tj, *dj → ч, ц, ћ, ђ или ќ, ѓ (свећа, међа, свеча, меца, свеќа, меѓа), h → e (лето), чр → цр (црњн). Все это отличается от юго-западной (македонской) (заб, зъмб, даб, дъмб, пат, пънт, рака, рънка, сон, ден, *tj, *dj → шч,ж) и болгарской (зъб, дъб, път, ръка, заб, даб, пат, рака, сън, сан, *tj, *dj → шт/,жд) групп диалектов.

Шопско-торлакская (северо-западная) группа диалектов генетически близка со штокавскими экавскими диалектами¹⁵. Важно отметить, что при этом, по мнению современных филологов, южнославянские диалекты и языки «балканской зоны различны по происхождению, их объединяют не древнейшие, а специфические балканистические черты, сближающие их с албанским и аромынским, в меньшей степени с новогреческим и румынским языками»¹⁶.

Немаловажным будет напомнить, что в качестве литературной нормы в сербском языке были приняты диалекты Западной Сербии и Восточной Герцеговины, в которых балканистические черты¹⁷ действительно слабы. В разговорной речи многих жителей Сербии в ее современных узких границах (соотносящихся с границами Сербии после 1878 г) значительно чаще, чем в литературном языке, встречаются балканистические формы. Практически, «золотое» правило, положенное в основу сербского языка В.Караджичем, «пиши, как говоришь, и говори, как пишешь» не действует уже в 20 км к востоку от Белграда. Ученики, идущие в школу в Гроцке или Смедерево, вынуждены доучивать на уроках сербского языка падежи, инфинитивы и полировать грамматику.

Шопско-торлакская (северо-западная) группа диалектов подразделяется на призренско-моравские говоры (вдоль по течению Южной Моравы и далее до южного Косова, т.е. Приштины и Призрена), запланьско-сврлижский диалект (за Нишем до предгорий Старой Планины на севере и р.Власины на юге), кратово-куманово-тетовский диалект (к северу и востоку от Скопье, и в районе Овче Поле к северу от Штипа), тимочско-лужичский диалект (в верховьях реки Тимок и до Пирота и Димитровграда, оттуда на юго-запад до склонов Краиште и до Босилеграда), восточношопский диалект (к западу от Кюстендила, Пеоника, Бреговицы, Михайловграда, от Белградчика на севере через окрестности Трына до Осоговской Планины на юге)¹⁸.

Опираясь на мнение современной отечественной филологии, можно сделать вывод о том, что значительная часть Старой Сербии (а точнее ее центральная часть) географически является в то

же время и ядром распространения особой группы южнославянских диалектов, имеющих общее происхождение со штокавскими диалектами.

Историко-географическая область Старая Сербия - регион, приближенно равный Косовскому вилайету, в его границах с 1878 по 1912 г. Здесь тесно переплелись (может быть даже столкнулись) албанские, сербские и болгарские национальные интересы. Для XIX века и начала XX (особенно это актуально для периода с 1878 по 1912 г.) эта историко-географическая область имела не меньшую геополитическую реальность, чем, например, Босния и Герцеговина.

Интересные сведения о Старой Сербии и положении дел в Косове и Метохии содержали путевые заметки А.Ф.Гильфердинга, опубликованные в "Русской Беседе" в 1858 году. Известный славист и дипломат А.Ф.Гильфердинг (1831-1872), выпускник Московского университета, ученик О.М.Бодянского, проехал по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. В самой Старой Сербии он путешествовал по Санджаку, Косову и Метохии и посетил Дечаны, Грачаницу и Печ. Чрезвычайно подробны и живописны его описания Косовских церквей и монастырей. Но несмотря на все суровое вдохновение, которое несли памятники сербского средневековья, Гильфердинг, сравнивая боснийские и косовские впечатления, отмечал: "Вся эта старина, все эти памятники и предания сосредоточены в Старой Сербии, но в противоположность Боснии, в ней, как я сказал, нет, или почти нет ничего современного, живого, кроме диких мусульман-арнаутов"¹⁹. В 1862 году журнал "Военное обозрение" опубликовал подписанное инициалами "Краткое военное обозрение Северо-западных областей Турции". По поводу Старой Сербии говорилось, что "...на всем этом пространстве сербский элемент господствует весьма неравномерно: в южной части он подавлен уже албанским, то же около Приштины, Печа и Призренда"²⁰.

Хотя подобный пессимизм в отношении некоторых контактных зон славянского мира был характерен для того времени²¹, тем не менее в контексте дальнейшего развития демографической ситуации можно сделать обоснованное предположение, что в этническом смысле Старая Сербия уже в середине XIX века не имела сербского большинства населения.

Жизнь сербов в Турецкой империи не была легкой и до 1878. года²², однако с 1878. по 1912. год ситуация в Старой Сербии стала кординально меняться в худшую сторону, крайне неблагоприятную для православного сербского населения. По сообщению Тухолки, служившего русским консулом в Призрене перед Балканскими войнами: «Сербы издавна, а в особенности после войны 1878 года, страдают от притеснений и насилий арнаутов, и так как сравнительно немногие из них имеют ружья /власти не дают им вооружаться/ то сами они не в состоянии защищаться от арнаутов, а власти обычно не оказывают им никакой защиты»²³.

Практически, с 1878 года как Турецкая империя, так и соседняя Австро-Венгрия из своих корыстных интересов стали прилагать максимум усилий, чтобы выдавить из этнически неодно-

родных южных и центральных районов Старой Сербии православное сербское население. Сербам не разрешали носить оружия и находились в агрессивной мусульманской среде, в которой личная безопасность, не говоря уж об имущественной, становилась слабоосуществимой. С другой стороны, несомненно ощущалась активность экзархистской пропаганды соседней, очень близкой по культуре Болгарии, стремившейся к восстановлению Сан-Стефанских границ. Наконец, в северо-западной части Старой Сербии было размещено несколько военных баз Австро-Венгрии, и наблюдалась неприкрытая деятельность ее агентов, подкреплявшаяся денежными дотациями и субвенциями. Положение сербского населения становилось все тяжелее с каждым годом²⁴.

Каким же образом сербское население Старой Сербии смогло выжить и даже способствовать сохранению до некоторой степени сербского характера этих территорий после освобождения, пришедшего в 1912 г²⁵? Какие действия Сербии способствовали тому, что сербский элемент в этом крае сохранился и пережил в 1878-1912? Какова в этом была роль сербского государства и самого сербского народа?

Вопрос этот имеет большое значение. Во-первых, учитывая то, что Старая Сербия стала для Сербии с 1878 по 1912 г. единственной актуальной сферой жизненных интересов, отвечая на этот вопрос мы фактически рассматриваем на всех уровнях структуру внешней политики Сербии в рассматриваемый период. Во-вторых, ответ на поставленный вопрос является важным в рамках национальной истории Сербии. Актуальность вопроса в этом ракурсе в настоящее время возрастает потому, что сербское население в некоторых сербских краях (например в САО Косово и Метохия) находится в условиях, в определенной степени похожих на те, которые сложились в Старой Сербии в начале XX века. Да и сама Сербия, почти сведенная к границам до 1912, находится во многом в ситуации, похожей на состояние начала XX века.

* * * * *

В этой исследовании мы обратимся к роковому моменту, когда проблемы Старой Сербии завязывались в тот узел, который существует в данное время в Косово, северо-западной Македонии, Буяновце, Медведже и в Рашке. Закончившаяся в 1878 году русско-турецкая война принесла признание независимости Сербии и Черногории, и сербский народ после 500-летнего ига вновь обрел национальное государство. В то же время, действовавшая в 1878-1881 гг. I албанская Призренская лига не смогла добиться получения никакого государственного образования для албанцев и была разогнана турецкими властями.

Процесс образования новых государств и складывания национальных территорий на Балканах входил в решающую фазу. В условиях крайней перемешанности населения и очевидной неотврати-

мости распада Турции каждый балканский этнос был вынуждена проявлять активность для того, чтобы сохранить и, по возможности, преумножить свои территории. Оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины остановила стремление Сербии получить населенные сербами районы северо-запада и вынудила Сербию сосредоточить свою политику в направлении многонационального юго-востока, т.е. Косова и Македонии.

Конечно, Сербия и ранее стремилась прирастить свою территорию на юге. Так, еще в 1844 г. Илия Гарашанин (1812-1874) - видный политический деятель Сербии, занимавший посты премьер-министра и министра иностранных дел Сербии, написал «Начертание»²⁶ - национальную программу Сербии, ставшую негласной программой развития сербского государства на ближайшие 50-70 лет и завершившуюся созданием в 1918 г. Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. В этой программе определены 4 основных направления расширения Сербии²⁷: 1. Босния и Герцеговина; 2. Черногория; 3. Северная Албания; 4. Срем, Банат, Бачка (которые через 4 года сербский народ объединил в едином понятии Воеводина).

При этом, движение в направлении Северной Албании (в сторону Скадара и Дульцино) диктовалось необходимостью разорвать австрийское экономическое окружение и выйти к морю²⁸.

Понятно, что с оккупацией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины направление 1 оказывалось невозможным. Претензии Австро-Венгрии на Рашку были закреплены Берлинским договором и вместе с династической неприязнью (черногорский князь Никола Петрович поддерживал Карагеоргиевичей, конкурировавших с правившими в Сербии Обреновичами) значительно затрудняли направление 2. Наконец, Срем, Бачка и Банат как неотъемлемая часть Австрии оставались еще менее осуществимой целью для присоединения.

Южное и юго-восточное направления стали после 1878 года самыми перспективными для расширения Сербии. Но при этом на юго-восточном направлении сербские интересы сталкивались с болгарскими, а на южном с албанскими. Исходя из существовавших в XIX веке представлений, что каждое жизнеспособное государство должно обладать выходом к морю, Сербия стремилась его получить. Поскольку выход к Адриатике через Далмацию казался вовсе невозможным, а через Черногорию крайне труднодоступным (учитывая вышеперечисленные проблемы), Сербия могла «прорубить окно» к морю на южном направлении - через Северную Албанию или еще дальше через Салоники (Фессалоники).

В любом случае, при южном или юго-восточном направлении продвижения стратегически необходимой была территория Старой Сербии и в особенности Косова, святой для сербского народа земли, хранившей память о былом величии Сербского государства. Сербское государство зародилось в IX веке в северо-западной части Старой Сербии в Рашке, с которой связана история древнейшей (из упоминающихся в письменных источниках) сербской династии. В XIII-XIV вв. центр

сербской государственности стал смещаться южнее, так что свой расцвет сербское средневековое государство встретило в XIV веке в царствование Стефана Душана, столицей которого было Скопье. Драматические события, обозначившие гибель средневекового сербского государства, произошли в центральной части Старой Сербии в центре Косовской равнины, на Косовом поле.

Битва между сербским князем Лазарем и турецким султаном Муратом произошла 15 июня 1389 г. на Косовом поле. В результате кровавой и ожесточенной битвы погибли предводители обеих войск и множество простых воинов. Битва имела роковой характер, вскоре сербские и болгарские правители признали вассальную зависимость от турок, дорога на Европу была открыта. Сербский народ навсегда сохранил память о событиях этого дня; «Видов-дан», «Косово поле» и герои, связанные с этой битвой, стали постоянными эпическими символами героического подвига, надежды на освобождение и возрождение сербского государства.

Вскоре после Косовской битвы вся Сербия попала под чуждую по крови и вере власть, но борьба сербского народа продолжалась. Теперь она заключалась в том, чтобы просто выжить, сохраниться для грядущего освобождения. Погибла или ассимилировалась сербская знать, многие приняли ислам, но сербская речь все еще звучала в Старой Сербии, сербские священники, крестьяне, ремесленники и купцы хранили предания старины и Православную веру. Оплотом сербской духовности стала Печская патриархия, границы которой приблизительно совпадали с этническим ареалом расселения сербов. Патриархия существовала до 1767 года, когда она была ликвидирована и подчинена Константинопольскому патриарху.

Тем временем, турки продвигались все дальше и дальше в Европу. В 1683 г. войска Османской империи осадили Вену. Осада Вены превратилась в поворотную точку в динамике развития Порты - полное поражение от войск Яна Собесского стало началом конца турецкого господства над поработанными европейскими народами. Широко развернувшееся народно-освободительное движение позволило австрийским войскам дойти до Скопья и Северной Албании. Однако, вскоре они отступили, изгнанные превосходящими силами турок. Сербы, принявшие активнейшее участие в борьбе против турок, оказались под угрозой страшных репрессий. Осенью и зимой 1690 г. в Габсбургские владения переселилось под руководством патриарха Арсения Чарноевича гигантское по демографическим стандартам того времени число сербов - 37 тысяч семей, т.е. 185 тысяч человек²⁹. Все более частые с тех пор неудачи во внешней политике Порты, инициировавшие погромы сербов, вызывали непрекращающийся отток сербского населения из Старой Сербии.

Положение сербов усугублялось еще и тем, что на пустевшие территории приходили спускавшиеся с окрестных гор албанские племена. По мнению российских дипломатов, наблюдавших за инфильтрацией албанцев в Старую Сербию в XIX-XX в, албанцы «... мало религиозны и в исламе более всего ценят право господства над христианами»³⁰. Закрепившись на пустошах, новообращен-

Глава I. Сербская политическая элита о тактике действий в Старой Сербии.

§1. От военных действий к мирной деятельности.

Сан-Стефанский мирный договор не принес Сербии, внесшей значительный вклад в победу над Турцией³⁴, ожидаемых результатов. Так, в южном и юго-восточном направлениях Сербия должна была получить лишь территорию от Копаоника до Ибара, долину Лаба, Подуево, правый берег Ситницы с Вучитрном и долину Ибара до Митровицы³⁵.

Уже 14 мая 1878 года сербское правительство приняло Закон об административном устройстве освобожденных краев, входивших в Нишский и Приштинский санджаки, и распределило новые земли в соответствии с сербской административной системой по округам и срезам. В частности, северные косовские территории были объединены в Куршумлийский округ, включавший прокупацкий, куршумлийский, ибарский и вучитрский срезы. И хотя новые срезы Приштинского санджака были освобождены регулярными войсками и добровольцами Милоша Милоевича не полностью, новые административные единицы получили срезских начальников, выбиравшихся как из представителей местного сербского населения, так и из жителей центральной Сербии. Например, в вучитрском срезе исполнителем должности срезского начальника был поставлен Сима Соколов, участвовавший в организации повстанческих действий в Трнсской казе и почетный поручик сербской армии, а в ибарском срезе - Илья Пчелар, бывший чиновник из Белграда³⁶.

Согласно решениям Берлинского конгресса 1/13 июля 1878 г сербо-турецкая граница была проведена по водоразделу рек Топлицы и Лаба. В результате Турции была возвращена долина Лаба и Подуев, а берега Ситницы и сам город Вучитрн остался в составе Турции. Несмотря на все усилия, приложенные в Берлине сербским правительством и лично министром иностранных дел Йованом Ристичем, Сербии не удалось получить хотя бы часть Косова - Гнилянскую казу с Ново Брдо и Кончульским ущельем.

* * * * *

Берлинский трактат, оставив за Сербией Ниш, подтвердил сербо-болгарскую границу и австрийскую оккупацию Боснии и Герцеговины. В результате этого самым перспективным направлением освободительного движения Сербии стало юго-восточное. Однако даже на самом вершине административной лестницы Сербии не очень четко представляли, каковы исторические границы и главные проблемы Старой Сербии. «После первой сербо-турецкой войны... активное внимание европейской и особенно австро-венгерской, английской и русской общественности было привлечено к вопросу о Старой Сербии... Опытные географы Вл.Карич, Сп.Гопчевич, Н.Крстич, П.Сречкович, Йов.

Драгашевич и другие даже в общих чертах не осветили это понятие в печати ни с географической и этнографической, ни с исторической точки зрения. Никто не мог точно описать ту область, которую можно было рассматривать как Старая Сербия. После удачного завершения войны европейская пресса стала активно интересоваться этим вопросом. И лишь спустя несколько лет его прояснил Йован Цвиич. Петербургская газета «Новое время», по указанию русского правительства, выразила желание, чтобы сербская общественность или кто-то из сербских историков или географов, хотя бы кратко и тезисно рассказал в интересах самого сербского народа, какие края на территории Турции стоит считать Старой Сербией, а какие Македонией. Газета констатировала, что «...и узкий круг политиков, не говоря уже о широких народных массах, не может достаточно конкретно определить это территориальное понятие и ответить на вопрос, где же находится Старая Сербия»³⁷.

С 1 октября 1878 по 19 октября 1880 сербское правительство возглавлял Й.Ристич. Он был, первым из сербских политиков такого ранга, кто обратил пристальное внимание на Старую Сербию. Ристич решил найти человека, который на основе архивных и историографических данных смог бы дать точный ответ на вопрос о Старой Сербии. Это было необходимо для дальнейшего развития внешней политики Сербии.

Этим человеком стал Джордже Попович-Даничар (1832 – 1914). Талантливый публицист из Воеводины, он обучался юриспруденции в Вене и публиковался в различных журналах и газетах Воеводины. Он знал многие европейские языки и занимался переводами с русского, польского, чешского, испанского, французского и немецкого. В результате осторожной политики в национальном вопросе Попович-Даничар получил от Й.Йовановича-Змая позорное прозвище «мадьярона», и подвергнувшись общественному ostracismу, был вынужден переселиться в Сербию. В Сербии он занимался тем, что писал публицистические работы пропагандистского характера об оккупации Австро-Венгрией Боснии, называя этот шаг фатальной ошибкой, которая рано или поздно ее погубит.

Попович-Даничар приступил к двухмесячной напряженной работе в архивах и библиотеках Сербии. Особое внимание уделял он жалобам и просьбам, поступавшим из Старой Сербии и во множестве пылившимся на полках Архива Министерства иностранных дел Сербии³⁸. В этой работе он включил в понятие Старая Сербия территорию, ограниченную с севера горным массивом Старого Влаха, а с юга рекой Бистрицей, городом Охрид и озером Преспа. В частности, в Старую Сербию он включил области Ниша, Пирота, Призрена, Приштины, Печи, Скопья, и Битоля³⁹. Также в состав Старой Сербии входили, по мнению Джорджа Поповича-Даничара, и части Салоникского вилайета до реки Струмы, «от Албании округа Дибранский и Дукаджинский»⁴⁰, и южная часть Новопазарского пашалыка. «Остальная земля на юге, которая при Неманичах входила в Сербию, называлась и называется в народе Македония.»⁴¹

В принципе, это классическое определение Старой Сербии, объединявшей Рашку (Санджак), северо-западные районы Македонии и территории современного Косовского края. Кроме традиционных районов в составе Старой Сербии упомянут и Дукаджин. В самом тексте записки при перечислении территорий, входящих в Старую Сербию, большинство округов и санджаков перечислено без указания их этнической принадлежности, в отличие от той территории, которую планировалось отторгнуть «от Албании: округ дибранский и дукаджинский с Пулати»⁴². Это позволяет предположить, что автор отдавал себе отчет в не совсем сербском характере этих территорий, будучи в то же время уверенным в несомненной принадлежности Сербии районов Призрена, Приштины и Печи. Кроме географического определения границ, Попович-Даничар обосновал исторический характер сербских претензий на Старую Сербию и обрисовал тяжелое положение сербского населения в этом крае.

В основном, полемическое острие записки было направлено против чрезмерных территориальных претензий Болгарии. Например, рассуждая об этническом составе населения Южной Сербии, Попович-Даничар писал: «...правда, что к востоку от Ниша есть одно - два болгарских села, но тем не менее там живет, в основном, если не албанское, то сербское население...»⁴³.

Эту записку Попович-Даничар в начале 1880 г. подал Ристичу с предложением ознакомить ее содержанием широкие круги сербской и иностранной общественности. Объем возможных территориальных претензий и глубина их исторического и этнографического обоснования стали для Ристича новостью. С удивлением вспоминал об этой реакции Ристича сам Попович-Даничар. «Когда я встретился с ним, он спросил меня:»Откуда у Вас эти сведения в записке?»⁴⁴ Я удивился тому, что меня спрашивал об этом господин Ристич, который как только, так сказать, из школы вышел, сразу же занимал высшие должности, был столько лет чиновником в Стамбуле, наместником княжеского достоинства, министром иностранных дел и премьер-министром. «Большинство этих сведений», - ответил я ему, -»я обнаружил в печатных публикациях, кроме того, всегда обращал внимание на эти проблемы, и если мог поговорить с человеком из тех мест, всегда старался получить от него какую-либо информацию.»⁴⁵ Ристич попросил Поповича-Даничара ограничить сербские претензии до Струмы. После этого Попович-Даничар действительно доработал записку и был приглашен на постоянную работу в Министерство иностранных дел с достаточно высокой по тем временам платой 15 дукатов в месяц.

Результаты составления самой записки были не очень велики. Записка вышла отдельной брошюрой тиражом в 1000 экземпляров для распространения в пропагандистских целях. Её опубликовали официальные «Српске Новине», все сербские газеты в Австрии, пражские «Народны Листи» и российские «Современные известия». Все консульства и посольства, действовавшие в Сербии перевели записку «Старая Сербия» для своих правительств в информативных целях.

§2. Планирование и начало организации сербской деятельности в юго-восточном направлении.

В 1880-1883 гг. серия правительственных и политических кризисов в Сербии отодвинула проблему Старой Сербии на второй план.

В следующий раз этот вопрос вышел на передний план в 1885 году, в связи с дальнейшим расширением Болгарии и неудачной сербо-болгарской войной. Активизация внимания к южному направлению Сербии была закреплена незадолго до войны в особых «Инструкциях о поддержании сербского влияния в Старой Сербии»⁴⁶.

Составление «Инструкций о поддержании сербского влияния в Старой Сербии» связано с именем Милутина Гарашанина (1843 – 1898). Он был сыном Ильи Гарашанина, выдающегося сербского политика и автора знаменитого «Начертания», ставшего негласной программой развития сербской внешней политики на протяжении всего XIX и начала XX века. Гарашанин закончил артиллерийскую школу в Меце, однако карьера политика привлекала его больше, чем военная служба, и в 1874 году он стал народным депутатом. Во время войн 1877-1878 гг. он дослужился до звания майора и закончил войну в должности помощника начальника штаба яворской армии. Милутин Гарашанин непосредственно участвовал в организации сербской партии прогрессистов (чаще в русской литературе эта партия называется «напредняцкой» от сербского слова «напредак»-прогресс.) В правительстве Милана Пирочанца Гарашанин занимал в 1880-1883 годах пост министра иностранных дел, а в 1883-1884 году был сербским послом в Вене. В 1884-1887 годах Гарашанин возглавлял сербское правительство. Его кабинет, втянувший Сербию в неудачную сербо-болгарскую войну 1885 года, было отмечено печатью австрофильства. Тем не менее, интеллектуальные и аналитические способности самого М.Гарашанина не вызывали сомнений у людей, хорошо его знавших⁴⁷.

Сам текст «Инструкций о поддержании сербского влияния в Старой Сербии» сохранился в черновом экземпляре в личном фонде Милутина Гарашанина в Архиве Сербии под номером 836. В своем докладе «Сербия и албанский вопрос в конце XIX века» современный сербский ученый М.Воеводич сделал предположение о том, что на создание этого документа оказал влияние все тот-же Попович-Даничар⁴⁸. К сожалению, документ 836 в работе М.Воеводича не сопоставляется с другими материалами фонда Милутина Гарашанина. Сопоставление «Инструкций о поддержании сербского влияния в Старой Сербии» с другими материалами фонда М.Гарашанина, а также учет дальнейшего направления развития сербской акции в Старой Сербии позволил автору данной работы рассмотреть этот документ не как одиночный феномен, а как основополагающую ступень сербской деятельности в Старой Сербии и Македонии.

12 июля 1885 года Гарашанин представил королю Милану записку⁴⁹ с отчетом о претворении в жизнь поданного им в марте того же года «предложения..., которое касается... работы в Старой

Сербии и Македонии». Учитывая то, что личный фонд Гарашанина в Архиве Сербии отличается достаточной полнотой и не хранит никаких материалов, кроме документа под номером 836, которые могли бы быть идентифицированы как «мартовское предложение», можно предположить, что черновик «Инструкций о поддержании сербского влияния в Старой Сербии» является либо черновиком записки с предложением, поданным Королю, либо его протографом. Косвенным свидетельством в пользу нашего предположения может служить и тот факт, что порядок изложения направлений и структура записки (отчета о проделанной работе) идентичны документу 836. Хотя мы не располагаем утвержденным королем Миланом экземпляром «Инструкций», тем не менее наличие отчета о проделанной работе уже через полгода после представления предложения свидетельствует о заинтересованности и поддержке Короля в исполнении проекта. Интересно, что дальнейшая тактика действий королевского сербского правительства вплоть до начала XX века фактически совпадает с направлениями деятельности, выделенными в 14-страничном проекте «Инструкций о поддержании сербского влияния в Старой Сербии», сохранившемся в Архиве Сербии.

В краткой преамбуле документа было высказано пожелание о концентрации работы по поддержанию сербского влияния в Старой Сербии и Македонии в одних руках. Документ разбит на шесть глав, в которых последовательно излагаются и анализируются все аспекты планируемой деятельности⁵⁰.

Первая глава посвящена финансовой стороне вопроса. Скупщина должна была заложить в бюджет ежегодную сумму в 100000-250000 динаров⁵¹.

Эти деньги должны были вместе с выплатами, предоставляемыми Министерству просвещения на поддержание школ и церквей в Македонии и Старой Сербии и суммами, предоставляемыми по различным благотворительным завещаниям, составить единый бюджет финансирования активности сербского правительства в южном направлении. Этот специальный фонд должен был находиться под управлением Короля, премьера и министра иностранных дел, и использоваться исключительно по назначению. Деньги должны были тратиться на школы и учителей, на церкви и священников, на печатание книг для школ и церквей, на выпуск газет и других видов печатной продукции, которые собирались распространять в народе, «...такие, например, как календари, сказки, песни...»⁵² и на другие благотворительные цели.

Вторая глава, озаглавленная «Органы», перечисляет те службы и организации, через которые Сербия планировала непосредственно влиять на ситуацию в Старой Сербии и Македонии. Первоочередной целью для развертывания акций в Старой Сербии и Македонии Гарашанин считал создание достаточного количества консульств. Именно под их патронатом должны были действовать сербские учителя, священники и монахи. Цель работы консулов должна была заключаться в координации, контроле, и поддержке всех видов активности по поддержанию сербского населения в Турецкой им-

перии. Деятельность консулов предположительно должна была регламентироваться постоянными подробными наставлениями и оперативными инструкциями из центра.

Второй группой проводников сербских национальных интересов Гарашанин считал учителей. Учителей, согласно «Инструкциям...», планировалось выбирать из местных жителей, имеющих достаточный уровень образования и пользующихся уважением своих земляков. Целью работы учителей должна была быть «не только воспитательная работа среди детей»⁵³, но и пропаганда среди взрослых людей. Предусматривалось, что консулы будут непосредственно руководить пропагандистской деятельностью учителей, «которые должны полностью выполнять то, что им будет приказано»⁵⁴. Для занятия должности учителя признавалось в качестве необходимого условия, чтобы жена учителя была из местных жителей, с целью укрепления и расширения его связей. Требования к возможным претендентам на места приходских священников ничем не должны были отличаться от требований, обязательных для учителей. Учителя и священники были обязаны жить «в согласии и любви»⁵⁵ друг с другом, в противном же случае один из них или оба могли быть заменены.

Следующей опорой сербского влияния в Старой Сербии и Македонии должны были стать книжные лавки. Содержание их предполагалось предоставить либо бывшим учителям, либо людям, имевшим достаточно высокое образование для работы с книгами. В этих лавочках планировалось продавать учебную литературу, все необходимые принадлежности и сопутствующие товары, «...но не могли бы продавать никакую книгу или товары, которые не получили бы одобрение от консула.»⁵⁶ Доходы должны были также поступать консулу.

Планировалось создать и торговые конторы с широким штатом торговых агентов, выбираемых лично консулом. Следует отметить стремление заключить с иностранными компаниями, строившими железнодорожную ветку Вранье-Скопье, договор, по которому ее служащие должны были бы вербоваться исключительно из сербов, причем рекомендуемых консулом. Для этой цели в Сербии планировалось развернуть подготовку молодых людей, необходимых для работы на железной дороге⁵⁷.

В третьей главе инструкций - «Хилендар» Гарашанин подробно описал ряд мероприятий, связанных с этим авторитетнейшим сербским монастырем, основанным на Афонской горе в 1198 году Св.Савой и значительным источником духовного просвещения всего славянского населения Балканского полуострова. Предусматривалось как усиление финансовой поддержки, так и контроль за направлением деятельности монастыря и национальным составом монахов⁵⁸. Фактически, планировалось укрепить роль Хилендара как духовного центра всех сербов и, в частности, сербов в Турции.

Четвертая глава, под названием «Константинополь», посвящена необходимым мерам по созданию в Стамбуле типографии, где должны были печататься учебники, богослужебная литература или просто книги, полезные для распространения среди турецких сербов. В Турции планировалось

печатать только стопроцентно приемлемую для османских чиновников литературу, которая легко получила бы их одобрение. Печатную продукцию с «подрывными элементами» планировалось ввозить из Белграда⁵⁹.

Пятая глава, с названием «Канцелярия в Белграде», описывает организацию непосредственного центра управления всеми вышеперечисленными институтами в их действиях по укреплению сербского влияния в южном направлении. Несмотря на то, что весь штат канцелярии должен был состоять из одного секретаря и двух «надежных людей»⁶⁰, ее указания должны были полностью исполняться всеми консульствами Сербии в Турции. Канцелярия, подчиненная по плану непосредственно министру иностранных дел, должна была вести всю свою деятельность в глубокой тайне. Таким образом, посольство в Стамбуле не было прямо задействовано в работу по поддержке сербского влияния среди населения Старой Сербии и Македонии.

Шестая глава, озаглавленная автором «Общие наблюдения», дает анализ внешнеполитических факторов, от которых зависело расширение сербского влияния в Европейской Турции. Начало этой главы весьма характерно: «В сегодняшней ситуации наш противник в тех землях, о которых идет речь, не Турция, а Болгария...В той деятельности, которая здесь описана, и Греция и Сербия имеют сейчас общие цели работать вместе против Болгарии. Для окончательного успеха необходимо иметь на своей стороне Турцию, так как в ее руках власть»⁶¹. Далее автор «Инструкций», подробно объяснил, почему имеющим в своих руках власть Турции (светскую) и Греции (духовную), выгодно помогать Сербии. Полезной в роли союзника автором документа признана и Румыния⁶².

Несмотря на то, что некоторые из балканских стран казались автору более склонными помочь (или хотя бы не мешать) сербской агитации, он не впадал в пацифистское благодушие. Призывая не забывать о том, что все балканские страны быстро вооружаются, Гарашанин утверждал, что начало вооруженного столкновения придет «...неожиданно и необходимо к этому готовиться. Впрочем, даже когда придет время поделить Старую Сербию, Македонию и Албанию между балканскими странами, не стоит явно говорить о том, что каждый получит ровно столько, сколько он будет иметь на тот момент военной силы, которая будет необходима, чтобы удержать захваченное»⁶³. Автор документа не ограничился общими рекомендациями, но и предложил стратегический план, который мог бы пригодиться в случае возникновения войны между Сербией и Болгарией. Интересно, что прогнозировался только вариант, при котором Сербия подвергнется нападению Болгарии, а боевые действия предполагались на территории Сербии с обороной по линии Вранье - Пирот - Заечар с центральной группировкой в Нише.

Оценивая документ в целом, можно сказать, что Гарашанин предложил в нем активную позицию для Сербии. Продвижение в Старой Сербии и Македонии было предусмотрено с помощью исключительно политических, дипломатических и пропагандистских усилий. Фактически основ-

албанцев». Здесь в этом документе впервые упомянуты албанцы, причем в негативном смысле. Интересно также, что они названы на самом последнем месте в списке «врагов», что может косвенно свидетельствовать о маргинальности этого сюжета в глазах Гарашанина. Крайне важным можно считать следующее признание Милутина Гарашанина о сербском населении в Старой Сербии (т.е. Санджаке, Косове и Метохии) и Македонии: «Наша стихия там количественно слаба и почти нигде не проживает компактно.»⁶⁷

Описывая основные направления деятельности Сербии на юге, Гарашанин в первой же главе своего отчета, следующей за введением и озаглавленной «Консульская конвенция с Турцией», отметил, что этот договор имеет первостепенную важность для Сербии⁶⁸. Премьер-министр доносил своему Королю о ряде предпринятых в этом направлении мер. Сербскому посланнику в Стамбуле было дано указание попытаться заключить с Портой консульскую конвенцию, договор о взаимном обмене консулами. При этом надо уточнить, что консул (лат. *consul*) - это должностное лицо, назначенное в качестве постоянного представителя в каком-либо городе или районе другого государства для защиты юридических и экономических интересов своего государства и его граждан (защита прав и интересов граждан, выдача паспортов и виз, ведение актов гражданского состояния, осуществление нотариальных функций, легализация документов и т. п.). Сербия не стремилась получить от Турции права, сходного с правами европейских держав в Турции, так называемого режима капитуляций.⁶⁹ Мотивировалось это тем, что Румыния, получившая такое право по Сан-Стефанскому и Берлинскому конгрессам, так и не смогла осуществить его в полной мере⁷⁰. Кроме того, в излишних требованиях Гарашанин видел препятствие к решению непосредственно насущных проблем. Торговые интересы сербских подданных, по его мнению, не были велики⁷¹. Их рост прогнозировался лишь с развитием железнодорожной инфраструктуры в этой части Балкан. Необходимую защиту экономической активности сербов в регионе Гарашанин видел не в получении каких-то особых прав, а в элементарном исполнении «турецкого законодательства».⁷² «...Для нас главная цель не торговые, а политические интересы. Сербии необходимо иметь в провинциях Турции свои определенные центры для своих политических действий»⁷³.

Сам процесс заключения конвенции при умеренных требованиях сербской стороны вызвал понимание со стороны Порты, с которой сербский посланник обменялся проектами будущей конвенции. Переданное ему Турцией предложение о конвенции фактически полностью было принято, уточнению подвергся лишь раздел о взаимоотношении консулов с местными исполнительными и судебными властями, а также о правах и привилегиях консула. Это контрпредложение Сербии было положительно рассмотрено Портой и ко времени написания отчета Гарашанина ожидало лишь одобрения Короля. Окончательно консульская конвенция была подписана между Турцией и Сербией в 1886 году⁷⁴.

Следующая важная глава отчета Гарашанина называется «Работа с Константинопольской патриархией». Первостепенной задачей для поддержания национального духа сербского народа в условиях ликвидированной патриархии автор записки считал назначение епископов сербской национальности в епархии с сербским большинством прихожан. Кроме очевидных плюсов этого вероятного достижения, по мнению Гарашанина, в результате такой перестановки были бы укреплены позиции сербской школы и влияние отдельных церковных приходов.

Сербскому посланнику в Стамбуле была дана инструкция вступить в переговоры с патриархией, причем, в первую очередь, по вопросу о епископских кафедрах в Призрене и Скопье. В этих переговорах в качестве козырной карты планировалось использовать страх Константинопольской патриархии перед растущим в Македонии влиянием болгарских экзархистов. Кроме указания на экзархистскую опасность, Гарашанин планировал использовать и финансовый фактор, в частности урегулирование вопроса об обязательных ежемесячных выплатах в тысячу динаров с каждой епархии в казну патриархии⁷⁵.

В принципе, патриархия была готова пойти на это соглашение с Сербией; затрудняли переговоры лишь требования, выдвигавшиеся к сербским претендентам на епископскую кафедру. «Эти переговоры, может быть, и привели бы уже к успеху, если бы патриархия не предъявляла к сербским владыкам своих требований (впрочем, весьма справедливых), - что кандидаты должны быть отличными богословами, турецкими подданными, уметь говорить и писать по-гречески. Учитывая, что при вышеупомянутых условиях необходимо, чтобы эти люди были еще и безусловно преданными и верными сербским интересам, и, кроме того, необходимо, чтобы они имели достаточно образованности для успешного понимания и выполнения своей миссии, то в подборе кандидатур ощущаются довольно объяснимые затруднения»⁷⁶.

Кроме проводимых с Фанаром переговоров, сербский посланник в Стамбуле, по поручению Гарашанина, вел и параллельную работу в этом направлении с Портой. В основном это сводилось к созданию как можно большего количества помех в деятельности экзархистской церкви.

Роль Хилендара Гарашанин рассматривал в отдельной главе «Хилендар» и признавал, что монастырь «не менее важен, чем одна епископская кафедра, и в известном смысле, этот вопрос имеет значительно большую важность для всего сербства, чем владыки в Призрене и Скопье». Интересно, что Гарашанин считал, что «победа сербская в Хилендаре значила бы и победу сербскую над русскими и болгарскими на Святой Горе»⁷⁷. Последнее утверждение было связано с тем, что Хилендар к XVIII - началу XIX века потерял значение сербского духовного центра, т.к. значительное количество его монахов составляли уроженцы болгарских земель⁷⁸.

Православная церковь рассматривалась Гарашанином только как один из факторов территориальной экспансии Сербии. Планировалось выдвинуть своих кандидатов на три основные поста:

епископов Скопского и Призренского и игумена Хилендара. Именно это действие должно было превратить Православную церковь в «опору политических действий Сербии в этих краях»⁷⁹.

Тесно увязывалась с церковным вопросом и организация образования в частях Турецкой империи, населенных сербами, рассмотренная в главе «Призренское богословское училище». Важной проблемой, стоявшей на пути нормального развития сербского просвещения в Турции, были затруднения с учебниками. Ввозимые из Сербии книги вызывали постоянные нападки со стороны чересчур ретивых чиновников Порты или становились удобным предлогом для выражения личной неприязни к отдельным работникам сербского просвещения.

Основную роль в решении этой проблемы должен был сыграть преподаватель, а затем и руководитель Призренского богословского училища Петр Костич⁸⁰. Именно ему было поручено вступить с контакт с властями в Стамбуле и получить у них разрешение на ввоз в Турцию конкретных учебных книг. После утверждения этого списка в целом и содержания каждой книги в отдельности, образцы были привезены в Белград, где к моменту написания записки уже было отпечатано 10000 экземпляров. В дальнейшем книги предполагалось переправить для утверждения в Стамбул, оттуда в Салоники, а уже затем в Призрен. Расходы на печатание и доставку книг, таким образом, оказывались чрезвычайно велики. Кроме того, каждая книга, напечатанная вне Турции, вызывала постоянное подозрение властей. По каждой книге отдельно приходилось вести долгие переговоры, получение разрешений у мздолюбивых турецких властей также стоили денег. Например, «География», написанная В.Каричем, вызвала такие осложнения, что секретарь Министерства иностранных дел Сербии Джока Попович был вынужден написать свой специальный учебник, приемлемый для турецких властей⁸¹.

Для хранения и распространения книг консульство в Скопье и посольство в Стамбуле должны были заняться организацией складов и книжных магазинов. Поэтому сербское правительство стремилось организовать сербскую типографию на территории Порты с тем, чтобы напечатанные внутри страны учебники вызывали меньше подозрения властей и не требовали значительных транспортных расходов⁸². Разместить эту типографию планировалось в Хилендарском монастыре.

Крайне разнообразные и интересные направления деятельности Сербии по поддержанию своего влияния в Европейской Турции Милутин Гарашанин осветил в последней главе своего труда, получившей лаконичное название «Разные дела». Как отмечал сам автор записки, «кроме... дел, которые я уже имел честь изложить, не пропущены и отдельные случаи, которые перечислены [ниже - А.Т.] и могут также послужить сербской идее в Старой Сербии и Македонии.»⁸³

Было развернуто издание пропагандистской литературы для использования как в самой Старой Сербии и Македонии, так и в Европе с целью влияния на общественное мнение. Планировалось

также начать издание газеты для защиты сербских интересов в Старой Сербии и Македонии, для чего в Стамбул был командирован директор Пиротской гимназии Димитрие Алексиевич⁸⁴.

Для укрепления и защиты сербского влияния в Старой Сербии и Македонии сербское правительство поддерживало отношения с местными авторитетными личностями через своих срезских начальников в городах Ниш и Вранье⁸⁵. Например, со скопским епископом Паисием, выделявшимся толерантным отношением к сербам, отношения поддерживались через Проку Джуваревича, взятого по рекомендации начальника враньского среза, который представил Проку как человека «полностью преданного», да к тому же и своего родного брата⁸⁶. Цель предполагавшегося сотрудничества сводилась к противодействию болгарским экзархистам. Через другого своего представителя, жителя Тетова Матию Марковича, сербское правительство вступило в контакт с тамошним пашой, с той же целью - деятельности «против болгар»⁸⁷. Планировалось, что для начала «паша должен бы был прогнать одного или двух болгарских учителей или священников, что бы служило для нас знаком его готовности с нами сотрудничать»⁸⁸. Незадолго до составления документа Гарашанин получил сообщение о результативности предпринятой акции – «...из Тетова были прогнаны два учителя и одна болгарская учительница»⁸⁹. Работу по укреплению связей с видными жителями Косова и Метохии планировалось проводить через беженца из Великой Хочи, призренской нахии, Джураджа Зивгаревича, которому была предоставлена земля для ведения хозяйства в топицком округе⁹⁰.

Переход от теории к практике напомнил М.Гарашанину о существовании в Старой Сербии важного фактора, проигнорированного в «Инструкции». Показал наличие в «Кроме всех этих видов активности особое внимание обращено на договор с албанцами».⁹¹ Работа эта проводилась через начальника нишского округа Ристу Бадамовича. Речь шла о том, чтобы выяснить истинные стремления и намерения албанцев и попытаться склонить их к сотрудничеству. Основным мотивом, способным толкнуть албанцев на союз с Сербией, Гарашанин считал австрийскую экспансию на юг. В донесении отмечена готовность албанцев «пойти... на известное соглашение» с Сербией⁹².

Связи с албанцами планировалось поддерживать через торговца из Приштины Василие Филиповича и Махмуда Хусейна Спахича, состоятельного албанца, проживавшего в Нише и имевшего родственников в Призрене⁹³. Особо отмечалось, что братья Спахича, проживавшие в Призрене, были влиятельными людьми в Призренской лиге. В докладе отражено стремление поддерживать контакт с албанцами в Приштине, Призрене, Пече, Джаковице и Митровице. По рекомендации Филипповича на роль связника был избран Муфтар Суачевич из Джаковицы⁹⁴, именно он должен был заняться вопросами заключения договора между сербским правительством и готовыми к диалогу албанскими лидерами. В документе отражено расчетливое стремление добиться своих целей «с малыми расходами»⁹⁵. Впрочем, автор документа признавал необходимость расходов. Так, Муфтару Суачевичу за

его помощь была подарена «одна хорошая картинка [вероятно, винтовка Пибоди-Мартини образца 1869 – А.Т] с сотней патронов»⁹⁶.

Выдвигая важный тезис о вреде для сербского народа развития двух равноправных центров объединения (т.е. Сербии и Черногории), Гарашанин делает закономерный вывод о том, что «пресечение черногорских стремлений к расширению на восток и юго-восток имеет стратегическое значение»⁹⁷. «Сербии в этом должны помочь албанцы и недовольные элементы в самой Черногории,»- продолжил свою мысль премьер-министр, очертив основных союзников Сербии в борьбе с расширением черногорского государства. Для поддержания контакта с соратниками Сербии на этом направлении был избран Мехмед Садикович из Нового Пазара.

Завершая свое донесение Королю, Гарашанин выразил уверенность в том, что все действия, рекомендованные в документе, «...будут выполняться очень осторожно, так, чтобы ни в коем случае не дошло до того, чтобы Королевское правительство было скомпрометировано»⁹⁸.

Анализируя данный документ в целом, мы можем заметить полную преемственность и продолжение традиций «Инструкций о поддержании сербского влияния в Старой Сербии». Фактически были добавлены лишь две новых проблемы, - обе, касающиеся выбора союзников и противников, - борьба с соперничеством Черногории и возможный союз с албанцами.

* * * * *

Кроме этого отчета о проделанной работе, в личном фонде Милутина Гарашанина сохранился еще один любопытный документ, также имеющий отношение к плану действий по решению проблемы Старой Сербии и Македонии, освещенному в вышеприведенных документах. Под номером МГ-820 в Архиве Сербии хранится «Проект бюджета по Старой Сербии и Македонии за второе полугодие 1885 года по обеспечению учителей, книжных магазинов, газеты, типографии, школьных книг и различных потребностей»⁹⁹. В этом проекте в соответствии с «Инструкциями о поддержании сербского влияния в Старой Сербии» подведена финансовая база деятельности всех сербских негосударственных учреждений, проводивших политику сербского правительства в Старой Сербии.

Документ разбит на ряд глав, охватывающих конкретные стороны деятельности сербских организаций в Старой Сербии. Отдельно рассмотрены затраты на учителей, книжные магазины, газету, типографии, учебники, отдельные выплаты монастырям Печскому, Хилендарскому, Дечанскому, Призренскому богословскому училищу и на основание новых школ¹⁰⁰. Документ поражает тщательной проработкой и продуманностью всех, вплоть до самых мелких, деталей. Предусмотрена даже отдельная статья расходов на мебель для редакции будущей газеты¹⁰¹. Этот документ можно рассматривать не только как подробный источник сведений о финансовой стороне планировавших-

ся на южном направлении мероприятий, но и как важное свидетельство основательности сербских планов по расширению влияния в Старой Сербии и Македонии.

* * * * *

Характеризуя все вышеизложенные документы, мы можем сказать, что имеем дело с комплексом важных материалов, систематизировавших и давших импульс работе сербского правительства в Старой Сербии. Мы не имеем прямых доказательств того, что эти документы стали программой работы сербских кабинетов, но косвенным доказательством может служить то, что последующие действия официальной Сербии до 1903 г. фактически соответствовали данному проекту. В 1903-1912 годах, когда к сербской деятельности в Старой Сербии стали примешиваться новые компоненты - смена военнополитических союзников и поддержка насильственных действий в Старой Сербии - планы культурно-просветительной деятельности остались во многом, если не полностью, схожими с предыдущим периодом.

Интересно и то, что знаменитое «Начертание», составленное отцом Милана Гарашанина и во многом определившие ход дальнейшего развития сербской внешней политики, фактически ни разу не было официально объявлено руководящей доктриной Сербии¹⁰².

В результате анализа всего комплекса документов мы можем сделать вывод, что политика, проводимая Сербией по отношению к Турции, должна была быть по-преимуществу мирной. Нет и следов попыток организации вооруженных отрядов, хотя сама сеть «Белград - консул - учителя и священники» могла при желании быть использованна в качестве логистической базы для повстанческого движения в Турции. Гарашанин предполагал, что основные действия по укреплению и расширению сербского влияния должны были быть культурно-экономическими, с применением элементов тайной дипломатии и использованием сребролюбивости Фанара и Порты. Крайне интересными представляются попытки Сербии пойти на мирные переговоры с албанцами, вступить с ними в некоторые договоренности и использовать их в своих целях.

В дальнейшем жизнь подвергла план Гарашанина коррекции. Хотя методика в области просветительно-церковной деятельности и сохранилась, внешнеполитическая компонента подвергалась некоторым переменам. Видя в Болгарии, Черногории и стоявшей за ними России сербских конкурентов в борьбе за Старую Сербию и Македонию, Гарашанин в качестве основных политических партнеров выбирал Турцию и албанские племена. Австрия упоминалась лишь косвенно, как объект, чье расширение на юг пугает албанцев.

Жестокая и даже кровавая борьба с Болгарией действительно имела место, как и, в некоторых исключительных случаях, конкуренция с Черногорией, например, в случае избрания главы рашко-призренской епархии. Но Россия, при всей неоднозначности ее позиции, сыграла с помощью

своих консулов и послов в Турции скорее положительную роль в жизни сербского населения Старой Сербии. С другой стороны, Австро-Венгрия за спиной албанских племен стала несомненным противником Сербии в ее экспансии в южном направлении.

§3. Отношение сербских политических партий к проблеме Старой Сербии.

В Сербии с 1878 г. по 1912 г. курс развития государства находился под влиянием деятельности нескольких политических партий.

Первой на политической арене Сербии появилась в 1881 году Народная радикальная партия. Эта партия во многом стала плодом, выросшим на почве, обработанной Светозаром Марковичем и Адамом Богосавлевичем.

Светозар Маркович (1846-1875) считал, что «революция - единственное законное основание и единственный возможный путь к образованию сербского государства», как «для граждан Сербии, Черногории и Австро-Венгрии», так и для «сыновей покоренного народа в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии»¹⁰³. Будущее Балканского полуострова С.Маркович видел в федерации свободных республик. Настоящими продолжателями традиций С.Марковича и носителями его идей стали сербские социалисты, а потом и социал-демократы. В интересующий нас период они практически не имели влияния на внешнеполитическую деятельность Сербии, и, в частности, на сербскую деятельность в Старой Сербии. Поэтому мы лишь отметим, что начиная с программы Миты Ценича 1879 года и до программы сербской социал-демократической партии 1909 года сербские социалисты выдвигали тезис о необходимости федерации¹⁰⁴ свободных республик балканских народов.

Важную роль в истории Королевства Сербии сыграла радикальная партия, которая много раз формировала правительство или входила в коалиционный кабинет¹⁰⁵. На начальном этапе своей деятельности радикалы считали себя продолжателями дела С.Марковича, но в самой программе основатели Радикальной партии отошли от взглядов Марковича. Программа Народной радикальной партии, опубликованная 8 января 1881 года, требовала, чтобы внешняя политика была направлена на то, чтобы защитить политические и экономические интересы Сербии, поддержать дружественные отношения со всеми «соседними братскими народами», вплоть до возможного создания союза балканских народов. Особое место во внешней политике должно было занять укрепление связей с Черногорией и Болгарией. Важность добрососедских отношений с последней была вынесена в отдельную статью программы. В то же время должна была быть организована «культурная помощь оторванным и неосвобожденным частям сербского народа, как и активное пробуждение национального самосознания» в тех сербских краях, которые находились под влиянием чужеродных факторов¹⁰⁶, под которыми вряд ли подразумевали «единокровную» Болгарию.

После войны 1885 года Сербия была блокирована как в направлении Боснии и Санджака, в разной степени контролируемых Австро-Венгрией, так и в восточном направлении, где натолкнулась на противодействие молодого и активно расширявшегося болгарского государства. Ее единственной реально достижимой целью стала Старая Сербия, обеспечивавшая выход в Македонию и, в перспективе, к заманчивым Салоникам. Радикальная партия ясно понимала все это. Видели радикалы и то, что Австро-Венгрия пыталась использовать южные сербские территории для отвлечения внимания Сербии от Боснии и Герцеговины. Лидер радикалов Никола Пашич накануне сербско-болгарской войны 1885 г. выражал опасения, что Вена стремится к тому, чтобы вытеснить Сербию на юг, чтобы заставить «...сербское государство опираться на Австрию...»¹⁰⁷ Тем не менее уже в ходе сербо-болгарской войны 1885 г. Н.Пашич четко выразил полный отказ от старых концепций федерального устройства Балканского полуострова¹⁰⁸. В 1887 году Н.Пашич написал письмо своему соратнику, занимавшему видное место в Сербии, Косте Таушановичу-Гргуру «Об основных вопросах внутренней и внешней политики Сербии после Сливницы»¹⁰⁹. Комментируя сложившуюся после сербо-болгарской войны 1885 года и позорного поражения сербской армии под Сливницей тяжелую ситуацию, Пашич писал: « Для сербства не так опасно, что на время Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину, как опасна болгарская пропаганда в Македонии и Старой Сербии. Мы Боснию и Герцеговину, как и остальные сербские земли в Австро-Венгрии, не можем вернуть сами, без помощи России, но Македонию можем спасти для Сербии без военной помощи России. Следовательно, необходимо, чтобы Вы сами были защитниками сербов в Старой Сербии и Македонии, и чтобы Вы приняли все меры, которые бы могли оказаться полезными и сербству, и Вам»¹¹⁰.

Эволюционное развитие радикалов, как и политика компромиссов, свойственная для старшего поколения основателей партии, привела к тому, что в 1901 году от Народной радикальной партии откололась фракция, которая назвала себя «Самостоятельной радикальной партией». В 1902 году в газете новооснованной партии вышла партийная программа. В ней молодые политики выразили приверженность дружеским отношениям с «великим славянским царством России и братской Черногорией»¹¹¹. Показательно, что Болгария уже специально не упоминалась, хотя «самостоятельные радикалы» настаивали на своей приверженности аутентичному радикальному курсу. «Главным сербским идеалом» молодые фракционисты считали «освобождение и объединение сербского народа»¹¹². Впрочем, как показывают действия «старорадикалов» после прихода к власти, они также не отошли от своей программы в области внешней политики. Это выразилось в том, что они нормализовали отношения с Болгарией, укрепили отношения с Россией, перешли к ослаблению «австро-сербской дружбы» и активно занялись помощью и поддержкой сербскому населению в неосвобожденных краях.

Партия прогрессистов организационно оформилась 2 дня спустя после публикации программы радикалов, т.е. 10 января 1881 года. В своих програмных заявлениях прогрессисты, как и их против-

←—————→

ники - радикалы провозглашали идеи дружелюбных отношений с соседями и призывали «оказать помощь душевную и поддержку драгоценным народным особенностям сербов вне границ Сербского королевства». В отличие от радикалов прогрессисты не призывали к созданию братских славянских союзов, хотя и стремились к «укреплению братских связей в семье славянских народов», адресуя эти реверансы, в основном, не соседям, а России, которой они побаивались. С другой стороны, также в отличие от радикалов, прогрессисты подчеркивали то, что Сербия находилась в рядах «европейских народов», констатируя это уже в первом же предложении, в разделе о внешней политике.¹¹³ В рамках характеристики внешнеполитической концепции прогрессистов уместно будет вспомнить и внешнеполитические воззрения, выраженные в вышеупомянутых планах М.Гарашанина по ведению сербской культурной экспансии в Старой Сербии. В них мы видим прогрессистские внешнеполитические пристрастия более откровенно: Австро-Венгрия и Турция отнесены к дружественным, если не союзным государствам, а Болгария, Черногория и Россия - к потенциальным конкурентам.

С 1881 по 1887 год прогрессисты управляли Сербией и достигли определенных успехов в модернизации государства. Под руководством прогрессистов Сербия начала свою деятельность и в Старой Сербии. Однако военное поражение 1885 года и победа их политических оппонентов - радикалов, которых прогрессисты безжалостно преследовали, привели к тому, что в 1889 году прогрессистская партия приостановила свою деятельность, а в 1896 году после недолгой активизации и кратковременного пребывания у власти - самораспустилась.¹¹⁴ Тем не менее, прогрессисты как политические деятели остались активными участниками государственной жизни Сербии до конца правления династии Обреновичей. В 1905 году партия прогрессистов была обновлена под названием Сербской прогрессивной партии.

В октябре 1881 года была сформирована и третья крупная сербская партия - партия либералов. Ее истоки лежат глубже, чем у двух вышеупомянутых партий, и восходят еще к 1848 году. Однако правительственный кризис, разразившийся в 1880 году, замедлил окончательное формирование партии. Фактически, программой стало обращение, опубликованное в первом номере партийной газеты «Сербская независимость» 1 октября, 1881 года¹¹⁵.

В отличие от радикалов и прогрессистов, либералы уже находились у власти в прошлом и имели в своем политическом багаже некоторые успехи на государственном поприще. Поэтому в своей программе либералы в значительной мере опирались на анализ исторического пути развития Сербии в новое время. С точки зрения внешней политики, либералы подчеркивали роль «мощного северного славянского царя»¹¹⁶, чье дружелюбное расположение они призывали ценить и культивировать. Говоря о стремлении поддерживать «симпатии всех великих и просвещенных народов»¹¹⁷, либералы вполне прозрачно намекали, что «судьба братьев с другой стороны Дрины осталась... в руках чужака»¹¹⁸. Комментируя австрофильскую политику прогрессистов, либеральная программа

вновь прибегала к эзопову языку и сетовала, что «мощные чужаки в международной политике поджидают мгновения слабости..., чтобы угрозой или пустыми обещаниями, без усилий получить выгоду, которую они вряд ли получили бы и путем долгой политической и экономической борьбы»¹¹⁹ при другом (т.е. правильном, т.е. «либеральном») политическом курсе.

Важным компонентом внешней политики, по мнению либералов, был «братский союз с черногорцами» и другими славянскими соседями. В отношениях с соседними «восточными народами» либералы призывали ориентироваться на сближение вплоть до союза, видя первостепенную задачу в создании «таможенного союза». При этом основной целью либералы считали «объединение сербского народа в естественных исторических границах»¹²⁰. Примерно те же внешнеполитические концепции были повторены в программах либералов в 1888 году. Выступая на главном съезде либеральной партии, в одной из своих последних речей патриарх сербской политики Й.Ристич подчеркнул, что «жизненные интересы Сербии» находились «в Старой Сербии и в Македонии»¹²¹. В 1904 году партия изменила название на Народная партия, а одна из фракций партии откололась и сформировала группу Либеральной демократии.

Практически, можно заключить, что внешнеполитическая концепция либералов и радикалов имела много общего, сближавшего их и, в свою очередь, отличавшего их от прогрессистов, если рассматривать плоскость взаимоотношений с великими державами. По отношению к Старой Сербии, самому перспективному объекту для присоединения, который все серьезные политики в открытых программах называли закамуфлированно, у всех трех важнейших партий существовало относительное единство. Общепринятым мнением было то, что культурно-пропагандистская деятельность должна поддерживать там сербский элемент. О том, что предстояло делать в Старой Сербии впоследствии, как и о целесообразности насильственных мер по отношению к Старой Сербии, у политиков Королевства Сербии были различные мнения.

Схожие политические установки по отношению к Старой Сербии отнюдь не значили того, что сербская активность в Старой Сербии не испытывала потрясений, связанных с переменами в политической жизни Сербии. Многочисленные «партийные» распри вспыхивали и во взаимоотношениях сербских консулов и сербских активистов в Старой Сербии, хотя большинство этих дразг, выдававшихся за партийное соперничество имело личную основу, лишь ослабляя, но не изменяя сербскую позицию в Косовском вилайете.¹²²

Практически, политические баталии в Сербии имели не очень значительное непосредственное влияние на сербскую деятельность в Старой Сербии. Можно назвать две ключевые перемены в этой деятельности, на которые повлияли межпартийные различия. Первое, - выдавливание Общества Св. Саввы с позиций центрального института сербской политики. Выдавливание это осуществляли радикалы, с учетом того, что в Обществе было много прогрессистов. Стоит однако отметить, что

консульская сеть, которую предпочли услугам Общества, была задумана еще М.Гарашанином, т.е. прогрессистом. Второе - насильственные действия в Старой Сербии, которые были «изобретением» политики поколения «после 1903», также не были патентом какой-нибудь одной партии, а целого нового поколения политических деятелей.

Оценивая отношения различных политических партий Королевства к проблеме Старой Сербии, можно сделать вывод, что несмотря на взаимную конкуренцию, сербская деятельность имела определенную общую линию, отклонявшуюся только в связи со сменой персоналий, но в глобальном плане развивавшуюся органически.

* * * * *

Кроме влияния политической активности в рамках самой Сербии, Старая Сербия знала кратковременный эпизод политической активности сербского населения Турции.

После того, как 24 июня 1908 г. младотурки вновь ввели в действие конституцию 1876 года, в Турции вступил в силу хуриет, т.е. равенство в правах граждан всех национальностей и вероисповеданий. Сербские, греческие, болгарские и албанские четы были распущены, конфликтующим сторонам было предложено защищать свои интересы парламентским путем.

Сербское правительство через своего консула в Скопье Живоина Балугджича предложило сербам в Турции идти на сотрудничество с младотурками. Местная сербская элита и сама настоятельно ощущала потребность в создании политической организации Оттоманских сербов, которые бы как партия представляли их интересы в парламенте в Стамбуле.

При поддержке митрополитов рашко-призренского и скопского была создана инициативная группа, которую возглавил Богдан Раденкович. Эта группа организовала Конференцию сербских представителей, которая действовала в Скопье с 10 по 13 августа 1908 года, в помещении Сербского клуба. Присутствовало около 30 делегатов из 3 вилайетов (Косовского, Битольского и Салоникского). Судя по подписям на резолюции, большинство из них прибыло из Косовского вилайета, тогда как Салоникский вилайет прислал лишь одного представителя, а Битольский - двух¹²³. Конференция после продолжительных дебатов приняла «Устав временной организации сербского народа в Оттоманской империи» и «Манифест временной организации сербского народа в Оттоманской империи». Эти два документа должны были оставаться в силе до Съезда сербского народа в Оттоманской империи, который планировалось осуществить после проведения парламентских выборов. Сербская организация должна была конституироваться под названием «Сербская демократическая лига».

На выборах сербы смогли избрать 3 депутатов в нижнюю палату парламента: Савву Стояновича от Приштины, Александра Парлича от Скопья и Яничия Димитриевича от Битоля. Темко Попович из Охрида был избран в верхнюю палату. Результаты выборов были заранее предрешены в резуль-

тате предварительного договора с младотурецкими властями, которые уступили сербам некоторое количество мест в обмен на выборные места от Рашки¹²⁴ (Новопазарского санджака). Это является свидетельством не только того, что честные выборы и демократия в турецких условиях не действовали, но и того, что стороны рассматривали депутатов как своего рода свидетельство этнической принадлежности территорий. Именно поэтому южная Старая Сербия и Македония получили больше представителей, нежели чем несомненно сербские Рашка или Косово и Метохия¹²⁵. В.Трбич, имевший большой вес в сербских кругах Старой Сербии и Македонии, писал, что «личности, которые вошли в турецкий парламент были не важны, так как иметь в турецком парламенте двое или трое депутатов, равно капле в море. Было важно, что таким способом признавалась сербская национальность, если не официально, то полуофициально»¹²⁶. Греки получили в Европейской Турции 4 депутатов и 2 сенаторов, а болгары, как и сербы, 3 депутатов и 1 сенатора.

Съезд сербского народа в Османской империи был проведен 2-11 февраля 1909 г. в Скопье. Собранные 78 депутатов в присутствии митрополита скопского Викентия и рашко-призренского Никифора приняли «Устав» и три обращения к турецкому парламенту: «Резолюцию о политическом положении», «Резолюцию о церковно-школьном положении» и «Резолюцию об экономическом положении». Организация приступила к выпуску своего издания «Вардар», а также предоставила статус партийных изданий прежним сербским изданиям в Турции, «Цариградскому гласнику» и «Гласу народа».

Однако политические свободы, не имея под собой прочной базы и поддержки в первую очередь самого турецкого населения, не могли принести Турции стабильности и были ликвидированы самими же младотурками. Уже в конце 1909 года все нетурецкие политические организации в Турции были запрещены. В ноябре 1909 года был закрыт Сербский клуб в Скопье, а в начале 1910 - в Битоле. Организация изменила свое название на нейтральное и аполитичное «Просветительно-благотворительная организация османских сербов»¹²⁷.

Парламентская и политическая активность в 1908-1909 году стала лишь эпизодом в жизни сербского населения Старой Сербии. Тем не менее, успешная и своевременная организация политической партии и успех на выборах помог сербскому населению Старой Сербии и Македонии еще раз заявить о своем присутствии в Турции в полный голос.

Глава II. Официальная политика Королевства (Княжества) Сербии в Старой Сербии.

§1. Основные направления в деятельности сербских официальных учреждений в Старой Сербии в последней четверти XIX века.

Притязания Сербии включали Старую Сербию еще во время Берлинского конгресса. Белградский Митрополит Михаил потребовал 18 июня 1878 года от Вселенского патриарха, чтобы в Призрене, Скопье, Велесе, Серезе, Кичево и Охриде епископами были поставлены сербы, с тем чтобы укрепить единство и авторитет православной церкви¹²⁸. Хотя эта попытка и не удалась, она прекрасно характеризует направление сербской политики в последующие тридцать лет. Над вопросами культурно-просветительской конкуренции в Старой Сербии и Македонии задумывались, в первую очередь, сами национальные активисты из этих краев. Так, уроженец Крушева, выпускник Белградской семинарии и сербский учитель в Крушево Деспот Баджевич обратился 1 августа 1878 года в Министерство иностранных дел Сербии со своими предложениями по организации защиты сербских интересов в Старой Сербии и Македонии. Он предлагал создать в Белграде общественные фонд помощи и совет по Старой Сербии и Македонии, в самой же Турции основать сербскую типографию для издания книг и учебников, книжные лавки для их распространения и т.д. Интересен его тезис о том, что сербский народ в Турции должен иметь свою церковную иерархию, отличную от болгарского экзархата и греческой патриархии¹²⁹. В конце марта 1879 года с похожим предложением выступил Матия Бан¹³⁰. В его проекте было выдвинуто предложение, чтобы сербская пропаганда в Старой Сербии и Македонии опиралась на «сербо-македонское наречие»¹³¹. Оба плана поступили к министру иностранных дел Й.Ристичу.

Эти два проекта решения проблемы Старой Сербии и Македонии определенно, оказали некоторое влияние на позицию Ристича. Шаги, предпринятые в этом направлении, принесли свои плоды лишь спустя десятилетия. Уже в 1878 году в Белграде для распространения по Македонии и Старой Сербии по государственному заказу был отпечатан календарь «Вардар»¹³², который был написан на необычном языке. Авторы считали его, по-видимому, «сербо-македонским наречием», а вот современным филологам этот язык показался бы похожим на македонский язык. Д.Баджович даже подготовил проект «Букваря» на «сербо-македонском наречии» для печатания его в Белграде для сербских школ в Старой Сербии и Македонии. В дальнейшем именно в рамках этой политической линии Сербия поддерживала общество «Сербо-Македонцев» в Стамбуле¹³³ и некоторые другие подобные же организации. «Македонский» характер сербского движения в Старой Сербии и Македонии был необходим Сербии как противовес унитаристской болгарской пропаганде. Этот характер имел большое значение в самом начале сербской деятельности по наращиванию культурно-политического влияния в Старой Сербии и Македонии. В дальнейшем, когда сербская пропаганда стала добивать-

ся значительных успехов, к похожей тактике перешли некоторые болгарские круги, причастные к организации в 90-ых годах XIX века македонских революционных организаций¹³⁴.

Магистральная линия развития сербской культурно-пропагандистской деятельности на государственном уровне шла другим путем. Первоначально эта деятельность находилась под контролем министерства просвещения. По «Закону 1880 г. об устройении Министерства просвещения и церковных дел Сербии» в Министерстве просвещения (МПС) специально выделен церковный отдел (МПС-Ц) со своей особой организацией и задачами. Этот отдел должно было контролировать выполнение тех законодательных актов, которые касались православного вероисповедания, поддерживать и помогать распространению православия, заниматься организацией церковных образовательных учреждений, контролировать финансовые операции сербских монастырей и церковных фондов и т.д. Именно через этот отдел до 1888 года проходило большинство дел, связанных с государственной поддержкой сербским школам и церквям в Старой Сербии и Македонии¹³⁵.

Сербская деятельность в Старой Сербии, осуществлявшаяся через церковный отдел, имела довольно широкую направленность. Во-первых, это была помощь сербским школам и монастырям в Старой Сербии и Македонии книгами и утварью, необходимыми для работы. Помощь, в-основном, шла через руки Сербской Православной Церкви. Часто эти вопросы курировал непосредственно сам митрополит Михаил¹³⁶.

Учебники получали от МПС-Ц Призренское богословское училище, а также Призренская, Хочская, Тетовская начальные школы. Важно отметить, что учебники эти были обычными изданиями, использовавшимися в образовательной работе и в самой Сербии. Среди учебников, которые запрашивал митрополит Михаил, были как церковные книги, так и книги по гуманитарным (сербская история, литература и язык) и естественным дисциплинам (физика)¹³⁷. Помощь сербским школам оказывалась и путем регулярных прямых денежных выплат¹³⁸, которые часто шли через русских консулов в регионе¹³⁹. Кроме школ помощь, конечно, получали церкви и монастыри¹⁴⁰. Эта помощь предоставлялась не только учреждениям из центральной части Старой Сербии, но и из Рашки и из района Скопья¹⁴¹.

В введении Министерства находились и специальные благотворительные фонды, одной из статей которых была «...помощь ... учащимся Белградского богословского училища, приехавшим из Турции»¹⁴².

Вся эта активная деятельность Министерства просвещения, направленная на поддержание сербского элемента в Старой Сербии, была, тем не менее, не очень успешной. Основной проблемой, которую так и не удалось решить, был контроль над исполнением указаний и расходом сум, высланных на конкретные цели. Недостаток контролирующих или хотя бы наблюдательных органов в самой Старой Сербии заставлял МПС-Ц прибегать к помощи русских консулов и случайных приезжих

из Турции. В особо ответственных случаях в Старую Сербию приходилось посылать специальных эмиссаров, которые были вынуждены ехать в Турцию для выяснения какого-нибудь одного, пусть и очень важного вопроса¹⁴³.

Реальные перемены в сербской государственной тактике действий в Старой Сербии и Македонии произошли в 1885 году. М.Гарашанин, проработав ряд планов организации сербских пропагандистских акций, разработанных до него, и изучив положение в Старой Сербии и Македонии на основании донесений агентов¹⁴⁴ из Турции, пришел к определенным выводам. Именно тогда М.Гарашанин и предоставил королю Милану свой план действий Сербии в Старой Сербии и Македонии. Организационная структура, предложенная в этом плане, фактически стала основой сербской культурно-пропагандистской деятельности в Старой Сербии и Македонии на следующие 30 лет.

* * * * *

После заключения в 1886 году консульской конвенции между Сербией и Турцией был открыт путь к организации деятельности сербских консульств в Европейской Турции. Однако турецкая сторона не спешила реально осуществлять достигнутые договоренности. Лишь в январе 1887 года, благодаря исключительной активности сербского посла в Стамбуле Стояна Новаковича, Турция выдала бераты первым сербским консулам в Скопье и Салониках¹⁴⁵.

С 1888 года координация деятельности консульств в области культурно-пропагандистской работы осуществлялась непосредственно политико-пропагандистским отделом МИД Сербии, так называемой «пропагандой»¹⁴⁶. В Салоники был направлен генеральный консул Петр Карастоянович, а в Скопье - Алекса Пачич. На месте они сразу же столкнулись с молчаливым неприятием и недоверием как официальных властей, так и местных мусульманских жителей.

Старая Сербия стала зоной активности скопского генерального консульства. Основная нагрузка по выполнению консульских обязанностей легла на плечи вице-консула Петара Манойловича, так как генеральный консул Пачич постоянно был тяжело болен. Главные наставления, которые консульство получило при начале работы, сводились к концентрации внимания на болгарском влиянии и экзархистах. Попытки приступить к культурно-просветительской работе вызвали активное противодействие болгарских агентов¹⁴⁷.

Основным результатом работы Манойловича стало развитие сербского просвещения в Старой Сербии. Манойлович поддерживал сербские школы, способствовал выделению денег на их открытие, а изредка помогал их открытию «из своего кармана». Занимался он распространением сербских книг среди населения и в школах Старой Сербии. Интересно, что Манойлович был одним из первых сербских консулов, обративших внимание своего правительства на остроту сербо-албанских проти-

воречий в Старой Сербии. На основании его донесений можно точно представить тот тип общества, который немного позднее знаменитый сербский ученый Йован Цвиич выделил в отдельный тип культурной среды, названный им «Анархическое албанское общество Косова и Метохии», с такой отличительной чертой, как постоянное «состояние анархии и внутренняя нестабильность»¹⁴⁸. Донесения Манойловича свидетельствуют, что дороги в районе Печа и Митровицы были крайне опасными из-за постоянных разбойных нападений албанцев, а убийства, изнасилования и грабежи мирного сербского населения происходили очень часто¹⁴⁹. Сообщалось и о кровавых столкновениях между самими албанцами, а также о противоправных выступлениях албанцев против турецких властей. Архимандрит Дечанского монастыря, осмысливая современную ему ситуацию, с горечью восклицал: «Пропадает Старая Сербия!»¹⁵⁰

В 1888 году скончался генеральный консул в Скопье Алекса Пачич, сербское правительство имело намерение назначить на его место Перу Тодоровича – крайне неординарную личность, видного журналиста и политика. Однако радикальные взгляды Тодоровича по турецкому вопросу заставили Порту настаивать на отклонении его кандидатуры. Вместо него на эту должность летом 1888 года был назначен уже упоминавшийся выше Джордже Попович-Даничар – человек, который фактически первым в Сербии официально поднял проблему Старой Сербии и Македонии. Попович-Даничар вполне соответствовал своей новой должности.

Интересно сравнить точку зрения Даничара на проблемы Старой Сербии, высказанную в результате теоретических изысканий в Белграде, с его подходом к этим вопросам в ходе практической работы на должности генерального консула. В своем сочинении «Старая Сербия», Попович направлял острие своего полемического пыла исключительно против болгарских претензий в западном направлении. Уже в донесениях 1888 года, познакомившись на практике с проблемами Старой Сербии и Македонии, он уточнил свое мнение по поводу соперников Сербии.

Во-первых, это Австро-Венгрия с ее агрессивной католической пропагандой. И, если, сидя в Белграде, Попович писал инструкции о том, что стоит всеми силами бороться с действиями Скопской архиепископии, то по приезде в Скопье он стал думать иначе. Познакомившись со скопским архиепископом Андрием Логореци, Попович стал активным сторонником идеи перехода всех католиков даже независимого сербского королевства под юрисдикцию Логореци, с тем чтобы они не оставались под властью зависимого от Вены австрийского архиепископа¹⁵¹. Интересно при этом, что Логореци был по национальности албанцем, происходящим из католической семьи в Скадаре.

Впрочем, албанцы-мусульмане также привлекали внимание Поповича как опасные враги сербского народа. Ознакомившись подробно с характером сербо-албанских взаимоотношений в крае, с разбойничьими набегами, беспрестанно совершавшимися албанцами на территорию Косова, и с бессилием турецких властей что-либо предпринять, Даничар-Попович выдвинул свой план решения

албанского вопроса, хотя бы в приграничных с Турцией районах. В 1888 году, когда участились случаи незаконного переходения сербской границы албанскими вооруженными отрядами, Попович направил Йовану Ристичу, занимавшему в очередной раз пост премьер-министра, конкретное предложение. Учитывая пассивность или бессилие турецких властей в приграничных районах одряхлевшей Порты, Попович предложил использовать сербские войска для жестких мер против разбойничьих гнезд. Около 10-12 батальонов регулярных войск, поддержанные артиллерией, должны были совершить молниеносную вылазку в Старую Сербию и уничтожить все приграничные албанские села¹⁵². Но Сербия ограничилась только концентрацией войск во враньском и топличком округах. Попович предлагал и действия, направленные на мирное урегулирование конфликта силами самой Турции с тем, чтобы инспекционная проверка турецких чиновников защитила мирное сербское население¹⁵³. Попович старательно доносил не только о нападениях на сербских жителей или случаях незаконных нарушений сербо-турецкой границы, но и о случаях междоусобной вражды албанских племен. Пробыв на своем посту сравнительно недолго (до конца октября 1889 года, т.е. около года), Джордже Попович-Даничар внес большой вклад в процесс конкретизации планов и представлений сербского правительства о проблемах Старой Сербии. Сербское Королевское правительство было поставлено в известность, что без усиления работы по поддержке сербских школ, церквей и монастырей, без решения албанского вопроса Старая Сербия рисковала утратить свой сербский дух.

Важную роль в укреплении консульской сети в Старой Сербии сыграло учреждение в конце 1889 года в Приштине сербского консульства¹⁵⁴. Выражением крайней напряженности ситуации в вилайете стало убийство первого сербского консула в Приштине Луки Маринковича в июне 1890 года. Несмотря на стремление сербского правительства доказать, что за убийством кроется сеть организованного заговора, Турция отказалась рассматривать эту версию. Официальной причиной убийства был объявлен фанатизм отдельных лиц. Само убийство было оценено как одиночный акт экстремизма, несмотря на то, что исполнителями убийства были официальные лица самой Порты – мухаджиры из Приштины¹⁵⁵. Под натиском резкой реакции России и Сербии убийцы консула были наказаны, но истинные заказчики убийства остались не только безнаказанными, но даже и неизвестными. Србы, проходившие свидетелями по делу об убийстве, были вынуждены покинуть Турцию и перебраться в Сербию, чтобы не подвергнуться мести со стороны родственников осужденных¹⁵⁶.

Тем временем работа дипломатических представителей Сербии в Турции продолжалась. В 1893 году в результате постоянной мирной тактики культурно-просветительской экспансии в Старой Сербии и Македонии, Сербия получила разрешение открывать сербские школы там, где местное население признавало себя сербами, что, в первую очередь, конечно, касалось Косовского вилайета.

В середине 90-ых годов XIX века ситуация на Балканах в связи с конфликтами в зоне компактного проживания армян и восстаниями греков-критян вновь обострилась, что особенно проявилось в ходе греко-турецкой войны 1897 года.

В связи с обострением положения на Балканах, в частности, и в мире, в целом, в Гааге по предложению России была созвана мирная конференция, целью которой стало решение насущных вопросов, угрожавших миру в Европе. Сербское правительство обратилось к этой конференции в связи с катастрофическим положением сербского населения в Старой Сербии. МИД Сербии специально собрал и отпечатал «Голубую книгу», содержащую переписку министра иностранных дел Сербии Владана Джорджевича, посла Сербии в Стамбуле Стояна Новаковича, консульства в Приштине и министра иностранных дел Турции Тефик-паши¹⁵⁷. Эта переписка касается многочисленных убийств, грабежей и изнасилований, которым подвергалось сербское население в Старой Сербии со стороны албанцев¹⁵⁸. Описание всех этих происшествий, ясно отражающее картину анархии и беззакония, царившего в Старой Сербии, производило на МИД Турции весьма слабый эффект. В ответ на две поступившие ноты, которые Стоян Новакович передал Тефик-Паше 14 мая и 28 июля 1898 года, Порты послала дивизионного генерала Саафеддин-Пашу провести расследование инцидента¹⁵⁹. Консульство Сербии в Приштине направило в МИД Сербии донесение о том, что комиссия без сербских или русских представителей не может нормально функционировать и что турецкие власти занялись запугиванием свидетелей. В результате Сербия выдвинула Турции требования о придании комиссии сбалансированного международного характера. Конкретное предложение сводилось к введению в комиссию сербского консула в Приштине Станковича с правом консультативного голоса и полномочиями на внесение особого мнения в протокол работы комиссии¹⁶⁰. Однако, после некоторых колебаний Турция не решилась провести объективное следствие и ограничилась лишь выводами, сделанными «объективным» Саафеддин-пашой¹⁶¹. Турецкий бригадный генерал доказал, что нанесенных албанцами сербам увечий не было, что насилия нигде не имели места, и даже, что пострадавшие, приведенные в списке албанских преступлений, вовсе никогда не существовали. «Объективная комиссия» дошла даже до того, что доказывала, будто отдельные жертвы насилий сами нападали на своих насильников, и пострадавшие были отнюдь не жертвами, а нападавшими¹⁶². Впрочем, даже подобному лжерасследованию Саафеддин-паша не уделил большого внимания, опровергнув всего 5 случаев из десятков конкретных примеров, приведенных в сербской ноте. Слова, заключающие ответ Тефик-Паши от 28 сентября 1898 года на ноты Сербии, звучат верхом лицемерия и изворотливости: «Хотя эти случаи касаются внутреннего управления Империи, я счел своим долгом предоставить Вам полуофициально донесения, которые я получил по этому вопросу, чтобы доказать, насколько необъективны обвинения против албанцев и мусульманского населения пограничных санджаков. Я уверен, что Ваше Превосходительство со свойственной ему проницательностью и рассудительностью,

←—————→

признает, что Королевское правительство в этих обстоятельствах было обмануто людьми, которые стремятся испортить отношения приятельства и добрососедства, которое, к счастью, существует между нашими странами, и внести непонимание между различными слоями нашего населения, которые почти пять веков жили в полном согласии и которые сейчас не могут иметь никаких причин враждовать друг с другом»¹⁶³.

Лишним свидетельством необъективности подобного подхода может служить мнение русского посла в Стамбуле Зиновьева, который прозорливо заявил по этому поводу сербскому послу, что, «...убедившись из донесений своего консула, что ... жалобы основаны на истинных событиях...», он уверен в необходимости «...ситуацию в Старой Сербии изучить как можно подробно, чтобы избежать больших проблем, опасных для мира на всем Балканском полуострове»¹⁶⁴.

Сербское правительство вновь подало список очередных преступлений против сербов в Старой Сербии, а Турция его вновь не признала. Результатом этого жонглирования нотами стало глубокое разочарование сербов в мирных методах решения проблем Старой Сербии. Вполне естественно, что гаагскую мирную конференцию 1899 года Сербия, бывшая одной из 26 стран-участников, попыталась использовать для привлечения внимания к бедственному положению в Старой Сербии. Заболевший премьер-министр Владан Джорджевич не смог возглавить делегацию Сербии. По указанию Александра Обреновича, уже готовая и отпечатанная «Голубая книга», хранившаяся в МИД Сербии, не была представлена международной общественности до выздоровления Джорджевича, и, в результате, так и осталась невостребованной. Страдания и гибель сербов Старой Сербии не стали ни аргументами в сербо-турецких переговорах, ни стимулом для обращения международного внимания на Старую Сербию¹⁶⁵.

Реальное положение в Старой Сербии оставалось напряженным. В связи с собраниями албанцев в Печи в 1899 году и с попытками организации их съезда в 1900 году в Приштине ситуация неоднократно осложнялась¹⁶⁶.

Новое обострение вызвали события 1901 года, когда турецкие войска предприняли войсковую операцию с целью разоружения сербского населения приграничного с Сербией района Ибарского Колашина¹⁶⁷. Эти события в сербской историографии получили название «Колашинская афера». Хотя население и обладало некоторым количеством устаревшего и малодейственного оружия, приобретенного различными путями с целью обороны от анархичных албанских соседей, результаты этой операции оказались весьма печальными. Оружия было найдено крайне мало, а сама операция стала типичной карательной акцией против мирного населения¹⁶⁸. МИД Сербии был вновь вынужден опереться на помощь русских дипломатических представителей: посла в Турции Зиновьева и консула в Скопье, действовавших по приказу из Петербурга, что помогло немного разрядить атмосферу¹⁶⁹. Показательно, что официальная Сербия полностью отрицала то, что у сербов Колашина было ору-

←—————→

жие. Однако внутренняя переписка МИД и консульств в Сербии более позднего времени содержит признание того, что Колашин стал одним из пробных сербских мест в Турции, куда Сербия послала оружие, отходя от двадцатилетней тактики мирных действий. В этом более позднем акте было отмечено, что албанцы (а от них и турецкие власти) узнали о переброске оружия от самих же сербов, т.е. тех из них, кто был не доволен разделом присланного из Сербии оружия¹⁷⁰.

В 1902 году ситуация в Старой Сербии обострилась в связи с междоусобными албанскими конфликтами в Призрене. Сербская дипломатия вновь была вынуждена послать Турции предупреждения и ноты протеста, опираясь, на этот раз, на поддержку Черногории, а главное - России¹⁷¹. Международная пропагандистская кампания, проводившаяся Сербией, сыграла свою роль в формировании определенного мнения у европейских государств, и Порту вынудили пойти на реформы. Представленный в феврале 1903 года султану проект реформ вызвал глубокое возмущение среди албанского мусульманского населения Старой Сербии, усмотревшего в этих попытках упорядочить положение покушение на свои права и уступку гяурам. Этот протест вылился в кровавые столкновения, закончившиеся трагической гибелью молодого русского консула С.Г.Щербины, лично организовавшего защиту осажденного фанатичными албанцами Вучитрна с преимущественно сербским населением. Убийцей дипломатического представителя Российской империи был Ибрахим Халит, военнослужащий турецкой армии, албанец по национальности. И.Халит встретил С.Г.Щербину на улице и выстрелил ему в спину.¹⁷²

20 июля (2 августа) 1903 года в Ильин день началось подготовленное Внутренней македонско-одринской революционной организацией Илинденское восстание, всколыхнувшее все Балканы и начавшее серию крупных Балканских кризисов XX века.

* * * * *

Фактически с 90-ых годов до конца изучаемого нами периода ситуация в консульствах радикально не менялась. В это время в Старой Сербии работали многие талантливые сербские деятели¹⁷³. Одним из незаурядных людей, занимавших консульское место в Старой Сербии, был Бранислав Нушич. Полуофициальная переписка Нушича с его знакомым Михайло Ристичем дает представление о специфике работы сербского консула¹⁷⁴.

Основная проблема консула сводилась к постоянным материальным затруднениям, вызванным большими затратами на организацию школьно-учебных заведений, поддержание выгодных сербской политической линии людей и на представительские расходы. Еще в 1887 году Манойлович писал, что консульству в Скопье необходимы «единственно и только деньги»¹⁷⁵. Почти в каждом письме Ристичу Нушич также сетовал на материальные затруднения консульства. Часто основным действующим мотивом в работе консула был энтузиазм и преданность своей идее. Так, в письме

от 26 ноября 1891 года Нушич пишет: «Спасибо за высланные 200 динаров [*компенсация за дорожные расходы на экспедицию в один из отдаленных районов, совершенную Нушичем на собственные деньги - А.Т.*]. Я этим удовлетворен. И если бы и не получил их, то все равно бы был удовлетворен, так как, поверьте мне, путешествие, которое я совершил, настолько меня удовлетворило, что мне было бы не жалко и если бы я сам нес груз всех расходов»¹⁷⁶. Связь консульств в Старой Сербии и Македонии с МИД и Стамбульским посольством была довольно нестабильной и нерегулярной¹⁷⁷. Поэтому, например, Стоян Новакович, отлично понимая невозможность направлять деятельность сербских консулов, призывал по важному в общем контексте консульской работы школьному вопросу «...более от него и от Цариграда ни на какую помощь не надеяться и работать, опираясь на свои силы»¹⁷⁸. Работа была напряженной, тяжелой, а порой и опасной. Даже сама лексика переписки Нушича свидетельствует об этом: «переворот», «захватить», «наступление» и т.д. Методы, которые использовали в своих поездках чиновники, Нушич описал со свойственным ему юмором, доказывая то, что работа консула в этом крае была ближе работе коммивояжера и разведчика, нежели дипломата и просветителя:»...Необходимо напомнить, что я ничуть не занимаюсь пропагандой, нет, я просто путешествую, останавливаюсь в селе на целый день, схожу и на гумно, и на ток, и в луцильню, и на уборку урожая, и загляну в каждый дом и поговорю о том, что и как в этом году уродилось, и схожу в церковь, зажгу большую свечу, положу дукат в блюдо для пожертвований; встану перед иконой Св.Георгия (потому что всем говорю, что это святой покровитель моей семьи) и молюсь Богу, да и то, по-правде сказать, для вида, так как не знаю ни одной молитвы на память и только шевелю губами; подам потом какому-нибудь бедолаге и тогда прощаюсь; с попом поцелуюсь в губы, а если он постарше, целую ему руку, и больше ничего им не нужно. Знаю, что все получилось. Поэтому мои путешествия, которые сперва вызывали подозрения властей, теперь и властями воспринимаются с доверием, так как считается, что я человек, который любит много путешествовать, но делает это без особых намерений».¹⁷⁹

Конечно, подобная сметливость и самоотдача проявлялась не всеми чиновниками сербских консульств в Старой Сербии. Так, вице-консул Сербии в Приштине Милан Новичич, бывший непосредственным предшественником Нушича на этом посту до июня 1893 года, был представителем другого типа. Обычно сдержанный и изящно остроумный в своих колкостях Нушич не нашел для оценки результатов его работы более подходящего слова, чем «свинство»¹⁸⁰, а о самом Новичиче Нушич пишет, «... что это был вовсе и не человек, а скотина, с каких сторон ни посмотри - скотина. Но... и скотина может делиться на полезную и бесполезную скотину, и также на дикую и домашнюю скотину, а это... была и дикая, и бесполезная скотина». Негодование Нушича вызвало полное неумение его предшественника организовать канцелярию: записи велись бессистемно, карандашом, на

кусочках бумаги или конвертах, акты не регистрировались, документы были перепутаны по годам и валялись в одной беспорядочной куче¹⁸¹.

Дополнением картины деятельности сербских консулов может служить донесение сотрудника МИД Сербии С.Йовановича о посещении сербских консульств в Турции от 28 августа 1894 года¹⁸², составленное по результатам поездки, совершенной по указанию министра иностранных дел Сербии С.Лозанича. Целью Йовановича было «...охватить как можно больший простор областей наших [сербских – А.Т.] претензий... Так, будучи в Приштине, посетить Вучитрн и Митровицу; будучи в Скопье – Куманово, Тетово, Велес, Штип и, по возможности, Струмицу; в Салониках – Енидже-Вардар и Водену; из Битоля – Прилеп, Крушево, Ресну, Охрид и Стругу.» В Старой Сербии С.Йованович активно сотрудничал с Б.Нушичем.

В центральной части Старой Сербии С.Йованович посетил Приштину, Грачаницу, Вучитрн и Митровицу. Основной задачей этого этапа его миссии было выяснение перспективности двух больших проектов, предложенных консульством в Приштине.¹⁸³

Первым проектом было перенесение консульства из Приштины в Митровицу. Причин для такого решения было немало, но важным стимулом все-же являлась открытая ксенофобия агрессивность приштинского мусульманского населения. Митровица, расположенная вблизи железной дороги, была в этом отношении более спокойным городом. Вторым проектом, подлежащим обсуждению, было открытие гимназии в Приштине.

Излагая свои наблюдения и размышления по этим поводам, Йованович кратко сформулировал основные задачи сербского консульства в Приштине и оценил результаты его деятельности. Первой задачей он считал охрану сербского населения от притеснений и погромов со стороны албанцев. Исполнялось это только отчасти. Роль консула сводилась к тому, что он мог лишь составить протокол или принять жалобу от жертв, но реальные его действия по результатам происшествия не были значительными. Он мог послать сообщение в центр, с тем, чтобы передать дело в высшие инстанции, но, все равно, дальше МИД Сербии эти бумаги не шли и практически не влияли на положение в крае. Кроме того, консул мог выразить протест местным властям, «...которые ему всегда в более или менее открытой форме признавались, что их возможности прекращаются, в условиях, так называемого «албанства» [в оригинале арнаутлук – А.Т.]»¹⁸⁴. Второй задачей приштинского консульства была координация совместных действий различных сербских институтов и группировок.

Кроме всего этого, тяжелым был и общий моральный климат региона, где приходилось работать консулам, что порой ставило под угрозу не только результаты деятельности сотрудников консульства, но и их личную безопасность. «Так как в Приштине, в результате ее захолустности, иностранцы всегда бывали редко, то тамошний народ к иностранцам еще не привык и смотрит на них с недоверием. Негостеприимство приштинцев вошло уже в пословицу, и говорят, что когда к

приштинцу приходит гость, он всегда сначала его спрашивает «Когда ты собираешься уходить?»... Эту ненависть к иностранцам наше консульство ощутило в полной мере, прежде всего, потому, что, будучи единственным иностранным представительством в Приштине, он всю эту ненависть привлек на себя. Во время моего пребывания в тех местах нашему вице-консулу [*т.е. Б.Нушичу – А.Т.*] было официально возбранено, чтобы его слуга ходил в Грачаницу (хотя слуга и ходил в Грачаницу за водой, так как в Приштине вода не совсем хорошая), а затем ему было сказано в форме дружеской рекомендации, чтобы он не выходил на балкон после того, как закроется базар, так как там это рассматривают как некоторую форму вызова, и ко всему этому, когда я был там, однажды рано вечером в городе произошла настоящая перестрелка. Я еще не выяснил настоящие причины этого, но я слышал, что это объясняют как демонстрацию против нашего консульства. О том, что за несколько дней до моего отъезда была подожжена ограда консульства, я и не говорю: об этом в свое время Министерство уже получило официальное сообщение. В случаях, когда над консульством должен развиваться наш флаг, как мне рассказали, турецкое и албанское население ощущает себя униженным, и регулярно на базаре происходит бурление. Существование нашего консульства считают ничем иным, как провокацией. Таким образом, сотрудники консульства не имеют и не могут иметь ту свободу передвижения, которая необходима для успешной деятельности на пользу нашей пропаганде. Не считая того, что они находятся под неусыпным надзором, вся их забота сводится к тому, чтобы не повредить чувствительности турецко-албанской части населения и чтобы с местными жителями избежать хотя бы крупных столкновений, которые могли бы вылиться в скандал...»¹⁸⁵

Консульство Сербии в Скопье имело для Сербии «значение столь же исключительно важное, как и консульство в Приштине¹⁸⁶». Основной проблемой, с которой сталкивалась сербская культурно-просветительская деятельность в этом крае была болгарская пропаганда. Особо тяжелой была ситуация в южной части Старой Сербии, в Велесе. В этом городе, который до 1878 года имел сербскую частную школу, существовавшую на средства местных жителей, за 15 лет, в течение которых край практически выпал из зоны сербской активности, произошли разительные изменения. Болгарская пропаганда привела к тому, что вчерашние Каранфилович, Кушевич и Петрович превратились в Каранфилова, Кушева и Петрова. Интересно отметить, что в сельской местности существовали на деньги местного населения именно сербские учителя, несмотря на отсутствие внимания официальной Сербии и на щедрые посулы агентов Болгарии¹⁸⁷.

В конце 90-ых гг. XX в. кампания по расширению сербской школьной сети в Старой Сербии получала все большую силу. Главной проблемой сербского просвещения в Старой Сербии был недостаток профессионально подготовленных учителей, что сказывалось как на качестве образования, так и на успехах пропаганды¹⁸⁸.

Деле развития сербских культурных институтов в Старой Сербии препятствовало прямое физическое давление, оказываемое на сербских активистов в крае. Ситуация настолько осложнилась, что многие просто боялись заявить вслух о своем этническом самоопределении и осмеливались сказать об этом только сотрудникам консульств¹⁸⁹. «Подбросить нашему человеку соответствующие книги [с целью провокации - А.Т.], избить его, или даже и убить, для них это проще простого»¹⁹⁰.

§2. Международный фактор в проблеме Старой Сербии.

В конце XIX - начале XX века европейские супердержавы, а в особенности Австро-Венгрия и Россия, вели активную политику на Балканах. Тем не менее сами балканские государства имели некоторую свободу политического маневра. Свобода действий балканских держав увеличивалась в моменты усиления балканских противоречий во время вооруженного конфликта, и спадала (т.е. в большей степени контролировалась Европой) в моменты мира. Успех Болгарии в 1885 г. во время захвата Восточной Румелии или результаты военных операций 1912-1913 гг. часто ставили Европу перед фактом, заставляя ее корректировать события.

Деятельность Европейских великих держав по отношению к Турции в конце XIX - начале XX века, как и внешняя политика Сербии в это же время могут быть темой отдельного исследования. В рамках настоящей работы попытаемся рассмотреть, как международный фактор влиял на решение судьбы Старой Сербии, и как Сербия пыталась использовать это влияние.

В состав Болгарии по Сан-Стефано (1878) должны были войти и некоторые сербские территории, как и юго-восточная часть Старой Сербии. В то же время Сербия должна была получить в Старой Сербии некоторое территориальное прибавление от Копаоника до Ибара, Лабскую долину в Косово с местечком Подуево, правый берег р.Ситницы с Вучитрном вплоть до Митровицы.¹⁹¹ Сербские войска заняли некоторые центральные районы Старой Сербии уже в январе 1878 г.

Берлинский конгресс, проходивший с 13 июня по 13 июля 1878 года, изменил начертания Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора. Части территории Старой Сербии, предназначавшиеся Сербии и Болгарии, были возвращены Турции. С другой стороны, Австро-Венгрия получила право оккупировать Новопазарский санджак вплоть до Митровицы, получая, таким образом, в свои руки северо-западную часть Косовского вилайета. Россия на конгрессе всеми силами поддерживала свое детище - Болгарское государство, а Сербии (т.е. представлявшему сербские интересы Й.Ристичу) порекомендовала обратиться за поддержкой к Австрии. Выражением новой политической линии Сербии стало, по выражению Й.Ристича, «самое фатальное деяние короля Милана, тайная конвенция с Австро-Венгрией»¹⁹².

Новую внешнеполитическую линию Сербии выразила и смена русофильского правительства либералов под руководством Й.Ристича на австрофильский прогрессистский кабинет М.Пирочан-

ца. Согласно австро-сербской конвенции, подписанной 28 июня 1881 г., Сербия четко определяла направление своей будущей экспансии. Австро-Венгрия в 7 параграфе этой конвенции, в котором обсуждалось возможное развитие ситуации на Балканах, предоставляла Сербии право требования территориальных приращений в южном направлении (исключая «Новопазарски санджак», т.е. Рашку). В этом расширении Австро-Венгрия обещала не только не чинить препон, но и принять усилия для того, чтобы расположить в сербскую пользу и другие государства¹⁹³.

Практически единственным примером австрийской помощи Сербии стали события, связанные с соединением Болгарии и Восточной Румелии в 1885 г. Тогда Австро-Венгрия выдала Сербии на войну с Болгарией займ в 25 миллионов динаров. Правительство Милана не питало надежд на волну народного энтузиазма, которую поднимет война против Болгарии. Поэтому после объявления 9 сентября 1885 года начала подготовки действующей армии к войне, в народе активно распространяли мнение о том, что готовятся к войне не с Болгарией, а с Турцией. Авантюра, не нужная Сербии и вредная для всего славянского мира, закончилась катастрофой, поэтому Австрия была вынуждена предпринять контрмеры. Уже 12 ноября по ее инициативе аккредитованные в Белграде посланники держав, подписавших Берлинский трактат, обратились к правительствам Сербии и Болгарии с требованием немедленно прекратить боевые действия. В соответствии с этим требованием, в ночь с 12 на 13 ноября в штабе нишавской армии король Милан принял решение о том, что сербские войска должны были прекратить всякие боевые действия, а нишавские дивизии должны были, оставив на границе достаточное боевое охранение, сконцентрировать все свои основные силы в Пироте. Но Болгария не была склонна прекращать боевые действия. Перейдя границу, они начали тяжелую двухдневную битву за Пирот. Город Пирот пал 15 ноября, и разгромленные сербские части отступили к Нишу.

Австрия была вынуждена действовать более грубо. 16 ноября 1885 года австрийский посланник в Сербии граф Кевенгюллер (Khevenhüller) заявил болгарам, что, если они продолжат наступление, то вскоре они рискуют столкнуться на сербской территории с австрийскими отрядами. Болгарское правительство было вынуждено уступить.

Международная военная комиссия выработала условия перемирия, длившегося с момента его подписания обеими сторонами 9 декабря 1885 г. по 17 декабря 1886 г. Наконец, 19 февраля 1886 года в Бухаресте был подписан окончательный мирный договор. Со стороны Сербии его подписал Чедомир Миятович, со стороны Болгарии - Иван Гешов, со стороны Турции, частью которой формально было Болгарское княжество, - Маджид-Паша. Договор состоял только из одной статьи, гласившей, что между Сербией и Болгарией вновь установлен мир. Фактически мир был подписан на условиях *status quo ante bellum*.

События 1885 года окончательно поссорили Болгарию с Россией и Сербией, а также усилили охлаждение в отношениях между последними. Поэтому Австро-Венгрия могла несомненно считать этот раунд развития международных отношений успешным. Что же касается Старой Сербии, то она, благодаря присоединению Восточной Румелии к Болгарии, внезапно превратилась из заброшенной периферии Турецкой империи в объект самого непосредственного интереса всех пограничных государств. Болгария, окрыленная успехом воссоединения и победоносной войной с Сербией, мечтала о проведении границ по Сан-Стефанскому договору. Сербия, не получившая Боснии и Герцеговины, считала, что Болгария является опасным конкурентом в деле раздела турецкого наследства. Старая Сербия и Македония стали с тех пор и до 1912 г. желанным призом многих соседей и объектом беспрестанной конкуренции.

В вопросе о Старой Сербии естественным союзником Сербии с 80-ых годов XIX века стала Россия, т.к. последняя жестко придерживалась политики о неделимости Старой Сербии. Русский консул в Призрене Тухолка характеризовал в своем донесении в 1910 г., любые предложения о разделе Македонии и Старой Сербии как «...нетерпимое и опасное явления, как для России, так и для балканских славян»¹⁹⁴.

Важную роль в жизни провинций Европейской Турции играли иностранные консулы. До подписания сербо-турецкой консульской конвенции в 1886 году Сербия не имела своих представителей в Старой Сербии, и поэтому тесно сотрудничала с русскими консулами в регионе, для получения от них информации и помощи местному сербскому населению и его учреждениям¹⁹⁵. Ярким выражением такой активности была деятельность И.С.Ястребова, занимавшего с 1879 по 1886 год пост русского консула в Призрене. Он не только поставлял Сербии важную информацию о положении в крае¹⁹⁶, но и защищал ее главное образовательное учреждение в Старой Сербии - Призренское богословское училище, которому помогал и материально из личных средств.¹⁹⁷ Большое значение имели и историко-этнографические труды Ястребова, которые содержат как исчерпывающую информацию об албанских притеснениях и «поарнаучиванию» сербов, так и об истинных границах Старой Сербии, включая и ее южную границу¹⁹⁸. В дальнейшем, когда у Сербии уже появились свои консулы в Турции, они тесно сотрудничали с представителями России. Русские консулы в Косовском вилайете Машков, Щербина, Орлов и другие представители России способствовали стабилизации жизни в регионе, непрестанно защищая сербское население. Роль русских представителей как защитников православного сербского населения по заслугам оценивалась Сербией во время Колашинского кризиса 1901 г.¹⁹⁹, умирения албанских выступлений 1902-03 гг.²⁰⁰, борьбы с австрийскими провокациями в Санджаке в 1905²⁰¹ и т.д. Эта принципиальная политика поддержки православного населения Старой Сербии и Македонии приводила к тому, что в глазах местного мусульманского населения, и особенно албанцев, русские становились самыми ненавистными врагами. В марте 1903 года албанец-мусульманин,

рядовой турецкой армии, смертельно ранил русского консула в Митровице Г.С.Щербину. Убийство, согласно заявлению покушавшегося, стало мстью русскому консулу, который черезчур активно защищал сербов Митровицы от угрозы албанского погрома²⁰². В августе того же года при подобных же обстоятельствах служащий жандармерии убил русского консула в Битоле А.А.Ростковского. Необходимо отметить, что русские консулы не были настроены антиалбански, так например, Г.С. Щербина, занимался переводами на русский язык албанских национальных песен²⁰³. Деятельность русских консулов в Старой Сербии и Македонии по защите православного населения необходимо рассматривать, как традиционный компонент внешней политики царской России на Балканах.

Впрочем, Россия, как это и положено в дипломатической игре, не придерживалась плоской и односторонней тактики покровительства исключительно Сербии. Например, русским внештатным драгоманом в Велесе был видный деятель проболгарского четнического комитета М. Войничалиев. Последний занимался перевозкой оружия, его багаж в нарушение дипломатической неприкосновенности был обыскан, Россия была вынуждена заниматься спасением от турецкого правосудия М.Войничалиева. Это делалось во имя сохранения престижа и привилегий дипломатических служащих Российской империи, и в то же время помогало представителям болгарского комитета.²⁰⁴

Консульства других европейских супердержав, таких как Англия и Франция, занимали в рассматриваемый период в Старой Сербии нейтральную и наблюдательную позицию, оказывая тем самым до некоторой степени сдерживающее влияние на антисербское расположение местных албанцев²⁰⁵.

В отличие от Англии и Франции, Италия и, в особенности, Австро-Венгрия имели свои интересы в западной части европейских владений Турции²⁰⁶. Например, по мнению русского посла в Белграде Н.Гартвига, выраженному им в 1911 г. в донесении в МИД, с 1896 г. «...в политических планах венского кабинета красною нитью выступала тревожная забота об Албании»²⁰⁷. Именно Италия и Австро-Венгрия владели значительной частью побережья Адриатики и стремились получить контроль над морским побережьем Албании для превращения Адриатики в свое внутреннее море. Австро-Венгрия, к тому же, надеялась с помощью албанцев выйти к Салоникам и разделить Сербию и Черногорию мусульманской полосой, чтобы уменьшить возможность объединения южнославянских народов. Политики Австро-Венгрии пытались увеличить свои шансы, заигрывая с албанскими католиками. Впрочем, они не забывали и мусульман, пытаясь склонить их на свою сторону лестью и подкупом. И уж совсем популярным их методом была поддержка албанцев против соседнего неалбанского населения, в частности, сербского²⁰⁸. Австро-Венгрия, делая ставку на албанцев (католиков и мусульман), старалась их подкупить и покрывала нападения на сербов, по словам австро-венгерского посла графа Каличе, «...дабы не оттолкнуть их от себя и не побудить их искать сближения с Италией»²⁰⁹. Италия имела большее влияние в Южной Албании и на побережье,

тогда как Австро-Венгрия занимала серьезные позиции в материковой части, т.е. Старой Сербии и Македонии, имевших значительное албанское население²¹⁰.

По мнению авторитетного сербского ученого В.Стоянчевича, австро-сербское противостояние, и, соответственно, переориентация Сербии на Россию и Францию стали характерными для сербской внешней политики еще конца 90-ых годов XIX века. Во многом эта трансформация была вызвана именно соперничеством в Старой Сербии. Дело не ограничивалось поддержкой албанцев²¹¹. Австро-Венгрия не только пыталась помешать избранию сербского митрополита в Скопье²¹², но и напрямую заигрывала с болгарскими экзархистами, раздавая им через свое консульство в Скопье деньги и оружие²¹³. Наконец, после кризиса 1903 года Австро-Венгрия показала свои истинные интересы, заключив с Турцией договор о своем исключительном праве на концессии в Косовском и Салоникском вилайете. В обмен на эту важную уступку Турции было предложено подписать с Австро-Венгрией при поддержке Германии договор о военном сотрудничестве и гарантии целостности Османской империи²¹⁴.

С 1896 года, когда Турция начала проводить реформы, к которым ее обязал Берлинский мирный договор, европейские государства живо поддерживали эти нововведения вплоть до 1912 г. После 1903 года в Македонии появилась новая реформированная жандармерия, под руководством офицеров европейских держав²¹⁵. Согласно первому проекту этой жандармерии, появившемуся в начале 1904 года, русские офицеры должны были получить назначения в районы Печи, Призрена, Приштины и Нового Пазара. Однако Австро-Венгрия не могла позволить такого опасного проникновения России в глубь своей зоны интересов и не согласилась с этим планом. Россия, в свою очередь, по выражению министра иностранных дел России графа Ламздорфа, «не желала искушать чувствительность Сербии и не могла согласиться с участием офицеров Австро-Венгрии в формировании жандармерии в центральной части Косовского вилайета»²¹⁶. В феврале 1904 года Россия и Сербия согласились, что: «...реформа жандармерии, предусмотренная пунктом II мюрцштегского соглашения, не должна распространяться на санджаки Плевля (Таслидже) и Сеница (Новый Базар), ни на западные части вилайетов Косова и Битола, где албанское население в большинстве, причем в отношении этих, последних частей, в особенности санджаков Дебарского и Призренского в целом, а равно и юго-западной части Ипекского Санджака, введение намеченных реформ откладывается на будущее время»²¹⁷. В Косовский вилайет были посланы турецкие офицеры, что практически исключило этот край из задуманных Европой реформ.

Показательно, что когда МИД Сербии обратился к Англии, Австро-Венгрии, Италии, Франции и России, то лишь Россия выразила интерес к тому, чтобы Косовский вилайет был полностью включен в программу реформ, т.е. чтобы его православное население получило хоть какую-то защиту²¹⁸. Особенно понятной была позиция Австро-Венгрии, недаром было отмечено, что албанцы-мусульмане

«...ожидают с удовольствием прибытия австро-венгерского консула ... [и - А.Т.] считают его своим покровителем»²¹⁹. В то же время «призренский католический епископ албанец, поддерживаемый местным австро-венгерским консулом, увещевает с кафедры албанцев не принимать реформ»²²⁰.

Сильным ударом по сербским интересам в Старой Сербии стало ослабление русского внимания к Балканам в результате русско-японской войны и событий 1905 г²²¹. В 1904 г. давление на сербское население со стороны албанцев, т.е. убийства сербов и разграбление их имущества значительно усилилось²²². В то же время Австро-Венгрия активизировала свою деятельность в Косовском вилайете, вела «переговоры с албанскими вождями и в случае войны с Сербией обещала им оружие и деньги на содержание тридцатитысячного войска, а в то же время и автономию страны»²²³. В дальнейшем эта закулисная работа Австро-Венгрии дала себя знать в ходе событий 1912-1913 гг.

Логическим следствием развития международных отношений на Балканах стали события I и II Балканских войн. Формирование под опекой России и вопреки стараниям Австро-Венгрии сербско-болгарского союза, ставшего фактически основной ударной силой балканских союзников, явилось ключевым фактором в событиях, выходящих за хронологические рамки настоящего исследования. Стоит лишь отметить, что сам процесс этого формирования, как и предшествовавший ему непростой процесс сближения Болгарии и Сербии, развивался, так сказать, параллельно с событиями, происходившими в Старой Сербии. Руководители сербской акции в Старой Сербии не почувствовали никаких изменений во взаимоотношениях с Болгарией вплоть до 1912 г²²⁴.

§3. Сербо-албанские взаимоотношения в 1878-1912 гг.

Первые контакты сербского и албанского народов относятся ко временам седой древности²²⁵. История этих народов знает и кровавые столкновения, и совместные союзы. Однако лишь в конце XIX века, после Сан-Стефано и Берлина, с образованием независимого сербского национального государства в границах, близких на южном направлении к этническому, а также с началом кристаллизации албанской нации, территориальные интересы двух народов вошли в противоречие.

До 1878 года практически все территории, присоединяемые к Сербии, были бесспорно сербскими в этническом отношении²²⁶. После 1878 года все направления расширения Сербии проходили по территориям со смешанным населением, где сербы не были в абсолютном большинстве. В единственно возможном в то время южном направлении сербские национальные интересы в наибольшей степени конкурировали с болгарскими и албанскими. Кроме того, по результатам войны 1878 года в состав Сербии вошли территории с компактным несербским населением. Албанские поселения образовывали компактные районы в Яблоневецком и Топлицком среззах, а отдельные вкрапления албанского этноса доходили до Лесковца и даже до Ниша²²⁷. Таким образом, сербское государство

столкнулось с двойной проблемой: решение албанского вопроса внутри страны и в приграничных территориях.

* * * * *

Ситуация отягощалась еще и тем, что в 1878 году в городе Призрене в Метохии произошла консолидация различных течений внутри албанского общества в рамках организации, которая стала потом известна под именем Албанской или, по месту основания, - Призренской Лиги. Непосредственной причиной оживления албанского национального духа стал все тот же Балканский кризис 70-ых годов XIX века. В ходе наступления сербской армии многие албанцы покинули враньский, прокупацкий и пусторецкий срезы. Сербские и черногорские войска глубоко вторглись в пределы, населенные смешанным албанским и сербским населением. Беженцы уходили все дальше, расселившись по вучитрнской, гнилянкой и прешевской казе, доходя даже до Призрена. Согласно Сан-Стефанскому мирному договору, граница в южном направлении должна была идти от реки Дрины до истоков реки Дежевы, оттуда до реки Рашка и по ее течению до Нового Пазара, а затем через гору Божур по долине реки Ибар, и в конце концов реками Ситницей и Лабом доходить до горы Грапашницы и далее идти к Мораве, восточная же граница Черногории должна была от Лима и Приеполья через Рожай и Суву-планину, охватывая Ругово, Гусинье и Плав, выйти к вершинам горы Проклетье, а оттуда через гору Бискашик выйти к Скадарскому озеру и по течению реки Бояны выйти к морю²²⁸. На всех этих сербских (черногорских) территориях проживало некоторое количество албанского населения, чья привычка к вольному обращению с имуществом и жизнями немусульман столкнулась после заключения Сан-Стефанского договора с неожиданно возникшими жесткими преградами²²⁹.

В апреле 1878 года в районе Косова и Метохии албанское общество находилось в состоянии крайнего возбуждения²³⁰. В начале мая албанцы из Печи направили албанцам Призрена призыв объединиться с ними и с албанцами из Джаковицы и Дебара, чтобы защитить свои земли от вторжения Сербии и Черногории. На съезде в Призрене, организованном 17 мая в мечети Байракли было принято решение примкнуть к движению, если согласятся другие общины. 22 мая схожее решение приняли албанцы из Джаковицы. В результате предварительной координационной работы 10 июня 1878 года в Призрене состоялось первое заседание представителей албанского народа, в том числе, из славяно-албанских контактных территорий: Плевалья, Съеницы, Нового Пазара, Митровицы, Приштины, Вучитрна, Охрида, Скопья, Гниляна, Битоля, Верхнего Дебара, Нижнего Дебара, Дебарской Реки, Мата, Люмы, Джаковицы, Печи, Призрена, Скадара, Подгорицы. В работе съезда участвовало, по разным оценкам, от 100 до 300 делегатов. По результатам съезда было вынесено решение, закрепленное в письменном виде, о том, что основной целью лиги будет защита земель с албанским населением от захвата их Сербией и Черногорией²³¹. Существуют различные точки зрения на то, какие силы стояли

за Лигой, причем среди наиболее возможных указывают и заинтересованные круги албанского общества, и Турцию, и Австро-Венгрию. Подробное освещение истории этой организации не является целью нашей работы, поэтому мы ограничимся нейтральным предположением, поддерживаемым и крупнейшими сербскими специалистами Михаилом Воеводичем и Джорджие Борозаном, о том, что на организацию и ее деятельность влияли многие факторы.

Ярко иллюстрирует сложившуюся ситуацию замечание русского вице-консула из Битоля Скрябина, писавшего об озлоблении, возникшем у местного мусульманского населения по поводу стремления вали провести дорогу по вилайету. «Недовольство на вали в особенности возбуждено в населении албанском. Кроме лени и экономических причин, последние недовольны, главным образом, тем, что с проведением дорог раскроются двери в его, до сего мало доступное обиталище и что... самовольство его должно значительно ослабнуть.»²³²

Подробные и регулярные дислокации турецких войск, посылавшиеся русским военным агентом в Стамбуле полковником Генерального штаба Филипповым в ВУК ГШ, позволяют определить истинное отношение Порты с албанцами. Так, за все время существования и действия Призренской лиги центральное турецкое правительство не концентрировало в районах Северной Албании, Македонии и Старой Сербии крупных сил, направленных против внутренних врагов. Документы за 1881 год вообще не содержат никаких упоминаний о борьбе против албанских повстанцев, хотя в материалах начала 80-ых годов можно найти сведения о подавлении арабских и курдских повстанцев. Если же в эти районы и перемещались незначительные военные подразделения, то они размещались вдоль границ и были направлены против Сербии, Черногории, Восточной Румелии и Болгарии. Как писал Филиппов, «... Порты, напуганная так называемым панславистским движением, распорядилась усилением войск в Македонии и Албании.»²³³ Более того, для подавления беспокойств арабов, курдов и армян, войска снимались, в том числе, и из Косовского вилайета²³⁴. Интересны также в этом аспекте сведения, предоставлявшиеся в ВУК ГШ, русскими вице-консулами из Битоля, Янины и Скутари, описывавшие стабильность (по местным понятиям) ситуации в регионе и успешный ход протекавшего призыва в регулярные соединения и в ополчение²³⁵. Результативность призыва является хорошим индикатором лояльности населения и способности властей контролировать ситуацию. Учитывая объективную слабость государственной машины в отдаленных и горных районах, населенных албанцами, успешность призыва показывает сохраненную албанцами верность османскому государству. Особенно интересно замечание, которым дополняет свое донесение русский вице-консул из Битоли Скрябин, который, описав полный успех призыва, упоминает и такую инициативу «мятежных» албанцев: «Предложение албанцев-дебранцев составить банды башибузуков повторилось еще раз, но и на этот раз Турецкое Правительство уклонилось от его принятия. Таковое усердие албанцев-дебранцев объясняется единственно их сильным желанием поживиться насчет мирного населения

под благовидным предлогом. Было бы крайне желательно, чтобы В.[ысокая] Порты уклонялась бы от их предложений до конца, так как кроме грабежей и жестокостей вне сферы военных действий, албанцы-дебранцы другой пользы не принесут.»²³⁶

На основе этих материалов можно сделать предположение о том, что албанское «освободительное» движение было во многом зависимо от Порты.

Действительно, вначале организация была проникнута происламским и проотоманским духом²³⁷. Туркам играл на руку и фанатизм албанцев, и их нелюбовь к православным славянским народам. Турецкие власти не предпринимали никаких попыток помешать организации собрания албанцев. Вместо какого-либо аналога «сечи кнезов», местные власти даже поддерживали эту идею, предоставляя им помещения для некоторых видов деятельности²³⁸.

Свой интерес в существовании Албанской лиги имели, вероятно, и иностранные державы Запада, враждебно настроенные к растущим православным славянским государствам. Так, конфиденциальные донесения из Старой Сербии свидетельствуют, что Австро-Венгрия активно участвовала в событиях вокруг албанского съезда. Учитывая существенное значение вероисповедания в этом регионе для национального самоопределения, надо признать крайне важной роль австрийских переговоров с албанцами-католиками накануне и во время собрания в Призрене. В своих владениях Австро-Венгрия вбивала клинья между людьми, говорившими на одном языке, и откалывала католиков от православных, противопоставляя и тем, и другим мусульман. Здесь была использована другая тактика. Стремясь не допустить усиления Сербии, габсбургская монархия изо всех сил пыталась воздействовать на албанцев-католиков, желая заставить их примкнуть к мусульманам, видя в этом как создание щита против славянской экспансии, так и внедрение своих агентов влияния в важном политическом образовании²³⁹. Интересно, что даже Англия «поучаствовала» в активизации албанского самосознания после 1878 года²⁴⁰. Английские представители в Стамбуле и в Сараево встретились с видными албанскими лидерами и провели с ними закрытые переговоры весной 1878 года. Неизвестен круг вопросов и соглашений этих встреч, но 22 мая на съезде албанских лидеров в Пече один из участников переговоров Мула Зека, обладавший солидным весом в обществе, заявил, что он имеет доверенность от англичан, и что албанцы получают деньги и вооружение в случае, если возьмутся за оружие. Интересно, что и тогдашний посол Австро-Венгрии в Белграде признавал, что албанское возмущение было поддержано и отчасти инициировано Англией, когда русские войска подошли к Стамбулу, и стали возможными боевые действия между Россией и Великобританией, собиравшейся выступить в поддержку ослабевшей Турции²⁴¹. Тем не менее, сама Призренская лига была не только итогом воздействия разнородных внешних факторов. Скорее, албанские устремления к сохранению своих привилегий и территориального единства стали фундаментом объединения албанского народа, укрепленного усилиями извне.

На Берлинском конгрессе ни Австро-Венгрия, ни Великобритания не поддержали албанские требования, несмотря на то, что их представители получили прошения от албанцев (в основном, католиков)²⁴².

Деятельность и устремления Албанской лиги с этого времени стали входить в противоречия с решениями международной конференции. Она сопротивлялась изменению границ Турции с Черногорией, Сербией и Грецией, постоянно засылая в эти сопредельные страны своих боевиков. Иногда на границе с Сербией эти столкновения по своему характеру становились близки не к бандитским вылазкам, а к настоящей войне. Так, 18 апреля 1879 года вооруженные албанцы перешли границу с Сербией в районе Преполаци и захватили город Куршумлия, причем, это нападение было настолько агрессивным, что сербские войска, стоявшие в городе, были вынуждены отступить в ожидании подкрепления, с которым они вскоре и вернулись, выбив из города захватчиков. Албанцы сопротивлялись даже турецким властям, посылая своих эмиссаров для определения новых границ, закрепленных Берлинским трактатом. Многочисленные протесты и ноты сербского правительства не дали никакого ощутимого эффекта, так как турки уже плохо контролировали некогда поддерживаемую ими албанскую организацию. Так, пытавшийся вести мирные переговоры с албанцами Мехмед Али, турецкий генерал и член делегации Порты в Берлине, был убит 6 сентября 1878 года в Джаковице²⁴³.

Впрочем, Турция не очень стремилась навести порядок в приграничных районах, подкупала албанских вождей²⁴⁴ и стремилась использовать албанский экстремизм для срыва решений Берлинского конгресса (что она и сделала, например, по вопросу о Плаве и Гусинье). Важным фактором в развитии Албанской лиги стал протест против передачи Черногории Хота и Груда, населенных албанцами-католиками. Примкнув к Албанской лиге, где до этого, в основном, доминировали мусульмане, эти албанцы-католики придали организации новый - политический, а не чисто религиозный - характер.

На собрании в Дебаре, состоявшемся в конце ноября 1880 года, албанцы приняли меморандум, отразивший превращение Лиги из опоры целостности Порты в оплот албанской автономии и, в перспективе, сепаратизма. Предполагалось создать новый Албанский вилайет, пока в рамках Турецкой империи, который должен был включить Скадарский, Косовский, Битольский и Янинский вилайеты. Хотя албанское население всех конфессий в этих четырех вилайетах не достигало и 50%, это было, в принципе, логичное развитие албанского этноса в сторону создания албанской нации и государства.

Но именно это-то развитие и не удовлетворяло дряхлеющую Порту²⁴⁵. В марте 1881 года терпение турецких властей иссякло. Действия Турции были жесткими. Тем не менее желая подавить саму идею автономии, Порты вовсе не стремилась полностью уничтожить очаги албанской анархии. Была разогнана организация Лиги в Скопье, а ее члены были арестованы, после этого та же судьба постигла организации в Велесе, Штипе и Куманово. Потом генерал Дервиш-паша ввел войска в Приштину,

Призрен, Джаковицу и Дебар, сталкиваясь повсюду с сопротивлением, которое сразу подавлялось. В результате этих операций свыше 4 тысяч албанцев были арестованы и изгнаны²⁴⁶; однако, по мере надобности, турецкие власти освобождали некоторых албанцев, постоянно поддерживая в крае положение нестабильности, но не давая при этом возродиться движению за автономию.

Мы детально рассмотрели албанские беспорядки начала 80-ых годов XIX века, но типологически похожие события происходили в Старой Сербии и в конце 90-ых годов XIX века, в 1901, 1910 годах и, наконец, верхом албанских беспорядков стали выступления албанцев в 1912 г. Недовольство реформами младотурок выражало большинство среднего и низшего классов мусульманского общества. Уравнение в правах с «неверными», рост налогового гнета и непонятные «европейские» (т.е. нечистые, «гяурские») учреждения вызывали негативную реакцию. Чего стоило хотя бы «приветствие от лица младотурецкого кабинета», с которым обратились новые власти Косовского вилайета к руководителям сербского четнического комитета, каждый из которых получил от младотурок богатые подарки²⁴⁷. В своих воспоминаниях В.Трбич писал, что 99% мусульманского населения в Европейской Турции было против младотурок²⁴⁸. Неудачная попытка Абдул-Хамида весной 1909 вернуться на престол и лишить власти младотурков была кроваво подавлена последними с помощью отдельных преданных армейских частей и христианских добровольцев, вчерашних четников²⁴⁹.

Понятно, что подобная политика в особенности возмущала албанское население Старой Сербии. Австро-Венгрия умело подогривала в них сепаратистские настроения, да и новое положение вещей вовсе не нравилось «анархическому албанскому обществу Косова и Метохии», которое вновь оживилось в 1911 году. Младотурки заставляли албанцев платить налоги наравне с христианами. Новая власть позволила некоторым представителям последних носить оружие, на исключительности права ношения которого и основывалась вся албанская доминация над сербским населением. Все это подрывало исконные привилегии албанского народа; в этих условиях рушилась лояльность к властям²⁵⁰.

Поэтому весной 1912 года албанцы под командованием Исы Болетинца и Хасана Приштины (Шишковича) начали восстание. Они захватили Косовскую Митровицу, Печ, Джаковицу, Ораховац, Призрен, Суву Реку, Приштину, Лаб, Урошевац и Качаник. Вскоре албанцам сдалась и столица вилайета - Скопье. Албанские отряды захватили Тетово и выдвинулись к Велесу. Их целью был выход к Салоникам и возвращение Турции в старое политическое русло. Восставшие были непобедимы, т.к. армия не желала с ними сражаться, местное мусульманское население считало пришедших освободителями, а репрессии против православного (сербского) населения полностью сокращали волю к сопротивлению²⁵¹.

Османским властям пришлось вновь прибегнуть к излюбленной турецкой методе по отношению к албанцам и, широко открыв сундуки с золотом, они купили албанских вождей, без которых

восстание захлебнулось²⁵². Это восстание стало последним албанским восстанием в Старой Сербии в рамках Турецкой империи.

* * * * *

Таким образом, Сербия столкнулась с серьезной албанской проблемой, ставшей важным фактором в деле достижения геополитической стабильности Балканского полуострова. В 1878 году Сербия встала перед выбором, как должно выглядеть новое государство: станет ли оно этнически монолитным или будет состоять из представителей различных народов, объединенных лишь гражданством. Попытки расширения территории страны во всех направлениях любыми методами (экстенсивный экспансионизм) оправдывали полиэтничный характер государства. Стремление к стабилизации государства и повышению общего культурного, правового и материального уровня его граждан вынуждали ответственно подходить к расширению этнического состава Сербии. И первый, и второй путь имели свои плюсы и минусы, требовали конкретных программ, координированных мер и определенных финансовых затрат, а самое главное - последовательности. Однако, сербское государство не пошло ни по первому, ни по второму пути. Сербия не сформулировала никакой конкретной программы и предпринимала разрозненные и противоречивые шаги, пытаясь совместить первый и второй пути.

Этническая политика во вновь присоединенных территориях проводилась непоследовательно. Когда в 1878 году после падения Вранье, Куршумлии и Гилана турецкие войска отступили к Куманову, Скопью, Приштине и Новому Пазару, албанское население, по большей части, осталось в своих селах. Из этих территорий самостоятельно выселилось незначительное количество албанцев (около 15%)²⁵³. В основном, это выселение было вызвано личными причинами или столкновениями с сербским населением, которое теперь, при новых властях, имело возможность свести старые счета со своими обидчиками. Более того, отмечались попытки албанцев увеличить свои неформальные контакты с местным сербским населением: албанцы заключали с сербами клятвенные союзы (алб.«беса»), просили их становиться кумовьями своих детей (алб.«кумбарство»)²⁵⁴. Однако их соплеменники, оставшиеся на Турецкой территории, вовсе не стремились к примирению с Сербией и сербами: кроме массовой волны террора против мирного славянского православного населения Косовского вилайета, они и их центральная организация Призренская лига развернули настоящую войну против Сербии и Черногории²⁵⁵.

После освобождения Южной Сербии 13 июля 1879 года указом министра юстиции Сербии было разрешено переоформлять право недвижимости мусульман с турецких документов на сербские только в том случае, если за владельцами собственности не имелось каких-либо «долгов» за преступления (кража, убийство и.д.) против сербского населения. В случае наличия такого иска оформление

документов откладывалось до разрешения иска. Эта практика помогла выявить и наказать многих погромщиков и была отменена лишь 10 июля 1882 года²⁵⁶. Такое положение намеренно затрудняло мусульманам (т.е., в основном, албанцам) урегулирование имущественных отношений.

Можно назвать различные причины перехода Сербии к политике изгнания албанцев из новоприосоединенных сербских территорий. Некоторые сербские деятели видели в этом подстрекательство Австро-Венгрии, стремившейся поссорить сербов и албанцев, затруднив этим дальнейшее продвижение Сербии на юг²⁵⁷. Хаджи-Васильевич считал, что это - результат воздействия окружения короля Милана, ставившего ему в пример оптимальное развитие государства короля Милутина, которое, по мнению тогдашних сербских историков, было этнически чистым. Основывавший свою работу на материалах Архива Генерального штаба Сербии, Министерства иностранных дел Сербии и личных рассказах и воспоминаниях участников событий, Хаджи-Васильевич указал на следующие причины, подтолкнувшие Сербское правительство к политике насильственной гомогенизации населения²⁵⁸: «...создать из Сербии чисто сербское, национальное государство; чтобы, как это ощущал и великий поэт сербский, очистить землю от нехристей; чтобы парализовать шаги Порты, которые она предпринимала и на самом Берлинском конгрессе, стремясь вернуть себе все территории, населенные албанцами; чтобы обеспечить и укрепить предпосылки для дальнейших действий Сербии в направлении Косовских территорий и Старой Сербии..., и чтобы обеспечить мир и порядок в этих краях». В высших кругах Сербии бытовало мнение о том, что «Сербии не нужен свой Кавказ», а премьер-министр Сербии Йован Ристич имел серьезные причины опасаться того, что порядок в этих краях Сербии будет установить крайне трудно²⁵⁹.

На основании всех этих соображений в Сербии был издан приказ местным властям, в котором, в частности, говорилось: «... чем меньше их [албанцев и турок] у нас останется, тем больше будет усюга, которую вы окажете своей родине...», а также «... чем больше албанцев выселится, тем больше будет ваша заслуга перед родиной.»²⁶⁰ Были выселены практически все албанцы, остались лишь вкрапления поселений в районе Яблоневецкого среза и во Враньском округе.

Сам процесс выселения вызывал неоднозначную оценку в сербском обществе. Против выселения албанцев высказывался комендант Шумадийского корпуса Йован Белимаркович, а также некоторые другие офицеры. Белимарковича заставили уйти в шестимесячный отпуск, а албанцам, несмотря на предшествующие мирные обещания сербского правительства, было предложено покинуть страну под предлогом того, что их «зовет к себе султан»²⁶¹. Албанцы в Яблоневецком округе сохранились только благодаря тому, что их делегация посетила князя Милана еще до Берлинского конгресса, произвела на него большое впечатление и взяла на себя обязанности по охране сербской границы, которые с успехом и исполняла, даже лучше, чем «...батальон регулярной армии...»²⁶². Интересно, что в тех краях до сих пор стоит мечеть, построенная по указанию короля Милана в качестве награды

яблоневицким албанцам за верную службу²⁶³. Это сотрудничество и далее способствовало лояльному отношению к албанцам со стороны многих сербских офицеров.

В книге В.Николич-Стоянчевич есть приложение из документов, касающихся политики сербских властей во вновь присоединенных округах. Эти документы помогают восстановить картину выселения албанцев. Представитель правительства в Прокупле Максимович так описывал свою работу в новоприсоединенном крае, имевшем смешанное албанское и сербское население. «Первым моим заданием было разоружение нескольких албанских жителей, которые еще остались у своих очагов после входа нашей армии, чтобы нашей армии обезопасить тыл от неприятеля.»²⁶⁴ Это задание Максимович успешно выполнил, опираясь на помощь командира Ибарской дивизии, подполковника Стевы Бенички. Разоружив албанское население, Максимович все-таки не был уверен в том, что этим проблемы с албанцами закончились: «Мусульмане албанского племени непокорны нашим законам, хотя сейчас они услужливы и спокойны, но, кажется, что к послушности их принуждает только зимнее время, а когда наступит весна и леса зазеленеют, опять нельзя будет иметь в них уверенности, так как их дикий и грубый нрав, в сочетании с фанатизмом, в котором они закоснели, и клановыми обычаями, не оставят никакой уверенности, что они будут спокойными и хорошими подданными такой управляемой законом страны, как наша, в которой убийство, грабеж и разбой ради собственного удовольствия не могут разрешаться, а отучить их от этого нельзя, в первую очередь, потому, что им способствуют гористость местности и редкость поселений»²⁶⁵.

Албанцы, которые, протестуя против изгнаний и разоружений, были вынуждены бежать со своими семьями в горы или за пределы новоосвобожденных краев, не только переходили к боевым действиям, но и обращались к сербским властям со слезными прошениями. Так, 13 декабря 1877 года к Максимовичу прибыл Сали Рака, староста из села Велика Плана в прокупацком срезе, и обратился к нему со следующей речью: «В моем селе есть более ста албанских домов. При вступлении сербской армии в эту округу все наше село бежало в укрытия, никто из нас с оружием не выступал против армии. Сейчас, при такой холодной погоде, наши семьи страдают от холода в горах и хотят спуститься, и поэтому, придя к сербским властям, я прошу, чтобы ни одну семью, которая из убежища вернется к своему очагу не останавливать, а я за всех тех, которые моего совета послушаются и со мной вместе покорятся сербским властям, ручаюсь моей жизнью и имуществом. Все те, кто послушаются моего совета и вернутся в село, передадут свое оружие властям и покорятся всем их приказам. Только от имени всех, кто послушает мой совет, я прошу сербские власти, чтобы они защитили нас от грабежей и обеспечили нам неприкосновенность личности и имущества, и чтобы не задевали нашу веру и обычаи, а все гражданские обязанности, которые нашим законам и обычаям не противоречат, будем выполнять как граждане».²⁶⁶ Это предложение было добросовестно передано Максимовичем в Белград, где оно и попало ...в архив Министерства просвещения.

На опустевшие в результате массового исхода земли предлагалось заселять сербов-беженцев с другой стороны границы; как гласила одна из официальных инструкций: «Пытайтесь сделать так, чтобы сербы с той стороны будущих сербских границ переселялись к нам, и, как только кто-нибудь из них придет, ему должны уступить занятую [*соседями-сербами после исхода албанцев – А.Т.*] землю.»²⁶⁷ В результате этой тактики происходила усиленная десербизация Старой Сербии, под двойным стимулом кнута (роль которого играли обиженные албанцы-изгнанники) и пряника (в виде ожидаемых земельных владений в стабильных условиях дружественного государства). Интересным свидетельством происходивших в новоосвобожденных краях процессов были письма сельских священников из тех краев. Описывая свое положение в просьбе на имя короля Милана, сельский священник из прокупльского района писал, что: «живет в краю, который опустел, когда храбрая армия Вашего Величества выгнала диких врагов сербского народа - албанцев. Я живу на горе Пасьяк..., в краю, который после освобождения был заселен жителями из различных областей Вашей страны, как и из других земель...»²⁶⁸

Многочисленные волны переселений отзывались эхом в международных дипломатических кругах. Порта выдвигала требования вернуть албанских беженцев на прежнее место. Встречая противодействие сербского правительства, Турция использовала этот аргумент для оправдания нападений албанцев на территорию Сербии (в частности, крупной вылазки в Куршумлию) и общей нестабильности в пограничных с Сербией краях. Кроме Порты на Сербию оказывали давление Великобритания и Россия, стремившиеся, по разным причинам, добиться возвращения албанских беженцев. Рекомендации русского посла, высказанные им послу Сербии в Стамбуле, отражали сложную позицию России: «Разрешите им вернуться в свои владения, а потом вы все равно от них избавитесь. В Болгарии туркам даны все права, которыми пользуются болгары, но они все равно не остаются. В противоположном случае вы будете раздражать Порту, и великие державы этот ваш шаг, запрещение туркам и албанцам вернуться, неверно бы истолковали.»²⁶⁹

Под влиянием всех этих обстоятельств правительство вновь отступило, и 4 августа 1879 года албанские старейшины были приглашены на переговоры с представителями сербских властей. Однако на сообщение о том, что им можно вернуться в свои пределы, албанцы отреагировали негативно, один из их лидеров Ахмет Зечир сказал: «Красиво это, и хорошо это, только так не будет. Вы, сербы, не имеете веры. И ваш король ее не имеет [*под верой он подразумевал «бесу» – умение держать клятву- А.Т.*]. Он нам послал прокламацию во время войны, чтобы мы его встретили и приняли его армию, и обещал нам, что нас, пока мы будем спокойными и честными людьми, оставят у своих очагов; и мы его послушали, приняли его армию и его властям покорялись, а нас после этого его же власти в плохую погоду выселили с нашими детьми за три дня, как худших злодеев и разбойников ...и сейчас ему поверить, нет уж! Если бы мы тогда не поверили его слову,»-сказал он, показывая

рукой на новоосвобожденные края, - «он бы так легко не вошел с армией в эту нашу Албанию [*в оригинале употреблено слово Арнаутлук-А.Т.*]»²⁷⁰

Изменив свое мнение об албанских жителях новоприсоединенных областей, сербское правительство столкнулось и с другой проблемой: местным жителям-сербам, накопившим много счетов к своим агрессивным мусульманским соседям и получившим в первые дни после освобождения *carte blanche* на сведения этих счетов, было непонятно новое изменение государственной политики. В донесениях, приходивших от местных начальников, мы часто сталкиваемся с упоминанием о расследованиях сербскими властями преступлений, совершенных против албанцев. Характерным можно считать донесение Атанасия Петровича, начальника топлицкого округа, Милану Гарашанину от 7 ноября 1882 года, о положении в яблоневецком срезе, где албанцы остались в качестве подданных Сербии. Характеризуя положение в срезе, он замечал, что»...в народе этого округа все хорошо, только отмечается то, что он – народ – очень сурового нрава, и что албанцам с удовольствием мстит за причиненное ранее под турецким правлением зло, так как большинство албанцев сюда заселены из Албании [*в оригинале употреблено слово Арнаутлук – А.Т.*]»²⁷¹ В другом донесении того же Петровича Гарашанину от 15 ноября 1882 года встречаем косвенное упоминание об обратной реакции правительства на подобные «несознательные» антиалбанские настроения населения. Начальник округа был вынужден покинуть центральный город округа, несмотря на напряженную ситуацию, не связанную с сербо-албанскими отношениями, и, руководствуясь указаниями правительства Сербии, выехать на расследование нескольких убийств албанских жителей, совершенных в приграничном городке Куршумлия²⁷². Расправы над албанцами совершались не только крестьянами. В один из таких «народных судов», окончившихся смертью еще одного «арнаутина» Йусуфа Реджеповича, был замешан и священник из Сурдулицы Риста Попович, который был за это арестован сербскими властями²⁷³.

* * * * *

Если относительно решения албанской проблемы внутри Сербии в сербских политических кругах существовали различные взгляды, то по вопросу об албанцах, живших в Старой Сербии, все сходилось на том, что с ними надо вести переговоры и попытаться привлечь их на свою сторону²⁷⁴.

Попытки этих переговоров особенно активизировались с 80-ых годов, не только в связи со стремлением защитить сербское население Старой Сербии, но и с целью обезопасить собственные границы, так как албанские набеги становились главной заботой сербских властей, начавших даже привыкать к постоянной нестабильности на границах²⁷⁵.

Переговорами с албанскими лидерами занимался лично премьер-министр Гарашанин, привлекая для этого начальника нишского округа Ристу Бадамовича, как это и указывалось в планах,

одобренных королем Миланом²⁷⁶. В апреле 1885 года Бадамовичу было послано письмо от Гарашанина, где последний просил его ускорить процесс переговоров с Албанскими лидерами²⁷⁷. Основную цель переговоров, которые настоятельно рекомендовалось держать в строжайшем секрете, Гарашанин видел в зондировании возможной почвы для соглашений и условий, на которых албанцы согласились бы пойти на бесу(клятву, договор), которую предполагалось заключить с уцелевшими членами Албанской лиги.²⁷⁸

Гарашанин лично встречался с одним из албанских лидеров Старой Сербии Муфтаром-агой. После состоявшихся переговоров последний возвратился в сопровождении сербского специального представителя в Турцию. Кроме устных заверений в доброжелательстве Муфтар-ага получил от Гарашанина и письмо, черновик которого сохранился в личных бумагах сербского премьер-министра²⁷⁹. В письменном обращении к албанскому населению Старой Сербии Гарашанин писал следующее: «Этим письмом я приветствую Вас и желаю хорошего здоровья и удачи всем Вам и Вашим домашним. Муфтар-ага скажет Вам все, что он от меня слышал, и скажет Вам и то, что мы, сербы, желаем с албанцами жить в мире и любви, чтобы друг на друга не нападать и чтобы мы находились в союзе, как приятели и добрые соседи. С нашей стороны будьте спокойны, мы на Вас не пойдём; ни помогать не будем тем, кто на Вас пойдёт. Но и Вы охраняйте сербских людей, сербские церкви и монастыри, сербские школы и училища, сербских монахов и попов от преступлений злых людей; хорошо ударьте по болгарам и их организациям, так как за ними стоит Россия [*в оригинале Москов – А.Т.*], которая не желает добра ни сербам, ни албанцам. Я Вас могу заверить, что австрийцы [*в оригинале Швабы, но подразумеваются, конечно, австрийцы – А.Т.*]... вскоре... выступят на Вас... [*неразборчиво, вероятно, - а Мы не нападём никогда – А.Т.*]. Пока достаточно, для первого знакомства, как мы знаем друг друга, а если Бог даст, то мы и лучше познакомимся, поговорим и лучше, и больше. Привет Вам всем.»²⁸⁰

Результаты своей поездки Гаспар Николич подробно изложил в донесении Бадамовичу, которое тот переслал Гарашанину²⁸¹. Описание этого путешествия прекрасно характеризует условия, в которых протекали переговоры, методы их ведения и нравы их участников. 3 октября 1885 года Бадамович вместе с Муфтаром-агой перешел через сербо-турецкую границу в Косовскую долину. Там их сразу же встретил друг Муфтар-Паши Омер, сообщивший о том, что в Старой Сербии уже известно об их приходе, что местными властями уже даже обещана награда за головы сербо-албанской делегации, и что он, Омер, послан выполнить задание по их ликвидации. Омер проводил переговорщиков до Митровицы, а затем вернулся домой, где и был арестован турецкими властями, прознавшими о невыполнении данного ему задания²⁸².

Четвертого октября в селе Мала Шала сербские представители встретились с албанским лидером Зелен-Агой и передали ему в подарок ружье. Зелен-ага тут же вручил этот подарок сыну, который решил на радостях отметить сербский подарок стрельбой. Шум открывшейся стрельбы

привлек внимание местных властей, которые сначала передали Зелен-аге требование явиться и дать объяснения, а потом прислали за ним несколько доблестных защитников правопорядка. Зелен-ага, на котором за прошлые заслуги в деле борьбы за свободу албанского народа уже висела угроза высылки, вынужден был долго объясняться с властями²⁸³.

Переговорщики поспешили покинуть долину Косова и перейти в Метохию. По пути они посетили места, где в 1389 году состоялась знаменитая битва. Там они побывали у гробницы султана Мурата. Трещина, прошедшая в недавние времена по надгробию султана, вселила в турок суеверный страх скорой потери Косова, а сербам дала надежду. В Джаковице переговорщики планировали посетить Сулейман-агу и Ахмет-бея, что заранее планировалось еще во время встреч с Гарашанином и Бадамовичем. Однако, прибыв в Джаковицу, переговорщики узнали, что нужные им люди еще не вышли из заключения. Поэтому переговорщики были вынуждены 9 октября выехать в Берише. Там они встретились с Али-Ибаром, влиятельным главой местного албанского клана. После того, как Николич передал ему письмо Гарашанина, албанец спросил сербского представителя, умеет ли тот читать и может ли прочесть ему это письмо. Но Николич читать не умел, и Али-Ибар после наступившего долгого молчания выразил мнение о том, что де «сейчас не время для действий, и что он не может поднять восстания, так как племена находятся в полном расстройстве.»²⁸⁴

Завершив этот раунд переговоров, договаривающиеся стороны отправились в Биелу к Али-Рате, а затем прибыли в Красничичи (это уже территория современной Албании). Начиная с этого времени, Николич перешел к переговорам с албанцами-католиками, но результативность переговоров была на том же уровне, что и ранее. От местных католических священников Николич выяснил, «что они все за Австрию и от нее получали и получают много денег», но и к Сербии, как союзнику Австрии, готовы отнестись с пониманием и даже принять участие в восстании²⁸⁵. Очевидно, что с албанцами-католиками найти общий язык было легче.

Оказавшись вблизи черногорской границы, Николич попытался войти в контакт с черногорскими оппозиционерами, но черногорцы хорошо охраняли границы, что делало невозможным даже передачу письма²⁸⁶. Тем не менее, Николич подробно выяснил, что главный сербский союзник - Австрия - оплачивает и организует отряды албанских боевиков, нападающих на Черногорию на всем протяжении ее новой границы. Параллельно со сбором этой информации Николич объяснял местным жителям, «...что у албанцев нет ни одного более естественного и настоящего друга, кроме Сербии, которая должна овладеть Старой Сербией, и что они в Сербии найдут искреннего защитника, который поможет и им обрести порядок и свободу»²⁸⁷. В Шалье Николич даже добился от местного албанского клана решения напасть по просьбе Сербии в необходимый момент на соседние племена, в случае, если они будут противостоять вхождению в Старую Сербию сербских войск.

На обратном пути Николич вновь заглянул в Джаковицу, где в то время полным ходом шли выборы старейшины нескольких албанских кланов. Этот демократический процесс шел деловито и без всяких помех потому, что последний официальный представитель турецких властей давно уже бежал в Скопье в поисках защиты от албанских подданных²⁸⁸. Впрочем, местных албанцев с трудом можно назвать подданными Турецкой империи, ведь не говоря о каких-либо финансовых сборах, даже на традиционно популярную военную службу во время последнего призыва от всей Джаковицы и окрестностей отправились лишь 30 цыган и 7 турок²⁸⁹. Комментируя отношение албанских племен, населявших Северную Албанию и Метохию, Николич, вернувшийся в Ниш и написавший там 30 октября отчет о своей экспедиции, замечал, что они и «...знать не хотят ничего о турецкой власти...»²⁹⁰

* * * * *

Оценивая миссию Николича в целом, можно с уверенностью отметить, что плохо подготовленная экспедиция в края албанской анархии была заранее обречена на провал. Сербия короля Милана не имела ни квалифицированных кадров для ведения переговоров (вспомним о не умеющем читать Николиче), ни желания тратить достаточные финансовые средства (на протяжении всей миссии Николич лишь один раз подарил одно ружье, а, в основном, раздавал лишь обещания). Подорван был и кредит доверия Сербии, чьи заверения о том, что она является лучшим другом албанцев прямо противоречили событиям, последовавшим за вступлением сербских войск в районы, населенные смешанным сербо-албанским населением.

В дальнейшем Сербия предприняла некоторые шаги по укреплению сербо-албанских отношений, которые, в основном, базировались на подарках различным представителям албанской элиты. Предпринимались и политические шаги. Например, в 1902-1904 году в Белграде выходила двуязычная газета «Албания», которая распространялась в Турции и была призвана «пропагандировать идею о сближении албанцев и сербов»²⁹¹. Газета (т.е. ее издатель) тоже требовала денег. А уж золота у Сербии было гораздо меньше, чем у Австро-Венгрии, поэтому последняя в любом случае имела больший вес в глазах албанского населения Старой Сербии.

Важной проблемой, стоявшей перед Сербией как на пути решения албанского вопроса, так и более общего вопроса присоединения Старой Сербии, была проблема политическая, то есть отсутствие стабильной политической воли и, как следствие, губительная непоследовательность предпринимаемых шагов. Сербский народ, развивавшийся в своеобразных условиях балканской демократии, даже создал особый термин для этой беды: «страничарење» (букв. «партийничанье»). В результате этого в самой Сербии смена кабинета часто означала не только смену министров, но даже мелких служащих в министерствах. Примером этого может послужить письмо М.Гарашанину,

премьер-министру Сербии, от М.Стоичевича, начальника враньского округа, в котором последний не советует привлекать к сербской акции в Старой Сербии двух старых и опытных деятелей, имевших несомненные таланты и заслуги в области пропаганды, на основании того, что «они хорошие и искренние приятели либеральной партии, поэтому, чтобы они не узнали, узнает их партия, или по крайней мере ее вожди, которые тогда и сами будут вмешиваться в эту деятельность»²⁹².

В 1898 году талантливый публицист и политический деятель Пера Тодорович получил официальное задание премьер-министра Сербии Владана Джорджевича ознакомиться с ситуацией, сложившейся в Старой Сербии, и, проанализировав результаты 20-летней работы правительства по этому вопросу, возглавить Пропагандистский отдел Министерства иностранных дел²⁹³. Хотя Тодорович по ряду причин и не занял предложенного ему места, он добросовестно изучил все обстоятельства дела и написал отчет о своем путешествии, который подал Владану Джорджевичу, в личных бумагах которого этот отчет и покоился с миром до недавнего времени.

Тодорович прекрасно обрисовал безвластие и анархию, царившую в официальных структурах Сербии и значительно затруднявшую деятельность по укреплению сербского влияния в Старой Сербии. Система постоянно менялась, менялись и люди на всех постах от референта до министра в связи с изменениями в партийном составе правительства. Нередко чиновники, садившиеся в новые кресла, просто не знали, о чем идет речь, не хотели об этом знать или просто не имели времени, в связи со скорой очередной перестановкой кадров, узнать хоть что-либо о проблемах Старой Сербии.

§4.Изменение сербской стратегии в Старой Сербии в начале XX века.

Обострение ситуации в Старой Сербии в связи с преследованиями, направленными против сербов в Ибарском Колашине, вновь привлекли внимание к проблемам сербского населения в Косовском вилайете. Преследования и жестокости, которым там подвергались сербы со стороны албанцев при полном попустительстве местных турецких властей, были подобны геноциду, творимому турецким правительством над армянами руками курдов²⁹⁴. Однако, если страдания армянского населения вызвали большой общественный резонанс, то проблемы Старой Сербии часто замалчивались, так как их активное освещение не было выгодно Австро-Венгрии и другим западноевропейским державам, боявшимся, что помощь тамошнему сербскому населению может способствовать крайне нежелательному для них усилению Сербии²⁹⁵. Даже газеты, выходившие в Сербии, не уделяли большого внимания проблемам Старой Сербии, а если и сообщали об ужасах, происходивших в анархичных условиях Косова и Метохии, «...то эти сообщения носили черты простой констатации факта, об этом писалось холодно и без той теплоты и соучастия, которые необходимы, чтобы вызвать сочувствие...»²⁹⁶ читателей.

Важно отметить в этом аспекте активизацию русского общественного мнения вокруг проблем Старой Сербии и Македонии. В Косовском вилайете в то время побывали русские ученые: Н.Кондаков, П.Милюков, П.Лавров. В 1901 году Старую Сербию посетили сотрудники газет «Россия» и «Новое время» Вожин, В.Святковский и А.Н.Амфитеатров²⁹⁷.

События в Ибарском Колашине, в очередной раз, показали, что действия правительства Сербии по защите и укреплению сербского населения в Старой Сербии были явно недостаточными. Появившиеся в начале века критические работы Светислава Симича²⁹⁸, который сам некоторое время был королевским консулом в Приштине, привлекли внимание общественности к результатам двадцатилетней работы МИД Сербии по поддержанию и укреплению сербского элемента в Старой Сербии.

Достижения сербской политики в Старой Сербии в ходе 20-летней активности были невелики. Со времени окончания сербо-турецких войн 1877-1878 годов до конца века Старую Сербию покинуло около 60 000 православных сербов, что составляло почти треть всего сербского населения этого края²⁹⁹. «Призренский и Печский санджаки почти опустели. Там с трудом еще сохраняются сербские оазисы, окруженные со всех сторон албанцами. В Косово [*имеется в виду Косово в узком смысле слова – территория Косова поля и прилегающие районы – А.Т.*] ситуация еще более-менее, а в Гилянской казе их количество сократилось вдвое и все уменьшается в результате постоянной эмиграции. От Рашки до Буяновца Сербия уже опоясана мощным поясом албанских сел»³⁰⁰. Симич, на практике ознакомившийся с положением дел в Старой Сербии, считал основными причинами сербских бед нежелание и неспособность турецких властей совладать с анархическим состоянием в крае, неурегулированность там правовых отношений и неэффективность дипломатических мер, предпринимавшихся сербским правительством. Важным просчетом Симич считал и ошибочную международную политику сербского правительства, которое выбирало друзей среди извечных врагов и толкало потенциальных и традиционных союзников в стан равнодушных или даже противников³⁰¹.

Кроме албанско-мусульманских погромных акций большой ущерб сербам Старой Сербии наносили террористические методы болгарских экзархистов. Хотя в отношениях между Сербией и Болгарией и намечались некоторые временные потепления, в самих районах столкновения интересов, т.е. в Старой Сербии и Македонии шла беспрестанная конкуренция. Болгары (под маской экзархата или «македонствующих») имели в своих руках грозное оружие в лице своих чет, и не опасаясь его применяли.

Вопрос о Старой Сербии, где сербский элемент стоял на грани полного уничтожения и вытеснения, стал одним из самых актуальных вопросов сербской внутренней политики. Если ранее он служил лишь маргинальным сюжетом в различных сербских внутриполитических программах, то теперь он был вынесен на заседание Королевского Сената. Заседание Сената, проведенное 10 ноября 1901 года, впервые целиком было посвящено вопросу о Старой Сербии. Прозвучавшие на нем

мнения стали отражением различных подходов к решению вопроса о Старой Сербии, который в то время затрагивал как проблему сербов в Турецкой империи, так и албанскую проблему³⁰².

Осенью 1901 года, вскоре после происшествий в Ибарском Колашине, сенаторы, взволнованные событиями в Старой Сербии, подали премьер-министру Сербии Михаилу Вуичу запрос с целью добиться от него отчета о том, «...что сделано для защиты сербских жителей в Старой Сербии, против которых албанцы не прекращают совершать насилия...».³⁰³ Показательно, что сенаторов волновали не только шаги, предпринятые правительством Сербии, но и их конкретные результаты.

Михаил Вуич, возглавлявший тогда правительство и стоявший на центристских позициях примирения радикальной партии и режима Обреновичей, долго говорил собравшимся о дипломатических шагах сербского правительства, начав еще с «Синей книги» и протестов 1898 года. Очередная нота Сербии вызвала новые увертки Порты. Вуич в очередной раз выразил официальную позицию Сербии (которой, судя по документам, она придерживалась на протяжении всех лет, прошедших со времен окончания сербо-турецких войн): упомянул о недавно прошедшем в Сербии процессе против людей, пытавшихся контрабандой поставить оружие турецким сербам³⁰⁴; опроверг все турецкие инсинуации по поводу существования хоть какого-либо действия сербских властей, нарушающего мирную и добрососедскую политику по отношению к Порте³⁰⁵. Вуич, в принципе, признал, что турки, как и обычно, проигнорировали обращение сербского правительства, и лишь русское вмешательство и непосредственный выезд на место событий консула Машкова смогли исправить положение³⁰⁶. Однако, разовое вмешательство русского консула не могло обеспечить постоянную безопасность в Косово и Метохии и гарантировать условия для возвращения туда беженцев³⁰⁷. Выразив благодарность русскому правительству, Вуич закончил свою речь словами надежды: «...общественное мнение Европы проявило интерес к этим событиям, а это, вместе с остальным, является добрым залогом лучшего будущего наших соплеменников в Турции.»

Хотя, как свидетельствует стенограмма заседания³⁰⁸, его речь и вызвала бурные аплодисменты, причина радости сербских сенаторов непонятна. Если абстрагироваться от цветистости речи премьера, можно сказать, что он, проанализировав всю программу деятельности сербского правительства, косвенно признался в ее полной несостоятельности. Туркофильская политика Сербии не вызвала ответной любви Порты или ее реальной помощи по сохранению жизни, чести и имущества сербов - подданных Турецкой империи. Реальную помощь удалось получить лишь от России, что помогло лишь временно стабилизировать положение, но не решить саму проблему. Надежды на общественное мнение Европы были крайне туманными, а «остальное», упомянутое в последней фразе Вуича, вообще трудно истолковать.

Выслушав речь премьер-министра, сенаторы высказали и собственное мнение по вопросу о Старой Сербии. Прозвучало два программных заявления, отразивших различные подходы к решению проблемы Старой Сербии.

Так, Чедомил Миятович, несколько раз стоявший во главе МИД на протяжении последних 20 лет и ответственный поэтому за судьбу 60 тысяч сербских изгнанников с Косова, выразился весьма осторожно³⁰⁹. Он признал, что сербское население в Старой Сербии находится практически без защиты и подвергается различным преследованиям³¹⁰. Основываясь на собственном опыте, он подтвердил и то, что дипломатические ноты Сербии и даже иногда посылаемые в край султанские комиссии не приносят должного результата³¹¹. Однако, отвечая на вопрос о том, что же в сложившейся ситуации следует делать, он выразил уверенность, что Сербия должна «...и далее давать Султану и Турции доказательства умеренности, терпеливости и миролюбия...»³¹² По его мнению, можно было ожидать того, что «Султан употребит свое неизмеримо большое влияние на албанских лидеров и убедит их, и прикажет им пытаться всеми силами удерживать албанцев в рамках закона и порядка».³¹³ Далее он предложил сербскому правительству попробовать добиться соглашения с албанскими лидерами. Он категорически отверг все возможности подкупа как недейственные и недостойные! Вместо этого он предлагал апеллировать к пробудившемуся национальному чувству албанцев, учитывая то, что их национальные интересы якобы полностью совпадают с сербскими, а добрые взаимоотношения были, по абсолютно непонятным ему, Миятовичу, причинам, нарушены бессмысленным и бесчеловечным выселением из районов, присоединенных к Сербии в 1878 году³¹⁴. Кроме того, он предостерег сербский народ от надежд на Россию и предложил ориентироваться на ровные и дружеские отношения со всеми великими державами³¹⁵. Особый интерес заслуживает его предложение ориентироваться на союз всех балканских народов без исключения, в том числе турок и албанцев³¹⁶.

После ряда несущественных и отрывочных высказываний некоторых сенаторов, выяснявших для себя позицию премьера и Миятовича, речь взял Глиша Гершич. Он имел значительный опыт государственной работы, успев побывать во главе министерства юстиции. Гершич занимал видное место в радикальной партии и в своих воззрениях был полной противоположностью Миятовича. Сделав несколько традиционных реверансов в адрес многоуважаемого коллеги, Гершич выступил с критикой и уточнениями основных положений речи Миятовича³¹⁷.

Во-первых, он усомнился в возможности Султана влиять на положение в Старой Сербии и в действительности его апелляций к голосу разума албанских лидеров. Во-вторых, если бы такое и было возможно, то, как совершенно логично заметил Гершич, что же мешало Султану и его правительству уже сделать это на протяжении прошедших 20 лет. Кроме того, как совершенно странную и неуместную щепетильность он расценил заявление Миятовича о гнусности тактики подкупа албанских лидеров. Что-же касается самого предложения Миятовича подождать еще немного и продолжить в том же

духе политику, проводимую на протяжении последних 20 лет, то тут сенатор-радикал сказал прямо, что сербы «...в Турецкой империи не могут долго ждать...», и что им «...нужна быстрая помощь...»³¹⁸

Гершич выразил согласие с политикой правительства по постоянному давлению на Порту резкими нотами протеста против притеснений сербов в Старой Сербии. Однако, тактику поддержания равномерно дружественных отношений со всеми международными супердержавами он подверг жесткой критике. Приоритет, по мнению этого представителя сербского радикализма, следовало отдать «крайне полезной политике поддержания как можно более сердечных отношений с Россией и опоре на эту великую державу во всех тяжелых вопросах нашего национального существования и нашего будущего». ³¹⁹ Он также выступил в поддержку не абстрактного всебалканского союза, а более реального союза со славянской и православной Болгарией, которая должна была бы превратиться из противника в союзника Сербии. Гершича, закончившего свою речь призывом к опоре на активные действия Сербии, поддержал его коллега Алекса Йованович. В своем кратком, но эмоциональном выступлении он дополнил критические замечания своего предшественника в адрес Миятовича уточнением по правовому характеру албанского вопроса. Он напомнил сенаторам, что после 1878 года сербы «...имели большие проблемы с албанцами..., так как это необузданное племя, которое еще живет примитивной жизнью и не ценит человеческую кровь». Тем не менее, албанцы, уходившие из Сербии, получали полную материальную компенсацию от государства, и, следовательно, по мнению Йовановича, не стоило настолько заострять внимание сенаторов на событиях, произошедших во вновь приединенных округах³²⁰.

В результате всех прений по данному вопросу Сенат принял постановление, поддерживающее активные действия правительства Сербии и выражающее благодарность правительству России за оказанную помощь. Однако, приняв эту одобрительную резолюцию, Сенат так и не смог принять или выразить четкой программы по проблеме Старой Сербии. Важным этапом можно назвать лишь предложенный Гершичем пакет мер по решению кризиса в Старой Сербии. Опора на Россию, отказ от туркофильства, ориентация на конкретный союз с Болгарией – все это предполагало новую, более активную политику Сербии. Хотя Гершич и не конкретизировал, что он понимал под активной собственной политикой Сербии, необходимой для поддержания порядка в косовском вилайете, было очевидно, что упорядочение и оживление необходимо было ввести и в конкретную пропагандистскую работу в Старой Сербии³²¹.

Однако эти радикальные меры требовали резкой смены высшего руководства и полного разрыва с предшествующим дипломатическим курсом, каковые и произошли после 1903 года. Пока же промедление и малая активность Сербии способствовали осуществлению мрачного предсказания ее верного сына, не жалевшего своей жизни для ее защиты Алексы Богосавлевича, сербского офицера-пограничника, награжденного за заслуги в войне 1877-1878 годах русским орденом. Он с

горечью писал о Старой Сербии: «Косово - гробница царства сербского, могила сербских героев, но с точки зрения населения, из-за нашей нерадивости, для нас, сербов, оно будет совсем потеряно».³²²

* * * * *

Положение сербского народа в Старой Сербии в начале XX века можно назвать критическим. С одной стороны - натиск агрессивной албанской среды, поддерживаемой как турецкими властями, так и австрийскими деньгами. С другой стороны - террористические методы вооруженных организаций, действовавших под руководством болгарских политических кругов. Плоды 15 лет активной сербской культурно-просветительской деятельности в Старой Сербии оказались также под угрозой. Н.Спасич, известный меценат и крупный предприниматель, чьи деньги помогли многим сербским просветительно-церковным учреждениям вне Сербии, отказался помогать в постройке сербской гимназии в Призрене, мотивируя свой отказ тем, что «... подозревает, что Австрия в один прекрасный день возьмет и подарит все эти края (*албанцам - А.Т.*), и тогда моя помощь будет напрасной»³²³. Положение православных (сербов) в Скопском санджаке было не лучше и вызывало ужас у непривычных к албанскому зулуму европейцев, пораженных «удивительно дерзким своеволием албанцев»³²⁴.

Поэтому официальная Сербия была вынуждена изменить старую тактику и начать работать по-новому. Это важное изменение произошло после богатого событиями 1903 года, ставшего своего рода рубежом в истории Балкан. В рамках исследуемой темы особенно важны два события: Илинденское восстание в Македонии и майский переворот 1903 года в Сербии.

Рассматривая с точки зрения изучаемой темы насильственное свержение династии Обреновичей, стоит отметить, что оно не имело ту решающую роль во внешнеполитической переориентации Сербии³²⁵, которую ему иногда приписывала югославская историография. Мы имеем в виду кадровые изменения, которые привели в МИД Сербии (как и во все правительство и государственный аппарат в целом) новых людей, которые нашли новые подходы к старым, казавшимся неразрешимыми, проблемам.

Илинденское восстание сыграло значительно бóльшую роль в изменении сербской внешнеполитической деятельности на южном направлении, т.е. в Старой Сербии и Македонии. Во-первых, изменения были связаны с реформами, которые европейские государства попытались навязать Турции³²⁶. Хотя в самом Косовском вилайете не предусматривалось проведения полного пакета реформ, предусмотренных Европой для северо-западных районов Турции, тем не менее, некоторые изменения должны были произойти. Кроме того, активные и масштабные действия македонских революционных комитетов, наглядно продемонстрировали, что вооруженная организация была необходима для защиты национальных интересов в Турции.

Уже в начале 1903 года на повестку дня встал вопрос об участии сербского населения в турецкой полицейской службе, куда Османская империя под влиянием европейского давления была вынуждена принять наравне с мусульманами и христиан. Например, жандармский батальон Приштинского санджака от общей численности в 560 полицейских должен был предоставить места для 122 православных³²⁷. Парадоксально, но отбор кандидатов в турецкую жандармерию шел под пристальным вниманием и даже негласным контролем сербского консула. Конечно, консул был вынужден предоставлять кандидатуры не на прямую, а через митрополита, а точные данные по кандидатурам он получал у своих агентов³²⁸, но тем не менее роль консула была решающей.

К сожалению, сербы, носившие оружие и форму турецких полицейских, несомненно возмущали своим видом мусульманское население, но при вышеупомянутом соотношении сил в полиции не могли оказать действенной помощи сербам в условиях албанской анархии и болгарского комитского террора. В качестве ответа на этот вызов в начале XX века в Сербии зарождается идея о четническом движении. «Серебрянный герб белого орла на шапке и винтовка сербского производства» вызывали восхищение, смешанное со страхом и надеждой на освобождение у сербов Старой Сербии.³²⁹ Хотя само движение и возникло вне стен МИДа, по мере своего развития оно все больше и больше взаимодействовало с официальными органами сербской дипломатии.

Прекрасным примером сотрудничества сербских чиновников МИД и сербской четнической организации была деятельность М.Ракича на различных должностях в сербских консульствах в Старой Сербии в период от Илинденского восстания до Балканских войн. В 1905-1906 году М.Ракич служил вице-консулом III класса в генеральном консульстве Сербии в Скопье. Он часто ездил во Вранье, чтобы привезти оружие и боеприпасы для вооружения сербских национальных активистов Старой Сербии. Перевозка шла значительными партиями; так, пользуясь дипломатической неприкосновенностью багажа, Ракич провез, например, за один раз 2 февраля 1906 года 49 сербских револьверов и 1750 револьверных патронов³³⁰. Соотношение патронов и оружия (свыше 35 выстрелов на ствол) дает нам возможность предположить, что оружие предназначалось для ведения активных боевых действий. Важно отметить, что подобная поездка не была единичной, да и занимался такими перевозками не только Ракич³³¹.

Кроме вооружения сербских чет чиновники МИД в Косовском вилайете использовали сербских четников как одно из средств в борьбе за поддержание сербского населения в Старой Сербии. Благодаря этому сербский консул получал колоссальную неофициальную власть. По просьбе сербской консульской службы четники охотно устраняли врагов сербского народа: предателей³³², особо опасных мусульманских бандитов³³³ и просто лиц, стоявших на пути сербской акции в Старой Сербии³³⁴.

Четническая акция не была единственным новым элементом в сербской деятельности в Старой Сербии. После младотурецкой революции 1908 года сербские консулы активно включились

←—————→

(как всегда, через посредников) в процесс организации сербского политического движения. Если выборы в Парламент первого созыва протекали все-таки в рамках Сербского клуба и организации Сербов в Османской империи, при определенном неофициальном влиянии сербского МИД, то после запрета на действие в Турции политических партий на национальной основе, все стало еще очевиднее. Организация и координирование сербских избирателей при подготовке к выборам в Турецкий парламент в 1912 году шли через сербские консульства. Впрочем, начавшаяся война помешала осуществлению предвыборных планов, которые, даже в случае их успеха, не имели большого значения для сербского населения Старой Сербии³³⁵.

Новые направления деятельности сочетались в официальной сербской активности в Старой Сербии со старыми методами. Церковные и просветительные учреждения сербского народа в Турции были объединены под руководством сербской консульской службы в единую сеть. Главными узлами этой сети стали митрополиты.

Еще в 1898 году Сербии удалось поставить на пост рашко-призренского митрополита своего человека. В начале XX века на этом месте оказался митрополит Никифор. Вскоре Сербии удалось посадить сербских иерархов на митрополичий престол в Скопье и на престол Дебарской епископии (т.е. в той части южной Старой Сербии, которая не входила в Скопскую митрополию). Назначения эти, стоившие Сербии больших денежных и дипломатических усилий, вселяли в консулов чувство превосходства по отношению к иерархам. И в более раннее время сербские консулы в Старой Сербии относились свысока к иерархам, тогда еще грекам, состоявшим *de facto* на содержании сербской казны³³⁶. Сербские иерархи в новых условиях воспринимались практически как прямые подчиненные сербского консула, что ухудшало отношения между митрополитом скопским Викентием и сербским консулом в Скопье, митрополитом рашко-призренским Никифором и сербским консулом в Приштине. Ссора последних приобрела особо затяжной характер и длилась практически с 1903³³⁷ до 1911 года, когда Никифор, по требованию МИД Сербии, вынужден был уйти в отставку. Эти ссоры становились регулярными, негативные взаимоотношения сложились у МИД Сербии и с приемником митрополита Никифора, Гавриилом Дожичем, будущим сербским патриархом. Дожич отличался большим расположением к Черногории, чем к Сербии. В результате Дожичу не позволили занять рашко-призренскую кафедру, а сам МИД Сербии, по признанию В.Трбича, даже планировал ликвидацию Г.Дожича³³⁸.

Все эти неурядицы не помешали сербскому МИД окончательно сформировать систему контроля и руководства над сербскими учителями в Старой Сербии. В составе митрополичьей администрации функционировал постоянный неофициальный представитель сербских властей, должность которого сводилась к координации, контролю и выдаче жалования сербским учителям, проживавшим на территории данной епархии.³³⁹

* * * * *

Анализ деятельности сербских официальных институтов в Старой Сербии позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, как показал опыт сербской акции, во главе всех сербских инициатив в Старой Сербии - политических, просветительских, разведывательных должна была стоять только одна организация - Министерство иностранных дел. Во-вторых, несмотря на значительные препятствия, Сербии удалось достаточно точно воплотить в жизнь план М.Гарашанина, позволявший поддержать и развивать самосознание сербского населения Старой Сербии и вести религиозно-просветительные работы. Этот план был скорректирован практической проверкой, которая заставила Сербию ориентироваться не на Австрию и Турцию, а на Россию и антитурецкий союз православных балканских государств. Наконец, в-третьих, по мере своего осуществления план мирных культурно-пропагандистских действий все больше наталкивался на вооруженное противостояние и лишь содействие четнической организации помогло его полному осуществлению. Роль сербской четнической организации как крайне важную в общем контексте развития сербской деятельности в Старой Сербии мы рассмотрим в IV главе.

Глава III. Сербские общественные организации и церковь в деле просвещения и национальной пропаганды в Старой Сербии.

§1. Меценаты, фонды, общественные организации.

Сербская активность по поддержанию сербского населения в Старой Сербии во многом шла путем просвещения. Фактически с осени 1880 (со времени падения кабинета Й.Ристича) Сербия практически полностью переходит к культурно-просветительской деятельности в Старой Сербии. Меры и действия, сформулированные в программе лидера прогрессистов М.Гарашанина в 1885, фактически стали программой официальной и неофициальной сербской деятельности до 1903 года. После майского переворота 1903 г. все большее место в действиях Сербии по поддержке сербского населения в Старой Сербии стала занимать вооруженная борьба (четнические отряды, нелегальное снабжение местного населения оружием др.) Но главной задачей этой борьбы (в особенности на первом этапе сербских четнических операций в Старой Сербии³⁴⁰) была защита сербских церковных, образовательных и общественных организаций в Старой Сербии, которые имели первостепенное значение для сербской акции.

Конечно, трудно разделить государственную и негосударственную сербскую деятельность по поддержанию сербского населения в Старой Сербии. С одной стороны, сербские учителя и священники - турецкие подданные, официально не принимали никакой помощи от государственных институтов Сербии, хотя фактически такая поддержка регулярно осуществлялась с конца XIX века. С другой стороны, большинство сербских негосударственных организаций, имевших целью защиту интересов сербского населения Старой Сербии, находилось в тесных контактах с сербскими МИД, МВД и армией, активно сотрудничали и получало их поддержку. В специфических сербских условиях, где, например, посол в официальной переписке с министром обычно обращался к нему по имени, а порой даже (в «служебном рапорте») передавал привет жене и семейству, частное повсюду было очень тесно переплетено с государственным. Следует особо отметить деятельность негосударственных сербских организаций по поддержанию единокровного населения в Старой Сербии потому, что эта деятельность во многом играла важную, а порой и решающую роль.

* * * * *

По выражению С.Йовановича, сербо-болгарская война 1885 года «открыло глаза» сербскому общественному мнению и оно приступило к «систематической деятельности по защите народных интересов от болгарской пропаганды»³⁴¹. Одним из первых реальных шагов основание Общества Св.Саввы («Друштво Светог Саве»³⁴²).

Важным источником для изучения состава членов общества является список Главного комитета за 1887-1888 год. Превалировали учителя и сотрудники различных образовательных учреждений, причем не только численно, но и функционально. Поддержка правительства выразилась в том, что в общество входило два министра, а также представители многих государственных учреждений. Вывод о существовании некоторой помощи Обществу от православной церкви может быть также сделан на основании данных таблицы. Наконец, торговое сословие также было представлено в составе общества, занимая при этом оба казначейских места, что свидетельствует о том, что общество могло иметь приток капитала из частных рук и не было исключительно детищем правительства, полностью от него зависящим³⁴⁹.

В 1887 году Общество основало Святосавскую вечернюю школу в Белграде, целью которой стало обучение молодежи из неосвобожденных сербских территорий с расчетом на дальнейшее возвращение закончивших школу в родные края. Образовательная программа школы была написана с учетом потребностей населения из неосвобожденных краев, с упором на национальную историю, географию и литературный язык³⁵⁰. В конце 1887 года Общество попыталось открыть школы в Нише, Велесе и Куманово, но эти попытки не удались³⁵¹.

Вскоре после основания было принято решение о выпуске регулярного печатного издания Общества - журнала «Браство» (т.е. «Братство»), с характерным девизом «Брат сердцу мил, какой бы веры он ни был» («Брат је мио које вјере био»). Кроме «Браства» Общество издавало книги и брошюры, отвечавшие задачам общества, а также получало печатную продукцию от других издателей для бесплатного распространения книг в Старой Сербии и Македонии³⁵².

Общество установило свои ящики-кассы для сбора добровольной помощи во многих министерствах и ведомствах Сербии³⁵³. В течение первых 3 лет работы подобные кассы стояли и во многих церквях. Кроме добровольных пожертвований, членских взносов и завещаний Общество получало некоторые суммы и непосредственно от правительства Сербии³⁵⁴.

Представление о деятельности Общества в самом расцвете существования (т.е. с 25 января 1887 до 17 января 1888) можно получить из «Доклада о деятельности Главного комитета Общества Св. Саввы», сделанного Первым секретарем Общества преподавателем Первой белградской гимназии Перой Джорджевичем на II очередном съезде Общества 17 января 1888 г. в городе Крагуевце³⁵⁵.

Главный комитет провел 30 заседаний за 12 месяцев. Было издано и распространено 18.500 экземпляров печатных изданий³⁵⁶. Кроме Святосавской вечерней школы общество помогало еще 12 сербским школам вне Сербии, потратив на это 2.600 динаров. Помощь деньгами и утварью получали и некоторые сербские церкви вне Сербии. Общество выдало учителям сербских школ вне Сербии,

направлявшимся к месту работы 1.700 динаров, а ученикам, находившимся в подобной же ситуации, 900. Кроме того 2.500 динаров в качестве единовременного пособия было выдано «сербским патриотам», нуждавшимся в помощи. Наконец, важной областью деятельности Общества стал сбор информации «о положении сербских народных школ³⁵⁷ и о ситуации с образованием в отдельных сербских краях», причем Главный комитет пользовался как перепиской с местными «сербскими патриотами», так и посылкой своих представителей в области, вызывающие интерес. Интересно, что для получения 5 подобных донесений с места событий Общество потратило 4.000 динаров³⁵⁸.

В конце 1888 года Обществу удалось наладить реальные контакты с правительством Сербии, возглавляемым Н.Христичем. Консульства Сербии в Салониках, Скопье и Приштине стали оказывать обществу полную поддержку. В сентябре 1888 года Общество обратилось к Министерству просвещения и церковных дел с предложением о передаче сербских образовательных и церковных учреждений под управление Общества. Однако правительство не пошло на такое предложение. Вместо этого функции Министерства просвещения и церковных дел по курированию «сербских школ и церквей вне Сербии» перешли к специальному отделу при Министерстве иностранных дел. Сращивание Общества с государственным аппаратом, как и его превращение в неофициальный орган политической активности Сербии в районах Старой Сербии, было приостановлено. Новое сербское правительство предпочло другой путь.

Тем не менее правительство не переставало поддерживать общество, подарив ему участок земли в центре города для постройки Общественного Дома³⁵⁹ и разрешив провести лотерею в пользу его постройки.

В 1889 году Общество основало отдел по снабжению церквей в неосвобожденных краях облачениями и церковными книгами. Во главе нового отдела встал архимандрит Фирмилиан. Митрополит Сербии Феодосий поддержал просьбу Главного комитета Общества о помощи и издал распоряжение всем церквям и монастырям своей митрополии передать все изношенные, старые и неиспользующиеся облачения, утварь и церковные книги в распоряжение Общества Св.Саввы для дальнейшего распределения.

Между тем, чрезмерная активизация национальной деятельности Общества стала вызывать нападки. Приход к власти радикалов подорвал позиции Общества в Сербии. Они обвиняли Общество в том, что оно черезчур явно взялось за дело, которое стоило бы вести в тайне, за то, что газетная кампания в пользу Общества насторожила и турецкие, и австрийские власти. Учитывая обоснованность этой критики, мы все же склонны считать, что основным минусом в глазах радикалов было то, что Общество было детищем прогрессистов, к кототорым относился и сам шеф Общества С.Николаевич.

←—————→

Кампания, начатая против Общества, привела к тому, что количество подкомитетов в стране уменьшилось с 62 (1888 г.) до 20 (1889 г.) Охлаждение во взаимоотношениях Общества и правительства возникло и в результате амбициозных претензий руководства Общества на управление сербскими церковно-образовательными делами в Старой Сербии.

На III ежегодном съезде Общества обсуждались вопросы его дальнейшего развития. Проблемы начались не только в стране, но и среди сербов Австро-Венгрии. Они поначалу с энтузиазмом встретили основание подобного Общества, вступали в него и помогали ему взносами, которые планировалось направлять на помощь сербам, живущим под турецким владычеством. Однако дальнейшая деятельность Общества вызвала в западносербских краях опасения и недовольство. Периодические издания «Србобран» и «Српски глас» из Задара называли членов Общества «австрийцами и предателями сербства»³⁶⁰. С другой стороны, некоторые бдительные проправительственные издания призывали Вену обратить пристальное внимание на Общество и запретить в Боснии и Герцеговине его деятельность, подрывающую единство монархии³⁶¹.

Зато в Старой Сербии и Македонии деятельность Общества шла с бóльшим успехом. Оно занималось подготовкой учителей для Старой Сербии и их направлением в конкретные школы, публикацией учебников в Стамбуле и их продажей через Темка Поповича, книготорговца из Салоник, вопросом возвращения монастыря Хилендар под сербское влияние. В ознаменование 500-летия Косовской битвы Общество издало поэму Драгутина Й.Илича «Последний воин». Была начата чеканка серебрянной медали для членов общества по эскизу Дж.Миловановича. По индивидуальным запросам национальных активистов из Старой Сербии и учеников, выходцев из тех краев, Общество, в соответствии с необходимостью и возможностями, выдавало материальную помощь.

Однако прослеживался в деятельности Общества и некоторый волюнтаризм, выразившийся, например, в фантастических для анархичной ситуации в Старой Сербии, предложениях о посылке туда в пропагандистских целях на день Св.Вида ученических экскурсий³⁶². Кадры, которое Общество использовало для пополнения состава сербских учителей и агентов в Старой Сербии, не всегда соответствовали задуманным задачам. Учителем в тех краях, т.е. получать с относительной регулярностью жалование и фактически не иметь никакого контроля над своей деятельностью, хотели бы многие. В документах Общества сохранились многочисленные прошения недоучившихся гимназистов, расстриженных священников, учительниц, уволенных за развратные деяния, ушедших в отставку писарей, желавших нести благо просвещения сербским детям в Старой Сербии³⁶³. Некоторые кадровые просчеты имели скандальный характер, так, например, в с.Маврово в районе Тетова учитель, назначенный за счет помощи Общества Св. Саввы, переметнулся на сторону болгар

и стал обучать детей на болгарском языке и по болгарским книгам к возмущению всей сербской общественности этого села³⁶⁴.

Кроме частых ошибок в кадровом вопросе (а может быть и вследствие таковых) деятельность по посылке в Старую Сербию и Македонию сербских учителей и учебников возмущала и общественное мнение в Болгарии. Именно тогда в начале 1890-ых произошли первые убийства болгарскими агентами сербских учителей, священников и национальных активистов, которые в глазах Европы были умело представлены «протурецкими коллаборационистами». Уже в 1891 году правительство Сербии, стремясь избежать непрофессионализма в церковных делах и в просвещении в Старой Сербии, полностью вытеснило Общество Св.Саввы из этой сферы деятельности.

Материальную поддержку при организации общества оказывали многие видные люди, как из Сербии, так и из-за границы. Среди них был русский генеральный консул в Салониках И.С.Ястребов³⁶⁵. Показательным, если не сказать пророческим, оказалось его мнение о судьбе Общества, выраженное в личном письме Любомиру Ковачевичу 19 марта 1887 года в ответ на его восторженное письмо с подведением итогов первого года деятельности. «Весьма приятно ваше сообщение об успехах Друштва Св.Саве. Признаюсь (нечего греха таить), я думаю, что и это благое предприятие не увенчается успехами. У сербов ничто не клеится. Даже досадно становится.»³⁶⁶

Практическая деятельность общества с 90-ых до 1903 года сводилась к организации Свято-савской вечерней школы, экскурсий и лекций.

После майского переворота 1903 года перемены коснулись и Общества Св.Саввы. Общество увеличило долю своего бюджета, выделявшуюся на помощь учащимся своей вечерней школы из «неосвобожденных краев» и реорганизовала ее, вернулась к практике распространения своих книг и изданий в Старой Сербии, реорганизовало Свято-савскую вечернюю школу; определило некоторое количество стипендий для помощи молодежи из Старой Сербии и Македонии, желавшей получить профессиональное образование не в Сербии, а в Европе³⁶⁷. Общество помогало и сербам, пострадавшим от «бесчинств в Македонии в 1903 г»³⁶⁸.

После интересующего нас периода Общество в качестве благотворительного фонда поддержки сербского (а позднее триединого югославского) народа просуществовало еще долго. Ни бури Балканских войн, ни ураган I Мировой войны, ни изменения политической конъюнктуры в межвоенное время не сломили Общество. Даже жестокие реалии немецкой оккупации во время II мировой войны не уничтожили его. Лишь 22.05.1945 года решением коммунистических властей деятельность Общества Св.Саввы была прекращена³⁶⁹.

Сербское население Старой Сербии поддерживало свои духовные и материальные основы не только благодаря помощи извне, но и самостоятельно. Основную роль в этом играла частная и общественная благотворительность.

Следует уточнить особенности денежного обращения в Турции для определения реального значения делавшихся взносов и пожертвований.

В Турции XIX в. денежная единица называлась аспре или акче. 3 аспре = 1 пара. 40 пар = 1 грош. Девальвация серебра, как и порча монеты привела к тому, что турецкие власти были вынуждены выпустить в обращение новые монеты: серебрянные меджедии и золотые лиры. Кроме турецких денег, в Старой Сербии ходили английские золотые фунты, египетские золотые лиры³⁷⁰, серебрянные австрийские цванцики и талеры, серебрянные русские рубли, золотые венецианские дукаты, которые чаще использовались для накопления богатств или для монисто, чем в повседневном обиходе³⁷¹. Обменный курс постоянно менялся даже в рамках турецкой денежной системы при обмене золота на серебро. Менялся курс и в соответствии с тем, в каком городе Турции происходил обмен. В больших торговых центрах крупные монеты (золотые) имели большее хождение и могли быть обменены по более выгодному курсу, в то время как в захолустных городках (таких, какими были города северо-западной части Старой Сербии) мелкие монеты ценились выше, так как торговля там шла мелкая. Например, в августе 1898 года консульство в Приштине сообщило в Белград следующий курсовой список: 1 лира = 124 грошей, наполеондор = 108 грошам, дукат = 64 грошам, сербский динар = 4 гроша 30 пар³⁷².

Сербская традиция общественных объединений с благотворительными целями имеет давнюю историю. Стремясь посетить православные монастыри и святыни, паломники часто создавали совместные «кассы». Постепенно пополняя их, они набирали необходимую сумму и отправлялись к заветной цели на общие деньги. Создавались и общества по восстановлению и обновлению конкретных церквей, причем, как правило, такие общества получали названия по имени Святого, которому была посвящена церковь (например, Общество Св.Василия по восстановлению церкви Св.Василия в селе Горна Србица). Членами таких обществ обычно становились торговцы и ремесленники.

В 1880 году Петар Костич и Джордже Кампрелич, преподаватели Призренской Семинарии, приступили к организации фонда по поддержанию сербских школ, дав ему имя Святого патрона сербских школ – Св.Саввы. Общество имело своего председателя, совет, делопроизводителя, казначея и от восьми до девяти помощников казначея. Членство в нем имело три степени: основатель, даритель и рядовой член. Основатели вносили разовый взнос в 45 динаров, дарители разовый взнос

в 225 динаров, а рядовые члены при вступлении 4,50 динаров, и по 4 гроша каждый месяц. Казначей должен был заниматься оборотом полученных средств, чтобы лишь полученные проценты шли на дела благотворительности. Каждый год кассир давал отчет собранию членов фонда. Роль его помощников заключалась в ежемесячном сборе взносов от рядовых членов. В 1880 году в здании Семинарии в присутствии большого числа видных людей и русского консула Ястребова это Общество было торжественно основано. Однако оно просуществовало только до 1885 года, когда в связи с албанскими беспорядками и их подавлением турецкие власти не только арестовывали албанских вожakov бунта, но и пытались ликвидировать наиболее значимые сербские институты, вызывавшие ненависть албанцев и способствовавшие, по мнению властей, дестабилизации общества.³⁷³ В это же время в Старой Сербии было основано певческое Общество Св.Уроша, поддерживавшее традицию сербского церковного и светского пения.

Кроме церковных обществ финансовые средства собирались в рамках «эснафских» (т.е. цеховых) касс взаимопомощи, действовавших, как и сами эснафы, в рамках религиозной сегрегации. Деньги, которые собирались в кассах православных эснафов, обычно использовались для помощи пострадавшим от мусульманских погромов, бесприданницам, сиротам, чьи родители были членами цеха. Кроме этих расходов деньги шли и на помощь церквям, монастырям и православным семьям, чей кормилец оказывался в тюрьме³⁷⁴.

Строительство железной дороги до Косовской Митровицы в 1873-1874 годах, активизация торговли, пришедшая в Старую Сербию в 80-ых годы XIX века, как и поток мухаджиров из Боснии и Сербии стали важным элементом в изменении структуры деловой активности и состава городского населения в Старой Сербии. Сербские и цинцарские православные торговцы с трудом могли противостоятъ ростовщическому капиталу, хлынувшему из Салоник по железной дороге. Процентная ставка среднего по размерам кредита в городках Старой Сербии к концу XIX века была равна 20%³⁷⁵. Кроме того, в ситуации общей нестабильности многие мусульманские землевладельцы, как и мухаджиры, были вынуждены обратиться к торговле как единственной форме выживания, вытесняя сербских и цинцарских торговцев³⁷⁶.

Наконец, это комерческое противостояние на основе национальной и религиозной сегрегации вылилось в бойкот, который фактически длился в Старой Сербии с 1897 по 1912 гг³⁷⁷. Непосредственным поводом к бойкоту стали события греко-турецкой войны. Тогда для вытеснения сербов и цинцаров из мелочной торговли мусульманское население под предлогом того, что женщины, оставшиеся дома без мужей, не должны делать покупки у мужчин, подвергли православных торговцев

обструкции. Не принесли изменений даже попытки сербских торговцев передать непосредственную торговлю в лавочках в руки своих жен.

Воспользовавшись ситуацией, салоникские ростовщики подняли уровень кредита до 400%³⁷⁸.

Положение осложнялось еще и тем, что в нестабильных условиях Оттоманской империи создание любой кассы взаимопомощи было связано с определенным риском. Единственным выходом из ситуации стали церковные фонды, которые могли существовать благодаря церковной автономии, признаваемой, в некоторой степени, Портой.

В 1901 г. в Призрене был основан Фонд церкви Св.Георгия³⁷⁹ при участии митрополита Рашко-Призренского Никифора, ректора Семинарии С.М. Димитриевича, преподавателя П.Костича и предпринимателей А.Гроздановича и К.Патроногича. Важно отметить, что основанию Фонда помог С. Андреевич-Игуманов, внося 1000 наполеондоров (т.е. 1/3 уставного капитала) под минимальный процент в 6% годовых. То, что Фонд был основан благодаря помощи С.Андреевич-Игуманова, позволяет нам утверждать, что этот фонд имел, в первую очередь, характер национальный и покровительственный сербскому населению, хотя и приносил коммерческую³⁸⁰ прибыль. Неслучайно большую помощь при организации Фонда, как и непосредственное разрешение на размещение его канцелярии в помещении русского консульства, предоставил русский консул С.В.Тухолка³⁸¹. Кроме «Фонда церкви Св.Георгия» в Призрене, были основаны Фонд Св.Богородицы в Печи, Фонд церкви Св.Уроша в Феризовиче, Фонд церкви Св.Николая в Приштине, Фонд православной сербской церкви в Куманово³⁸².

После младотурецкой революции 1908 года в относительно стабилизировавшихся условиях были созданы попытки превратить некоторые из церковных фондов в банки. Тогда же в Старой Сербии стали развиваться филиалы центральных отоманских банков, по преимуществу салоникских.

* * * * *

Кроме общественных фондов, поддержанием сербского просвещения в Старой Сербии занимались и частные благотворители. Первым из них был Призренский торговец Димиш Младенович-Мишетович (1810?-1859), впервые на свои деньги привезший в 1856 году в Старую Сербию учителя, имевшего специальное образование. Наиболее известным из всех людей, помогавших сербским институтам в Старой Сербии, был Сима Андреевич-Игуманов(1804-1883), также уроженец города Призрена. Трагическая судьба и ранняя смерть жены и детей заставила его обратить свою любовь на всех своих братьев-сербов, живущих в Старой Сербии. Он покупал здания для сербских школ, поддерживал материально учителей и всячески заботился о неформальном центре сербского

просвещения в Старой Сербии – Призренской Семинарии. С.Андреевич-Игуманов занимался коммерческими делами в России и получил русское гражданство. Это помогало не только финансовой активности С.Андреевича-Игуманова, но и часто служило защитой для сербских образовательных заведений, находившихся под покровительством русского гражданина³⁸³. Умирая, С.Андреевич-Игуманов оставил все свои капиталы на дело сербского просвещения в Старой Сербии.

Можно перечислить целую галерею сербов и сербок, завещавших после своей смерти все свое имущество или часть его на дело сербского просвещения. Это были благородные, обычно одинокие люди, преуспевшие в своих делах, но, по разным причинам, не оставившие за собой прямых потомков, и поэтому стремившиеся поддержать всех своих единоверных и единокровных братьев. Порой эти благородные люди и их намерения становились жертвами неверных душеприказчиков или войн. Но, тем не менее, их помощь была крайне важной для всех образовательных заведений Старой Сербии, а их имена остались в благодарных воспоминаниях современников и в памяти потомков³⁸⁴.

§2. Учебные заведения.

В Турецкой империи еще до Восточного кризиса 1877-1878 годов существовало Министерство просвещения, так называемое, *Meağrifi umumiye*, действовавшее в соответствии с «Законом о светском характере образования» от 1869 года. А глава 15 Конституции Османской империи, принятой 23 декабря 1876 года, гласила: «Каждый гражданин в рамках закона имеет право открывать общественные или частные школы...» Дополнялось это утверждение главой 16, в которой содержалось упоминание о том, что «...все школы находятся под государственным надзором...», и главой 18, где постановлялось, что «...Государственным языком является турецкий; государственный чиновник должен знать турецкий язык.»³⁸⁵ Фактически эти правовые нормы были основной опорой развития образования на территории Турции, в том числе и в Старой Сербии. В конце XIX века в этом регионе «...рядом, почти стена к стене находились еврейские, греческие, сербские, болгарские и турецкие школы...».³⁸⁶ Характеризуя деятельность этих школ, И.Г.Сенкевич отмечала, что «...на территории Европейской Турции и, в том числе, Албании находилось, кроме турецких, множество различных национальных школ: греческие, сербские, болгарские. Эти школы субсидировались правительствами Греции, Сербии и Болгарии и вели шовинистическую пропаганду в пользу этих государств. Что касается албанских школ, они ниоткуда не получали помощи, поскольку они были призваны объединять албанцев всех религий и воспитывать в них чувство национального самосознания, турки подвергали их гонениям и запретам.»³⁸⁷ Конечно, последнее утверждение Сенкевич по поводу албанских школ нельзя назвать абсолютно бесспорным, с ним не соглашаются даже албанские авторы, говорящие о значительной помощи, оказываемой албанским школам Австро-Венгрией и Италией³⁸⁸. Важно

другое, - то, что национальные школы стали оружием в руках различных государств и этнических групп, стремящихся защитить свои интересы. От эффективности, многочисленности и обеспеченности учебных заведений различного уровня зависело количество и качество образованных людей, которые, в дальнейшем, становились опорой национальных интересов в регионе. В конце XIX века (в 1896/1897 гг.) на территории Европейской Турции (без Боснии и Герцеговины) картина образования православных народов складывалась следующим образом³⁸⁹.

Национальная принадлежность	Количество учебных заведений	Количество учеников	Среднее количество учеников на учебное заведение .зав.
Греческие	1286	85015	66
сербские	162	7511	46
румынские	80	3678	45
болгарские	821	29846	36

Можно обоснованно предположить, что греческие учебные заведения имели значительный перевес потому, Константинопольская патриархия стояла на откровенно прогреческих позициях. Болгарская сеть школ раскинута по всей Македонии, опиралась на Болгарский экзархат. Румыния, руководствуясь понятным геополитическим расчетом, не слишком заботилась о родственном румы-

←—————→

нам влашском населении в Турции. Сербия, несмотря на все попытки наращивания пропагандистской организации в Старой Сербии и Македонии, все таки находилась на предпоследнем месте.

По сведениям И.Иванишевича³⁹⁰, в Косовском вилайете в 1901/1902 году было уже 209 школ. Список сербских учебных заведений в Старой Сербии прекрасно иллюстрирует, насколько широко удалось осуществить культурно-пропагандистские планы М.Гарашанина в отношении Старой Сербии уже в 1901/1902 учебном году. Сербь Старой Сербии получили возможность предоставить своим детям национальное образование от его начальных ступеней до гимназии, что полностью отвечало сложившимся потребностям. В систему были заложены и принципы самовоспроизводства, т.к. учителя для начальных школ подготавливались в самой Старой Сербии. Все же специалисты с высшим образованием или специфическими профессиональными навыками, должны были привлекаться со стороны, т.е. зачастую из Сербии. Это обеспечивало тесную связь сербской образовательной системы в Старой Сербии с Сербией. Важно отметить, что с 1902 года до 1912 количество сербских школ в Старой Сербии не возросло и иногда даже уменьшалось под воздействием албанской анархии в северо-западной части вилайета (точнее в ее центральной части) и под давлением терроризма болгарских чет в юго-восточной части.

* * * * *

В соответствии с планами М.Гарашанина, школьно-образовательные заведения должны были сыграть важную роль в укреплении и расширении сербского влияния на Балканах.

В Старой Сербии еще в начале XIX века существовали различные сербские частные начальные школы. Одна из первых мужских частных школ была открыта в 1810 году в Призрене³⁹¹. Конечно, уровень образования и квалификация учителей этих школ были очень невысокими. Учеником такой школы мог стать любой, кто был в состоянии платить учителю 20-60 пара ежемесячно, а кроме того, нести сопутствующие расходы: на покупку учебников, дров для отопления здания, где проходили занятия, и даже на подстилки из невыделанной овечьей шкуры, на которых обычно восседал учитель с учениками³⁹². Как правило, учителями становились просто грамотные люди, например, такие как священники или ремесленники. Одна из первых сербских женских частных школ в интересующем нас регионе была основана в 1836 году.

Но более важное значение имели общинные начальные школы, которые действительно оказывали серьезное и основательное влияние на национальный дух населения Старой Сербии. Основной задачей этих школ, как в центральной, так и в южной части Старой Сербии было культивирование литературного сербского языка среди местного населения³⁹³.

Первая такая школа возникла в Призрене в 1836 году, где местная община построила свое школьное здание. Школы такого типа существовали до 1876 года практически без изменения³⁹⁴. В школе господствовала система физических наказаний, а основной педагогический принцип был выражен во фразе, которую обычно говорил учителю отец каждого ребенка, отдавая его в школу: «Кости мои, мясо твое, если хорошо не занимается»³⁹⁵. Занятия проводились круглый год, а в крайне произвольную программу входило обучение чтению и письму (обычно на церковно-славянском), четырем видам арифметических действий и основам православия. Окончивший полный курс (что случалось нечасто) мог стать учителем или священником. Постепенно культурный уровень учителей поднимался, однако, в основном, помогали этому меценаты, такие как Димиш Младенович-Призренац и С.Андреевич-Игуманов, само же сербское государство этому вопросу внимания не уделяло. Лишь с основанием Призренского богословского училища (а точнее, с первым его выпуском в 1874 году) кадры учителей стали пополняться достаточно образованными людьми. Однако, начавшаяся вскоре война практически полностью разрушила образовательную систему.

Лишь в 1879 году после практически двухлетнего перерыва возобновилась нормальная работа учебных заведений в Старой Сербии. Большинство учительских мест занимали выпускники Призренского богословского училища, причем в конце века участились случаи, когда эти выпускники получали дополнительное (иногда даже специальное педагогическое) образование в Сербии и затем возвращались в Старую Сербию на преподавательскую работу³⁹⁶.

С 1881 года по просьбе школьных общин на экзаменах стали неофициально присутствовать преподаватели Призренского богословского училища. В 1893 году в программу начальных школ был введен турецкий язык, который являлся официальным языком Порты, что расширяло возможности выпускников этих школ и позволяло им органичнее вписываться в сложную систему Османской империи. Интересно, что преподаватель турецкого языка в этих школах часто играл роль посредника между турецкими властями и сербским населением, например, помогая им написать жалобу или просьбу к властям³⁹⁷. С 1894 года в средних школах по инициативе сербского и при помощи русского консульств, несмотря на сопротивление местных турецких властей, были введены регулярные контрольные проверки с целью поддержать образование на требуемом уровне.

Кроме мужских, в Старой Сербии существовали и женские начальные школы. Среди их преподавательниц доминировали сначала учительские и поповские дочери, а затем выпускницы Высшей женской школы в Белграде. Особняком в нескончаемом ряду этих учительниц, часто оставлявших свою работу в связи с выходом замуж, стояла Станка Кампрелич. Эта талантливая женщина родилась в состоятельной семье в Белграде и закончила в России в Киеве Фундуклеевскую гимназию с отличием и с серебряной медалью. В 1881-1882 годах она жила в Призрене со своим мужем, преподавателем Призренского богословского училища, и преподавала в Призренской женской начальной школе. За

год ей удалось многое сделать для развития женского просвещения в этом глухом уголке Порты. Но в 1882 году ее муж Джордже был арестован и заточен на 10 лет в Азиатской крепости Акью-Кале в Малой Азии, после чего судьба Станки резко изменилась, и ей пришлось оставить свою работу³⁹⁸.

В 1898 было открыто женское ремесленное училище, не получившее, впрочем, в связи с патриархальностью нравов большой популярности.

Многочисленные начальные школы существовали в Старой Сербии с конца XIX века практически в каждом крупном селе или городке, имевшем сербское население³⁹⁹. В 1898 году Политико-просветительский отдел при Министерстве иностранных дел открыло в ряде городов Старой Сербии стандартные начальные школы. С этого времени все они работали по программам аналогичных школ в Сербии. Главное их отличие заключалось в изменении учебников и программ по истории и географии по острым вопросам сербо-турецких отношений и в преподавании в школах Старой Сербии турецкого языка⁴⁰⁰.

После принятия плана М.Гарашанина жалование учителям частично выплачивалась школьной общиной, частично покрывалась за счет оплаты учеников, но в основном состояло из дотаций сербского правительства, причем точный размер этих выплат из соображений безопасности постоянно держался в секрете. Например, Слободан Йованович в своем донесении о посещении сербских консульств в Турции отмечает даже факт ознакомления ненадежных сербских жителей с размерами сумм выплат как грубейшую ошибку, способную сыграть роковую роль⁴⁰¹.

Большую проблему вызывали и поиски помещений, где можно было бы разместить школу. В 1885 году, испугавшись быстрого роста образовательных заведений, по разному влиявших на ее граждан, Порта учредила комиссии по просвещению, разрешение которых стало необходимым для постройки и регистрации учебных заведений, причем местные власти при каждом удобном случае затягивали и усложняли дело⁴⁰².

Однако самые большие проблемы с турецкими властями, равно как и достижения, и победы сербского просвещения в Старой Сербии связаны, конечно, с Призренским богословским училищем (семинарией), так называемой Призренской Богословией. Этот мощный оплот православия и народного духа в Старой Сербии был основан в 1871 году в Призрене по настоянию сербского митрополита Михаила, при финансовой поддержке С.Андреевича-Игуманова и под покровительством русского консула И.С.Ястребова. Семинария с момента ее основания постоянно работала под покровительством Сербского правительства. Так, с 1877 года ее курировало отдел Министерства образования Сербии, а с 1889 года – отдел Министерства иностранных дел. Преподавали в училище и возглавляли его многие известные деятели Старой Сербии: Савва Дечанец (автор известного меморандума и будущий епископ Жичский), Илия Ставрич, Петар Костич. Большие затруднения в развитии Богословского училища вызвали разногласия его руководства с епископом Рашко-При-

зренским Мелентием, который, будучи по происхождению греком, не всегда с пониманием относился к сербским национальным проблемам.

Программные установки основателей училища сохранил «Проект устройства Богословии», который привел в своей книге Петр Костиц⁴⁰³. «Цель Богословии – готовить молодых людей православной веры и сербской национальности в Османской империи. В Богословию принимаются ученики после 4 класса начальной школы. Срок обучения три года. В Богословии есть управляющий, который занимается также работой преподавателя, и еще два преподавателя.»⁴⁰⁴ Определенный бюджет, предусмотренный устроителями, сохранялся до 1881 года, когда материальное положение преподавателей было немного улучшено. Примерная программа преподавания была следующей⁴⁰⁵:

Тип	Год обучения	Основные программные предметы (программа 1875 года)
Гимназические науки	I	христианская наука, сербский язык, общая история, арифметика, география, гигиена, физика, церковное пение
	II	сербский язык, церковно-славянский язык, общая история, сербская история, география, арифметика и церковное пение
Богословские	III	догматическое богословие, церковное богословие, моральное богословие, пастырское богословие, история сербской церкви, общая история, гигиена, церковно-славянский язык и церковное пение.

Впрочем, программа преподавания могла по разным причинам изменяться. Так, моральное богословие было заменено на историю христианской церкви, а вскоре этот предмет, также как и сербскую историю, стали преподавать неофициально, так как увеличилось внимание к этим дисциплинам со стороны турецких властей. В 1883 году вместо гигиены стали преподавать зоологию и ботанику, так как в Семинарии появился новый преподаватель, закончивший Учительскую школу в Белграде. Отсутствие до 1886 года в программе Семинарии турецкого языка было значительным пробелом образования, так как знание официального языка могло бы стать важным подспорьем в работе сербских учителей и священников для урегулирования различных конфликтов с властями.

ми. Что же касается других иностранных языков, знание которых могло потребоваться сербскому населению Старой Сербии, то было и другое важное мнение, отражающее этнические процессы в крае. В сопроводительной статье к сербо-албанскому словарю, изданному в 1902 году в Белграде Любой Куйунджичем из Джаковицы, говорится: «Так как сербы являются соседями албанцев, им необходимо знать и албанский язык, ибо таким образом, изучая язык, мы придем к более близкому, быстрому и серьезному контакту с албанским народом. Поэтому ошибаются наши руководители, что заставляют наши органы просвещения в Турции учить турецкий, а не албанский язык»⁴⁰⁶. С 1889 Семинария была преобразована в Богословско-учительскую школу с 3 годами гимназического и 3 годами высшего образования. А в 1901 году была проведена очередная и последняя реформа, основной целью которой стало снижение первоначальных требований к ученикам с целью расширить возможный круг поступающих.

Общими результатами работы Призренского богословского училища были следующие. С 1873/1874 года, когда первые выпускники Семинарии закончили образование, до ее первого переустройства в 1889/1890 учебном году ее окончили 89 учеников, четыре класса по переходной программе 1890/1891 – 11 учеников; четыре класса по переходной программе 1891/1892 - 13 учеников; пятилетнюю переходную программу 1892/1893 - 13 учеников; пятилетнюю переходную программу 1893/1894 - 11; шестилетнюю до преобразования начала XX века - 215 учеников; четырехразрядную - 118 учеников; сокращенный курс за три года - 96 учеников.

Среди выпускников Богословского училища были 193 священника, 323 учителя начальных школ, 17 преподавателей средних и высших учебных заведений, 1 патриарх, 1 митрополит, 3 епископа, 1 судья, 1 министр, 1 адвокат, 62 чиновника⁴⁰⁷.

Важно отметить, что проблема просвещения населения Старой Сербии имела два пути решения. Первый, наиболее широко применявшийся путь подготовки кадров в самой Турции, мы рассмотрели выше. Но был и второй путь, - путь подготовки образованных кадров вне территории Турции. Этим путем широко пользовалось Общество Св.Саввы.

Святосавская школа, основанная в 1887 году⁴⁰⁸, основывалась с самого начала в Белграде с 3 классами начальными и 2 - подготовительными, т.к. подготавливали кандидатов в учителя. Уровень подготовки последних был не высок. Но эти 2 класса сохранялись с целью стимулирования учеников начальных классов, которые, надеясь на учительские места, заканчивали все 3 начальных класса, не довольствуясь лишь теми примитивными знаниями письма, чтения и арифметики, которые они получали в 1 классе⁴⁰⁹. Школа существовала для молодых людей родом из Старой Сербии и Македонии, приходивших в Белград на заработки. Днем они работали, а вечером выделяли 3 часа на получение образования, поэтому Школа с полным правом называлась вечерней.

←—————→

Из программы школы были удалены «естествознание», «физика», «общая история» и «французский язык» с тем, чтобы максимально облегчить обучение и дать больше часов на «чтение», «письмо», «арифметику», «географию и историю сербского народа». В то же время в программу обучения всех 5 классов был введен «турецкий язык и основы турецкого законодательства»⁴¹⁰.

Многие ученики школы были строителями, поэтому они ходили в школу лишь зимой, а в течение всего остального времени зарабатывали себе на жизнь. Тем не менее существовало и некоторое количество более постоянных учащихся, которые посещали школу регулярно, причем регулярность посещений существенно возрастала в старших классах. В год во всех 5 классах школы обучалось 150-200 человек⁴¹¹. Структура учащихся резко отличалась от тех, кто ходил в регулярные государственные школы Сербии. Питомцы Святосавской школы, в основном (80%), происходили из южной части Старой Сербии и Македонии, имели средний возраст 18 лет, и часто были из неполных семей (1/3 вообще не имела родителей, а еще 1/3 - только одного родителя). Ежегодно к экзаменационным испытаниям во всех 5 классах приступало порядка 60-80 учеников, из которых получало свидетельство (т.е. с успехом проходили экзаменационные испытания) около 50 человек, практически равномерно распределенных по всем 5 классам⁴¹².

Важно отметить, что для расширения сербского влияния в Старой Сербии те ученики, которые посещали школу по 2-3 месяца и учились лишь читать и писать имели не меньшее значение, чем те, кто полностью заканчивал 5 классов. Дело в том, что первые были как правило сезонными рабочими, и после того, как зарабатывали требующуюся им сумму денег, возвращались домой в Старую Сербию, унося с собой не только деньги, но и ростки чувства национального самосознания, которые им пытались привить в Вечерней школе. С другой стороны, закончившие весь курс обучения старались получить рабочее место в самой Сербии, и часто не испытывали особого желания вернуться на родину⁴¹³, т.е. получив субъективно большую выгоду от обучения, они играли меньшую объективную роль в процессе укрепления сербского национального самосознания в Старой Сербии. Следует при этом иметь в виду, что турецкие власти с особым подозрением относились к учителям или священникам, получившим образование в Сербии и пытавшимся применить свои знания в Старой Сербии, и чинили им всяческие препятствия. Подробнее этот вопрос мы рассмотрим ниже.

* * * * *

Развитие сербского просвещения в Старой Сербии было осложнено не только недостатком кадров и слабостью финансирования. Большие проблемы создавали и турецкие официальные лица различных уровней.

В 1886 году в Турции были образованы комиссии по просвещению («Меариф комиссион»), которые в основном состояли из местных мусульман и вилайетских инспекторов. С тех пор именно они

экзаменовали лиц, желавших заниматься педагогической деятельностью в Турции, и выдавали им свидетельства. Особые проблемы возникали на пути «нострификации» иностранных дипломов (т.е. полученных сербами в Королевстве Сербия)⁴¹⁴. Проблемы на пути сербского просвещения в Старой Сербии могли создавать не только члены комиссии, требовавшие отменного знания турецкого языка, турецких законов и географии. Некоторые чиновники просто вымогали деньги или, по крайней мере, сытный обед за счет школьной общины⁴¹⁵. Но гораздо опаснее были «честные и неподкупные», принципиально чинившие препоны на пути развития сербских образовательных заведений.

Так Петр Костич, занимавший в 1882-1889 годах пост начальника Семинарии, вспоминал об одном из таких усердных чиновников Тефик-бее, не бравшем приношений и не поддававшемуся на лесть. Его рвение доходило до того, что он заставлял полицейских рыться в грудях мусора, выбрасывавшихся из училища на берега реки Быстрицы, чтобы найти хоть какую-то компрометирующую и крамольную вещь. Наконец, уже в 1894 Костич нашел способ избавиться от ретивого служаки, хитроумным способом использовав помощь Белграда. По его предложению, упорный и непреклонный враг сербского народа был ... награжден Таковским крестом III степени. Эта неожиданная, в первую очередь для самого Тефик-бея⁴¹⁶, награда полностью уничтожила его авторитет среди мусульманского населения в городе, крайне затруднив его работу. Награждением заинтересовались и турецкие власти в столице, которые мудро рассудили, что дыма без огня не бывает, и вызвали его в Стамбул, где, согласно традиции, ему за прошлые заслуги дали повышения, но, учитывая сомнительную награду, позаботились о том, чтобы он, на всякий случай, поскорее умер.

Вмешивались в процесс образования даже официальные лица, не имевшие на это права. Например, британские путешественницы по Европейской Турции, посетившие Старую Сербию незадолго до Восточного кризиса 70-х годов, вспоминали, что учитель сербской школы в Косово опасался открыто использовать книги по истории Сербии, изданные в Белграде, объясняя это так: «Офицеры турецких полков часто заглядывают и шныряют по школе, а кавалерийские офицеры - часто венгры, казаки или поляки и могут читать славянские книги». Последнее замечание привело англичанок в недоумение: «Но эти краткие сухие истории не содержат ничего крамольного, а офицеры-христиане, вероятно, вас бы не обвинили». Это вызвало горький ответ учителя: «Другие, может быть, и нет, но поляки - больше турки, чем сами турки. Однажды один польский офицер заглянул через плечо одного из учеников и воскликнул:»Эй, учитель, что я вижу? Эти книги отличаются от болгарских, они из Княжества, и здесь есть кое-что об истории Сербии. Если еще раз это увижу, я донесу властям». Я задрожал с головы до ног и не знал, что сказать или сделать. К счастью, был тут и один казак, дезертир из русской армии, хороший человек, который нам всегда помогал. Вывел поляка из классной комнаты и сказал ему сердито, что они посланы в Приштину не с тем, чтобы вмешиваться в работу сербской школы. С тех пор история нашей страны изучается тайком»⁴¹⁷. Сами англичанки объясняли

то, что поляки, служащие в турецкой армии, «...более враждебны к своим славянским братьям, чем сами мусульмане...» тем, что они были «...склонны ненавидеть христиан в Турции, так как считали их русскими подопечными»⁴¹⁸.

Ситуация в области просвещения несколько изменилась в результате младотурецких реформ. Однако радикальных перемен не произошло, как по причине общей анархии не прекращавшейся в Старой Сербии до балканских войн, так и оттого, что сербское население этих краев с большим недоверием воспринимало происходившие перемены⁴¹⁹.

§3. Издательская деятельность.

Как мы уже отметили выше, печатная продукция играла крайне важную роль в пропаганде и просвещении в Старой Сербии. Еще в начале века до основания типографии в Сербии, торговцы и энтузиасты приносили в Старую Сербию различные церковные книги на церковно-славянском языке. В 40-ые годы XIX века в крае стали появляться отдельные учебники из Сербии, продававшиеся в мелочных лавочках: малый катехизис, малая священная история и арифметика. Затем, после Восточного кризиса 70-ых годов XIX века многие учебники погибли, и, кроме того, турки стали внимательнее относиться к их содержанию, так как начавшаяся пропагандистская война между Болгарией и Сербией способствовала тому, что конфликтующие стороны сразу же обращали внимание властей на антитурецкие высказывания в учебниках противника. Отдельные учителя должны были ограничивать все письменные педагогические материалы тем, что писали буквы на доске. Все это вынудило Сербию обратить серьезное внимание на ситуацию с учебниками. Пока в Старой Сербии не было сербских консулов, учебники пересылались в Турцию на имя русских консулов.

Издавалась и пропагандистская литература. Так, осенью 1884 года в Белграде был отпечатан календарь «Вардар» тиражом в 4000 экземпляров. Содержимое календаря делало его пригодным для пропагандистской работы как среди сербского населения Старой Сербии и Македонии, так и в европейской периодической печати за пределами Балкан. Изданию сопутствовали обычные накладки, когда весь тираж был выпущен из печати с опозданием, и большинство заказчиков из Европейской Турции уже разъехались по домам. Тем не менее, сразу же по выходу этого издания его удалось распространить в количестве 2500 экземпляров, в том числе и среди европейских журналистов. Особое внимание вызвала программная (вступительная) статья календаря, комментировавшаяся и переводившаяся в русских, немецких и австрийских периодических изданиях⁴²⁰. Кроме этого календаря, который планировалось переиздать и в 1886 году, в Сербии вышел еще целый ряд книг пропагандистского характера. Это были «Сербский мир» П.Никшича, а также «Деятельность съезда сербомакедонцев» и «Деятельность всех собраний», посвященные македонскому вопросу и предназначенные для распространения в Турции.

По своей собственной инициативе, тогдашний начальник Семинарии Петар Костич в 1884 году послал Министерству просвещения предложение координировать работу над сербской печатной продукцией с адекватными мерами в Стамбуле. Милан Гарашанин лично занялся этим вопросом и уполномочил самого Костича провести переговоры с Патриархией в Стамбуле и с Министерством просвещения Турции, опираясь на поддержку сербского посланника в Стамбуле Еврема Груича. Однако прогреческая Константинопольская Патриархия, выдвинув невыполнимые условия и потребовав крупной суммы денег за услуги, практически полностью устранилась от поддержки сербского просвещения в Старой Сербии⁴²¹.

У турецких чиновников Костич нашел куда больше понимания и смог предоставить на рассмотрение в Министерство 33 книги. Цензор в канцелярии также стал вымогать у Костича деньги, но тот воспользовался обходными путями и после долгих переговоров получил разрешение. Учебники предполагалось использовать старые, общесербские, лишь вырезав из них не пропущенные цензурой страницы. Эти книги должны были поступать из Белграда в Стамбул и после их одобрения вновь возвращаться в Старую Сербию.

Столкнувшись с проявлениями бюрократии, вымогательством и безразличием чиновников Порты и Патриархии еще молодой тогда Костич пришел в отчаяние. И лишь опытный в вопросах переговоров и сложных обходных путей Груич успокоил его, отразив, при этом, и слабость сербских позиций: «Нет у нас здесь ни жандармерии, ни армии нашей, чтобы мы могли кого-нибудь заставить, чтобы он поступил по нашему желанию. Поэтому довольно того, чтобы мы работали и имели выдержку, и таким образом мы чего-нибудь добьемся»⁴²².

Кроме учебников и церковных книг для осуществления пропаганды в Старой Сербии и Македонии в Турцию из Сербии ввозили художественные, научно-публицистические и иные издания.

Особого расцвета рассылка сербских книг и журналов в Старой Сербии достигла после 1908 и до 1912 года, когда в результате младотурецкой революции в Турции в 1909 г. была отменена цензура. Наиболее активным в этой деятельности было Общество Св.Саввы⁴²³. Оно ввозило свое периодическое издание «Братство», содержащее многочисленные этнографические и историко-географические материалы и статьи о сербских краях, еще не воссоединившихся с Королевством Сербией. Кроме «Братства» Общество издавало и ввозило в Старую Сербию отдельные книги, имевшие, вероятно, в глазах Главного комитета особое дидактическое значение, причем названия книг, такие как, например, «Историю болгаризма» или «Последний воин», говорят сами за себя⁴²⁴. Ввозился альманах «Вардар»⁴²⁵ схожей тематики - издание, которое для этой цели дарил Обществу Кружок сербских сестер. Общество занималось и целевой закупкой книг для распространения в Старой Сербии. Так, в 1907-1910 году общество приобрело: 100 экземпляров - «Мученики за свободу», Л.Комарича, 100 - «На развалинах Сербского царства» Й.Боцарича, 50 - «Леонардо да Винчи» Б.Николаевича, 50 -

«Милош Обилич» М.Гавриловича, 50 - «Южная Старая Сербия» Й.Хаджи-Васильевич, 10 - «Нечистая кровь» Б.Станковича.

Книги, предназначенные для научной и научно-популярной пропаганды сербского присутствия в Македонии и Старой Сербии, рассылались Славянским семинарам различных европейских университетов, Славянским Академиям наук и просто видным славистам и этнографам в Австро-Венгрии, России, Румынии, Болгарии⁴²⁶.

К таким книгам научно-пропагандистского и публицистического содержания относились многие книги о Старой Сербии и Македонии, появившиеся из-под пера сербских авторов в конце XIX - начале XX века.⁴²⁷ Многие из них, как, например, книга С.Гопчевича⁴²⁸ носили явно полемический характер по отношению к болгарским и болгарофильским кругам. Тон полемики был крайне резким, за видимым (не всегда присутствовавшим) академизмом обеих сторон скрывалось желание полностью дезавуировать соперника любой ценой, «разнести его по косточкам»⁴²⁹.

Кроме книг Общество ввозило в Турцию для распространения газету «Неделя», «Ежегодник Чупичевого фонда», журнал «Вестник Сербской Церкви», альманах «Летопись Матицы Сербской», периодические издания «Духовная стража», «Босанская вила», «Бранково коло».

* * * * *

Сербские печатные издания не только ввозились в край, но и издавались в самом Косовском вилайете. С 1871 по 1876 годы в вилайете даже выходила еженедельная газета «Призрен», на сербском и турецком языках освещавшая события в вилайете и новые постановления властей. Газета эта пользовалась поддержкой русского консула Ястребова и постоянно вызывала его споры с местными властями. Однако в связи с событиями Восточного кризиса издание на сербском языке было прекращено, и лишь в 1899 году в Стамбуле вновь появилось периодическое издание на сербском языке, называвшееся «Цариградский гласник»⁴³⁰.

В вилайетской типографии в Приштине были отпечатаны буквари, книги для чтения, учебники арифметики и некоторые другие книги. Ярким примером этих книг является хрестоматия, имеющая на титульном листе следующую надпись: «Первая книга для чтения начальных школ. Косово. [Отпечатано – А.Т.]В Приштине в вилайетской типографии 1884 года». В этой небольшой книжечке (72 страницы при формате 16 на 11 см) охвачены очень многие понятия: школа, семья, человек, поле. Издавались книги и в Салониках, например, «Учебник турецкого языка» Ибрагима Велича⁴³¹.

Тем не менее, основной поток литературы шел все-таки из Сербии. И если ее распространением в других частях Старой Сербии занимались, в соответствии с проектами МИД Сербии, сербские книжные магазины, получавшие определенную финансовую помощь от МИД, то в самой Старой

Сербии эти занималась Призренская Семинария. Лишь в 1894 году в Призрене также была открыта собственная книжная лавка.

Большую роль в распространении книг сыграли и путешествующие торговцы, которые получали книги от официальных органов или от частных обществ (Общество Св.Саввы) с тем, чтобы продавать их в Старой Сербии и Македонии по минимальной цене⁴³².

§4. Православная церковь в процессе интеграции сербского народа Старой Сербии.

Говоря о выживании сербского народа в Старой Сербии в течение последних шести веков, несмотря ни на какие угрозы его существованию, необходимо особенно подчеркнуть роль Православия. Православная церковная община была той организацией, где сербы спланивались и объединялись для достижения общих целей. Православие напоминало им славное прошлое и давало надежду на конечную победу. Именно православие было связующей нитью с поддерживавшей их мощной Россией. Православная вера и связанные с ней обычаи и традиции были фактически основным стержнем сербского национального духа. Изменявшие своей вере и переходившие в ислам постепенно не только забывали веру отцов, но и меняли привычки, а затем их потомки и вовсе растворялись в безграничном исламском море. Потомки сербов-потурцев в дальнейшем часто смешивались с многочисленным албанским мусульманским элементом⁴³³.

* * * * *

Основой всего православного сербского организма Старой Сербии были церковные общины. Именно они поддерживали православную церковь и были основным источником ее существования, в их ведении была деятельность начальных школ, которые, в конечном итоге, были главным инструментом укрепления сербского самосознания в Старой Сербии. Они были на протяжении нескольких веков турецкого ига главными представителями райи в их отношениях с мусульманскими соседями и властями. В более позднем периоде они стали основой для локальной сети этнической организации. Церковные общины существовали в столь важной функции практически у всех православных народов Балканского полуострова под властью Османской империи⁴³⁴.

Общины особенно активно стали возникать с 30-ых годов XIX века, когда турецкое правительство перестало безоговорочно запрещать строительство и восстановление православных храмов⁴³⁵. Процесс формирования общины шел с формирования инициативной группы, которые добывали у властей разрешение на строительство или восстановление храма⁴³⁶. По завершении строительства создавалась сама община, совет которой состоял из 8-12 человек (ремесленников, торговцев или богатых крестьян). Община регулярно собиралась на заседания, имела председателя и печать⁴³⁷.

Кроме непосредственной деятельности по сбору денег для церкви и заботы о церковном здании община выполняла еще множество функций. Она имела судебнo-нотариальную компетенцию в гражданских делах. Выдавала свидетельства о наследстве, заверяла завещания и договоры купли-продажи, внося эти документы в свои учетные книги. Специальный школьный совет, сформировавшийся в рамках общины, занимался устройством местной общинной начальной школы и контролем над педагогическим процессом⁴³⁸.

Турецкие власти официально не признавали церковные общины в качестве институтов власти или самоуправления, но *de facto*⁴³⁹ обращались с председателями общин как с полномочными представителями православного народа. Председатель часто получал статус «меджлис-векила» (депутата народа) в «меджлисах» (судах), когда дело касалось православных⁴⁴⁰. Неоднократными были и попытки лишить сербов этого института насильственными методами, с тем, чтобы подорвать эту основу сербского национального организма в Турции⁴⁴¹.

Непосредственными представителями церкви в парохиях (приходах) были священники. До 80-ых годов XIX века они в Старой Сербии обычно вербовались из грамотных и достаточно сведущих в церковных вопросах молодых людей. Поскольку обычно к этой категории относились дети священников, то часты были священнические династии, когда несколько поколений одной и той же семьи давало своему селу или городку приходских священников.⁴⁴² Священники жили как за счет регулярных сборов, которые были поделены на всех православных жителей parroхии, так и от нерегулярных даров, которые они получали за выполнение треб.

Территория Старой Сербии была поделена на несколько епархий⁴⁴³. Однако важнейшими в контексте нашего исследования являются рашко-призренская и скопская. Митрополиты и епископы, осуществляли контроль над священниками и, *de jure*, над образовательными институтами православной паствы, играя важную роль в укреплении национального самосознания сербского народа в Старой Сербии. Эти высокие духовные лица существовали за счет «мирии» (т.е. десятины), которую они имели право собирать со всех православных душ своей епархии. Кроме того, они получали вознаграждение за рукоположение священника, процент от прихода каждого священника и различные выплаты от сербского правительства (если речь идет о главах рашко-призренского и скопского епископств).

Представителями митрополита в крупных городах, входивших в его епархию, были «митрополичьи наместники», которые, как правило, избирались из духовных лиц. Они занимались предварительным разбором местных духовных дел, требовавших внимания митрополита, собирали «мирию», представляли митрополита перед местными властями и курировали вопросы местных православных школ⁴⁴⁴.

Важным процессом, происходившем в XIX веке внутри Православной церкви в Турции, было разделение интересов до того времени более-менее единого «рум-миле» («православной части подданных» или, дословно, «византийского народа»). С образованием национальных государств и активным ростом национального самосознания в деятельности церкви все более усиливались противоречия на этнической почве. Забыв наставления Св.Писания⁴⁴⁵, священнослужители и миряне разных национальностей вносили губительные распри в Церковь и рвали ее единое тело на куски.

Константинопольская патриархия находилась в Стамбуле, и ее возглавляли, по ряду объективных и субъективных причин, греческие иерархи. Они иногда поддавались соблазну использовать свое положение в узконационалистических греческих целях или просто в своекорыстных интересах⁴⁴⁶. Естественно, что подобная политика вызывала ответную реакцию на благодатной почве болгарского, сербского и румынского национализмов. В 1870 г. султанский фирман закрепил объединение ряда болгарских епархий в один экзархат. Непризнание в 1872 году на поместном соборе в Стамбуле законности болгарского экзархата раскололо Православную церковь внутри Турецкой империи. Оставшиеся в рамках Константинопольской патриархии сербские и цинцар-влашские церковные общины также выражали недовольство и стремились получить разную форму автономии.

Следы бурных дискуссий по поводу дальнейшей судьбы сербских православных приходов в Турции остались в обширной подборке документов известного исследователя Старой Сербии Йована Хаджи-Васильевича⁴⁴⁷. Возмущенные мздоимством, невниманием к интересам паствы и открытым пренебрежением к народным интересам сербские миряне и священнослужители задумывались над возможными планами реформы сербской церкви. Так, еще в 1874 году Печская церковная община выслала Константинопольскому патриарху предложение о решении церковного вопроса в сербских краях и проект будущего устройства сербской церковной организации в этих краях⁴⁴⁸. То, что в епархии, населенной, в основном, сербами, епископскую кафедру занимал обычно грек, было большой проблемой. В условиях турецкой империи, когда церковь была не только духовным, но и светским оплотом своих членов, понимание и забота владыки о насущных интересах своей паствы было крайне важно. Даже митрополит Мелентие (1854-1895) - грек, хорошо знавший язык славянского населения Старой Сербии и проявлявший заботу о сербских интересах⁴⁴⁹, уже не мог удовлетворить растущих потребностей сербского населения. Поводом для крайнего обострения отношений стала передача им в 1867 году Цинцар-Влашской общине старинной сербской святыни в Призрене - церкви Св.Спаса⁴⁵⁰. Митрополит вызывал неоднозначное отношение сербских прихожан и даже, иногда, стремление к его смещению.⁴⁵¹ Раздражение заставляло сербское население угрожать Константинопольской патриархии тем, «что может произойти то же, что и в Болгарии»⁴⁵². Однако, до событий Восточного кризиса все попытки поставить сербского владыку на епископские кафедры в Скопье и Призрене были обречены на провал⁴⁵³.

Однако, после активизации сербской работы на южном направлении после 1885 года этот процесс сдвинулся с мертвой точки. Долгие и кропотливые переговоры велись дипломатическими представителями Сербии. Переписка премьер-министра Сербии и сербского посла Стояна Новаковича отражает характер этих переговоров. Фактически, они приняли вид торгов, причем, чем меньше было сербского элемента в епархии, тем больше хотели получить греческие представители Патриархии, предвидя крупные конфликты с экзархистами⁴⁵⁴. В 1895 году Новакович предоставил Джорджевичу конкретные «расценки услуг Патриархии»: «Переговоры с Патриархией начаты в 1886 году после болгарской войны на основе того, что Патриархия даст нам два или три епископских места, а мы ей дадим определенную оговоренную заранее сумму денег, примерно около 12000 динар за три или два места владыки. Если бы обсуждалось Скопье, тогда бы, в любом случае, пришлось идти этим путем. Что касается Призрена, то можно надеяться на завершение этого дела без денег»⁴⁵⁵. В результате всех этих посланий в 1898 году сербские попытки увенчались успехом, и во главе Рашко-Призренской епархии встал епископ-серб. Вскоре и во главе Скопской епархии был поставлен епископ-серб.

Кроме усилий вокруг места владыки, большие затруднения вызывала охрана сербских святынь и служителей церкви от агрессивного мусульманского албанского населения, не пропускавшего случая вновь и вновь обогатиться за счет православных.⁴⁵⁶

Особенно тяжелым было положение Дечанского монастыря в Метохии, где албанское население со времен раннего средневековья было значительным по количеству⁴⁵⁷. Дипломатические акции Сербии не вызвали никакого существенного изменения в реальном состоянии дел в вилайете. Тяжелое материальное положение монастыря было усугублено и позицией очередного настоятеля Иоаникия (1896-1901), стремившегося найти выход из сложных условий в сговоре с австрийским консулом и открыто выступавшего против сербских национальных интересов. Лишь в 1901 году, после долгих усилий удалось прекратить его сложные интриги и сместить с места главы монастыря. Монастырь, являвшийся важной православной святыней, находился в глубоком кризисе. В 1901 году в Призрене даже был основан «Комитет по защите Высоких Дечан». Продолжение затруднений вынудило сербское правительство, не способное самостоятельно разрешить сложившиеся вокруг бедствовавшего монастыря проблемы, начать в 1902 году переговоры с Россией и в 1903 году передать ее монахам монастырь в пользование.⁴⁵⁸

Важным аспектом анализируемой нами проблемы было то, что Православие занимало важное (а может быть и важнейшее) место среди глубинных ценностей сербского народного сознания. Хотя в бытовой жизни были нередки случаи дружеского союза, взаимовыгодного контакта и даже побратимства с мусульманами, в некоторых случаях моральные установки сербов были крайне жесткими.

Защита народной веры и ненависть к потурченцам оставались важными ценностными ориентирами жителей Старой Сербии⁴⁵⁹.

Несмотря на то, что сербское правительство после окончания Восточного кризиса в конце XIX века не поддержало четнические операции на территории Старой Сербии, сербское население Косова, Метохии и приграничных территорий самостоятельно выполняло свои ежедневные моральные обязанности по защите православия. Показательный случай описывает сербский офицер пограничной стражи Алекса Богосавлевич, имевший большой опыт общения с албанцами и относившийся к ним весьма объективно⁴⁶⁰. Албанцы, жившие в Турции, долго охотились на священника приграничного сербского села Н.Печанаца (выходца из города Печ в Метохии), отличавшегося принципиальностью в отстаивании православной веры. Однажды несколько албанцев перешли границу и подкараулили свою жертву из засады. Впрочем, преимущество неожиданности не помогло нападавшим, и завязалась активная перестрелка. Н.Печанцу удалось застрелить двух из нападавших албанцев. Лишь заклинившее ружье позволило нападавшим приблизиться и, воспользовавшись численным превосходством, одолеть мужественного священника, зарезать его, ограбить и, в знак своей победы, унести его отрезанную голову. Узнавшие об этом сербские прихожане срочно собрали общий сбор. На нем крестьяне, имевшие печальный опыт бесполезного ожидания помощи от властей, решили действовать сурово и молниеносно. В отместку за убийство любимого и уважаемого Н.Печанца они решили убить любого мусульманского ходжу. Так как все мужское население вызвалось участвовать в выполнении этого почетного задания, то пришлось даже тянуть жребий. Вытянувшими жребий оказались опытный в подобного рода акциях старик и молодой 17-летний парень. После долгих поисков в глубине турецких территорий им удалось найти одного ходжу, которого они и убили, а после, отстреливаясь от преследовавших их албанцев, вернулись в Сербию. Как вспоминал 17-летний участник событий, лично застреливший ходжу, отрезанную у убитого ходжи голову они возложили «...на могилу попа, и положили ему под крест, чтобы ему было спокойнее лежать в гробу без головы.»⁴⁶¹

Таким образом, стремление к отстаиванию своей веры было так сильно развито у сербов Старой Сербии, что любые действия, направленные на охрану веры, не считались недопустимыми. В биографии С.Андреевича-Игуманова, известного сербского благотворителя⁴⁶², чей моральный облик не подвергается сомнению ни одним сербским историком, Костич упоминает без всяких комментариев как одну из его заслуг следующий эпизод:»Покойный Сима свою православную веру ценил больше своей жизни. Так, когда он был молод, один турок хотел заставить Симу обругать веру и крест, Сима однажды утром подкараулил его на берегу Быстрицы, убил и бросил в Быстрицу»⁴⁶³.

Впрочем, противостояние мусульманской экспансии выражалось не только в вооруженных столкновениях с фанатичными представителями ислама. Многочисленны были случаи, когда сербские девушки, похищавшиеся мусульманами, предпочитали мученическую смерть перемене веры⁴⁶⁴.

В Старой Сербии и Македонии взаимные претензии сербской и болгарской сторон порой доходили до невероятных размеров.⁴⁶⁵ Одной из важнейших точек преткновения, актуальных в контексте

Глава IV. Сербские четы в Старой Сербии.

§1. Начальный этап деятельности сербских чет.

Болгария в границах Сан-Стефанского договора 1878 года стала недостижимым идеалом болгарского национального объединения, закрепив в сознании ее народа представление об обширных пространствах, населенных болгарами. Мощным инструментом в борьбе за отстаивание национальных интересов Болгарии в Македонии и на сопредельных территориях был Болгарский экзархат. Сразу же после Объединения с Восточной Румелией Болгарское княжество перешло к активным действиям в Македонии и Старой Сербии.

Сербские интересы в Старой Сербии и Македонии практически не были защищены. Нарушение Болгарией всех международных конвенций и захват ею части территории Турции убедили Сербию серьезнее заняться поддержанием своих национальных интересов в Македонии и Старой Сербии. Этой цели способствовало созданное в августе 1886 года «Общество Св.Саввы»⁴⁷³. В 1887 году в Министерстве просвещения проводится реструктуризация и выделение отдельного Политико-просветительского отдела МИД⁴⁷⁴. В соответствии с «Планом М.Гарашанина по укреплению сербского влияния в Македонии и Старой Сербии» от 1885 года большую роль в защите сербских интересов в Македонии и Старой Сербии стали играть сербские консульства, открытые в 1880-х - нач. 1890-х годов.

Болгарская сторона не могла спокойно наблюдать за действиями Сербии в Старой Сербии и Македонии⁴⁷⁵. В 1893 году в Салониках была создана Македонская революционная организация, поставившая целью завоевание автономии для Македонии. А в Софии в 1895 году открылась Македонско-Одринская организация, во главе с Верховным Македонско-Одринским комитетом. «Одинаковые цели давали возможность для сотрудничества и взаимодействия двух организаций. Особенно активным сотрудничество стало в 1899 году, когда заграничными представителями ЦК ВМОРО были Гоце Делчев, Гьорче Петров, а во главе Верховного комитета стал Борис Сарафов...»⁴⁷⁶ С 1895 эти организации начали свою деятельность, ликвидируя «уличенных шпионов»: сербских и греческих православных священников, монахов, учителей и просто авторитетных людей⁴⁷⁷.

В 1897 году Сербия и Болгария подписали соглашение о том, что «...вопросы, затрагивающие интересы сербского и болгарского народов в Османской империи, будут подлежать совместному обсуждению обоих правительств, ни Белград, ни София не будут предпринимать в одностороннем порядке каких-либо действий, которые могли бы привести к нарушению status quo; обе стороны обязываются не препятствовать друг другу в национальных, церковных, школьных вопросах до тех пор, пока не будут утверждены на основе взаимного согласия сферы интересов в европейских землях Османской империи...»⁴⁷⁸. Убийства сербских учителей и священников болгарские агенты в Македонии и Старой Сербии не прекратили⁴⁷⁹.

На заседании Сената Королевства Сербии, проведенном 10 ноября 1901 года, представители всех политических партий выразили обеспокоенность положением в Старой Сербии. Но официальным властям Сербии было не до того - во всю шатался трон, правительства менялись, а большая часть политического внимания была сосредоточена на межпартийных сварах. Династия Обреновичей доживала свои последние месяцы.

Важно заметить, что не все четы, действовавшие в Македонии, находились под прямым управлением проболгарских и прогреческих организаций. Некоторые повстанцы обращали свои взгляды к Сербии, и это не было чем-то новым.

17 марта 1878 года 74 бывших добровольца сербской армии (уроженцы Скопской, Велешской, Прилепской, Поречской и Дебарской областей) обратились к сербским военным властям с просьбой о помощи. Они просили, чтобы им выдали 300 ружей «острагуш» с боеприпасами, а потом под командованием 15 унтер-офицеров и 2 офицеров разрешили перейти в свои края для поднятия восстания православных против Турции. В офицерах им было отказано, но они получили не только 300 «острагуш», но и 2000 ружей системы Пибоди, с большим количеством патронов ко всему оружию. Все это было переброшено в район Куманова и Кривой-Палананки, где активно использовалось⁴⁸⁰.

Щедрая помощь сербских властей все-таки не смогла помочь успеху восстания, но вооруженные отряды наполнили Старую Сербию и Македонию. При поддержке военных властей в Турцию забрасывались новые вооруженные отряды. Например, в 1879 году из Ниша в Старую Сербию перешел Мицко Крстич с соратниками. Переброску и подготовку четы осуществил Никола Рашич и военные власти г. Вранье. Отряд дал бой турецким аскерам в районе Криве-Паланке. Другая чета под командованием Спиры Црне-Големинойского 14 марта 1880 года вступила в бой с превосходящими силами турок и албанцев в районе Овчего поля. Было убито 40 турок и албанцев, но, к сожалению, погиб и сам Спиро, после чего чета распалась. Вранье стало базой повстанцев, там они имели помощь гражданских и военных властей.

Ситуация изменилась 19 сентября 1880 г., когда либеральный кабинет Йована Ристича был заменен на правительство прогрессистов Милана С. Пирочанца. Эту смену кабинетов вызвали как не совсем удачные для Сербии результаты Берлинского конгресса, так и активность Австрии в связи с подписанием австро-сербского торгового договора. Новые ориентиры внешней политики сводились к проавстрийской ориентации и добрососедским отношениям с Турцией.

В конце 1880-1881 гг. после ряда поражений в Старой Сербии и Македонии некоторые четнические отряды вновь прибыли в Сербию и обратились за помощью к сербскому правительству, чтобы получить помощь деньгами и оружием⁴⁸¹. Сербские⁴⁸² четники из Старой Сербии, перешедшие в Сербию и разместившиеся во Вранье, просили выслать им хотя бы 1000 ружей старой системы и помочь продовольствием, для того, чтобы они могли продолжать борьбу. Но, новое сербское пра-

вительство не только не помогло им в формировании чет, но и запретило пребывание отрядов на территории Сербии. Меньшая часть четников решила продолжить борьбу и погибла в боях⁴⁸³, часть вернулась к родным очагам, а остальные осели в Сербии.

В начале XX века, несмотря на продолжавшийся отпор властей, положение радикально изменилось, просьбы выходцев из Старой Сербии и Македонии о помощи в организации боевых отрядов и помощи оружием и деньгами были услышаны⁴⁸⁴.

* * * * *

В это же время несколько сербских интеллектуалов решили действовать самостоятельно. Подробный рассказ о первых шагах на пути создания Сербской Революционной Организации содержится в мемуарах⁴⁸⁵ одного из участников - Стевана Симича⁴⁸⁶.

Симич родился в 1882 году в местечке Кратово в семье шерстобита. В родном городке он закончил сербскую школу «старого образца», т.е. существовавшую исключительно на деньги местной сербской общины и организованную без помощи консульства, в результате чего уровень преподавания был невысок. Начальные классы сербской гимназии Симич закончил в Скопье, а позднее в Стамбуле Симич закончил Высшую Сербскую Гимназию. Проработав некоторое время учителем, Симич отправился в Белград, где поступил на Философский факультет Белградского университета⁴⁸⁷.

Судьба столкнула Симича с доктором Милорадом Годжевцем. Годжевац родился 1 марта 1860 года в г.Валево. Окончил гимназию в Белграде, и медицинский факультет в Вене. По окончании факультета работал сначала в г.Княжевац, а потом в Белграде⁴⁸⁸. Медицинская практика давала ему чрезвычайно широкий круг общения, в который входили и многочисленные выходцы из Старой Сербии.

Вокруг Годжевца сформировался определенный круг друзей и единомышленников⁴⁸⁹, озабоченных бедственным положением сербов в Старой Сербии и Македонии, находившихся под двойным натиском албанских башибузуков и болгарских террористов⁴⁹⁰. Одним из таких будущих соратников М.Годжевца был доктор юридических наук Василие Йованович, происходивший из семьи сербов, переселившихся из Скопье в Белград. Он родился в 1874 г. в пути, когда его семья навсегда уходила из родных мест. Юридический факультет он закончил в Белграде, а докторантуру - в Брюсселе⁴⁹¹. В Белграде занимался адвокатурой. В компании этих интеллектуалов, озабоченных положением сербского народа в Турции был и предприниматель - Лука Челович (Требинец). Он родился в 1852(1854?) году в селе Придворица рядом с Требиньем. Став учеником торговца, он покинул село и ушел в Белград на заработки. В 1875 году он оставил свое успешное дело и отправился участвовать в боснийско-герцеговинском восстании, после этого воевал добровольцем I и II сербо-турецкие войны. По окончании военных действий в Белграде Челович вернулся к торговле и опять преуспел.

До самой своей смерти он занимался благотворительностью, помогая сербским четникам, Обществу Св.Саввы и Белградскому университету⁴⁹². Не обошлось и без кадрового военного - генерала Йована Атанацковича, родившегося в 1848 году в Неготине, выпускника Военной академии в Белграде. Й.Атанацкович занимал пост военного министра с 10 декабря 1899 г. по 12 июля 1900 г. и с 29 мая 1903 г. по 2 августа 1903 г.⁴⁹³ Вопреки официальной линии Сербии на мирное просветительство в Старой Сербии и добрососедские отношения с Турцией, генерал поддерживал Годжевца и его друзей⁴⁹⁴.

Для людей из круга Годжевца стало ясно, что мирными средствами сербские национальные интересы защитить было невозможно, требовалась жесткая, революционная деятельность. Беженцы и просто приезжие из Старой Сербии сообщали об активности болгарских организаций и мусульманских башибузуков. Ряд встреч, состоявшихся в ноябре 1902 года между вышеперечисленными людьми, привел к общему выводу - медлить больше нельзя.

То, что Майский переворот практически не сказался на деятельности организаторов Сербской Революционной Организации(СРО), даёт нам возможность предположить, что королем и официальными властями они не инспирировались⁴⁹⁵. Роль катализатора в организации СРО сыграли события в Македонии и Старой Сербии, произошедшие весной - летом 1903 года.

После начала Илинденского восстания в Белграде прошло несколько митингов. Соратники М.Годжевца собрались «на старом Калемегдане перед памятником князю Михаилу»⁴⁹⁶. Они выразили неудовлетворение примиренческой внешнеполитической линией Сербии, неспособностью Турции обуздать анархию и бесконечными провокациями со стороны Болгарии. Выступали: протоиерей Алекса Ивич, преподаватель и литератор Риста Одавич, государственный советник Живан Живанович, студент Еврем Симич, журналист Йован Чая и последним - рантье Наум Ямандиевич, одетый в народный македонский костюм. Сразу же после митинга значительное число выходцев из Старой Сербии и Македонии, обратилось к М.Годжевцу, Й.Атанацковичу и В.Йовановичу с просьбой «записать их в четники»⁴⁹⁷.

Наконец, в середине сентября 1903 года, ночью, в просторном доме Л.Человича, по приглашению группы Годжевца, собрался широкий круг авторитетных представителей сербского общества для обсуждения будущих действий. Присутствовали: доктор Милорад Годжевац, шеф санитарной муниципальной службы; доктор юриспруденции Василие Йованович, помощник адвоката; генерал Йован Атанацкович, канцлер королевских орденов; Диван Иванович, государственный советник; Любомир Ковачевич, бывший министр и член Академии наук; Яша Проданович, преподаватель; Милутин Степанович, казначей Министерства Иностранных Дел; Любомир Стоянович, преподаватель университета и член Академии Наук; Светозар Стефанович, управляющий рестораном на железнодорожной станции в Белграде. Радушным хозяином был богатый торговец Лука Челович, чье

гостеприимство, впрочем, отпугнуло некоторых. Например, преподаватель университета Любомир Йованович отказался прийти, не желая входить в дом «отъявленного спекулянта»⁴⁹⁸.

Председательствовал Й.Атанацкович, а М.Годжевац обратился к собравшимся с речью, в которой он вкратце описал тяжелое положение сербского народа в Старой Сербии и Македонии, выразил уверенность, что необходимость перехода к активным действиям назрела и пригласил собравшихся организовать в общий сбор (т.е. примкнуть к группе Годжевац - Атанацкович - Йованович).

М.Степанович выразил сомнение в чистоте стремлений группы М.Годжеваца, и намекнул на то, что многие в Белграде, в том числе и он, считают, что за группой Годжеваца стоят «франкмасоны», стремящиеся дестабилизировать положение в Санджаке, чтобы дать повод Австро-Венгрии оккупировать его. В результате сначала чуть не дошло до рукоприкладства. Ссора М.Годжеваца и М.Степановича была вовремя погашена, и в инициативный комитет был включен еще ряд соратников⁴⁹⁹.

Второе заседание состоялось через 3 дня в канцелярии генерала Й.Атанацковича. Кроме присутствовавших в прошлый раз пришли: Стефан Чиркович, торговец; Голуб Янич, рантье из района Гостивара; Любомир Йованович, преподаватель Университета; Любомир Давидович, преподаватель; майор Петар Пешич и некоторые другие. Й.Атанацкович говорил о необходимости как можно быстрее формализовать комитет в организационные и программные рамки, П.Пешич рассказал о своих впечатлениях, полученных им во время недавнего путешествия по Македонии и Старой Сербии⁵⁰⁰. М.Годжевац призвал присутствующих хранить все в строжайшей тайне, т.к. о происходившем не должны были знать не только представители иностранных государств, но и правительство Сербии, занимавшее официально миролюбивую позицию в отношении Турции.

На этом собрании было решено существовавший доселе инициативный комитет впредь называть Главным, а в помощь ему создать более широкий - Центральный Революционный Тайный Комитет в Белграде - ЦРТК(Б)⁵⁰¹. В ЦРТК(Б) были выделены три секции - революционная, финансовая и пропаганды. Революционную секцию возглавлял Й.Атанацкович, входили в нее - М.Годжевац, Л.Челович, Г.Янич, а секретарем был В.Йованович.⁵⁰² В финансовой секции председательствовал С.Чиркович, членами были - С.Стефанович, Л.Давидович, М.Степанович и несколько других лиц. В третьей секции - пропаганды, главой был Ж.Живанович, а входили в нее - Л.Ковачевич, Я.Проданович, Л.Йованович.

На том же собрании приняли Статут организации, а секции пропаганды было поручено написать «мягкое» обращение, чтобы оповестить сербскую общественность о создании «комитета по помощи угнетенным братьям в неосвобожденных краях»⁵⁰³.

Для революционной борьбы нужны были люди, но еще больше нужны были деньги. Поэтому через несколько дней после организационного собрания финансовой секцией была организована «конференция», на которую были приглашены богатые люди, склонные к меценатству и матери-

альной поддержке интересов сербского народа в Старой Сербии. После ряда речей представителей революционной и пропагандистской секции собравшимся предложили сделать взносы. После этого собрания комитет получил крупную сумму, но ... недостаточную. Оружие, боеприпасы, одежда, продовольствие для чет стоили дорого. Тогда ЦРТК(Б) был вынужден заняться сбором необходимых сумм денег обходя белградских предпринимателей, ремесленников и промышленников. Средства собирались не только с представителей сербской национальности, в основном, добровольно помогавших СРО, но и с белградских евреев. Последние не выражали по этому поводу особого энтузиазма, и лишь активный нажим С.Стефановича, уполномоченного СРО, угрожавшего «боевиками и адскими машинками»⁵⁰⁴, способствовал получению денежных средств и от них.

ЦРТК(Б) не была единственным объединением национально мыслящих сербов. Приблизительно в то же время в Белграде была основана благотворительная организация «Коло српских сестара» («Кружок сербских сестер»)-КСС)⁵⁰⁵. Собираемые этой организацией деньги и помощь беженцам из Македонии и Старой Сербии (многие из которых участвовали в восстании с оружием в руках), сыграли значительную роль в укреплении рядов чет СРО. Финансовую помощь четникам, находившимся в Сербии на временном отдыхе, оказывали центральное и местные отделы «Общества Св. Саввы»⁵⁰⁶.

* * * * *

Как и в 1881 году, инициатива вооруженной акции родилась во Вранье. Город находился рядом с сербско-турецкой границей, волны беженцев, переселенцев и сезонных рабочих из Старой Сербии проходили через него. В городе было много военных и пограничников, знавших о тяжелом положении сербов на той стороне границы и стремившихся помочь им, пускай и вопреки государственной политике.

Именно такие люди и собрались вокруг Живоина Рафаиловича, офицера сербской армии. Он родился в 1871 году в с.Мионица в районе г.Валево. По окончанию 6 классов гимназии он поступил в Военную Академию. В 1903 г. Рафаилович дослужил до капитанского звания, но после занятия Рафаиловичем руководящего места в СРО турецкий посол в Белграде Фети-паша надавил на официальный Белград, и Рафаиловичу пришлось оставить службу⁵⁰⁷.

На первых собраниях, проведенных в августе 1903 года, было решено организовать комитет, в состав которого вошли: Живоин Рафаилович, капитан сербской армии, - председатель; Миле Цупара, управляющий начальной школы, - секретарь; Панта Йованович, управляющий гостиницы, - казначей. Членами правления стали - Тома Стаи, торговец; Велимир Карич, аптекарь; Светислав Лукич, начальник железнодорожной станции; Тома Джурджевич, судья; Сима Златичанин, преподаватель; Божа Драгичевич, ветеринар; Милан Граовац, инспектор монопольного управления. Этот комитет получил официальное название - Исполнительный комитет центральной революционной органи-

зации во Вранье (или же Исполнительный четнический комитет Вранье), а разговорное название было Исполнительный комитет Вранье - ИК(В)⁵⁰⁸.

Окончательное решение о создании ИК(В) было принято 29 августа 1903 года. В час ночи в здании начальной школы г.Вранье собрался весь состав ИК(В). Протоиерей Дмитрие Павлович привел всех к присяге, которую принимали на Евангелии и кресте, образованном скрещенными кинжалом и револьвером⁵⁰⁹. Сразу же по принятию присяги ИК(В) перешел к решительным действиям: за короткое время в кассе удалось собрать 60.000 динаров. Тем временем Рафаилович отправился в Лесковац и Ниш, где также были образованы ИК. Во главе ИК(Л) стоял протоиерей Стеван Комненович, а в число членов входили местные мещане Сотир Тодорович, Джордже Лешняк и священник Пера Велькович. ИК(Н) возглавил Тодор Станкович. После этого Рафаилович отбыл в Белград, где вступил в контакт с М.Годжевцем и ЦРТК(Б). Центральный Комитет принял на себя функции стратегической координации, представительства, вербовки добровольцев и логистической базы, а Исполнительные комитеты (особо активно действовал Вранянский комитет) - тактическое управление на турецкой территории, боевую подготовку и непосредственную заброску чет⁵¹⁰.

Для вооружения чет генерал Михайло Сречкович, председатель стрелковых союзов выделил значительное количество современных по тому времени винтовок системы Маузер-Милованович со 150 патронами⁵¹¹. Иногда четники получали и более старые винтовки системы Пибоди-Мартини⁵¹². Кроме винтовок, четники были вооружены кинжалами и гранатами⁵¹³. Воевода, кроме обычного вооружения четника, имел пистолет, бинокль, часы и планшет.⁵¹⁴

Кроме вооружения четники обеспечивались одеждой: формой из грубого сукна белого, кофейного или реже черного цвета, папахой, портупеей, ремнями, ранцами, платком, нижним бельем. Если сукно было белым, то форму шили по образцу македонского народного костюма, если другого цвета - по шумадийскому типу.⁵¹⁵ Кокарды на папахах носили изображение белого двуглавого орла и надпись: «Свобода или Смерть». Имевшееся иногда знамя изображало крест на белом фоне⁵¹⁶. В качестве наград прославленные воеводы получали именные сабли⁵¹⁷.

Четники получали определенное количество средств и на закупку у местных жителей провiantа и необходимой одежды на смену.

Для организации было необходимо пространство для размещения оружия, боеприпасов, экипировки, проведения собраний и подготовительных мероприятий. Во Вранье такая база была получена благодаря тому, что Ж.Рафаилович был женат на Наталье Йованович, дочери богатого вранянского торговца Янчи Йовановича, помогавшего национальному делу. Отряды четников перед заброской жили в гигантском подвале Я.Йовановича, где имели место для огневой подготовки и тренировок⁵¹⁸. В Белграде в пользование комитета сербская митрополия выделила здание бывшего богословского училища, которое находилось справа от соборного храма.

§2. Боевые акции сербских чет.

Первая чета был послана из Белграда через несколько дней после того как деятельность ЦРТК(Б) и ИК(В) была координирована в результате встречи М.Годжевца и Ж.Рафаиловича. Во Вранье прибыло 8 человек, командиром которых ИК(В) назначил Арсу Гавриловича, выходца из Гостиварского края.

Переход границы был намечен в районе с.Буштранье, переход четы с сербской стороны прикрывало двое сербских пограничников с заставы «Русце» и двое провожатых Неделько и Василие Марковичи из с.Буштранье. Учитывая, что это была первая чета, провожал ее и сам Ж.Рафаилович. После перехода границы чета отправилась в глубину турецкой территории, а пограничники с Рафаиловичем вернулись на заставу.

В самой Старой Сербии логистическая опора⁵¹⁹ еще не была достаточно разветвленной и надежной, и, в основном, размещалась лишь в Прешевской казе⁵²⁰: в Буяновце учитель Лаза Божович, в монастыре Св.Прохора Пчиньского отец-эконом Неделько⁵²¹.

В монастыре Св.Прохора Пчиньского чета А.Гавриловича и нашла приют, проведя там день. С наступлением темноты чета выдвинулась далее на юг. Однако вскоре четники услышали стрельбу, а после того и увидели болгарскую чету, ведущую перестрелку с турецким военным подразделением. Гаврилович поддержал огнем болгарскую чету (как выяснилось позднее под руководством Николы Пушкарева). Турки после неожиданного удара с фланга поспешно отступили. В перестрелке был ранен Гаврилович, который в дальнейшем скончался от заражения крови. Чета Гавриловича была вынуждена перейти назад в Сербию, с сербским отрядом границу перешла и болгарская чета. Во Вранье болгарские и сербские четники были приняты и размещены ИК(В) и лично Ж.Рафаиловичем.

Перспектива сотрудничества с болгарскими четами (или, по крайней мере, мирного сосуществования) привлекала СРО. С другой стороны, болгарские комитеты после поражения, понесенного в результате Ильинденского восстания, могли быть заинтересованы в добрососедских отношениях с сербами. В октябре 1903 года в Скопье на переговоры Ж.Рафаиловичем был послан четник Василие Трбич⁵²², кроме него сербскую сторону представляли Светозар Томич, и.о. директора Гимназии в Скопье и Михаил Манчич, портной из Скопье⁵²³. С болгарской стороны присутствовали многие видные представители - весь местный комитет из Скопье, др. Николов, председатель болгарской организации из Скопье, Дамьян Груев, Христо Матев, Милан Войницайлиев, драгоман русского консульства в Скопье, Петар Поп-Арсов. Болгарские представители требовали ведения пропаганды и просветительской работы на всей территории Европейской Турции исключительно на болгарском языке. Целью выдвигалась общая борьба за автономную Македонию. Сербская сторона (В.Трбич) настаивала на применении сербского языка на равноправных правах с болгарским. Это воспринималось болгарскими представителями как «требование раздела Македонии» и не рассматривалось

ни при каких условиях. Трбич покинул переговоры, - договор между сербскими и болгарскими четниками не удался.

В то же время в Белграде Годжевац сделал попытку договориться с представителями болгарских четников из Софии. По его приглашению из Болгарии в Белград прибыли двое: Атанасов и Михайлов, которые пробыли в Белграде 4 месяца и за это время провели около 50 встреч с М.Годжевцем, на этих встречах присутствовал в качестве секретаря майор П.Пешич⁵²⁴.

Переговоры вновь провалились из-за «языкового вопроса». На этот раз сербская сторона (М. Годжевац) предложила в качестве компромисса «взять из четырех вилайетов четырех неграмотных старух, которые никогда не были ни в Болгарии, ни в Сербии», и язык, которым они говорят, использовать как язык взаимного общения и пропагандистского материала⁵²⁵. Но попытка переговоров вновь сорвалась. Это практически означало начало взаимного противостояния⁵²⁶.

Впрочем, взаимное общение на уровне сербских и болгарских общественных организаций⁵²⁷ продолжало развиваться. В начале 1904 года в Софию прибыла делегация сербских студентов⁵²⁸, которая подписала там призыв к борьбе за независимость Македонии, без деления ее на зоны влияния и за решение ее судьбы в рамках Балканской конфедерации⁵²⁹. К сожалению, призывы оставались лишь словами, а непосредственные действия в Старой Сербии и Македонии развивались в рамках сербских и болгарских четнических формирований.

* * * * *

Симич, ездивший в Софию и участвовавший там в подписании призывов о совместном решении Македонского вопроса, по возвращению в Белград зашел к М.Годжевцу, чтобы поделиться с ним информацией о настроениях болгарского студенчества и болгарского общества в целом. Доктор Годжевац предложил ему съездить в Турцию⁵³⁰, чтобы наладить там логистическую базу для четников СРО, на что Симич с готовностью согласился. Генерал Й.Атанацкович перед отъездом подарил Симичу пистолет с 50 патронами, а начальник консульского отдела МИД Королевства Сербии Светислав Симич - пожелал ему успеха в выполнении миссии.

Тем не менее Ристич, консул Сербии в главном городе Косовского вилайета - Скопье, принял Симича прохладно. Ристич подчеркнул, что значительная часть вилайета находилась под влиянием болгарских чет и выразил опасение, что активизация сербской политики неминуемо приведет к полной потере Косовского вилайета⁵³¹. В среде городской интеллигенции - среди преподавателей гимназий в Скопье, Битоле, Салониках Симич также натолкнулся на негативное или нейтральное отношение. В лучшем случае, вместе с негативной оценкой возможных последствий четнических акций он получал обещание помочь при самых крайних обстоятельствах, «если очень понадобится»⁵³². Сельские учителя и священники, жившие дальше от властей и в большей степени ощущавшие свою

незащищенность, смотрели на ситуацию иначе⁵³³. Впрочем, настроения последних также зависели от концентрации экзархистского или, напротив, патриархистского населения в их районах. Вокруг Куманова, где население мало поддерживало болгарские четы, Симич также столкнулся с сомнениями в необходимости четнической борьбы⁵³⁴. Противоположные настроения Симич обнаружил в районе Кривой Паланки, где доминировала болгарская пропаганда, охраняемая кинжалами болгарских четников⁵³⁵. Господство враждебных элементов в Кривой Паланке было стратегически опасно, так как это практически отрезало все южные области Старой Сербии и Македонии от Сербии. В то же время, именно находившийся в 50 км Кюстендил играл в Болгарии роль, которую в сербской четнической акции сыграло Вранье.

Результаты своей экспедиции Ст.Симич изложил в письменном виде и передал один экземпляр Годжевцу, а второй Св.Симичу, обратив его внимание и на то, что пассивная позиция М.Ристича может иметь негативные последствия для сербских интересов в Старой Сербии и Македонии⁵³⁶.

Непосредственная система местных опорных баз была во многом заимствована у болгарских четников⁵³⁷. Сначала в селе находили несколько сочувствующих, а после их круг постепенно расширялся. На общем собрании всех взрослых жителей села объяснялись священные обязанности каждого настоящего «патриота» (срб.»родољуб»). Общими обязанностями становились взаимное согласие (чтобы не ссориться и не доносить властям в личных целях), умеренность в потреблении алкоголя (чтобы не проговориться), не обращение к турецким судам, наблюдение за движением войск и полицией, строгое и своевременное подчинение приказам четников. После этого присутствующие приносили массовую присягу на кресте из револьвера и кинжала, лежащем на Евангелии.

После присяги выбирался местный комитет, состоявший из председателя, местного воеводы, казначея, курьеров и местных четников, которые сразу же получали оружие и боеприпасы. Местные четы должны были выставлять ночную стражу вокруг села, отражать возможные нападения враждебных чет или случайных разбойников и, в случае необходимости, поддерживать постоянные четы, вступившие в боевые действия на их территориях.

Отдельные срезы и области должны были иметь свои постоянные четы, которые регулярно курсировали от места до места. В холодное время четы переходили границу и зимовали в Сербии. Во время нахождения в Турции их действия координировал Горский штаб, возглавляемый наиболее авторитетным воеводой одного из чет. Так складывалась организация СРО, которая помогла сербским четникам за 5 лет изменить баланс сил в Македонии и Старой Сербии⁵³⁸.

* * * * *

В апреле 1904 года ЦРТК(Б) подготовил к засылке следующую после четы А.Гавриловича крупную группу четников. Эта чета шла под руководством воеводы Анджелка Алексича⁵³⁹, насчитывала

свыше 25 человек и была хорошо подготовлена. 9 мая чета перешла границу в районе с.Буштрание, а 12 мая была окружена турками и уничтожена⁵⁴⁰. Это печальное происшествие произошло рядом с селом Четирац и получило название «четирацкая трагедия»⁵⁴¹. По сведениям генерального консула в Скопье М.Ристича, в ходе сражения погибло 24 четника, 1 турецкий полицейский и 3 турецких солдата⁵⁴².

М.Ристич отреагировал на эти события крайне негативно, узнав, что чета перешла из Сербии, что ее провожал Жика Рафаилович⁵⁴³, и что обо всем этом мероприятии знал начальник враньского округа. Консул, опасаясь дипломатических осложнений с турками, охарактеризовал действия Ж.Рафаиловича, как «ерундовые проделки, которые являются ничем иным как предательством». Турки официально не признали, что чета была сербская и в своем официальном сообщении написали, что чета болгарская⁵⁴⁴. Той же позиции предлагал своему правительству придерживаться и М.Ристич. Несмотря на все эти уловки, великий везирь уже 29 мая выразил официальному представителю Сербии в Стамбуле свое удивление и разочарование тем, «что сербское правительство дает свободу комитетчикам»⁵⁴⁵.

Неудача не остановила СРО и вскоре были подготовлены четыре новые четы. Их воеводами были: Риста Сушицкий, Джордже Цветкович, сын знаменитого Димитрия Цветковича, участвовавшего добровольцем в сербско-турецких войнах 1876-1878 гг., Глигор Соколович и Велько Мандарчев. Двое последних уже имели опыт четничества в местных гайдуцких четах. Г.Соколович должен был отправиться в Прилепский край, Р.Сушицкий должен был поддержать воеводу М.Крстича в Поречье⁵⁴⁶, В. Мандарчев направлялся в район Скопье, а Д.Цветкович в район Черного Дрима⁵⁴⁷. В Македонии В.Мандарчев вместе с проводником Бобевым разоружил четников своей четы и расстрелял тех, кто был родом из Сербии, после чего отправился в Скопье. Остальные четы дошли до мест назначения и начали активную деятельность⁵⁴⁸.

В ноябре 1904 года в Турцию была заброшена чета⁵⁴⁹ Йована Станойковича (прозванного Довезенский по селу, где до перехода в четники он работал учителем), насчитывавшая свыше 20 человек. В его чете были и капрал пограничной стражи Сербии по имени Коста родом из Печа - прославленный в будущем как Коста Печанац, был и младший унтер-офицер Джордже Скоплянац. Чета курсировала на левой стороне Вардара по Прешевскому, Кумановскому, Кратовскому, Кривопаланачкому, Скопскому и Малешевскому району. Результативные действия четы Й.Довезенского стали первым успехом СРО, имевшим резонанс по всей Старой Сербии и Македонии⁵⁵⁰.

Под рождество 1904 года через полузамерзший Вардар перешел воевода Тренко Руянович, прорвавшийся с 6 бойцами до сербских сел в районе г. Бабуна. В марте 1905 года границу перешла многочисленная чета, в составе которой были сербские офицеры Борко Паштрович, Воя Танкосич и

Активизация чет вызвала негативную дипломатическую реакцию Турции, Порты потребовала от сербского правительства сделать все возможное, чтобы помешать СРО забрасывать свои отряды в Турцию. Положение особенно осложнилось в северо-западной части Старой Сербии, в Рашке.

В этой области сербский народ находился под двойным давлением, с одной стороны - турки и потурченцы, как и во всех остальных частях Старой Сербии, с другой стороны - австрийцы, пытавшиеся склонить сербское население Рашки на свою сторону. Они пытались использовать условия Мюрцштегского договора между Россией и Австро-Венгрией, по которому последняя имела право военной интервенции в северо-западной части Косовского вилайета в случае возникновения беспорядков. Если бы Австро-Венгрии удалось оккупировать Рашку под предлогом «умиротворения», вероятно, ее бы ждала такая же судьба в 1908 г., как всю Боснию и Герцеговину.

Поэтому тайные агенты Австро-Венгрии, также как и ее военнослужащие и чиновники, активно подталкивали сербское население края к мятежу. Австро-Венгрия посылала своих агентов, соривших золотом и выдававших себя за представителей Сербии, которой якобы «было нужно сербское восстание в Санджаке»⁵⁶⁰. Хорошим предложением для восстания могло быть повышение налогов, которое предприняла Турция к негодованию сербских жителей Рашки. К обязательной султанской десятина было добавлено 1,5-2% налога на поддержку национальных школ и 6% повышения общего налога.

Австрийский консул хорват граф Драшкович под предлогом охоты посещал сербские села и советовал крестьянам «не платить никаких новых налогов, обещая им свою помощь и угощая их в кабачках». Аналогичные разговоры проводили и несколько офицеров австро-венгерской армии, ходившие по селам и занимавшиеся пропагандой в том же направлении⁵⁶¹.

Особенно опасной была пропаганда мусульманских бегов, богатых землевладельцев и откупщиков, подкупленных австрийцами или видевших, что дни Турции сочтены, и предпочитавших Австро-Венгрию православной Сербии. Так, например, Мехмед Баирович, почетный паша, член мусульманского совета, богач, главный поставщик австро-венгерской армии во всем Новопазарском санджаке. Он говорил, что эти повышенные налоги платить не стоит, что мусульмане не могут выступить против этого налога, потому что султан - их царь, а вот у сербских крестьян руки развязаны⁵⁶².

Взбудораженный народ не могли успокоить ни турецкие власти, ни даже агенты сербского МИД, напрямую получавшие инструкции от министра иностранных дел Сербии. Народ считал, что: «пусть их оккупирует, кто захочет, но платить ничего нельзя»⁵⁶³.

Горячие головы в комитете в Сербии были склонны использовать ситуацию для начала восстания. Представители комитета давали обещания поддержки сербам из Рашки, приехавшим в Сербию. Более того, в Рашку прибыли тайком два представителя комитета. Они проводили опрос, кто желает присоединения к Сербии, кто - к Черногории, обещали помощь в случае восстания, предлагали людям оружие. Посланцы были выходцами из Плевальского края и, что самое важное, работали в Сербии

«в силовых структурах»⁵⁶⁴. Восставшие крестьяне не стали нападать на город, а начали грабить и уничтожать имущество горожан, находившееся в сельской местности, не разбирая, где сербское, а где мусульманское⁵⁶⁵.

Восставшие собрались в горах и там разбили свой лагерь. Оттуда они послали своих уполномоченных в Сербию и в Черногорию за оружием⁵⁶⁶. Отсутствие помощи со стороны двух сербских государств заставило восставших прийти к горьким и скоропалительным выводам: «Если нам не отменят все повышения налогов, то в течение 2 дней нужно переходить на сторону Австрии, которая ждет этого с распростертыми объятьями. Все готовы дать письменное согласие, которого требует австрийский генерал. А ждать чего-либо от Сербии и Черногории бессмысленно, т.к. уже долго ждали и никакой помощи нет.»⁵⁶⁷

Двойственная политика официальной Сербии стала вызывать недоумение и у агентов сербского МИД. Они высказывались в том смысле, что если уже наступило время для восстания, то восставать надо всем и идти до последнего, а если нет, то властям Сербии надо сдержать не в меру активных комитетчиков. Учитывая то, что абсолютное большинство сербских жителей Рашки имело больше симпатий к Австрии, чем к Турции, разрастание восстания могло бы вызвать почти бесприпятственное расширение австрийской зоны оккупации.

Правительство Сербии было вынуждено принять меры. В сентябре 1905 г. Йован Жуйович, министр иностранных дел Сербии, написал Мирославу Спалайковичу, консулу Сербии в Приштине подробное письмо с инструкциями. Он отметил, что «...в последнее время многие предствители нашего народа из краев приштинского, печского, призренского, беранского, плевльского переходят массаами в Сербию и требуют оружия и патронов», оправдывая просьбу мусульманскими притеснениями. Далее Жуйович сделал логичное предположение, что «...положение в этих краях действительно очень тяжелое, но неизвестно точно, изменится ли оно к лучшему по выдаче оружия, в особенности, еслии последнее дают без системы и плана». Министр предположил, что положение сербского населения может и ухудшиться из-за усиления мусульманского раздражения. Поэтому консулу было предложено оказать все усилия к приостановлению раздачи оружия⁵⁶⁸.

В результате интервенции русского консула г.Орлова восстание в Плевле было прекращено⁵⁶⁹, но против четниической организации были предприняты новые акции⁵⁷⁰. В августе 1905 года начальник Враньского округа окружил жандармами дом Ж.Рафаиловича, обыскал дом и изъял 180 винтовок и несколько тысяч патронов⁵⁷¹. Ж.Рафаилович и многие члены ИК(В) в знак протеста ушли в отставку. Ж.Рафаилович переселился в Белград, где его избрали председателем четнического союза. Место главы ИК(В) занял Любомир Вулович. Он прославился по всему Вранью своим подвалом, где его приближенный Яне топором ликвидировал неугодных⁵⁷². В поддержку В.Рафаиловича в отставку ушли М.Годжевац, В.Йованович и Й.Атанацкович. На их место встал Джордже Джорджикович, бывший

поручик сербской армии родом из Джевджелии⁵⁷³. Авторитетом он не пользовался и обязанности председателя Белградского комитета пришлось исполнять Аксентию Руяновичу-Бацете⁵⁷⁴.

В начале 1906 года ЦРТК(Б) возглавил Любомир Давидович, а секретарем стал майор П.Пешич, причем М.Годжевац, В.Йованович и Й.Атанацкович вернулись в комитет⁵⁷⁵. Вулович на посту председателя Враньского комитета был сменен Душаном Туфегджичем, обновился и состав ИК(В), в который вернулись многие старые члены⁵⁷⁶.

Уже 4 марта 1906 г. в МИД пришло сообщение, что лидеры восстания в Плевле встречались с представителями комитета и получили от них указание не выступать против властей, а полученное оружие спрятать и ждать сигнала для общего выступления⁵⁷⁷.

Л.Йованович (вероятно Любомир Йованович - профессор Белградского университета) обратился с предложением к ЦРТК(Б) с письмом, где доказывал, что комитет должен послать в Рашку своих представителей для организации людей в крае и для предотвращения опасности восстания, выгодного только Австрии⁵⁷⁸. В то же время военный министр Сербии Радомир Путник писал объяснительные записки министру иностранных дел Сербии о том, что военное министерство никогда не перебрасывало в Косовский вилайет оружие без предварительной договоренности с МИД Сербии⁵⁷⁹. Почти в то же самое время в МИД поступает предложение об организации сербского народа в Рашке от Чеды Поповича, капитана сербской армии⁵⁸⁰. Этот капитан был упомянут в письме Л.Йовановича, упоминавшего Ч.Поповича в качестве одного из 4 возможных кандидатов на посылку в Рашку в качестве эмиссаров ЦРТК. Интересно, что в числе трех предполагавшихся спутников Ч.Поповича стояла и кандидатура Петра Тошича, который, как мы уже отмечали выше, приезжал в Плевальский комитет накануне всеобщего выступления в качестве посланника ЦРТК. Л.Йованович писал⁵⁸¹, что Ч.Попович имел разрешение начальства на «отпуск», а для его спутников разрешение только предстояло получить «через их начальство», что позволяет нам сделать вывод о том, что ЦРТК имел поддержку на довольно высоком уровне⁵⁸².

Несмотря на обостренность ситуации в северо-западной части Старой Сербии, МИД Сербии поддерживал четников в центральной и юго-восточной части Косовского вилайета оружием, не просто одобряя, но и помогая в его передаче, судя по донесению, предоставленному сербскому консулу в Приштине дипкурьером⁵⁸³. Курьер сообщил, что шеф консульского отдела МИД Сербии Йован Йованович поручил найти более простой путь переброски оружия в Турцию без использования прямого, но опасного пути напрямик через Скопский санджак. В качестве предложения был выдвинут путь в обход Шар-планины, вплоть до Тетова. С помощью сербских агентов (учителей сербских школ) были найдены обходные каналы через Сириничскую жупу или через Гнилян. Оружие должно было идти через Косово для поддержки сербских четников в юго-восточной части Старой Сербии.

Боевые операции сербских чет продолжались с особой активностью и в 1906 году против турецких солдат, болгарских отрядов и албанских башибузуков⁵⁸⁴. Албанские бандиты и болгарские националисты развязали к тому времени в Македонии и в Южной части Старой Сербии неслыханный террор. Они убивали сербских учителей, священников и просто авторитетных людей, нагнетая атмосферу страха⁵⁸⁵. В селах действия болгарских четников отличались примитивной жестокостью, в городах же убийцы из болгарских комитетов работали по отработаному плану. Жертву выслеживало несколько человек: стрелок и прикрытие. После выстрела стрелок медленным шагом удалялся с места покушения, а прикрытие разбегалось во все стороны, призывая на помощь и истошно крича, чем создавалась спасительная для террористов паника, в которой убийца скрывался в доме одного из сочувствующих движению горожан⁵⁸⁶. В случае невозможности прямого убийства болгарские агенты шли на хитрость. Например, управляющего сербских школ Д.Димитриевич, которого было трудно убить, просто скомпрометировали в глазах турок. Ему подбросили в прихожую сверток с динамитом и письмом, содержащим призывы убить районного начальника и взорвать мечеть. Вместе с Д.Димитриевичем были арестованы поп Зачир и еще несколько сербских активистов⁵⁸⁷.

В 1906 году в южной Старой Сербии состоялось 5 крупных столкновений, в которых участвовали четники, - на г.Паклиште 19 января, у с.Челопек 25 января, у с.Берово 19 апреля, у с.Шталковица 3 мая, у с.Бойловац 16 июля, на г.Куртин(Крушев) камен 12 августа⁵⁸⁸.

Важным ударом по болгарским позициям стала битва на г.Куртов(Крушев) камен в районе с. Папарадиште, где 12 августа 30 сербских четников Стевана Недича и Душана Радивоевича разбили три болгарских четы, ликвидировали троих болгарских воевод, захватили пленных и получили много трофейного вооружения⁵⁸⁹.

В 1907 году крупнейшие сражения состоялись 21 января у с.Владиловца, 23 февраля на г.Ячинцу, 24 февраля в с.Стрновце, 23 апреля у с. Нежилова⁵⁹⁰, 1 мая у с.Крстец⁵⁹¹, 27 мая в районе с. Дренова и 2-4 июля у с. Пасьяны⁵⁹².

У с.Владиловца 21 января был ликвидирован воевода Антон, чех по национальности, офицер болгарской армии и 10 его солдат⁵⁹³, на шум выстрелов подоспели турки и сербские четники были вынуждены принять бой и с ними⁵⁹⁴. 27 мая в районе Велешкого с. Дренова состоялось знаменитое⁵⁹⁵ сражение, где против болгарского воеводы Стевана Вардарского выступили четы В.Трбича⁵⁹⁶ и Й.Бабунского⁵⁹⁷. В результате этого сражения болгарский воевода Вардарский был убит, а село Дреново перешло под контроль сербских четников⁵⁹⁸. В кровопролитном деле при Пасьянах, длившемся 3 дня, 2-7 июля погибли в сражении с турками и албанцами два сербских воеводы Драголюб Николич и Душан Радивоевич⁵⁹⁹.

В результате успешных действий сербских четников в кампанию 1905 года, дополненную успехами 1906 года, сербские четники стали хозяевами в юго-восточной части Старой Сербии и

многих районах северо-западной Македонии, вытеснив оттуда болгарские четы⁶⁰⁰. Не справлявшаяся с ситуацией Болгария была вынуждена применить регулярную армию⁶⁰¹. Передав сообщение в Сербию и Турцию о якобы имевшем место в гарнизоне Дупницы мятеже и самовольном уходе из части с оружием батальона регулярной армии, болгарская сторона перебросила 93 своих солдат с оружием, в болгарской форме со всеми знаками различия под командованием капитана М.Чакова. После перехода границы это военное формирование соединилось с несколькими болгарскими четами, так что общее число бойцов возросло до 300-400 человек. По сведениям русских дипломатов, черпавших информацию из болгарских источников, отряд насчитывал 5 воевод, несколько офицеров, 2 фоенных фельдшеров и 280 солдат болгарской армии⁶⁰². 28 июня 1907 года было начато наступление на сербские села, в результате чего было сожжено село Раклье Прилепского среза, где было вырезано 33 местных жителя. Против болгарских чет тут же выступили четы Г.Соколовича, Й.Бабунского⁶⁰³, Й.Белоцерквенского, Й.Долгача, Ц.Марковича и В.Трбича⁶⁰⁴. Ситуацию осложнили подразделения турецкой армии и жандармерии, что привело к тому, что болгары и сербы стреляли друг в друга, а по ним стреляли еще и турки. Наконец, 30 июня сербские четы отступили, а болгары, защищавшиеся на горе под названием Нож, были полностью уничтожены⁶⁰⁵. События эти получили нежелательную для Болгарии огласку и бросили определенный свет на “независимую” деятельность македонских четников. Болгария, с целью придания своей акции в Старой Сербии анонимности, была вынуждена заказать в Австро-Венгрии 1000 ружей системы Манлихера для вооружения своих чет в Турции⁶⁰⁶. Австро-Венгрия поспешила поддержать в Старой Сербии своих ставленников - албанцев и, в особенности, албанцев-католиков. Масштабы этой деятельности, а также каналы ее распространения случайно были обнаружены в 1908 г. в Призрене. Тогда во время пожара во дворе католической церкви, в результате которого сгорел дом местного католического священника, прибежавшие на помощь для тушения пожара с удивлением увидели среди имущества священника 7 больших патронных ящиков, с ... 7.000 патронов⁶⁰⁷.

Активная и результативная деятельность сербских чет в Старой Сербии вызвала давление на Сербию со стороны России⁶⁰⁸, Австрии⁶⁰⁹, Англии⁶¹⁰ и Франции⁶¹¹. Давление продолжалось в течение всего 1907 года и выражалось в форме устных и письменных нот и в личных беседах дипломатов великих держав с представителями правительства Сербии и с королем Петром. Официально Сербия заявляла о своей непричастности к четнической акции, т.к. правительству претило “...насилие, несовместимое с идеей славянской культурности.”⁶¹² Однако русскому послу в Сербии удалось узнать из достоверных источников, что в то же время было “... предписано Сербским консулам в Турции способствовать организации чет из местных жителей в Македонии и (Старой -А.Т.)Сербии и снабжать их денежными средствами и оружием.”⁶¹³

В 1908 году после аннексионного кризиса большое значение получила организация Народная оборона⁶¹⁴, в состав которой вошли многие деятели СРО и среди них: М.Годжевац, В.Йованович, Й.Атанацкович, Ж.Рафаилович, Л.Челович, Л.Йованович, В.Карич и В.Маринкович. Народная оборона стала новой формой организации четнических отрядов, в которой правительственные и военные элементы стали играть большую роль, а партийное соперничество - меньшую⁶¹⁵. С тех пор все функции ЦРТК(Б) перешли к Народной обороне, просуществовавшей до 1941 года.

В самой Турции 8 июля 1908 года произошел государственный переворот, и к власти пришли младотурки. Парламентские реформы, которые они пообещали, делали четнические организации ненужными и даже вредными как для защиты национальных интересов в Турции, так и для поддержания репутации отдельных балканских наций в глазах Запада. Сербские четы было решено легализовать и распустить.

Пользуясь объявленной амнистией сербские, болгарские и албанские четы спустились с гор и с триумфом вошли в города. Но, радость оказалась преждевременной. Дальнейшие события показали, что надежды на мирное сосуществование в рамках незначительных реформ неосуществимы. Согласно донесению русского дипломатического агента в Косовском вилайете Тухолка от 22 июня 1908 г., «...в Прешевской, Гилянкой и Кумановской казах арнауты разошлись по христианским селениям и обложили население рядом натуральных повинностей. Свои требования они основывают на том, что Султан им возвратил конституцию, то есть прежнее управление по духовному закону «шариата» и, следовательно, то блаженное для них время, когда мусульманин был полным и неограниченным хозяином над бесправною христианскою раею.»⁶¹⁶

Мусульманское население Старой Сербии и Македонии не могло понять и принять уравнение в правах с «неверными». Ну, а христиане не были готовы к толерантному диалогу экзархистов и патриархистов.

Воспользовавшись правом для некоторых категорий христианского населения носить оружие, болгары и сербы держали постоянные четы наготове, легализовав их под видом сторожей. Сельские четны также не ослабляли свои организации, держа оружие в укромных местах, а организации в сборе⁶¹⁷. Не помогли младотуркам и их попытки жестокими мерами собрать у населения все оружие⁶¹⁸.

Уже в августе 1912 года сербские воеводы в Старой Сербии получили задания принять новое оружие и подготовить людей к тому, чтобы стать арьергардом наступающей сербской армии⁶¹⁹. С тех пор сербские четы, фактически перестали выполнять обычные для них функции локальных защитников православного населения от притеснений болгарских чет и отдельных мусульманских погромщиков.

Таким образом, лето 1912 года стало концом первого этапа четнического движения⁶²⁰, на протяжении которого сербские четники полностью выполнили свою задачу, обеспечив личную

←—————→

безопасность и свободу веры и просвещения сербскому народу южной части Старой Сербии и Македонии. Четы оставались в сербской истории, как важный феномен национально-освободительной деятельности в Старой Сербии, который осведомленные русские дипломаты считали «продуктом сербской организации на местах»⁶²¹.

Заключение.

Сербский народ в Старой Сербии в конце XIX - начале XX веков находился в сложных условиях, пытаясь выжить в биологическом смысле этого слова, а также сохранить и укрепить национальный идентитет под влиянием разнообразной иностранной пропаганды и подрывной дипломатической активности. Росло напряжение в сербо-албанских отношениях. Русские дипломаты на Балканах рисовали портрет албанских лидеров достаточно неприглядно: «Эти люди давно уже привыкли продавать свои услуги то Порте, то Австрии, то Италии, а нередко и всем троем вместе»⁶²². Подобную склонность к «внешней политике» албанские дидеры сочетали со склонностью к тому, что теперь характеризуется как бытовой криминал. Например, по донесению русского генерального консула из Янины, Джемаль-бей Влора «отказывался платить налоги, избивая турецких чиновников и неугодивших ему купцов. Избил своего врача, адвоката. А когда у него возник с соседним беем спор из-за 30 десятин земли, он «разрешил» его, напав на соседа во главе 600 человек вооруженной челяди. Это не мешало Джемаль-бею ходить на завтрак в итальянское консульство не иначе, как в смокинге, и выписывать книги из Парижа и Рима»⁶²³. О порядках, царивших в Старой Сербии, свидетельствует народный обычай, имевшийся у сербов из района Косовского поля: «Ничему нельзя удивляться [радоваться], потому что чужак-мусульманин [албанец] может это увидеть и отнять себе»⁶²⁴.

Не много помощи народ получал и от греческого духовенства, т.к. деятельность греческого (а отчасти и впитавшего фанариотские привычки славянского) клира в Старой Сербии не всегда была на высоте. По этому вопросу важно мнение русского консула И.С.Ястребова, многолетнего представителя России в различных районах Старой Сербии и сопредельных территорий, человека для косовских сербов легендарного, автора нескольких научных монографий об истории и этнологии региона⁶²⁵.

«Главные пастыри и вообще народ были заняты интригами, ссорами и раздорами около выбора...» священнослужителей. «Греческое духовенство нисколько не лучше оказалось и после уничтожения печской патриархии». Алчность, мздоимство и равнодушие к судьбе паствы были отличительными чертами представителей греческого духовенства в Рашко-призренской и Скадарской митрополиях. «Настоящий митрополит ни о чем столько не заботится, как о собрании своих доходов - таксы на венчания, за разводы и прочая. - Разъезжает по епархии единственно с этой целью и вполне заслужил в народе прозвище «таксильдара» - сборщика податей. О просвещении паствы нисколько

не заботится. Ему и горя мало, есть ли школы или нет.⁶²⁶ Преосвященный Мелетий предпочитает рукоположить простого пастуха коров, чем кончившаго курс семинарии... только бы митрополит имел 10-30 лир за такую милость. Бывали случаи, что рукоположенные не знали почти ни читать, ни писать, не говорю уже о знании своих обязанностей».

Учитывая всю тяжесть положения, в котором оказался сербский народ в Турции, результаты сербской акции в Старой Сербии в конце XIX – в начале XX века, в целом, можно характеризовать как удачные, хотя и со значительными оговорками. Если сразу после 1878 года православное сербское население этого региона было примерно равно по численности с албанской мусульманской общиной, то к концу изучаемого периода, православное сербское население края составляло менее 40%, тогда как славяне-мусульмане и албанцы имели более 50%⁶²⁷. Сербскую внешнюю политику осложняла нестабильность режима поздних Обреновичей, которая вела к непоследовательности предпринимаемых действий как внутри страны, так и за её пределами. Как писал еще в 1878 году русский военный агент Бобриков, характеризуя положение дел в Сербии: «Сербский народ - прекрасный материал..., но его не подготовили к современным событиям..., систематически развращая мелкими интригами внутренней политики.»⁶²⁸ Поддержку сербским интересам в регионе не удавалось получить от Вены, которой стремился угодить Милан Обренович, и в то же время охладились отношения с официальным Петербургом. В результате случалось, что русские дипломатические представители в регионе вступались за сербские интересы вопреки официальной внешнеполитической линии Белграда.⁶²⁹ Ситуация стала трансформироваться сравнительно поздно, уже с воцарением династии Карагеоргиевичей, и с установлением «полуторапартийной» диктатуры Н.Пашича.

Тем не менее, несмотря на общую анархическую ситуацию в Старой Сербии и все остальные негативные факторы, сербское население Старой Сербии все-таки дождалось освобождения в 1912 году, внося свой вклад в действия регулярным воинским формированиям в освобождении Косова.

Резюмируя выводы, сделанные нами на основании проделанного исследования по изучению сербской акции в Старой Сербии в 1878-1912 годах можно сказать следующее.

Во-первых, несмотря на политические бури и партийные междоусобицы, у сербской политической элиты был определенный план действий в направлении Старой Сербии, сложившийся после многих попыток составления проекта действий. Этот план был зафиксирован в рабочих документах М.Гарашанина, сохранившихся в его личном фонде в Архиве Сербии. Важно отметить, что абсолютное большинство политических партий Сербии уделяло большое внимание проблеме Старой Сербии, поддерживая активную деятельность сербского правительства в этом направлении. Партийные дрызги ослабляли и замедляли, но не прекращали деятельность сербского «глубинного» государства, т.е. его административных, офицерских, академических и коммерческих кругов, которые не забывали национальные интересы за повседневными дрызгами.

Во-вторых, Сербия, начиная с начала 80-ых годов XIX века, приступила к упорядоченной государственной координации своих культурно-пропагандистских действий в этом регионе. Практический опыт заставил сконцентрировать все эти усилия в рамках одного отдела, подчиненного Министерству иностранных дел. Сербские консульства в регионе фактически превратились в национальные штабы, руководившие деятельностью местных сербских деятелей церкви и просвещения по защите и моральному укреплению сербского элемента в Старой Сербии. Сербское правительство, столкнувшись в южном направлении экспансии с албанской проблемой, было вынуждено заняться ее разрешением, как в самой Сербии, так и в сопредельных частях Турции. Недостаточные результаты деятельности сербского правительства в 80-ых и 90-ых годах XIX века получили в начале XX века негативную оценку. Корректирование внешнеполитического курса стало важным элементом сербской стратегии в начале XX века. Сербская акция, столкнувшаяся с вооруженным противодействием со стороны болгарских агентов, была вынуждена и сама прибегнуть к более решительным мерам, отказываясь от политики исключительно мирных действий, предложенной М.Гарашанином.

В-третьих, учитывая то, что меры, оказываемые сербским правительством, были недостаточно последовательны и действенны, значительным фактором, поддерживающим существование сербского населения в Старой Сербии, стала личная активность лучших представителей сербского народа, независимо от того, сидели ли они за столом переговоров, молились в монашеских кельях или брали на прицел очередного обидчика веры и народа. Особенно важна была их работа в тех случаях, когда официальные сербские институты были бессильны. Сербское население Старой Сербии в этих целях создавало благотворительные и кредитные фонды и занималось меценатством. Важную роль в укреплении сербского национального самосознания в Старой Сербии сыграли православная церковь, сербские учебные заведения, издательская деятельность и попытки организации сербских политических объединений.

В-четвертых, в начале XX века сербская активность в Старой Сербии обрела новые формы - этническую деятельность. Хотя само появление сербских чет в Старой Сербии стало своего рода антитезой предшествовавшей политике, не стоит забывать, что новое движение развивалось на логистической базе сербских религиозно-просветительских учреждений, а в дальнейшем и всей консульской сети, созданных в ходе I-го периода «мирной деятельности». Сербские четы после необходимого укрепления национального сербского духа в Старой Сербии, стали логичной формой деятельности, дополнявшей культурно-просветительскую работу по поддержанию сербского элемента в Старой Сербии.

Таким образом, можно сделать вывод, что победа Сербии в Старой Сербии, которая нашла выражение в блестящих операциях 1912-1913 годов, была подготовлена действиями многих людей. Часть из них находилась на службе, другие были ли в полуофициальной зависимости от государ-

- «Јужни преглед» јун и јули 1930 // репринт Приштина, 1997.
- «Новое время», 1878-1885; 1900-1904.
- «Русская Беседа», 1858.
- «Военное обозрение», 1862.

Опубликованные источники:

1. Kosovo. In the heart of the powder keg. Compiled and edited by Robert Elsie. New York, 1997.
2. Британски путници о нашим крајевима у XIX веку. Нови Сад, 1993.
3. Дипломатска преписка Краљевине Србије. Том I (1. јануар 1902-1. јуна 1903). Уред. В.Ђоровић. Београд, 1933.
4. Дневник рада Сената Краљевине Србије за 1901 годину (стенографске белешке). Београд, 1902.
5. Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1901-1914. т.I, св.2 15/28 фебруар 1904 - 31 децембар 1904 /13 јануар 1905. Београд,1998.
6. Извештај Слободана Јовановића о посети српским конзулатима у Турској из 1894. године. // Историјски гласник. 1987. №1-2. СС. 193-215.
7. Југословенски национални и државни програм кнежевине Србије из 1844. године. Сремски Карловци, 1931.
8. Краков С. Пламен четништва, Београд, 1930.
9. Марковић С. Србија на Истоку // Целокупна дела. т. VIII. Београд, 1995.
10. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. под ред.Ключников Ю., Сабанин А. Т.I. Москва, 1925.
11. Меморандум Срба из Старе Србије и Македоније Међународној конференцији мира у Хагу 1899 године. // Филолошки факултет. Београд. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ. LIII-LIV. Београд, 1988.
12. Никола П.Пашић. Писма, чланци и говори (1872-1891). Приредили Л.Перовић, А.Шемјакин. Београд, 1995.
13. Николић-Стојанчевић В. Додатак. Документи. // Лесковац и ослобођени предели Србије 1877-1878 године. Етничке, демографске, социално-економске и културне прилике. Лесковац, 1975.
14. Перунчић Б. Писма српских конзула из Приштине 1890 – 1900. Београд, 1985.
15. Регуничић В. Svedočanstvo о Kosovu. 1901-1913. Beograd, 1988 .
16. Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995.
17. Писма Бранислава Нушића Михајилу Г. Ристићу.// Историјски гласник. 1989. №1-2. СС. 131-146.
18. Писмо Н.Пашића К.Таушановићу-Гргуру.// Историјски гласник. 1971. №1. СС.119-132.
19. Поповић Н. Успомене и Поповић Ј. Живот Срба на Косову од 1812. до 1912. // Плач Старе Србије. Косово, 1982.

20. Преписка о арбанским насиљама = Correspondance consemant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille-Serbie (Vilayet de Kosovo): 1898-1899. Београд, 1998 (по изданију МИД Србије 1899 г.)
21. Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.
22. Ракић М. Конзулска писма. 1905-1911. Приредио А. Митровић. Београд, 1985.
23. Савременици о Косову и Метохији, 1852-1912. Избор. Д. Батаковић. Београд, 1988.
24. Србски епос. Москва, 1960.
25. Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998.
26. Споменица Јована С. Бабунског. Београд, 1921.
27. Сборник договора Русије с другима државама. 1856-1917. Москва, 1952.
28. Србија, 1878. Београд, 1978.
29. Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Београд, 1997.
30. Трбић В. Мемоари, I кн. Београд, 1996.
31. Шопов А. Дневник, дипломатички рапорти и писма. Софија, 1995.
32. Џамбазовски К., Грађа за историју македонског народа из Архива Србије. Т. III, кн. II. Т. IV, кн. I. Београд, 1984-1985.

Литература:

1. Albanci. Ljubljana, 1984.
2. Balkanikus (Протич С.) Албанска проблема и Србија и Австро-Венгарија. С.-Петербург, 1913.
3. Bataković D. The Kosovo chronicles. Beograd, 1992.
4. Bogičević V. Emigracija muslimanske Bosne i Hercegovine u Tursku u doba Austro-Ugarske vladavine 1878-1918. // Historijski zbornik. № 1-4. Zagreb, 1950
5. Cvijić J. La Péninsule balkanique: Géographie humaine, Paris. 1918.
6. Dzeletović-Ivanov P. Jevreji Kosova i Metohije. Beograd, 1988.
7. Folić Lj. Crucified Kosovo. Desecrated and destroyed orthodox serbian churches and monasteries in Kosovo and Metohia (June 1999 - May 2001). Beograd, 2001.
8. Forced and premediated demographic explosion of albanian national minority in Serbia. Belgrade, 1992.
9. Hrabak B. Arbanasi i njihova liga prema okupaciji Bosne i Hercegovine 1878. godine. Prilozi. № 16. Sarajevo, 1979
10. Hrabak B. Arbanasi katolici i prizrenska Liga (1878-1881). Srbija u završnoj fazi istočne krize 1877-1878. godine. Zbornik radova. Knjiga 2. Beograd, 1980
11. Hudelist D. Kosovo: Bitka bez iluzija. Zagreb, 1989.

12. Incognitus. Српска народна мисао и госп. М. Пирочанац. Београд, 1895.
13. Јовановић Ј. Јужна Србија: од краја XVIII века до ослобођења. Београд, 1941.
14. Kadri H., Tabački zanat u Prizrenu. Glasnik Muzela Kosova i Metohiji. I. Priština, 1956.
15. Krstić B. Kosovo između istorijskog i etničkog prava. Београд, 1994.
16. Malcolm N. Kosovo. A Short history. New York, 1998.
17. Nikolić M., Revolucionarni radnički pokret na Kosovu i Metohiji 1895-1922. Priština. 1962.
18. Petković R. Kosovo: Prošlost i sadašnjost. Београд, 1989.
19. Petrović Đ. Puškarski zanat u Metohiji // Vesnik vojnog muzeja JNA. 1955.
20. Petrovich M.B. A history of modern Serbia. 1804-1918. New York-London, 1976.
21. Rahimi Š. Nastojanja srpske diplomatije da stupi u kontakt sa albanskim nacionalnim komitetima 1898 godine. Horizonti istorije. 11. 1987, Priština. Ss. 97-109.
22. Rajović R. Autonomija Kosova: Istorijsko-pravna studija, Београд, 1985.
23. Redžepagić J. Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. godine. Priština, 1968.
24. Rot H. Косовски искони = Kosovo origins: позадина актуелних збивања на Косову и Метохији = the background to the present-day situation in Kosovo and Metohia. Београд, 1996.
25. Stulli B. Albansko pitanje (1878-1882). Rad JAZU. Knj.318. Zagreb, 1959.
26. Šukri Rahimi, Nastojanja srpske diplomatije da stupi u kontakt sa albanskim nacionalnim komitetima 1898 godine. // Horizonti istorije. №11. Pristina, 1987.
27. Vickers M. Between Serb and Albanian. A history of Kosovo. London, 1998.
28. Vucinich W.S. Serbia between East and West. New York, 1968.
29. Vukanović T. Srbi na Kosovu. Vranje, 1986.
30. Vuković I. Autonomištvo i separatizam na Kosovu. Београд, 1985.
31. Županić N. Altserbien und die albanesische frage. Wien, 1912.
32. Албанский узел. Москва-Ленинград, 1925.
33. Антонијевић М., Ђурђевић А. Четничка акција : 1903-1918 : у сликама. Београд, 2016.
34. Батаковић Д. Дечанско питање. Београд, 1989
35. Батаковић Д. Истрага оружја у Ибарском Колашину 1901. године. // Косовско-метохијски зборник. Београд, 1990
36. Батаковић Д. Косово и Метохија у српско-арбанашким односима: Студије и чланци. Приштина, 1991
37. Батаковић Д. Меморандум Срба из Старе Србије и Македоније Међународној конференцији мира у Хагу 1899 године. // Филолошки факултет. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ. LIII-LIV. Београд, 1988.

38. Батаковић Д. Погибија Руског конзула Г.С. Шчербине у Митровици 1903.г.// Историјски часопис. Књ. XXXIV. 1987.
39. Богдановић Д. Книга о Косову. Београд, 1990.
40. Богосављевић А. «О Арнаутима». Ниш, 1897.
41. Борозан Ђ. Велика Албанија: поријекло, идеје, пракса. Београд, 1995.
42. Борозан Ђ. Миграције као посљедица исламизације и албанизације на примеру Сјеверне Албаније и Старе Србије. Београд, 1998.
43. Војводић М. «Плава књига» о страдањима срба у Старој Србији // Даница, 2000. Етим автором написан много работ имејущих отношение к проблеме Старой Сербии, однако наиболее важным в контексте рассматриваемой нами проблемы является написанный им раздел в сборнике Србија и Албанци у XIX... (см.№53 этого же раздела списка литературы)
44. Војводић М. Берлински конгрес и Призренска лига. // Историјски гласник. №1-2, 1989.
45. Војводић М. Србија и македонско питање // Историјски гласник, 1-2. 1990-1992.
46. Вујиновић Г. Косово је грдно судилиште. Београд, 1989
47. Вучетић Б. Српска револуционарна организација у Османском царству на почетку XX века // Историски часопис : орган Историског института САН. , Бр. 53, 2006.
48. Вучковић В. Стара Србија и Македонија : ослобођење и уређење. Ниш: Медивест КТ, 2014
49. Гавриловић М. Привреда Јужне Србије. Скопље, 1933.
50. Гавриловић М. Развитак банкарства и привреде у Јужној Србији. Скопље, 1931.
51. Георгиев В., Трифонов С. Грецката и срџбската пропаганди в Македония:(Краят на XIX - началото XX в.) Софија,1995.
52. Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. Т. III. Путовање по Херцеговини, Босни и Старој Србији, С.-Петербург, 1873.
53. Гопчевич С. Старая Сербия и Македония: историко-этнографическое исследование. Санкт-Петербург, 1899.
54. Гоцев С. Борби на българското население в Македония срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878-1945. Софија, 1991.
55. Грујић Р. Православна Српска Црква. Крагуевац, 1995.
56. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). Москва, 2001.
57. Дедовић В.Д. Планови деловања Србије у Старој Србији и Македонији и методе њиховог спровођења од 1878. до 1884.// Баштина, 2019.
58. Державин Н.С. Болгарско-Сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Петроград, 1914.
59. Димевски С. Стварање, структура и компетенције црквено-школских општина 60-тих година XIX века // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд,1974.

60. Драгојловић Д. Институција колективне одговорности код Јужних Словена у Средњем веку // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974.
61. Драшкић С. Надметање Аустро-Угарске и Италије концем XIX и почетком XX века у Албанији // Марксистичка мисао, 2. 1986.
62. Ђорђевић Ж. Становништво Београда од 1859. до 1863. године // Историјски гласник, 1-2, 1983.
63. Живковић Б. Четнички покрет кроз векове. Београд, 2013
64. Зарковић В. Афера у Ибарском Колашину 1901-1902. године. Приштина - Лепосавић, 2008
65. Зарковић В. Косово и Метохија у политици великих сила : 1896-1908. Приштина - Лепосавић, 2019
66. Иванић И. Македонија и македонци. Књ. I-II. Опис земље и народа. Нови Сад, 1908.
67. Иванова Ю.В. Законник Лека Дукаджина. Москва, 1954.
68. Иванова Ю.В. Северная Албания в XIX веке. Общественная жизнь. Москва, 1973.
69. Иванова Ю.В. Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы. Москва, 1999.
70. Илинденски зборник 1903-1953, Скопје, 1953.
71. Искендеров П.А. Многонациональные области и международные отношения (на примере Косовской проблемы). // Человек в многонациональном обществе: этничность и право. Москва, 1994.
72. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. Москва, 1997.
73. История дипломатии. т. II. Дипломатия в Новое время (1872-1919 гг.) Москва-Ленинград, 1945 г.
74. История Югославии. Том I. Москва, 1963.
75. Јагодић М. Србија и Стара Србија : (1839-1868): наслеђе на југу. Београд, 2016.
76. Јевтић М. Шиптари и ислам. Прњавор, 1995.
77. Јовичић В. Косово у свести и надању српскога народа. Београд, 1988.
78. Карић Д. Србија и Балкански свет. Београд, 1893.
79. Карић Д. Србија и Балкански свет. Београд, 1893.
80. Кирова К.Э. Итальянское проникновение в Албанию (1897-1911) // Балканский исторический сборник, III. Кишинев, 1973.
81. Кондаков П.Н. Македония. Археологическое путешествие. С-Петербург, 1909.
82. Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989.
83. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д.Тренина и Е.Степановой; Моск. Центр Карнеги. Москва, 1999.
84. Костић К. Трговински центри и друмови по Српској земљи у Среднем и Новом веку. Историјско-географска расправа. Београд, 1900.
85. Костић М. Преглед босанско-херцеговачких мухаџира и њихових првака по Косовском вилајету 1883. // Историјски часопис. №1-2. Београд, 1948.

86. Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века (са успоменама писца). Скопље, 1933.
87. Костић П. Споменица педесетогодишњице Призренске богословско-учитељске школе. Београд, 1925
88. Костић П. Цинцарска насеобина у Призрену и црква Св.Спаса. Београд, 1925
89. Костић П. Црквени живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца). Београд, 1928.
90. Краткая история Албании. Москва, 1992.
91. Кузьмичева Л.В. Русско-турецкая война 1877-1878 годов и Сербия.// Славянский альманах.1996 год. Москва, 1997.
92. Македонија:Проблеми историји и културе. Москва, 1999.
93. Макушев В. Исторические разыскания о славянах в Средние века. Варшава, 1871.
94. Мартиновић С. Децембарски и Бечки програм реформи у Турској 1902/1903. Године и став Русије према Албанцима // Обележја, 3. Приштина, 1985.
95. Мартиновић С. Русија и албански национални покрет 1877/1878 године// Обележја, 3. Приштина, 1986
96. Микић Ђ. Албанци и Србија у Балканским ратовима 1912-1913. године.// Историјски гласник, 1-2, 1985.
97. Микић Ђ. Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века: Од чифчијства до банкарства. Београд, 1988.
98. Микић Ђ. Настојање Србије на отварању руског или енглеског конзулата у Пећи 1908. године // Обележја, бр.1. Приштина, 1978.
99. Милославлевски С. Дијалектика развоја македоске националне свести. Београд,1997.
100. На путях к Југославији: за и против. Очерки историји националних идеологији југославјанских народа. Конец XVIII – начало XX вв. Москва, 1997.
101. Никић Л. Косово :1389-1989. Београд, 1990
102. Николић-Стојанчевић В. Лесковац и ослобођени предели Србије 1877-1878 године. Етничке, демографске, социално-економске и културне прилике. Лесковац, 1975.
103. Новаковић С. Балканска питања 1886-1905. Београд, 1906.
104. Новаковић С. Влада Александра Обреновића I. Београд, 1929.
105. Новаковић С. Влада Александра Обреновића I. Београд, 1929.
106. Новаковић С. Споменица Стојана Новаковића.Личне успомене. Београд, 1921.
107. Нови Мирмидон. Пред маћедонским питањем. Београд,1902.
108. Нушић Б. Косово:(Опис земље и народа). Београд, 1986.
109. Одговор на књигу Ноела Малколма «Косово. Кратка историја»: (научна расправа о књизи Ноела Малколма «Косово. Кратка историја» 8.октобар 1999.) Београд, 2000.
110. Орловић П. Питање о Старој Србије. Београд, 1901.

111. Павловић Р. Сеоба Срба и Арбанаса у ратовима 1876 и 1877-1878 године.// Гласник етнолошког института САН. IV-VI. Београд, 1957.
112. Панайотов, Л. Внутрешна Македоно-Одринска револуционна организација (ВМОРО).//Внутрешна-Македоно-Одринска револуционна организација. Софија, 1994.
113. Пејин Ј. Исељавање из Косовског вилајета и других крајева под турцима у САД 1906-1907. године. // Историјски гласник, 1-2. 1985.
114. Пејин Ј. О обнови рада и оснивању Српских школа у Старој Србији и Македонији 1897. године // Вардарски зборник 1. Београд,1999.
115. Перовић Л. Српски социјалисти 19. века. Прилог историји социјалистичке мисли. Београд, 1995.
116. Перунички Б. Зулуми ага и бегова у Косовском вилајету. Београд, 1989.
117. Пирочанац,М. Кнез Михајло и радња Балканских народа. Београд, 1895.
118. Протић Ст. О Македонији и Македонцима. Београд, 1888.
119. Савић А.М. Српски народ у Старој Србији (1839-1846) //Баштина, 2018.
120. Самарџић Р. Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989
121. Селищев А.М. Славянское население в Албании. Софија, 1931.
122. Сенкевич И.Г. Албанија в период восточного кризиса (1875-1881). Москва, 1965.
123. Сенкевич И.Г. Освободително движење албанског народа в 1905-1912 гг. Москва,1959.
124. Симоновић З., Симоновић Д. Четнички споменик : војвода Мицко : живот и рад.Крагујевац, 2017
125. Слијепчевић Ђ. Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време. Химелстир, 1983.
126. Смирнова Н.Д. Албанија в конце XIX - начале XX века. Завоевание независимости.//Балканы в конце XIX - начале XX века. Москва,1991.
127. Смирнова Н.Д. Документы АВПРИ о Призренской лиге (1878-1881)// Балканские исследования. Выпуск 8. Москва, 1982.
128. Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. // Научни скупови. Књига LIII. Одељење историјских наука. Београд, 1990.
129. Станишић В. Српско-Албански језички односи. Београд, 1995.
130. Станковић Т. Путне белешке по Старој Србији. Београд,1910.
131. Становништво словенског поријекла у Албанији. Титоград,1991.
132. Станојевић С. Из историје руске дипломатије у старој Србији - почетак рада конзулата у Призрену // Српске студије, бр. 3, 2012.
133. Стоичић С. Међународни, економски, политички и правни аспект аграрног питања у новоослобођеним крајевима Србије после српско-турских ратова. Лесковац, 1983.
134. Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994.

135. Теплов В.А. Турецкие реформы в связи с вопросом о Македонии и Старой Сербии. Санкт-Петербург, 1903.
136. Терзић С. Старая Сербия: (XIX - XX вв.): драма одной европейской цивилизации. Москва, 2015.
137. Тимофеев А.Ю. Истоки косовской драмы. Москва, 1999.
138. Тимофеев А.Ю. Сербские четы в Старой Сербии. 1903-1912 // Югославянская история XIX-XX в. Сборник статей памяти В.Г.Карасева, Москва, 2002.
139. Тимофејевић А. Један извештај руског конзула Јастребова у Призрену од 1883.г у фонду МПС-Ц у Архиву Србије Београд 2000 //Архивска грађа као извор за историју. Београд, 2000.
140. Тимофејевић А. Сан-Стефанскиј договор, Берлинскиј трактат и судба Старой Сербии // Труды научной конференции Ломоносов-2002, Москва, 2003.
141. Тимофејевић А. Стара Србија у руском јавном мњењу XIX века // Годишњак за друштвену историју, год VI, т.2. 2000.
142. Трајановски А. Црковно-училишните општини во Македонија. Скопје,1988.
143. Трајковић Д. Лесковац и околина до краја XIX века. (највише на основу казивања савременика) // Из прошлости Лесковца и околине. Студије и чланци. Лесковац, 1977.
144. Трајковић М. Српска национална организација у Старој Србији и Македонији у 1908. години // Лесковачки зборник, Бр. 56, 2016.
145. Туцовић Д. Србија и Арбанија, Београд-Загреб, 1945.
146. Ђоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1936.
147. Урошевић А. Етнички процеси на Косову током турске владавине. Београд, 1987
148. Урошевић А. Косово. Београд, 1965
149. Урошевић А. Топоними Косова. Београд, 1975.
150. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике османской империи (османизм - панисламизм) XIX-начало XX века. Москва, 1985.
151. Фреске манастира Косова и Метохије. Београд, 1998.
152. Хадри А. Косово и Метохија у краљевини Југославији. // Историјски гласник. №1-2. Београд, 1967.
153. Хадри А. Косово и Метохија у краљевини Југославији.// Историјски гласник. №1-2. 1967.
154. Хаџи-Василјевић Ј. Арнаути наше крви – Арнауташи. Београд, 1939.
155. Хаџи-Василјевић Ј. Поменик Луке Ђеловића, члана, добротвора друштва Свети Сава //»Браство», Т. XXII. 1924.
156. Хаџи-Василјевић Ј. Арбанашка лига. Београд 1909.
157. Хаџи-Василјевић Ј. Друштво Св. Саве (1886-1936) // Споменици ДСС. Београд, 1936.
158. Хаџи-Василјевић Ј. Муслимани наше крви у Јужној Србији. Београд, 1924
159. Хаџи-Василјевић Ј. Русија заштитница православља и њени консуларни заступници у нашим крајевима под Турцима. Београд, 1938

160. Хаџи-Васиљевић Ј. Четничка акција у Старој Србији и Македонији. Београд, 1928
161. Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988.
162. Храбак Б. Арбанашку устанци 1912. // «Врањски гласник», 1975. Сс. 173-375.
163. Храбак Б. Идеје о Арбанашкој Аутономији 1876-1880. // Историјски часопис. XXV. Београд, 1980.
164. Храбак Б. Пољопривреда области САП Косова у последњем периоду османлијске власти (1880-1912). // Врањски гласник. Књига XIX. Врање, 1986
165. Храбак Б. Почети банкарства на Косову. // Историјски гласник. №1-2. Београд, 1982
166. Храбак Б. Саобраћај на Косову и у Метохији 1870-1912 године. Зборник Матице српске за историју. №40. Нови Сад, 1989.
167. Храбак Б. Црна Гора и Арбанаси у Источној кризи 1875-1878. // Стогодишница црногорско-турског рата 1876-1878. Титоград, 1978.
168. Цвијић Ј. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи Антропогеографије. Београд, 1966
169. Чемериќић М. Трговина, занатство, индустрија, кредитне установе од 1875. до 1937. // Споменица двадестетогодишњице ослобођења Јужне Србије. Скопје, 1937.
170. Џамбазовски К., Културно-општествените врски на Македонците со Србија во текот на XIX. Скопје, 1960.
171. Шемякин А. Радикальное движение в Сербии. Москва, 1993.
172. Шешум У. Српска четничка акција : (1897-1908) : оружана дипломатија. Нови Сад, 2019.
173. Шиља Ж. Подземни рат на Косову и Метохији 1389-1989. Београд, 1989
174. Шиља Ж. Поношење косовске истине. Београд, 1986.
175. Јамбаев М.Л. А.А.Ростковский в Македони. Начало XX века. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции, Москва, 2004.
176. Јамбаев М.Л. Выстрел в Митровице. Кому помешал российский консул в Старой Сербии // Родина, № 8. 2003
177. Јамбаев М.Л. Македония и Россия: 1897-1902 гг. Кандидатская диссертация. Москва, 2004.
178. Јамбаев М.Л. Сербская политика в Македони на рубеже XIX-XX веков глазами русских консулов // Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Санкт-Петербург, 2005.
179. Јстребов И.С. Подаци за историју Српске цркве. Београд, 1875.
180. Јстребов И.С. Стара Србија и Албанија. Путевыя записки, Београд, 1904.

Сноски

- 1 Карађић В. «Тетово» // Речник. Београд, 1852.
- 2 Цвијић Ј. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи Антропологеографије. Београд, 1966.
- 3 Ястребов И.С. Стара Србија и Албанија. Путевыя записки. Београд, 1904.
- 4 Кондаков П.Н. Македония. Археологическое путешествие. С.-Петербург, 1909.
- 5 Шопов А. Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995. С. 92, 197.
- 6 Косовский вилает, включал в конце 19/начале 20 века: Скопский санджак (Скопье, Куманово, Османя, Штип, Кратово, Радовиште, Крива паланка, Тетово, Гостивар, Кочане, Велес), Призренский санджак (Призрен), Ипекский (печский) санджак (Печ, Джаковица и Гусинье, а затем Беране и Трговиште - Рожая), Приштинский санджак (Приштина, Вучитрн, Гнилане, Прешево), Новопазарский Санджак (Нови-Пазар, Косовска-Митровица, Беране, Трговиште -Рожая, Плевля, Приполе, Прибой, Сеница, Нова-Варош, Биело-Поле и Дони Колашин) из которого были выделены в 1880 г. Плевальский санджак (Плевля, Приполье и Прибой) и в 1902 г. Сеницкий санджак (Сеница, Нова Варош, Биело Поле и Дони Колашин).
- 7 Например, Јовановић Ј. Јужна Србија, од краја XVIII века до ослобођења. Београд, 1941.С.160-164.
- 8 Иногда термины Южная Сербия и Старая Сербия путают и современные исследователи.
- 9 Туцовић Д. Србија и Арбанија, Београд-Загреб, 1945.
- 10 Марковић С. Србија на Истоку // Целокупна дела. т. VIII. Београд, 1995,С.95.
- 11 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Београд, 1990.
- 12 Например, этот термин широко использует директор Исторического института САНИ С.Терзић, преподаватели Бани-Лукского и Белградского университетов. Српски духовни простор. Научни скупови. Кн. I. Бања Лука, 1999. С. 247, 248, 406, 407.
- 13 Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). Москва, 2000.С.645.
- 14 Широков О.С. Введение в балканскую филологию. М.,1990. С.92-98.
- 15 Там же... С.94. Кроме О.С.Широкова подобную точку зрения занимал ряд болгарских, македонских и сеских авторов (Тодоров Ц. Северозападните български говори. София, 1936; Уринова Р. Говорите во Скопско. Скопје, 1951; Белић А. Дијалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905; Ivić P. Prizrenskotimočki govori // Enciklopedijski leksikon. Mozaik znanja. Srpskohrvatski jezik. Beograd, 1972.
- 16 Широков О.С. Введение в балканскую филологию. М.,1990. С.92-93.
- 17 Те. редукция падежей, инфинитива в пользу констррукции с «да» и изменения роли энклитик.
- 18 В этом контексте можно вспомнить о притязаниях Сербии на некоторые районы юго-западной Болгарии, проявившиеся после 2-ой сербско-турецкой войны. После освобождения этих территорий сербскими войсками там даже некоторое время действовала сербская администрация. Стоянчевич В. Улога Србије у ослобођењу крајева западне Бугарске од турске власти и српска управа у тзв. Кулском срезу. // Српски народ у Старој Србији у Великој источној кризи. Бг., 1998.
- 19 “Русская Беседа”, 1858 г., 3 т., 2 ч., С.83. Полностью путевые записки по Старой Сербии, Боснии и Герцеговине см. в Собрание сочинений А.Гильфердинга. Т. III. С.-Петербург, 1873.
- 20 “Военное обозрение”, 1862 г., октябрь, 443 с.
- 21 Так, в 1838 году учитель Гильфердинга О.М.Бодянский, составляя план своего путешествия по землям западных славян, писал: “Силезию можно вычеркнуть из моего плана; тут, кроме изуродованных славянских названий городов, селений, урочищ и т.д., ничего уже нет славянского.” Письмо О.М.Бодянского к М.П.Погодину 20 декабря 1837/1 января 1838, цит. По Лаптева Л.П., Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века.
- 22 Јагодић М. Србија и Стара Србија : (1839-1868): наслеђе на југу. Београд, 2016.

- 23 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.5338, л. 3об.
- 24 Там же... л.55об.
- 25 Мы говорим «отчасти», потому, что, по мнению ряда русских дипломатов, сербское население в Старой Сербии непосредственно перед освобождением составляло в результате «своеволия албанцев, всячески его притесняющих» лишь 40%. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2911, л.2.; д.5338, л. 2об. Эти данные подтверждаются и данными сербского МИД, переданными русскому представителю в Белграде. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2685, л.9.
- 26 Текст см. в Југословенски национални и државни програм књежевине Србије из 1844. године. Сремски Карловци, 1931.
- 27 Там же... с.21.
- 28 Там же... с.28,29.
- 29 Вывод сербской историографии мог бы показаться преувеличенным (Богдановић Д. Књига о Косову. Београд, 1990. С.98), но с этой же гигантской цифрой соглашались и стремившиеся к объективности российские дипломаты. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.5338, 3л.
- 30 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.5338, л. 1об.
- 31 Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994. С.172-173.
- 32 Мусульманские беженцы из освободившихся районов Сербии, Черногории и попавшей под оккупацию Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины.
- 33 В 1878 году на территории Старой Сербии был организован Косовский вилайет со столицей в Приштине, включившего Новый Пазар, Печскую, Призренскую, Тетовскую, Моравскую и Скопскую равнины. В 1887 году столица вилайета была перенесена в Скопье. Вилайет включал 6 санджаков: Скопский, Приштинский, Призренский, Печский, Пазарский, Таслиджийский (Плевле).
- 34 Подробнее о действиях Сербии в конце войны 1878 года смотри в работе Кузьмичевой Л.В. Русско-турецкая война 1877-1878 годов и Сербия.// Славянский альманах.1996 год. Москва, 1997.
- 35 Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994. С.175.
- 36 Там же... С.176.
- 37 АС, Ф. МИД, материалы Джордже Поповича-Даничара, Некролог от 25 марта 1914 года, л.1.
- 38 Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Отдельење историјских наука. Београд, 1990. Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века. С.65. (В этой работе профессор Воеводич впервые ввел в научный оборот материалы Джордже Поповича-Даничара, сохранившиеся в Архиве Сербии).
- 39 АС, Ф. МИД, материалы Джордже Поповича-Даничара, рукопись «Старая Сербия», л.12.
- 40 Там же... л.12.
- 41 Там же... л.12.
- 42 Там же... л.12.
- 43 Там же... л.21.
- 44 Там же... л.3.
- 45 Там же... л.3.
- 46 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.836.
- 47 Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Београд, 1997. С.271-272.
- 48 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Отдельење историјских наука. Београд, 1990. С.68.
- 49 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.844, лл.22-34.
- 50 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.836,л.1.

- 51 Сербский динар в то время выпускался по стандарту французского франка (т.е. 1Fr = 5 гр серебра 875 пробы) ; 20 дин = 1 наполеодору (т.е. золотая монета весом в 6,45 гр 900 пробы). Приблизительный курс составлял 10 Fr (т.е. 10 дин) = 3.75 руб золотом. Каталог монет мира XX века. М., 1992.Т.2,С.160-161.
- 52 Там же... л.1об.
- 53 Там же... ,л.2.
- 54 Там же... л.2.
- 55 Там же... л.2об.
- 56 Там же... л.3.
- 57 Там же... л.3.
- 58 Там же... л.3об.
- 59 Там же... л.4.
- 60 Там же... л.4.
- 61 Там же... л.4об.
- 62 Там же... л.7.
- 63 Там же... л.6об.
- 64 Там же... л.5 и 5об.
- 65 Војводић М. Берлински конгрес и Призренска лига.// Историјски гласник. Београд,1989.
- 66 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.836, л.22об.
- 67 Там же... л.23.
- 68 Там же... л 23об.
- 69 Капитулации - (от ср.-век. лат. capitulo - договариваюсь), неравноправные договора, которые обеспечивали представителям и гражданам определенных государств особые привилегии в странах, вынужденных подписать эти соглашения (неподсудность местным судам, местное самоуправление, торговые льготы и пр.).
- 70 Там же... л. 24.
- 71 Там же... л.24об.
- 72 Там же... л.24об.
- 73 Там же... л.24об.
- 74 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига III. Отделење историјских наука. Београд, 1990. С.69.
- 75 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.844, л.26об.
- 76 Там же... лл.26об.-27.
- 77 Там же... л.27об.
- 78 Шопов А. Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995. С.240.
- 79 Там же... л.27об.
- 80 Подробнее об этом речь пойдет в главе III. «Церковные, образовательные и общественные институты, служившие поддержке сербского населения Старой Сербии».
- 81 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.844, л.28.
- 82 Там же... л.29-29об.
- 83 Там же... л.30.
- 84 Там же... л.31.

- 85 Там же... л.31.
- 86 Там же... лл.31-31об.
- 87 Там же... лл.31об-32.
- 88 Там же... лл.32.
- 89 Там же... лл.32.
- 90 Там же... лл.32об.
- 91 Там же... лл.32об.
- 92 Там же... л.32об.
- 93 Там же... л.33.
- 94 Там же... л.33.
- 95 Там же... л.33.
- 96 Там же... л.33.
- 97 Там же... л.об.
- 98 Там же... лл.34-34об.
- 99 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.820.
- 100 Там же... лл. 1-2об.
- 101 Там же... л.1об.
- 102 Хотя в устной форме такие заявления делались. Например, М.Гарашанин любил повторять, что «подписывается под каждым словом из консервативной политики своего отца». Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Кн.ІІ. Београд, 1934. С.311.
- 103 Марковић С. Србија на Истоку // Целокупна дела. т. VIII.Београд, 1995,С.95.
- 104 Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.91.
- 105 Сербские радикалы, их деятельность и идеология разобраны в двух монографиях. Шемякин А. Радикальное движение в Сербии. Москва, 1993. Перовић Л. Српски социјалисти 19. века. Прилог историји социјалистичке мисли. Београд, 1995.
- 106 Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.103.
- 107 Никола П.Пашић. Писма, чланци и говори (1872-1891). Приредили Л.Перовић, А.Шемјакин. Београд, 1995. С.188.
- 108 Перовић Л. Српски социјалисти 19. века. Прилог историји социјалистичке мисли. Београд, 1995. С.135.
- 109 Этот документ опубликовал Митровић Ј. в журнале Историјски гласник. 1971. №1. С.119-132.
- 110 Историјски гласник. 1971. №1. С.128.
- 111 Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.245.
- 112 Там же... С.245.
- 113 Там же...С.108.
- 114 Там же...С.108.187
- 115 Там же...С.121-125.
- 116 Там же...С.122.
- 117 Там же...С.124.
- 118 Там же...С.122.
- 119 Там же...С.123.
- 120 Последняя цитата уже не из програмного заявления, а из речи вождя партии - Й.Ристича. Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.126.

- 121 Там же...С.313.
- 122 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 188.
- 123 Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.407.
- 124 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 188-189.
- 125 Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.410-411.
- 126 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 188.
- 127 Програми и статуту српских политичких странака до 1918.године. Крестић В., Љушић Р. Београд, 1991.С.413-424.
- 128 Џамбазовски К., Културно-општествение врски на Македонците со Србија во текот на XIX. Скопје, 1960. С.142.
- 129 Џамбазовски К., Граѓа за историју македонског народа из Архива Србије. Т.III, кн.II. Београд, 1984. С.324.
- 130 М.Бан (1818-1903) - литератор и публицист, по происхождению - серб-католик из Дубровника, с 1844 г. живший в Белграде. Выполнял различные дипломатические и представительские миссии по заданию правительства Сербии. Ушел в отставку в 1880 году в должности руководителя Прессслужбы МИД Сербии.
- 131 АИИ САНУ, Ф. Јован Ристић, 16/3, XVI/1.
- 132 Џамбазовски К., Културно-општествение врски на Македонците со Србија во текот на XIX. Скопје, 1960. С.141.
- 133 АИИ САНУ, Ф. Јован Ристић, 12/628, XII/5.
- 134 Таких как «Союз македонских братств»(1894), «Македонский верховный комитет»(1895) и, вероятно, ВМРО (1893). См., например, Милославлевски С. Дијалектика развоја македонске нацијоналне свести.. Београд,1997.С.71, 83,84,145.
- 135 С 1886 по 1888 годы в рамках церковного отдела существовал еще более узко специализированный отдел «церквей и школ вне Сербии». Љушић Р. Извештај Слободана Јовановића о посети српским конзулатима у Турској из 1894 године // Историјски гласник. 1987. №1-2. С.197.
- 136 АС, МПС-Ц, 1880 г., Б-3185, Митрополит Михаила - МПС-Ц (на имя министра), 24 апреля 1880.
- 137 АС, МПС-Ц, 1880 г., Б-3185, Митрополит Михаил - МПС-Ц (на имя министра), 24 апреля 1880. Приложение со списком книг.
- 138 АС, МПС-Ц, 1881 г., Б-3189, Митрополит Михаил - МПС-Ц (на имя министра), 25 августа 1881.
- 139 АС, МПС-Ц, 1881 г., Б-3187, Преподаватель богословского училища Д.Камперелич - Митрополиту Михаилу, 20 июля 1881.
- 140 Тимофејев А. Један извештај руског конзула Јастребова у Призрену од 1883.г у фонду МПС-Ц у Архиву Србије Београд 2000 //Архивска граѓа као извор за историју. Београд, 2000.
- 141 АС, МПС-Ц, 1883 г., Б-3195, Митрополит Теодосий - министру просвещения, 22 сентября 1883.
- 142 АС, МПС-Ц, 1881 г., Б-3189, Архиепископ Моисей - министру просвещения, 20 ноября 1881.
- 143 Например, о помощи Хилендарскому монастырю. АС, МПС-Ц, 1885 г., Б-3206, МПС-Ц - МИД, 1 мая 1885.
- 144 Џамбазовски К., Граѓа за историју македонског народа из Архива Србије. Т.IV, кн.I. Београд, 1985. С.314-316.
- 145 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века. // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Одељење историјских наука. Београд, 1990.С.69.
- 146 Подробнее об этом писал С.Новакович. Новаковић С. Споменица Стојана Новаковића.Личне успомене. Београд, 1921. С. 83-88, а также Новаковић С. Влада Александра Обреновића I. Београд, 1929. С.88-102.
- 147 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века. // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Одељење историјских наука. Београд, 1990.С. 70.
- 148 Цвијић Ј. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи Антропогеографије. Београд, 1966. С.338.
- 149 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века. // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Одељење историјских наука. Београд, 1990.С. 70.

- 150 Там же... с. 71.
- 151 Там же... с. 72.
- 152 Там же... с. 73.
- 153 Там же... с. 73.
- 154 Там же... С.74.
- 155 Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989. С.237.
- 156 Перунчић Б. Писма српских конзула из Приштине 1890 – 1900. Београд, 1985. С.84-97.
- 157 Преписка о арбанаским насиљама = *Correspondance consemant les actes de violence et de brigandage des Albanais dans la Vieille-Serbie (Vilayet de Kosovo): 1898-1899*/(Министарство иностраних дела). Репринт по 1-му изд. 1899 г. Београд, 1998.
- 158 Там же... С. 1-41.
- 159 Там же... С. 41.
- 160 Там же... С. 43.
- 161 Там же... С. 43-47.
- 162 Там же... С. 51-51.
- 163 Там же... С.51.
- 164 Там же... С.52.
- 165 Батаковић Д. Меморандум Срба из Старе Србије и Македоније Међународној конференцији мира у Хагу 1899 године. // Филолошки факултет. Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Кн. LIII-LIV. Београд, 1988.
- 166 Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994. С.177-207.
- 167 Смотри подобнее об этом в статье Д.Батаковича. Батаковић Д. Истрага оружја у Ибарском Колашину 1901. године. // Косовско-метохијски зборник. Београд, 1990
- 168 Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994. С.183, 190, 191, 194, 196, 201, 206, 209, 257, 259, 289.
- 169 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Отдељење историјских наука. Београд, 1990. С. 86-87.
- 170 АС, Ф. Консулат у Приштини, 1 јуна 1906, л.2.об.
- 171 Дипломатска преписка Краљевине Србије. Т. I (1. јануар 1902-1. јуна 1903). Уред. В.Ђоровић. Београд, 1933. Д.41.
- 172 Батаковић Д. Погибија Руског конзула Г.С. Шчербине у Митровици 1903.г.// Историјски часопис. Кн. XXXIV. 1987.
- 173 Rahimi S. Nastojanja srpske diplomatije da stupi u kontakt sa albanskim nacionalnim komitetima 1898 godine. Horizonti istorije. 11. 1987, Priština. Ss. 97-109.
- 174 Эти документи опубликовао Станић М. в журнале Историјски гласник. 1989. №1-2. С. 131-146.
- 175 Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века. // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Одељење историјских наука. Београд, 1990.С. 71.
- 176 Историјски гласник. 1989. №1-2. С. 136.
- 177 Там же... С. 136, 138.
- 178 Там же... С.132.
- 179 Там же... С.134.
- 180 Там же... С.142.
- 181 Там же... С.143.
- 182 Эти документи опубликовао Љушић Р. в журнале Историјски гласник. 1987. №1-2. С. 193-215.

- 183 Историјски гласник. 1987. №1-2. С.195-198.
- 184 Там же... С.197.
- 185 Там же... С.196.
- 186 Там же... С.198.
- 187 Там же... С.201.
- 188 Там же... С.201.
- 189 Там же... С.205.
- 190 Там же... С.208.
- 191 Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994.С.175.
- 192 Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Београд, 1934. С.126.
- 193 Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. под ред.Ключников Ю., Сабанин А. Т.І. Москва, 1925. С.239.
- 194 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.5305, л.1.
- 195 Хаџи-Васиљевић Ј. Русија заштитница православља и њени консуларни заступници у нашим крајевима под Турцима. Београд, 1938.
- 196 Тимофејев А. Један извештај руског конзула Јастребова у Призрену од 1883.г у фонду МПС-Ц у Архиву Србије Београд 2000 //Архивска грађа као извор за историју. Београд, 2000.
- 197 АС, Ф. Љубомир Ковачевич, 577.
- 198 Јастребов И.С. Стара Србија и Албанија. Путевыя записки. Београд, 1904.
- 199 Дневник рада Сената Краљевине Србије за 1901. годину (стенографске белешке). Београд, 1902. С.53.
- 200 Мартиновић С. Децембарски и Бечки програм реформи у Турској 1902/1903. Године и став Русије према Албанцима // Обележја, 3. Приштина, 1985.
- 201 АС, Ф. МИДС-ПП, 1905, бр.1073 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.70-71.
- 202 Багаковић Д. Погибија Руског конзула Г.С. Шчербине у Митровици 1903.г.// Историјски часопис. Књ. XXXIV. 1987.
- 203 Мартиновић С. Децембарски и Бечки програм реформи у Турској 1902/1903. Године и став Русије према Албанцима // Обележја, 3. Приштина, 1985. С.68.
- 204 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2939.
- 205 Микић Ђ. Настојање Србије на отварању руског или енглеског конзулата у Пећи 1908. године // Обележја, бр.1. Приштина, 1978.
- 206 К.Э.Кирова. Итальянское проникновение в Албанию (1897-1911)// Балканский исторический сборник, III. Кишинев,1973. С. 161-183.
- 207 АВПРИ, ф.166, оп.508/1, д.137, л.16.
- 208 Драшкић С. Надметање Аустро-Угарске и Италије концем XIX и почетком XX века у Албанији // Марксистичка мисао,2. 1986.
- 209 АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д.2685, л.1.
- 210 Ђоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1936. С.33.
- 211 Поддержка эта вовсе не была бескорыстной. В 1897 и 1907 гг. Австро-Венгрия и Италия договорилась о разделе Албании, оставляя за первой материковую и северную части, а за второй - южную часть и побережье. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2081, л.8, 121.
- 212 Стојанчевић В. Срби и Арбанаси 1804-1912. Нови Сад, 1994.С.254-255.

- 213 О получении Б.Сафаровым динамита и денег от австрийского правительства писали российские дипломаты. ф. 151, оп.482, д.2081, л.15-16. Знало об этом и МИД Сербии. Ракић М. Конзулска писма. 1905-1911. Београд,1985. С.74.
- 214 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2685, л.49, 68.
- 215 АВПРИ, ф. 319, оп.631, д.16.
- 216 Ђоровић В. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд, 1936. С.35.
- 217 Это выдержка из русско-австрийской ноты Порте от 29 февраля 1904 г. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2685, л.35.
- 218 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2685, л.44-57.
- 219 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2081, л.16.
- 220 Там же.
- 221 Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1901-1914. т.I, ч.2 15/28 фебруар 1904 – 31 децембар 1904 /13 јануар 1905. Београд,1998. С.254-255, в то же время внимание России не было в полной мере отвлечено от проблем Старой Сербии и Македонии. АВПРИ, ф. 319, оп.631, д.13, 17, 39.
- 222 АВПРИ, ф.319, оп. 631, д.13, лл.52, 69,77,104.
- 223 Это важное признание сделал академик, д-р Г.Фриджунг, скандально прославившийся во время аннексионного кризиса 1908 г., в «Neues Wiener Tagblatt» №354,25.12.1912 цит. по Balkanikus (Протич С.) Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. С.-Петербург, 1913. С.57.
- 224 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 279.
- 225 Подробнее об этом можно прочесть в сборнике статей Международного научного съезда, проведенного Институтом истории СРЧерногории в Цетинье 21-23.06.1990. Становништво словенског поријекла у Албанији. Титоград,1991.
- 226 Тут мы, в первую очередь, имеем в виду сельскую местность, в то время как в крупных населенных центрах мусульмане составляли значительную часть населения, которое, в разных формах, удалялось с территории Сербии после освобождения. Можно поэтому сделать вывод, что Сербия и до 1878 года была знакома с процессами вынужденной этнической гомогенизации. Ђорђевић Ж. Становништво Београда од 1859. до 1863. године // Историјски гласник, 1-2, 1983. Станојевић Г. Два описа Београда из 1681. године // Историјски гласник, 1-2, 1975.
- 227 Трајковић Д. Лесковац и околина до краја XIX века. (највише на основу казивања савременика) // Из прошлости Лесковца и околине. Студије и чланци. Лесковац, 1977.
- 228 Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. Москва, 1952.С.161-162.
- 229 Подробнее об этом смотри Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд, 1909., а также Stulli В. Albansko pitanje (1878-1882). Rad JAZU. Knj.318. Zagreb, 1959.
- 230 Војводић М. Берлински конгрес и Призренска лига.// Историјски гласник. №1-2. 1989. С.1-21.
- 231 Храбак Б. Идеје о албанској аутономији 1876-1880.// Историјски часопис. XXV. 1978. С.169-170.
- 232 РГВИА, Ф.401, оп.4, г.1883, д.10, лл. 24-25об.
- 233 Там же... л. 23об.
- 234 Там же... л. 104об.
- 235 Донесения Ястребова из Янины (РГВИА, Ф.401, оп.4, г.1880, д.10, л. 7-7об.), Крылова из Скутари (РГВИА, Ф.401, оп.4, г.1885, д.12, л. 55-55об.) и Скрябина из Битоли (РГВИА, Ф.401, оп.4, г.1885, д.12, л. 185-186об.)
- 236 РГВИА, Ф.401, оп.4, г.1885, д.12, л. 186-186 об
- 237 См. Војводић М. Берлински конгрес и Призренска лига. // Историјски гласник. №1-2, 1989. С. 5. Воеводич приводит донесения наставника Призренской Семинарии Ильи Ставрича видному сербскому деятелю из Старой Сербии Симе Андреевичу-Игуманову.

- 238 Это подчеркивает большинство исследователей. Смотри, например, Stulli B. Albansko pitanje (1878-1882). Rad JAZU. Knj.318. Zagreb, 1959.
- 239 Војводић М. Берлински конгрес и Призренска лига. // Историјски гласник. №1-2. 1989.
- 240 Там же... С.6-7.
- 241 Србија 1878. Београд, 1978. Д.355.
- 242 Војводић М. Берлински конгрес и Призренска лига. // Историјски гласник. №1-2. 1989. С.9.
- 243 Сенкевич И.Г. Албанија в период восточного кризиса (1875-1881). Москва, 1965. С.110-112, 135.
- 244 Подробнее об ее тактике писала И.Л.Фадеева. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике османской империи (османизм - панисламизм) XIX-начало XX века. Москва, 1985.
- 245 Сенкевич И.Г. Албанија в период восточного кризиса (1875-1881). Москва, 1965. С.166-167.
- 246 Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд 1909. С.127.
- 247 Трбић В. Мемоари, I кн. Београд, 1996. С. 168.
- 248 Там же... С.191.
- 249 Там же... С.191-194.
- 250 Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988.
- 251 Храбак Б. Арбанашку устанци 1912. Врањски гласник. Кн., 1975. С. 173-375. Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988.
- 252 О требованиях восставших подробно писал Д.Микич. Микић Ђ. Албанци и Србија у Балканским ратовима 1912-1913. године.// Историјски гласник, 1-2, 1985.
- 253 Там же... С.1.
- 254 Там же... С.2.
- 255 Кроме многочисленных свидетельств, которыми полны все сербские статьи и монографии, посвященные этому вопросу, мы можем сослаться на различные иностранные источники. Так, русская газета «Новое время», освещающая события 1878-1881, многократно упоминает албанские набеги на Сербию и Черногорию, ссылаясь на различные агенства и журналы. Например, «Новое время» за 1879, №1204 от 7.07, - заметка без названия о набегах албанцев на Сербию, со ссылкой на «Times»; «Новое время» за 1880, №1517 от 20.05, - заметка без названия об албанских возмущениях на границе с Сербией и Черногорией, со ссылкой на «Deutsche Zeitung»; «Новое время» за 1880, №1573 от 16.07, - заметка без названия о набегах албанцев на Черногорию, со ссылкой на «Journal de St.Peterbourg».
- 256 Стоичић С. Међународни, економски, политички и правни аспект аграрног питања у новоослободјеним крајевима Србије после српско-турских ратова. Лесковац, 1983.
- 257 Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд, 1909. С.12-13; и целые книги, посвященные дискуссиям по этой проблеме (например, М.Пирочанац. Кнез Михајло и радња Балканских народа. Београд, 1895 и Incognitus.Српска народна мисао и госп. М.Пирочанац. Београд, 1895).
- 258 Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд, 1909. С.12.
- 259 Ристић Ј. Дипломатска историја Србије... Књига II. С.241-247. Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд, 1909. С.12.
- 260 Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд, 1909. С.14.
- 261 Там же... С.14.
- 262 Богосављевић А. “О Арнаутима». Ниш, 1897. С.101.
- 263 Эти данные сообщают местные жители-албанцы, но в краеведческом музее Лесковца мы не смогли услышать подтверждения или опровержения этой версии.

- 264 Цит. по приложенију докумената к књиге Николић-Стојанчевић В. Лесковац и ослобођени предели Србије 1877-1878 године. Етничке, демографске, социално-економске и културне прилике. Лесковац, 1975. С. 115.
- 265 Николић-Стојанчевић В. Лесковац и ослобођени предели Србије 1877-1878 године. Етничке, демографске, социално-економске и културне прилике. Лесковац, 1975. С. 115.
- 266 Там же... С.117.
- 267 Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд 1909, С.16.
- 268 АС, МПС-Ц, 1882, Б-3191, свјештеник Житно-Потоцкиј - Корољу Милану, 26 јануара 1882.
- 269 Хаџи-Васиљевић Ј. Арбанашка лига. Београд 1909, С.18.
- 270 Там же... с.19. Подробнее о переселенијах смотри у Николић-Стојанчевић В. Лесковац и ослобођени предели Србије 1877-1878 године. Етничке, демографске, социално-економске и културне прилике. Лесковац, 1975.
- 271 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.345, л.2об.
- 272 Там же... л.б.
- 273 АС, МПС-Ц, 1881 г., Б-3187, Судья Сурдулицы Ж.Джорджевич - МПС-Ц.
- 274 В этом сходились даже такой апологет албанской политики правительства Милана как П.Тодорович и его полный оппонент А.Богосавлевич. Тодоровић П., Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Београд, 1997. С. 119-121; Богосављевић А. "О Арнаутима". Ниш, 1897. С.100-103.
- 275 Эта ситуация нашла свое отражение в переписке Короля Милана с премьер-министром Милутином Гарашанином в 1885 году; письма хранятся в Архиве Сербии, Ф. Милутин Гарашанин, д.844, лл.11, 11об, 13.
- 276 Смотри главу I данной работы об «Отчете...» АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.844, л.32об.
- 277 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.846, л.1.
- 278 Там же, лл.1-1об.
- 279 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.771.
- 280 Там же... лл.1-2об.
- 281 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.942.
- 282 Там же... л.1.
- 283 Там же... л.1об.
- 284 Там же... л.2.
- 285 Там же... л.2об-3.
- 286 Там же... л.3-3об.
- 287 Там же... л.4об.
- 288 Там же... л.5об.
- 289 Там же... л.5об.
- 290 Там же... л.б.
- 291 АС, Ф. ДСС, 706.
- 292 Џамбазовски К., Грађа за историју македонског народа из Архива Србије. Т.IV, кн.І. Београд, 1985. С.314-316.
- 293 Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Београд, 1997. С. 13-14.
- 294 Орловић П.(Симич С.) Питање о Старој Србији. Београд, 1901. С.11.
- 295 Там же... С.11-13, 22-28.
- 296 Там же... С.10.

- 297 Смотри, например, репортаж в семи частях «Под ярмом», подписанный псевдонимом Нестор, в газете «Новое время» за 1901 от 1,2,5,9,13,15,17 августа. Особенно интересна статья в номере от 13 августа, которую автор озаглавил «Кому выгодны албанские зверства?». Кроме цикла статей «Под ярмом», «Новое время» опубликовало 10 августа 1901 года корреспонденцию из Белграда Волгина - об озбоченности правительственных кругов Сербии «вопросом о Старой Сербии». В статье за 20 августа 1901 года комментировалась деятельность русского посла в Стамбуле, оказывавшего давление на султана и турецкое правительство, чтобы те приняли меры по прекращению албанских бесчинств в Косовском вилайете.
- 298 Книга издана им под псевдонимом Павле Орлович. Сам этот псевдоним взят по имени легендарного сербского знаменосца из одной из песен косовского цикла сербского эпоса. Орловић П. Питање о Старој Србије. Београд, 1901.
- 299 Орловић П. Питање о Старој Србије. Београд, 1901. С.5.
- 300 Там же... С.5.
- 301 Там же... С.11.
- 302 Авторитетные сербские ученые считают, что для Сербии в то время вопрос о Старой Сербии и албанский вопрос значили почти одно и то же. Смотри, например, Војводић М. Србија и албанско питање крајем XIX века // Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Научни скупови. Књига LIII. Отдельење историјских наука. Београд, 1990. С.63.
- 303 Дневник рада Сената Краљевине Србије за 1901. годину (стенографске белешке). Београд, 1902. С.53.
- 304 Дневник рада Сената Краљевине Србије за 1901. годину (стенографске белешке). Београд, 1902. С.54.
- 305 Там же... С.55.
- 306 Там же... С.55.
- 307 Там же... С.56.
- 308 Там же... С.57.
- 309 Там же... С.57.
- 310 Там же... С.58.
- 311 Там же... С.59.
- 312 Там же... С.59.
- 313 Там же... С.59.
- 314 Там же... С.60.
- 315 Там же... С.60.
- 316 Там же... С.61.
- 317 Там же... С.63.
- 318 Там же... С.64.
- 319 Там же... С.66.
- 320 Там же... С.67.
- 321 Необходимость радикальных перемен в области конкретной консульской, просветительской и церковной работы в Старой Сербии видел даже такой апологет правительственной политики, как Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Службени лист СРЈ. Београд, 1997. С. 271-272.
- 322 Богосављевић А. О Арнаутима. Ниш, 1897. С.100.
- 323 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.28-29.
- 324 Нестор. Под ярмом // «Новое время», 1901 г. 1 августа.

- 325 Эту концепцию развил В.Стоянчевич, мотивируя ее тем, что Австро-Венгрия и Сербия находились в состоянии негласного конфликта уже в начале XX века (т.е. до 1903 г.) из-за нарастающей конкуренции в Старой Сербии и Македонии. Стоянчевич В. Аустроугарско-српски сукоб у Косовском вилајету на почетку XX века. // Срби и Арбанаси. 1804-1912. Београд, 1994.
- 326 Мы имеем в виду как реформы, начатые Турцией в 1896 году с целью запоздалого выполнения условий Берлинского конгресса, так и ставшие их продолжением реформы, следовавшие за Мюрцштегским договором России и Австро-Венгрии 1903 г.
- 327 Peruničić B. Svedočanstvo o Kosovu. 1901-1913. Beograd, 1988. С.156.
- 328 Те. учителей сербских школ или просто заинтересованных лиц, состоявших, как и учителя, на регулярном жаловании в консульстве. Peruničić B. Svedočanstvo o Kosovu. 1901-1913. Beograd, 1988. С.150.
- 329 Станковић Т. Путне белешке по Старој Србији. Београд, 1910. С.22.
- 330 Ракић М. Конзулска писма. 1905-1911. Београд, 1985. С.320.
- 331 Там же... С.71.
- 332 Peruničić B. Svedočanstvo o Kosovu. 1901-1913. Beograd, 1988. С.249-250.
- 333 АС, Ф. Консулат у Приштини, 20 июня 1906. В.Реджич, учитель - консулу Сербии. В этом донесении подробно мотивирована необходимость ликвидации Нимана Дервиши(евича) из с.Исток. См. о Н.Дервиши(евичу), состоявшем на содержании в австрийском консульстве, в кн. Ракић М. Конзулска писма. 1905-1911. Приредило А.Митровић. Београд, 1985. с.314.
- 334 О подготовке покушения на Г.Дожича, епископа рашко-призренского, сообщает В.Трбић. Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996. с. 261-262. (подробнее об этом деле см. ниже)
- 335 Подробнее об этом писал В.Стоянчевич. Стоянчевич В. Србија и Турска пред рат 1912. године. // Срби и Арбанаси. 1804-1912. Београд, 1994.
- 336 Љушић Р. Извештај Слободана Јовановића о посети српским конзулатима у Турској из 1894 године // Историјски гласник. 1987. №1-2. С.206.
- 337 Митрополиту Никифору посвящено целое дело в АВПРИ (ф. 151, оп.482, д.3606), заведенное в 1902-1904 гг и носящее симптоматическое название «Призренский митрополит Никифор и меры к обузданию его вредной деятельности». Митрополит Никифор поссорился по личным причинам и с сербским консулом в Приштини в 1903 г. О том, какую интенсивность приобрел этот конфликт, можно судить по тому, что абсолютное большинство документов за 1903 г. из АС, Ф.Консулат у Приштини посвящены именно этой проблеме.
- 338 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996. с. 261-262.
- 339 Peruničić B. Svedočanstvo o Kosovu. 1901-1913. Beograd, 1988. С.229.
- 340 Те. в 1903-1908 году, до революции младотурок и до второго этапа 1908-1912, когда сербские четники Старой Сербии постепенно превратились в передовой отряд освободительной сербской армии.
- 341 Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Кн. III, 313.
- 342 По мнению учредителей, Общество должно было стать аналогом национальных обществ уже существовавших у других балканских народов: хорватского общества Св.Иеронима, болгарского общества Кирилла и Мефодия и греческого «За распространение наук». - «Браство». Т. II. 1888. С. XLII.
- 343 Король Милан от своего имени и от имени своего сына подарил Обществу 5.000 динаров. - «Браство». Т. II. 1888. С. XIII.
- 344 Жеравчић М.В. Друштво Светог Саве - ДСС (1886-1945). Сопроводительная статья к каталогу АС, Ф. ДСС.
- 345 Звание черного духовенства; ниже архимандритского.
- 346 Великая школа в то время выполняла функции Университета, в который она была преобразована в 1905 г.
- 347 Хаџи-Васильевић Ј. Друштво Св. Саве (1886-1936) // Споменици ДС. Београд, 1936. с.4-7.

- 348 В следующем 1888 г. Общество ввело еще и членов-помощников с уменьшенным размером членского взноса, 2 динара в месяц (АС, Ф. ДСС, д.9, 1 с.). В результате в 1888 году общество насчитывало 42 члена-помощника, 4598 регулярных члена и 1444 члена-основателя («Браство». Т. II. 1888. С. L-LI).
- 349 Подобное предположение мы в дальнейшем подтвердим рассмотрением источников финансирования общества.
- 350 Подробнее о Святосавской школе речь пойдет ниже в §2 «Учебные заведения».
- 351 АС, Ф. ДСС, д.119, д.272.
- 352 «Браство», XIV,1911. С.4-7.
- 353 Ящики-кассы были установлены в самой штаб-квартире Общества, в Министерстве строительства, в Министерстве финансов, в Таможенном министерстве, в Военном министерстве, в Государственной типографии, в здании железнодорожной таможни, в здании Народного банка, в здании Белградского муниципалитета, в здании Белградского суда, в здании налогового управления Белграда и в церкви Св.Марка. Общая сумма сбора за 1889 год составила 2.500 динаров. АС, Ф. ДСС, д.141.
- 354 Так в 1889 году Общество получило от министерства просвещения 1160 динаров для выдачи 30 своим стипендиатам-учащимся. АС, Ф. ДСС, д.113, с.1.
- 355 «Браство». Т. II. 1888. С. XIII-XXXI.
- 356 По другим сведениям 20.000. Выступление С.Николаевича перед Главным комитетом общества 12 ноября 1887 года. АС, Ф. ДСС, д.6, 1 л.об. Подробнее о печатных изданиях Общества речь пойдет ниже в §3 «Печатная продукция».
- 357 «Браство». Т. II. 1888. С. XXIX.
- 358 Что превышает суммы, потраченные за тот же период на поддержку самих образовательных структур. Этот относительный факт, как и абсолютный размер затрат (4000 динаров, т.е. франков, в те времена было значительной суммой) позволяет нам предположить, что под этой суммой скрываются затраты Общества на разведывательные экспедиции, которые сами по себе стали важной задачей общества.
- 359 Постройка дома на Душановой улице была полностью завершена лишь к 1908 году, когда он был сдан Обществом в аренду Первой белградской гимназии, которая стала долговременным арендатором этого здания (и осталось в нем и по сей день).
- 360 «Видело» 01.02.1889 и 19.01.1889.
- 361 «Видело» 26.02.1888.
- 362 АС, Ф. ДСС, д.346.
- 363 Например, АС, Ф. ДСС, д.168, д.170, д.174, д.180, д.186, д.191, д.207, д.219, д.233, д.252, д.269, д.415 и др.
- 364 Жалоба с 10 подписями всех «видных людей села Маврово» сохранилась в АС, Ф. ДСС, д.276.
- 365 Ястребов был не единственным членом Общества в среде русского дипломатического корпуса. 2 сентября 1891 года в почетные члены Общества был принят и русский консул в Скопье Машков. АС, Ф. ДСС, д.479.
- 366 АС, Ф. Љубомир Ковачевич, 577.
- 367 «Браство», XIV,1911. С.1-19.
- 368 Иногда эта статья расходов тенденциозно формулировалась как «помощь жертвам болгарских бандитов» АС, Ф. ДСС, д.686, д.897.
- 369 Жеравчић М.В. Друштво Светог Саве - ДСС (1886-1945). Сопроводительная статья к описи АС, Ф. ДС. С.10.
- 370 Чемериќић М. Трговина, занатство, индустрија, кредитне установе од 1875. до 1937. // Споменица двадестетопетогодишњице ослобођења Јужне Србије. Скопје, 1937. С.685.
- 371 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века. Скопље, 1933. С.113-114.

- 372 Храбак Б. Почеци банкарства на Косову.// Историјски гласник, 1-2. 1982, С.62.
- 373 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.89.
- 374 Гавриловић М. Развитак банкарства и привреде у Јужној Србији. Скопље, 1931. С.5-6. Существовали попитки турецких властей создавать и общие крестьянские кассы взаимопомощи, но эти попитки (из-за политики выдачи ссуд) в основном превращались в еще один способ ограбления православного населения в пользу мусульман. Храбак Б. Почеци банкарства на Косову.// Историјски гласник, 1-2. 1982, С.59.
- 375 Нушич Б. Косово:(Опис земље и народа). Београд, 1986. С.69.
- 376 Гавриловић М. Развитак банкарства и привреде у Јужној Србији. Скопље, 1931. С.7-8.
- 377 Там же... С.6-7.
- 378 Чемериќић М. Трговина, занатство, индустрија, кредитне установе од 1875. до 1937. // Споменица двадестетопетогодишњице ослобођења Јужне Србије. Скопље, 1937. С.695-696.
- 379 АС, Ф. Консулат у Приштини, 1.јул 1901, «Правила фонда цркве Св.Ђорђа у Призрену за штедњу и међусобно потпомагање својих чланова».
- 380 Доказательством нашего тезиса может быть и тот факт, что Фонд ссужал деньги для постройки здания сербской школы в Призрене. Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.29.
- 381 Там же...С.106.
- 382 АС, Консулат у Приштини, 1905, б.д., Посольство Сербии в Константинополе - Консулатам Сербии в Европейской Турции.
- 383 Мнение России, ее консулов и даже отдельных граждан в те времена весьма уважалось иностранными государствами. Ярким свидетельством этого является случай из воспоминаний Петра Костића (Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.78). Тогда в Призрене правил Али Абдурахман-паша, отличавшийся резкой неприязнью к русским и сербам. В одном из личных разговоров с русским консулом Ястребовым он сказал: «Если я когда-нибудь стану Великим Везирем, посмотрите, как я с вами, русскими, сведу все счеты». Эти высказывания не были забыты и, когда он все-таки стал Великим Везирем, русский посол в Константинополе уже через 15 дней добился смещения ретивого русофоба.
- 384 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века (са успоменама писца). Скопље, 1933. С.135.
- 385 Redžepagić J. Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. godine. Priština, 1968. S.100.
- 386 Карић Д. «Србија и Балкански свет». Београд, 1893. С.160.
- 387 Сенкевич И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905-1912 гг. Москва, 1959. С.42.
- 388 Redžepagić J. Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. godine. Priština 1968. S.107.
- 389 Новаковић С. Балканска питања 1886-1905. Београд, 1906. С.461.
- 390 Иванић И. Маћедонија и маћедонци. Кн.І. Опис земље и народа. Нови Сад,1908.С.310.
- 391 Redžepagić J. Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. godine. Priština, 1968. С.119.
- 392 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.5.

- 393 Со временем важность этой задачи стала настолько очевидной, что МИД Сербии даже вынес на рассмотрение консульств предложение о создании «детских садов» («забавишта») для совсем маленьких детей с целью «приучить их к школе» и «утвердить в литературном языке». АС, Ф. Консулат у Приштини, МИД ППО - Консулату у Приштини, 25 февраля 1904 г.
- 394 Представление о том, к какому идеалу стремились школы такого типа дает Пелагић В. Руковођа за србско-босанске, ерцеговачке, старосрбијанске и македонске учитеље, школе и общтине. Београд, 1867.
- 395 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933.С. 8.
- 396 Этот вывод мы делаем на основании ряда биографических данных об учителях-сербях из Старой Сербии, которые приводит Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.13-14.
- 397 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.16.
- 398 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.16.
- 399 Пејин Јован, О обнови рада и оснивању Српских школа у Старој Србији и Македонији 1897. године // Вардарски зборник 1. Београд,1999. С.323-327. Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.33-43.
- 400 Общая стандартизация коснулась и средних учебных заведений (гимназий и училищ), на которые распространялись рассылавшиеся циркулярным письмом по сербским консульствам в Старой Сербии и Македони АС, Ф. Консулат у Приштини, 1903 без.месяца «Правила проведения приемного экзамена в средних школах» и «Правила проведения выпускных экзаменов в школе».
- 401 Историјски гласник. 1987. №1-2. С.198.
- 402 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.26-29.
- 403 Там же... с.26-29.
- 404 Там же... с.49.
- 405 Там же... с.49.
- 406 Redžepagić J. Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. godine. Priština, 1968. С.119.
- 407 Смотри подробнее в работе Костић П. Споменаца педесетогодишњице Призренске богословско-учитељске школе. Београд, 1925.
- 408 «Друштво Св.Саве». Т. III, 1889. С.45-49.
- 409 «Браство». Т. VI. 1894.С.330-356. Тем не менее, в дальнейшем (1897) с ростом общей стандартизации программ обучения в Сербии Обществу пришлось закрыть подготовительные классы. «Браство». Т. XIV. 1911. С.8-10.
- 410 «Браство». Т. VI. 1894.С.337.
- 411 Там же... С.338.
- 412 Среднестатистический портрет учащегося Святосавской школы сделан нами на основании аналитической обработки статистических таблиц, приведенных в «Браство». Т. VI. 1894.С.340-349, с необходимой коррекцией данных по материалам «Браство». Т. XIV. 1911. С.8.
- 413 Общество выплачивало стипендии и тем уроженцам Старой Сербии и Македони, которые желали получать высшее образование в самой Сербии или даже за ее пределами. У них, получивших хорошую и прибыльную профессию, желание

- вернуться на родину было еще слабее. Последнее обстоятельство вынудило Общество брать у своих стипендиатов подписку о том, что они обязуются по окончании обучения вернуться в свои родные края. «Браство». Т. XIV. 1911. С.9.
- 414 Костић П. Црквени живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца), Београд, 1928. С.107-108.
- 415 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века (са успоменама писца). Скопље, 1933. С.30.
- 416 Там же... С.31-33.
- 417 Британски путници о нашим крајевима у XIX веку. Нови Сад, 1993. С.177.
- 418 Там же... С.178.
- 419 Поповић Н. Успомене и Поповић Ј. Живот Срба на Косову од 1812. до 1912. // Плач Старе Србије. Косово, 1982. С.212-214.
- 420 АС, Ф. Милутин Гарашанин, д.844, л.30.
- 421 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века (са успоменама писца). Скопље, 1933. С.72.
- 422 Там же... С.74.
- 423 Расписка о посылке книг через Лесковац 28 фебруара 1906 г. АС, Ф. ДСС, 1036.
- 424 «Браство». Т. V. 1892. Приложение с анонсом издательской деятельности.
- 425 Первоначально альманах назывался «Македонија», но после выхода первого же номера название пришлось сменить, как видно из просьбы о помощи, поступившей в Общество от редакции альманаха 15 октября 1904 г. АС, Ф. ДСС, 698.
- 426 «Браство». Т. XIV. 1911. С.5.
- 427 Протић Ст. О Македонији и Македонцима. Београд, 1888; Орловић П. Питање о Старој Србији. Београд, 1901; Нови Мирмидон. Пред македонским питањем. Београд, 1902; Иванић И. Македонија и македонци. Кн. I-II. Опис земље и народа. Нови Сад, 1908. Станковић Т.П. Путне белешке по Старој Србији. Београд, 1910 и многе друге.
- 428 Гопчевич С. Старая Сербия и Македония: историко-этнографическое исследование. Санкт-Петербург, 1899.
- 429 АС, Ф. Љубомир Ковачевић, 612. Письмо И.С. Ястребова - Л.Ковачевичу от 10 февраля 1890 г.
- 430 Не прошло и 4 лет, как это издание превратилось в орган жесткой критики по отношению к деятелям старосербского народного возрождения, будивший разногласия и сомнения. АС, Ф. Консулат у Приштини, 4 октября 1903 г, копия письма Митрополита Никифора - Саве Груичу.
- 431 Redžepagić J. Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. godine. Priština, 1968. С.135.
- 432 «Браство». Т. XIV. 1911. С.7.
- 433 Важным компонентом современного албанского населения Старой Сербии являются потомки той части сербского народа, которая приняла ислам. См., например, Борозан Ђ. Миграције као последица исламизације и албанизације на примеру Сјеверне Албаније и Старе Србије. Београд, 1998.; Хаџи-Васиљевић Ј. Арнаути наше крви – Арнаути. Београд, 1939; существование сербов-мусульман, говоривших по-албански, признают и отечественные ученые-албанисты (Иванова Ю.В. Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы. Москва, 1999, С.11).
- 434 Драгојловић Д. Институција колективне одговорности код Јужних Словена у Средњем веку // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974. А также другие работы этого сборника.
- 435 Учићувај велико број уништен и заборављених цркава, којима и по данас се изобилује православној земљи Старе Србије, обновљеније цркава такође било важној фактором појављеније црквених община. Јастребов И.С. Подаци за историју Српске цркве. Београд, 1875 и Јастребов И.С. Стара Србија и Албанија. Путевыя записки. Београд, 1904.

- 436 Димевски С. Стварање, структура и компетенције црквено-школских општина 60-тих година XIX века // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974. Подробнее об истоках этого явления писал А.Траяновский. А.Трајановски. Црквено-училишните општини во Македонија. Скопје,1988.
- 437 Печать часто выполнялась из четырех частей, каждая из которых соответственно хранилась у священника, казначея общины, председателя общины, и «меджлис векила». В более позднее время печать стали делать монолитной, и она хранилась у председателя. Димевски С. Стварање, структура и компетенције црквено-школских општина 60-тих година XIX века // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974. С.376.
- 438 Костић П. Црквени живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца). Београд,1928.с.106.
- 439 Поповић Н. Успомене и Поповић Ј. Живот Срба на Косову од 1812. до 1912. // Плач Старе Србије. Косово, 1982.
- 440 Димевски С. Стварање, структура и компетенције црквено-школских општина 60-тих година XIX века // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974.С.375.
- 441 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2685, л.15.
- 442 Интересным примером воспоминания нескольких представителей такой священнической семьи является книга Поповић Н. Успомене и Поповић Ј. Живот Срба на Косову од 1812. до 1912. // Плач Старе Србије. Косово, 1982.
- 443 Подробнее об этом речь пойдет в приложение III. «Сербские учебные заведения в Старой Сербии в 1901/1902 учебных годах».
- 444 Костић П. Црквени живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца). Београд,1928.с.24.
- 445 Деян.10,34; Рим. 3,29; Рим. 10,12. Мы приводим лишь ссылки на Св.Писание, хотя возможны и многочисленные ссылки на работы Св.отцов Церкви.
- 446 Документальные свидетельства некоторых из этих неблагоприятных деяний изучались и в рамках церковной истории Сербии. Ружичић Н. Кратки историјски преглед узајамних одношаја између српске и грчко-цариградске цркве и њихових представитеља, од првог времена њиховог познавања, па до данас. Београд,1875.
- 447 Архив Србије, РО-83, Збирка докумената Јована Хаџи-Васиљевића.
- 448 Архив Србије, РО-83,Збирка докумената Јована Хаџи-Васиљевића., д.90.
- 449 Костић П. Црквени живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX веку (са успоменама писца). Београд, 1928. С.19-22.
- 450 Смотри подробнее в книге Костић П. Цинцарска насебина у Призрену и црква Св.Спаса. Београд, 1925.
- 451 Архив Србије, РО-83,Збирка докумената Јована Хаџи-Васиљевића., д.92, 97.
- 452 Архив Србије, РО-83,Збирка докумената Јована Хаџи-Васиљевића., д.97, л.1.
- 453 Об одной из таких неудачных попыток содержится отчет в Архив Србије, РО-83, Збирка докумената Јована Хаџи-Васиљевића., д.100.
- 454 Архив Србије, Ф. Владан Ђорђевић, д.225, л.28.
- 455 Там же... л.40.
- 456 Батаковић Д. Дечанско питање. Београд, 1989. С. 27-33.
- 457 Станишић В. Српско-Албански језички односи. Београд, 1995. С.49.
- 458 Батаковић Д. Дечанско питање. Београд, 1989. С. 80-89. В дальнейшем Сербии стоило большого труда получить монастырь назад, т.к. более образованные и богатые русские монахи не считали своим долгом подчиняться сербским церковным властям, чем вводили в соблазн и жителей некоторых околных сел.
- 459 Цвијић Ј. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи Антропогеографије. Београд, 1966. С.468-470.

- 460 Богосављевић А. О Арнаутима. Ниш, 1897. С.51-57.
- 461 Там же... С.57.
- 462 В номере «Братства» за 1887 год (свезка I, књига III) приведена статья П.Сречковича о С.Игуманове, подтверждающая эту информацию приводимым воспоминанием самого Игуманова, с уточнением того, что убитый был албанцем. Интересно, что имя С.Игуманова и сейчас украшает в Белграде прекрасное здание, построенное на средства его благотворительности на слиянии улиц Теразии и Сербских владара.
- 463 Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.153.
- 464 Целый мартиролог, озаглавленный «Сербки-мученицы», привел Костић П. Просветно-културни живот Православних Срба у Призрену и његовој околини у XIX и почетком XX века(са успоменама писца). Скопље, 1933. С.167-170.
- 465 Интересным свидетельством таких претензий стала записка И.В.Ястребова М.Веселиновичу от 19 августа 1890, где русский генеральный консул с возмущением отметил, что «...болгары стали настолько наглыми, что даже призренских горанцев считают за болгар». (НББ, Р413/III/452.)
- 466 Краков С. Пламен четништва. Београд,1930. С.180 и др.
- 467 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с.242.
- 468 Там же... с.259.
- 469 Там же... с.273.
- 470 Там же... с.20-210.
- 471 Подробно об этом писал Дж.Борозан. Борозан Ђ. Миграције као последица исламизације и албанизације на примеру Сјеверне Албаније и Старе Србије. Београд, 1998. Интересные аспекты демографического обмеления сербского населения в Старой Сербии в начале XX века приведены в статье. Пејин Ј. Исељавање из Косовског вилајета и других крајева под турцима у САД 1906-1907. године. // Историјски гласник, 1-2. 1985.
- 472 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с.241.
- 473 Несомненно эти попытки были поддержаны и правительством, свидетельства об оживленных контактов которого с Обществом во множестве сохранились в архиве Общества (АС, Ф. ДСС).
- 474 В документах фигурирует параллельное название - «Отдел школ и церквей вне Сербии», разговорное наименование «Пропаганда» или сокращенные ППО (АС, Ф. МИД ППО).
- 475 Проблеме сербо-болгарских отношений в Македонии посвящена статья М.Ямбаева «Между молотом и наковальней», находящаяся в печати.
- 476 Панайотов, Л. Вътрешна Македоно-Одринска револуционна организация (ВМОРО).//Вътрешна-Македоно-Одринска револуционна организация. София, 1994. с.14-15. перевод М.Ямбаева.
- 477 Подробнее см. Гоцев С. Борби на българското население в Македония срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878-1945. София, 1991.
- 478 Цит. по. Косик В.И., Македония - споры, соглашения, войны.//На путях к Югославии: за и против. Москва, 1997. с.327.
- 479 Убивали даже своих, если они относились к сербам толерантно. Так, 27 июня 1903 года в Тетово болгарские комиты убили наместника экзархистского митрополита. (АС, Ф.ДСС, д.644)
- 480 В дальнейшем изложении ранней деятельности сербских чет в Старой Сербии мы опираемся в основном на 2 работы: Хаџи-Васиљевић Ј. Четничка акција у Старој Србији и Македонији. Београд,1928 и, ограниченно, Краков С. Пламен четништва. Београд,1930.
- 481 АС, ПО, ф. I , досије X, дело 164/1881.
- 482 Так они сами себя определяли, подчеркивая свою принадлежность к сербскому, а не болгарскому народу.

- 483 АС, ПО, ф. I, досије X, дело 162/1881.
- 484 Количество беженцев из Старой Сербии и Македонии в 1878-1912 было настолько велико, что в Белграде около трети населения в то время или были родом из тех краев, или непосредственно перешли оттуда. Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.88.
- 485 Много из тога, што С.Симич упоминал или описывал в своих мемуарах можно найти у С.Кракова, талантливог сербског писателя польског происхождения, автора публицистической книги о сербских четниках в Старой Сербии. К сожалению, книга Кракова при всей ее полноте и детальности полностью лишена сносок или видимой опоры на воспоминания. Поэтому использовать эту книгу в качестве источника затруднительно. См. Краков С. Пламен четништва. Београд, 1930.
- 486 Подробнее о нем см. Бајић Ј. Стеван Симић, културни и књижевни посленик // Књижевност Старе и Јужне Србије до Другог светског рата. Београд, 1997.
- 487 Трифуноски Ј. Стеван Симић (1882-1962) некролог//Зборник за народни живот и обичаје Јужних Словена. Кн.42. Загреб, 1964. С. 773-774.
- 488 Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића.Т.IV. Загреб, 1929. С.133.
- 489 Кроме дружбы, многих из них объединяло и членство в масонской ложе «Побратимство», находившейся под патронатом Венгерской ложи из Будапешта. Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.39-41.
- 490 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.38.
- 491 Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића. Т.II. Загреб, 1929. С.162.
- 492 Хаци-Васильевич Ј., Поменик Луке Теловића, члана, добротвора друштва Свети Сава // «Браство». Т. XXII. 1924. и Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића. Т. IV. Загреб, 1929. С.133.
- 493 Поповић. Љ., Милићевић М. Министри војни Кнежевине и Краљевине Србије 1862-1918. Београд, 1998.
- 494 Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића. Т. I. Загреб, 1929. С. 87.
- 495 Хотя определенная связь между офицерами-заговорщиками и организаторами четнической акции прослеживалась.
- 496 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.52.
- 497 Там же... С.52.
- 498 Там же... С.53.
- 499 Там же... С.54-55.
- 500 В.Трбић упоминает мисију майора Генерального штаба, посланного для выяснения обстановки во время и после Иљинденского восстания Генеральным штабом. По-видимому, через Пешича СРО и была связана с военной разведкой Сербии. Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с.33. Для выявления связей СРО с сербскими спецслужбами интересно и упоминание Симича о том, что после основания СРО М.Годжевац, Л.Челович и В.Йованович были приговорены ВМРО к смерти и поэтому находились под постоянной охраной сербской тайной полиции Там же... С.96.
- 501 Фактически революционная секция ЦРТК(Б) и являлась Главным комитетом СРО.
- 502 Там же... С.55-58
- 503 Там же... С.59
- 504 Там же... С.60
- 505 Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића. Т.II. Загреб, 1929. С.344-345.
- 506 АС, Ф.ДСС, д.857.

- 507 Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића, Загреб, 1929, III/719-720, а также вступление Й. Баича в Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.38.
- 508 Там же... С.62.
- 509 Рафаиловић Ж. Наша прва чета //»Јужни преглед« јун и јули 1930// Репринт. Приштина, 1997. С. 264-265
- 510 Точных документов о разделении этих функций (если такие документы и существовали) не осталось. Архив четнической организации, хранящийся в Архиве Сербии, крайне беден (а в последнее время закрыт). Здесь мы приводим преположительное разделение функций в соответствии с описаниями последующих действий ЦРТК (Б) и ИК(В). См., например, выдержки из дневника Милана Ракича Ракић М., Конзулска писма. 1905-1911, Београд, 1985.
- 511 Оружие и боеприпасы четники обычно получали непосредственно от военных, которые неофициально, но регулярно выдавали все необходимое вооружение. Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.63,с.99.
- 512 Это было свойственно не только от нехватки вооружения, но и от того, что более старые бойцы отдавали предпочтение старым системам. Командир первой четы СРО Арса Гаврилович также использовал «мартинку». Рафаиловић Ж. Наша прва чета //»Јужни преглед« јун и јули 1930//Репринт. Приштина, 1997. С.265. На вооружении у четников встречались даже «крымки» (винтовки, заряжавшиеся со ствола черным порохом). Последние имели столь низкую начальную скорость, что при выстреле пуля, вылетавшая из ствола, была видна невооруженным взглядом. Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 33.
- 513 Гранат у первых чет не было, поэтому на вооружение поступили самодельные гранаты. Эти гранаты, т.н. «македонки», имели слабую убийную силу, непредсказуемый радиус разлета и были в большей степени орудием устрашения, чем уничтожения. В дальнейшем, четники стали вооружаться гранатами сербского фабричного производства из Крагуевца. Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 33 и Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.66.
- 514 Там же... С.63, с.99.
- 515 Там же... С.63, с.97-99.
- 516 Там же... С.95.
- 517 Так, Мицко Крстич, сербский четник, сражавшийся с турками и экзархистами задолго до основания СРО, получил саблю в никелированных ножнах с серебрянной рукояткой, на эфесе размещалась дарственная надпись и девиз СРО - «Слобода или смрт».
- 518 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.63.
- 519 Логистическая опора(база) повстанческой организации - вся социальная структура, поддерживающая деятельность повстанческой организации, но не являющаяся ее составной частью.
- 520 Рафаиловић Ж. Наша прва чета //»Јужни преглед« јун и јули 1930//Репринт. Приштина, 1997. С.266.
- 521 Отец-эконом Неделько, управлявший монастырем Св.Прохора Пчиньского, был надежным помощником СРО и сыграл очень важную роль в развитии ее логистической базы. И.Трифунувић. Газда-Неделько // «Јужни преглед» јун и јули 1930// Репринт. Приштина, 1997. С. 298-303; Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 34-35.
- 522 Биография Трбича при всей ее экстравагантности типична для четнической среды и потому заслуживает более подробного внимания. Трбич родился в 1881 году в Восточной Славонии, в 1892 г. оставил родную Славонию и перешел в Сербию, чтобы закончить там гимназию, живя у чужих людей и прислуживая им за еду и ночлег. В 1897 году Трбич пришел послушником в монастырь Св.Роман (район Делиграда), оттуда в 1898 он пришел в монастырь Хилендар. Находясь на Афоне, Трбич закончил богословское училище в Кареи. На протяжении 4-летнего обучения Трбич сотрудничал в сербском журнале «Цариградски весник». Тем временем, отношения на Афоне между сербами и болгарями накали-

- лиись настолько, что дошло до убийства. Ученики салоницкой сербской гимназии прибыли на экскурсию в Хилендар и в результате возникшего спора и драки убили в Хилендаре одного монаха-болгарофила, а другого тяжело ранили. Трбич, замешанный в этот скандал, был вынужден оставить Афон и вернулся домой в родное село Бело Брдо, но там его ничто не удерживало, и через несколько месяцев Трбич опять вернулся в Турцию. Весной 1903 года он прибыл в Салоники. Впрочем оттуда он был вынужден бежать, т.к. зарезал оскорбившего его на улице турецкого жандармского полковника. Бежал он в Сербию, где вошел в контакт с Ж.Рафаиловичем и стал его полномочным представителем в Старой Сербии и Македонии, став к 1908 году легендой сербских четников и главой Горского штаба (главного органа СРО на территории Турции). В 1908 ему исполнилось 27 лет.
- 523 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 34-35 и Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.120.
- 524 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.122.
- 525 Там же... С.122.
- 526 В 1905 году М.Годжевац предпринял еще одну попытку договориться, вновь не увенчавшуюся успехом. Там же... С.123.
- 527 Не говоря уже об официальном дипломатическом добрососедстве.
- 528 Среди них был и сам С.Симич. Там же... С.78.
- 529 АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.5338, л. 15.
- 530 Точнее Симич должен был разведать ситуацию в восточной части Косовского вилайета на границе с Сербией - Куманово, Скопье, Кратово, Крива Паланка и Кочани.
- 531 То же мнение он выражал в донесениях в МИД после переговоров с Ж.Рафаиловичем Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.104 и Илинденски зборник 1903-1953, Скопје, 1953,с.70-71.
- 532 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.106.
- 533 Типичные взгляды, характерные для такой среды, выразил в своем письме от 3 марта 1904 года сербским властям в Белграде сербский учитель, будущий воевода Йован Довезенский. Довезенски Ј. Из мога писма пре 26 година //»Јужни преглед» јун и јули 1930 // Репринт. Приштина, 1997. С. 319-322
- 534 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.108-110.
- 535 Положение в южной Старой Сербии и Македонии из-за террора болгарских агентов стало настолько напряженным, что даже Греция, которая была конкурентом Сербии в Македонии, положительно, по сведениям посла Сербии в Афинах, относилась к появлению сербских чет в Македонии, т.к. не могла сама защитить свои села от экзархистов. Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1901-1914. т.I, ч.2 15/28 фебруар 1904 – 31 децембар 1904 /13 јануар 1905. Београд,1998. С.729-731.
- 536 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.114.
- 537 Там же... С.114.
- 538 Там же... 83-85.
- 539 Ђ.Бабунский считал эту чету первой (реальной) четой СРО. Споменаца Јована С.Бабунског,Београд,1921, с.13
- 540 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.136-141.

- 541 Трбић упоминает об этом происшествии (он помогал в переброске чет через границу) как о битве на Шупльем камне Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 83.
- 542 Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1901-1914. т.I, ч.2 15/28 фебруар 1904 – 31 децембар 1904 /13 јануар 1905. Београд,1998. С.364.
- 543 Негодование М.Ристича против Ж.Рафаиловича было вызвано и неосторожностью последнего в вербовочной работе. С южной горячностью Рафаилович рассказывал всем своим знакомым и даже малознакомым о наличии комитета в Скопье и перечислял его членов, что подвергало их опасности. Жалоба на излишнюю «общительность» Рафаиловича поступила от представителя комитета в Скопье, работавшего директором сербской гимназии в Скопье, Д.М.Димитриевича. Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1901-1914. т.I, ч.2 15/28 фебруар 1904 – 31 децембар 1904 /13 јануар 1905. Београд,1914. С.262.
- 544 Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1901-1914. т.I, ч.2 15/28 фебруар 1904 – 31 децембар 1904 /13 јануар 1905. Београд,1914. С.364.
- 545 Там же... С.400.
- 546 Поречье - котловина вдоль по течению р.Велике / Големе / Трске от входа на Скопское поле у Шишевского ущелья до Бродского ущелья. Население этой территории (несколько сел) сохраняли сербское самосознание до Новейших времен. Для определения точных географических границ этого района см. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка проф. Станоја Станојевића. Т. III. Загреб, 1929. С. 506-507.
- 547 Крстић А. Наша четничка акција у Дримколу //»Јужни преглед» јун и јули 1930// Репринт. Приштина, 1997. С.283-287.
- 548 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996. С. 39-42.
- 549 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.143-144 и Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 68.
- 550 Такую оценку дает в своей автобиографии соратник Й.Довезенского - Й.Бабунский. Споменица Јована С.Бабунског,- Београд,1921
- 551 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 68.
- 552 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.144 и Споменица Јована С.Бабунског...,с.14
- 553 Там же... С.146
- 554 Краков С., Пламен четништва, Београд, 1930.
- 555 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.146
- 556 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 68,72-74 и Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.146.
- 557 Об этом печальном инциденте сохранилось много источников: донесения М.Ракича,консула Сербии в Приштине, в МИД Ракић М., Конзулска писма. 1905-1911, Београд, 1985. С.40-46, Симић С., Српска револуционарна организација..., с.146, Костић П. Погибија наших четника у Великој Хочи //»Јужни преглед» јун и јули 1930 // Репринт. Приштина, 1997. С. 319-322
- 558 Й.Бабунский вспоминал об этом сражении в своей автобиографии Споменица Јована С.Бабунског,Београд,1921, Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 68-69,Симич датировал эту битву 17 апрелем С.,Српска револуционарна организација..., с.147-148.
- 559 Српска револуционарна организација..., с. 148 и Споменица Јована С.Бабунског...,с. 18
- 560 АС, Ф. МИДС-ПП, 1904, бр.14 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.74-75.
- 561 АС, Ф. МИДС-ПП, 1905, бр.353 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.96-97.

- 562 Там же... С.96-97.
- 563 Там же... С.96-97.
- 564 Дословно в тексте стоит «пандур». В современном сербском языке это грубоватое название полицейского. Но в конце XIX века это слово означало «официальное лицо, находящееся на службе государства и защищающее его интересы, будучи вооруженным.» См. словарики турцизмов, локализмов и архаизмов в кн. Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.96-97.
- 565 АС, Ф. МИДС-ПП, 1905, бр.353 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.96-97.
- 566 Там же... С.98.
- 567 Там же... С.99.
- 568 АС, Ф. МИДС-ПП, 1905, бр.4308 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.103.
- 569 АС, Ф. МИДС-ПП, 1905, бр.353 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.104-105. Напряженность в Рашке не спадала и время от времени выражалась в небольших выступлениях, которые кроваво подавляли местные мусульмане.
- 570 Эти антикомитетские действия мы, впрочем, не склонны рассматривать, как меры, направленные на уничтожение комитетского движения, а скорее как попытку успокоить наиболее горячие головы, и по-возможности, подчинить четническую организацию правительственному контролю. Ракић М. Конзулска писма. 1905-1911. Београд,1985. С.325.
- 571 Рафаилович при этом считал, что за этим скрывалась и зависть к СРО со стороны стоявшей у власти радикальной партии и «Черной руки». Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.64
- 572 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.64
- 573 Там же... С.58
- 574 Так об этом пишет С.Симич Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.58. Однако существует свидетельство М.Вукичевича о том, что Бацета погиб 03 июня 1905 года Вукичевић М. Последње виђење са Аксентијем Бацетом-Рујанцем //»Јужни преглед» јун и јули 1930 // Репринт. Приштина, 1997. С. 288-291.
- 575 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.58
- 576 Там же... С.64
- 577 АС, Ф. МИДС-ПП, 1906, бр.1 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.113-115.
- 578 Там же... С.127-128.
- 579 АС, Ф. МИДС-ПП, 1906, бр.87 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.129.
- 580 АС, Ф. МИДС-ПП, 1906, бр.1 цит. по Петровић М.Ф. Документи о Рашкој области 1900-1912. Београд,1995. С.125-127.
- 581 Там же... С.127-128.
- 582 Интересно отметить то, что все 4 предполагавшихся агента комитета в санджаке находились на государственной службе (армейский офицер, охранник Калемегдана, инспектор государственной монополии, таможенник).
- 583 АС, Ф. Консулат у Приштини, 1.јун 1906.
- 584 АС, Ф. Консулат у Приштини, 21.февруар 1906. Ккопия, присланная из генерального консульства Сербии в Скопье.
- 585 АС, Ф. Консулат у Приштини, 30.април 1906. Ккопия, присланная из генерального консульства Сербии в Скопье).

- 586 В связи с развернутым террором в городах вспыхнула такая паника, что турецкие власти были вынуждены ввести там полицейский час и особые меры. АС, Ф. Консулат у Приштини, 22.февруар 1906. Копия, присланная из консульства Сербии в Битоле).
- 587 АС, Ф. Консулат у Приштини, 30.април 1906. Копия, присланная из генерального консульства Сербии в Скопье).
- 588 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.146
- 589 Српска револуционарна организација..., с.148.
- 590 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 99-102
- 591 Там же... с. 96-99
- 592 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.146
- 593 Споменица Јована С.Бабунског...,с. 19-20.
- 594 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 93-94
- 595 Воспетое в строках сербской военной песни «Српска ми труба затруби, из това села Дренова.»
- 596 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 107-112
- 597 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.146
- 598 Споменица Јована С.Бабунског...,с. 22
- 599 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.150
- 600 В частности в Паланкской, Кумановской и Велеской казе Косовского вилайета, а также в районе Прилепа. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.2685, л.84об.
- 601 Об успешных действиях сербских чет против болгарских отрядах свидетельствует и внутренняя паническая переписка болгарских представителей в Европейской Турции. Шопов А. Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995. С.106, 110.
- 602 АВПРИ, ф.166, оп. 508/1, д.114, л.79 об.
- 603 Споменица Јована С.Бабунског...,с. 22-23
- 604 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 112-117
- 605 Симић С. Српска револуционарна организација. Комитско четовање у Старој Србији и Македонији 1903-1912. Београд, 1998. С.150-151.
- 606 АВПРИ, ф.166, оп. 508/1, д.114 ,л.209.
- 607 Там же... л.379.
- 608 Там же... л.1.
- 609 Там же... л.1.
- 610 Там же... л.216.
- 611 Там же... л.215.
- 612 АВПРИ, ф.166, оп. 508/1, д.103 ,л.79 об.
- 613 АВПРИ, ф.166, оп. 508/1, д.114 ,л.68.
- 614 Ее предшественник - тайное общество «Народная оборона» - существовал с 1905 г. См. устав этого общества в кн. Јовановић Ј. Јужна Србија, од краја XVIII века до ослобођења. Београд, 1941.С.160-164.
- 615 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 280.

- 616 АВПРИ, ф.166, оп. 508/1, д.114, л.389.
- 617 Трбић В. Мемоари. Кн. I. Београд, 1996.с. 217.
- 618 Там же... с. 217.
- 619 Там же... с. 288-294.
- 620 Там же... с. 161-176.
- 621 АВПРИ, ф. 166, оп. 508/1, д.114, л.331 об.
- 622 Имеются в виду «услуги» по устройству беспорядков или вырезанию местного православного населения. К.Э.Кирова. Итальянское проникновение в Албанию (1897-1911)// Балканский исторический сборник, III. Кишинев,1973. С. 182.
- 623 К.Э.Кирова. Итальянское проникновение в Албанию (1897-1911)// Балканский исторический сборник, III. Кишинев,1973. С. 180-181.
- 624 Дебелковић Д.Верованја српског народа на Косову пољу. Београд,1934.
- 625 Ястребов И.С. Стара Сербія и Албания. Путевыя записки.Београд,1904.
- 626 Там же... С.266-267
- 627 Учитывая крайнюю конъюнктурность этих цифр, мы не можем назвать точных данных, однако примерные подсчеты даются нами на основе сравнения данных, приводимых в работах: Krstić В. Kosovo između istorijskog i etničkog prava. Beograd, 1994.; и Хадри А. Косово и Метохија у краљевини Југославији.// Историјски гласник. №1-2. 1967. Теми же данима (40% православних сербов и 55% албанцев и славян-мусульман) оперировало и Сербское МИД. АВПРИ, ф.151, оп.482, д.2685, л.9.
- 628 Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове, выпуск 5, Спб.,1904, с. 140.
- 629 Хаци-Васиљевић Ј. Русија заштитница православља и њени консуларни заступници у нашим крајевима под Турцима. Београд, 1938.
- 630 Богосављевић А. О Арнаутима. Ниш, 1897. С.101.
- 631 Там же... С.101.
- 632 Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. Службени лист СРЈ. Београд, 1997. С.120. См. и анонимную записку начала XX века о панисламизме и связанных с его развитием проблемах, хранящуюся в архиве российского МИД. АВПРИ, ф. 151, оп.482, д.5341.

Русские консулы – проводники политики России в Старой Сербии на рубеже XIX-XX вв.

Информирование российского МИД и Императорского Посольства в Константинополе о положении в Македонии на рубеже XIX-XX вв.	165
Донесения из Битольского вилайета.	167
Донесения из Косовского вилайета.	184
Донесения из Солунского вилайета.	199
Проблема Македонии пути её разрешения с точки зрения русских консулов в регионе	208
Русский консул Григорий Щербина и Старая Сербия	210
Русский консул на Балканах Александр Аркадьевич Ростковский	220
Список источников и использованной литературы	233

Информирование российского МИД и Императорского Посольства в Константинополе о положении в Македонии на рубеже XIX-XX вв.

Россия¹ имела на рубеже XIX-XX вв. в Македонии три своих представительства - Генеральное консульство в Салониках (Солуни), консульство в Ускюбе (Скопье) и вице-консульство (с 1901 г. - консульство) в Битоли (Битоль, Битоля, Монастир, Монастырь - все эти названия административного центра Битольского вилайета почти в равной мере имеются в дипломатической переписке).² Первое возглавлял до весны 1902 г. Н.А.Илларионов, имевший четверть вековой опыт дипломатической службы на Балканах (Ушел по выходе в отставку в монахи на Афоне.), а затем - А.А.Гирс³. Во

главе второго находился Ф.К.Лисевич (умер летом 1898 г.), которого сменил В.Ф.Машков в качестве управляющего консульством. Консульством⁴ в Битоли все эти годы руководил А.А.Ростковский⁵.

Консульские функции были очень обширны и многообразны, и это позволило Бисмарку отметить, что “легче быть хорошим дипломатом, нежели хорошим консулом”⁶. А.Амфитеатров со слов одного из русских консулов на Балканах характеризовал их положение как “двусмысленное”: с одной стороны, всесильные “в воображении здешних властей и народа”, а с другой, “совершенно бессильные и безгласные пред Константинополем и Петербургом”⁷. В задачи консула входило информирование своего правительства о политических, экономических и прочих аспектах жизни соответствующего консульского округа. В этой связи будет уместно сослаться на того же А. Амфитеатрова, очевидца многих событий начала века на Балканах, лично знавшего едва ли не всех консулов России в этом регионе. Он писал: “Объехав все государства Балканского полуострова, я познакомился с огромным большинством русских дипломатических, военных и торговых представителей... в Турции, Болгарии, Сербии, Греции. Скажу откровенно: в числе этом я видел, наряду с положительным элементом, много и отрицательного: много людей, трудящихся понапрасну, много чиновников, находящихся нравственное удовлетворение в исправном бюрократическом толчении воды в ступе, но я не видел лентяев, отлынивающих от работы, старающихся обратить должность свою в простую синекуру с хорошим доходом. Ознакомившись с архивами нескольких наших консульств, я был поражен той массой литературно-политической работы, к которой обязан русский консул; каждое донесение его в посольство есть единовременно и фактическая, подробная, проверенная корреспонденция “с места”, и обстоятельная передовая статья по поводу корреспонденции. Еженедельно, а то и чаще, уходят из консульских пунктов наших в Константинополь огромные пакеты с тяжелыми тетрадами таких донесений, а дубликаты их идут в Петербург. И вот - как дойдут они до этого богоспасаемого города, тут им и капут: их очень ласково принимают, нумеруют, складывают в архивный шкаф и... покойся милый прах, до радостного утра! Архивы нашего министерства иностранных дел полны драгоценнейшим этнографическим и политико-историческим материалом из консульских донесений, слежавшимся и пропадающим в недрах дипломатико-бюрократических бесцельно, бесплодно и безвыходно”⁸. Ростковский с горечью обмолвился Амфитеатрову по поводу консульских донесений: “...Читает это лишь посол в Константинополе, а в России - лишь министерские... мыши”⁹.

Проведение в жизнь русскими консулами официального курса МИД на поддержание статус кво в регионе вызывало неприязнь к ним деятелей революционных комитетов. Ростковский докладывал: “...Надевая только перед простодушными селянами, уповающими исключительно на Россию, маску руссофильства, здешняя интеллигенция, участвующая в революционном движении, не стесняется, оставаясь в своем кругу, высказывать свою ненависть против русских консулов за то, что мы не способствуем осуществлению их идеала забрать все управление в свои руки”. Ростковский и

Машков докладывали о личной ненависти деятелей комитетов к ним. По словам Машкова один из революционных деятелей заявил: “Нам не опасны ни сербы, ни турки, ни арнаулы, наши злейшие враги - это русские консулы, которых следует смести с дороги или, по крайней мере, хорошо припугнуть...”¹⁰ Дело ограничилось лишь такими недоброжелательными высказываниями.

Непреклонная позиция русских консулов в деле проведения определенного внешнеполитического курса России в Македонии вызывала недовольство буквально всех соперничающих там сторон. Австрийские газеты печатали материалы порочащие русских консулов. Тем же занимались и многие болгарские газеты. Среди деятелей болгарского национального движения русские консулы слыли болгарофобами. Греки распространяли слухи об активной поддержке Ростковским деятельности революционеров.

Донесения из Битольского вилайета.

Отсутствие общей границы у Битольского вилайета с Болгарией безусловно сказывалось на обстановке в нем. По крайней мере до определенного момента несколько слабее, чем в пограничных вилайетах, было заметно проникновение и влияние, как ВМК, так и Внутренней организации. В отчете за 1896 г. А.А.Ростковский отмечал, что “горячих патриотов” в Битольском вилайете немного, т.к. “главные руководители благоразумно скрылись за границу, где они могут безнаказанно проповедовать в кофейнях великую идею о великом государстве, и держать... на виду у всех знамена, предназначенные для македонских инсургентов, набираемых из разного сброда, которому терять нечего, т.к. он рано или поздно должен кончить свою деятельность каторгой. Эти инсургенты периодически появляются в Македонии, принося одно горе местным жителям, т.к. турецкие власти немедленно принимают строгие меры к удержанию в повиновении христиан, сажают их массами в тюрьмы и приговаривают якобы за государственную измену к каторжным работам, тогда как македонцы не только не относятся сочувственно к своим непрошеным освободителям, а скорее даже враждебно, т.к. знают по опыту, что это им придется впоследствии расплачиваться перед турками”¹¹.

Соседство с албанскими землями и наличие албанского населения (хотя и в несоизмеримо меньшей степени, чем в Косовском вилайете) создавало свою специфику положения дел в Битольском вилайете. Албанское движение подогреваемое Австрией проявляло себя все активнее. Требования албанцев росли. Речь шла о создании отдельного албанского вилайета. Этим “смущались и болгары, которые еще недавно заигрывали с албанцами и указывали им на опасность сербской пропаганды в Призрене и Ипекке”, чем они “надеялись отвлечь внимание сербов от Македонии и заставить их сосредоточиться исключительно в Старой Сербии”. “Представители болгарской пропаганды уверяли албанцев, что самый безобидный для них элемент - болгары, т.к. они не претендуют ни на одну из албанских областей, и вдруг сами албанцы заявляют притязания на Битольскую, Охридскую и

Кырчовскую казы, где болгары считают себя за хозяев. ...Появление нового претендента на турецкое наследство спутало все расчеты прежних пропаганд, потерявших от неожиданности голову и видящих в этом австрийскую интригу, стремящуюся окончательно запутать македонский вопрос в надежде воспользоваться смутами и полной невозможностью разделить Македонию полюбовно между претендентами, чтобы самой получить право занять... ее по примеру Боснии и Герцеговины”¹², - отмечал Ростковский. Положение осложнялось тем, что за активизацией албанского движения последовало возвращение солдат-албанцев с греко-турецкой войны. Мусульмане, “державшие себя до войны и во время военных действий очень спокойно и даже вежливо относительно христиан”, начали “менять свое обращение” и стали “дерзки и надменны”¹³.

В конце лета 1897 г. Ростковский совершил поездку по Битольскому вилайету и побывал во Флорине (Лерине), Кастории (Костуре), Корче (в Албании), Охриде и Струге “с целью познакомиться с местным населением и проследить за фазисами сербо-болгарской борьбы, которая разгорается... все более и более”. Консул пытался убедить, исполняя летнюю 1897 г. инструкцию константинопольского посольства (см. о ней выше), руководителей противоборствующих пропаганд “быть более умеренными и не прибегать в борьбе к бесчестным средствам”, но “никто из этих господ и слышать не хотел о том, что со временем оба народа могут прийти к полюбовному соглашению и что сербы и болгары одинаково близки македонцам”. “...Ни те ни другие не допускают возможности своего совместного существования в Македонии”. По наблюдениям Ростковского, “особенной страстностью” отличались болгары, открыто заявляющие, что “сербы - воры, так как берут чужую собственность” и потому болгарам “*позволительно поступать с противниками как с разбойниками, которых необходимо истребить*” (курсив мой. - Я.М.). На то, что это не просто слова, указывает попытка поджога болгарскими сербской школы в городе Прилеп. Слепленные ненавистью к сербам, болгары убеждали Ростковского, что предпочтут увидеть всю Македонию под властью Австрии, чем “отдать хоть небольшой клочок Сербии”. Болгары признавались, что “сербская пропаганда для них очень опасна”. Причем, в самом начале ее болгары “скрывали свои опасения и уверяли, что она им не страшна, т.к. не в состоянии будет обратить здешних болгар в сербов, но, когда наконец турецкое правительство разрешило открытие сербских училищ в разных городах Битольского вилайета, болгары сорвали с себя маску и начали громко выражать свое неудовольствие”, многие из них начали обвинять Россию в переходе на сторону сербов и во враждебном отношении к болгарскому народу. Успехи сербской пропаганды болгары объясняли подкупом переходящих на ее сторону крестьян¹⁴. 27 сентября Ростковский докладывал, что болгары, будучи не в состоянии легальными средствами противостоять сербской пропаганде, “начали угрожать репрессивными мерами для устрашения своих врагов и даже приводить их в исполнение. Так, в Прилепе сперва покушались сжечь дом нанятый для сербского училища, а недавно было сделано покушение на жизнь Перы Гончара, главы сербской партии, на

имя коего записано училище". Он получил легкое ранение, а вот его малолетняя дочь была ранена смертельно и через несколько часов умерла. Нападавшие не найдены¹⁵. В следующих донесениях Ростовского имеется некоторая путаница. Так, он сообщает об убийстве "председателя сербской общины в Прилепе". Однако не совсем понятно, идет ли речь о Гончаре, умер ли он от ранения, было ли совершено новое покушение или же речь идет о другом человеке. Но факт остается фактом¹⁶. Через месяц русский консул докладывал о нанесении ножевых ранений в Битоли председателю местной сербской общины Хаджи Попеву.¹⁷ Покушение было совершено рано утром на улице и только благодаря появлению прохожих убийцы "не могли докончить своего дела". Пострадавший узнал нападавших и назвал властям. Одного арестовали, а второго - чиновника Болгарского торгового агентства - оставили на свободе. "Какими побуждениями руководствуются в данном случае турки сказать трудно..." - заметил Ростовский. Консул доложил о своих наблюдениях следующее: "Болгарское правительство, открыв здесь свое Торговое агентство, не предоставило агенту права назначать собственною властью чиновников, а прислало таковых из Болгарии и, как нарочно, выбрало их среди видных членов македонского революционного комитета, которые, пользуясь безнаказанностью, благодаря своему официальному положению, и устроили здесь что-то вроде террористического комитета.

Так, например, Карайовов, секретарь агентства, бывший в Софии секретарем македонского комитета, ездил в Прилеп, а через несколько дней после его отъезда был убит там председатель сербской общины... Карайовов себя держит очень самостоятельно и даже не желает подчиняться агенту Стойчеву, который очень недобрительно относится к разного рода выходкам и бравадам, уж не говоря об убийствах и тому подобных преступлениях"¹⁸.

Между тем, летом 1898 г. должность болгарского торгового агента в Битоли занял Йовев, поставивший себе одной из задач подчинить своему (т.е. и комитетскому) влиянию Пелагонийского (Битольского) экзархистского митрополита Григория. Последний был вынужден обратиться к Ростовскому в поисках защиты от "преследований" агента, который якобы официально жаловался на митрополита болгарскому правительству. Во время своего пребывания в Константинополе в августе 1898 г. Ростовскому пришлось посетить Экзарха и просить разобраться в ситуации. Иосиф заверил консула в том, что митрополит Григорий всегда действовал согласно предписаниям Экзархата и не желал подчиняться требованиям "болгарских революционеров", находящихся, по утверждению Экзарха, "под покровительством Княжеского Министерства" и желающих "обратить не только всех митрополитов, но и самого Экзарха в слепое орудие революции". Иосиф обратил внимание Ростовского на то, что "революционеры тесно связаны с торговыми агентами и получают от них все инструкции". Экзарх направил даже в Софию "обстоятельную записку", с подробным изложением действий чиновников торговых агентств в Битоли и Ускубе, "в надежде, что, наконец, правительство

обратит внимание на их поведение и если не отзовет, то, по крайней мере, внушит им быть более осторожными”. Собеседник Ростовского констатировал тот факт, что большинство преподавателей болгарских школ в Македонии принадлежат к революционным комитетам, но болгарским торговым агентам они кажутся недостаточно “ярыми”, а потому они предлагали вместо них кандидатуры “самых завязтых революционеров”, но получили от Экзархата отказ и обратились с жалобой в Софию, и правительство, по словам Экзарха, выразило недовольство его позицией. Глава болгарской церкви осудил политические убийства болгарскими сербов. Более того, по его словам, комитеты уже угрожали смертью Струмицкому болгарскому митрополиту Герасиму за отказ “действовать в их духе”. Воспользовавшись случаем, Ростовский попросил Экзарха “запретить священникам проповедовать целесообразность политических убийств, как это теперь делается почти во всей Македонии, но в особенности в Ускюбской епархии” (Пресловутый Синесий!). В завершение беседы Экзарх жаловался консулу на собственное бессилие, отмечал, что “все зависит от болгарского правительства, которое одно может закрыть в Софии главные комитеты, успокоить Македонию”. Но, по словам Иосифа, “к несчастью министры сочувствуют революционерам и тайно им помогают”¹⁹. Зиновьев направил копию донесения Ростовского о разговоре с Экзархом Бахметеву с предписанием обратить внимание Стоилова на положение дел с болгарскими торговыми агентами²⁰. В августе-сентябре 1898 г., как отмечалось выше, София была вынуждена отозвать из Битоли Карайовова и Йовева.

Важным для представления о том, как было устроено болгарское школьное дело в Македонии является донесение Ростовского от 11 марта 1898 г.: “Учреждая в Македонии свои училища, болгары обращают главное внимание на то, чтобы они исключительно служили целям пропаганды и подготавливали будущих борцов за болгарские национальные идеи, причем считают самое знание предмета, не могущее служить для утилитарных политических целей, каким-то лишним балластом”. Преподавателями Закона Божия, как правило, назначаются светские учителя. “Незнание текстов десяти заповедей не мешает ученику получить отличную отметку, но зато ученик, путающий на экзамене болгарской церковной истории имена деятелей по возрождению болгарской национальной идеи, лишается права на перевод в следующий класс”. Курс церковной истории не затрагивает первых веков христианства, историю Вселенских соборов, а “начинается прямо с крещения Болгарии, основания самостоятельных Патриархий в Тырнове и Охриде.” “Затем учитель рассказывает, как грекам удалось, благодаря данным Порте взяткам, подчинить болгарскую церковь Константинопольской, и как болгарская паства затем эксплуатировалась фанариотскими епископами и т.д.

Но главное внимание обращено на возрождение болгарской национальности и на все дальнейшие события до нашего времени, причем, конечно, проводится идея, что все сделано исключительно самими болгарскими, которым отчасти помогли западные великие державы, руководившиеся эгоистическими целями

Появление унии в Кукуше и переговоры Цанкова с католиками имели исключительно целью заинтересовать Запад в судьбе болгар, которые пользовались верой только как средством возродить свою национальность". Консул приходит к выводу, что "среди болгар развивается атеизм, которым начинают заражаться и духовные лица. Даже нынешний Битольский митрополит Григорий, в бытность свою охридским владыкой, старался убедить членов Комиссии, присланной в 1896 г. в Македонию для выработки реформ, в необходимости со стороны Порты формально признать болгар исповедующими другую религию нежели греки. Цель митрополита заключалась в том, что с признанием болгар составляющими особую религиозную общину, они будут иметь возможность требовать у местной власти постройки церкви и официального признания болгарской общины повсюду, где появится хоть несколько экзархистов, тогда как теперь они должны составлять 2/3 населения, чтобы быть признанной общиной"²¹. (Вообще, как отмечал консул, "разрешение, выданное в конце прошлого года Турецким правительством, назначить трех новых болгарских епископов в Македонии, было воспринято не как милость Султана, а как знак всемогущества Княжеского правительства или, вернее сказать, Македонского комитета в Софии. Нельзя не сознаться, что это мнение имеет некоторое основание, т.к. Порта вместо того, чтобы выдать бераты, как предполагалось ранее, для Мелникской и Полянинской (Кукушской) епархий, где христиане, если и не исключительно экзархисты, то, во всяком случае, таковых там огромное большинство, вдруг разрешает проезд епископов в Битоли и Дибру, где число экзархистов не достигает требуемых Султанским фирманом об учреждении экзархата двух третей общего числа христиан епархии". Местные руководители, "относящиеся вообще к религиозным вопросам более чем равнодушно", посчитали назначение в Битоли епископа политической победой Болгарии"²².)

Далее Ростковский касается деятельности еще одного органа болгарской пропаганды - торговых агентств. Битольское агентство "по приказанию Княжеского Правительства старается все более и более расширить свой круг деятельности и сравняться в правах и обязанностях с консулами, причем пытается, хотя до сих пор и безуспешно, распространить свое покровительство перед местными властями не только на уроженцев Княжества, но и на всех болгар вообще". Тогдашний агент Стойчев - довольно спокойный человек, "к несчастью, того же самого нельзя сказать о его подчиненных, назначенных самим Министром, вопреки мнению и желанию Агента" (Это уже упомянутый Карайовов.). Карайовов "по приезде в Битоли... стал сразу в оппозицию к своему начальнику, устроил у себя конспиративную квартиру, где собираются все горячие головы для выработки разных мер противодействия врагам болгарской нации.

Не имея возможности всегда действовать законным путем, болгаре стали прибегать даже к убийствам сербских деятелей, поджогам сербских училищ и т.д."²³

Болгарский террор возмущал Ростковского. Удивленный тем, что турецкое правительство открыто заявляя о существовании революционных комитетов в Македонии, не принимает мер к аресту их лидеров он посетил весной 1898 г. Битольского Вали Абдул Керим Пашу и беседовал с ним на эту тему. 11 апреля он докладывал Зиновьеву: "Генерал-губернатор рассказал мне следующее: многие из арестованных в Косовском вилайете [Виницкое дело. - Я.М.] на допросе показали, что им известно о существовании революционных комитетов в разных городах Македонии в том числе и в Битоли и в Прилепе, но, что имена членов держатся в секрете главными воротилами находящимися в Софии. Об этом было сообщено Абдул Керим Паше Портой с предписанием, во что бы то ни стало, открыть членов комитета, но Вали ответил, что он никаких доносов не получал и не имеет никаких данных подозревать того или другого, так что не считает возможным приступить к арестованию кого бы то ни было. При этом Генерал Губернатор сказал мне, что производить поголовные обыски и аресты, как делал косовский Вали с целью отличиться, он считает грехом, т.к. от этого пострадают многие невинные, а открыть виновных пожалуй не удастся, поэтому он предпочитает упустить случай получить награду, чем делать многих несчастными"²⁴.

Между тем, болгарский террор в Битоальском вилайете летом 1898 г. продолжился. Члены комитета требовали 500 лир от битоальского экзархистского митрополита. Он не испугался угроз и отказал. "Вслед затем, - писал Ростковский, - тут организовалась шайка из пяти прилепчан, осужденных на каторгу за политические преступления и недавно помилованных султаном, которые, переодевшись турками, начали производить грабежи и даже убийства... с целью приписать эти преступления мусульманам и заставить обратить внимание на тяжелое положение здешних христиан. Помимо подстрекательств извне здешних революционеров ободрил также Критский вопрос, дав им повод думать, что постоянными беспорядками и волнениями они в конце концов добьются своего и заставят, по примеру критян, Европу из недоброжелательной сделаться их союзницей"²⁵. 22 октября 1898 года консул сообщал Зиновьеву: "В начале прошлого месяца в Охриде был убит днем на улице председатель сербской общины. Хотя сразу явилось подозрение, что убийство это совершено одним из болгарских учителей, тем не менее, я не считал возможным доносить о сем Вашему Высокопревосходительству, не имея еще точных данных". Теперь следствие произведено и суду предали "болгарского учителя Пачева, причем не освободив еще от ареста и других учителей (Узунова, Перличева и Грубчева), подозревая их соучастие в преступлении". Через несколько дней после совершения убийства Ростковский встретился с болгарским торговым агентом и "стал доказывать ему необходимость обуздать бешеных фанатиков и прекратить все эти политические убийства, хотя бы в видах собственной пользы, т.к. эти вечные убийства окончательно могут убить симпатии Европы к болгарам, находящимся под турецким владычеством, и ясно показывающим, что они своим варварством превосходят мусульман". Йовев поначалу доказывал Ростковскому, "что болгарские учителя

не причастны к убийству, а затем, даже допустив, что это дело их рук”, заявил, что “их вполне можно извинить, т.к. турецкие власти якобы поддерживают другие враждебные пропаганды и при всяком удобном случае стараются принести вред болгарам, не давая хода их самым законным просьбам. Видя, что никакими легальными путями они не добьются своего, поневоле приходят в отчаяние, и не находят других средств спасти свою национальность как путем устрашения своих противников.” Ростковский заключал: “Эти слова мне дают возможность предположить, что все совершаемые здесь политические убийства делаются, если не по приказанию торгового агентства, то по крайней мере с его ведением, и даже само Княжеское правительство относится к ним благосклонно.²⁶” [Судебное разбирательство длилось до весны 1899 г. Болгары продолжали утверждать, что подозреваемые “привлечены к следствию, только благодаря взяткам данным сербским консулом... следователю, с целью скомпрометировать” их. К маю дело было завершено и главный подозреваемый получил 15 лет каторги, а остальные были оправданы²⁷.]

4 ноября 1898 г. Ростковский докладывал об успехах сербской пропаганды: “Сербская пропаганда стала заметно усиливаться здесь со времени как в бюджет Королевства внесено 1,5 миллиона франков на поддержание сербских училищ в Турции. Сам консул разъезжает по селам и предлагает селянам даровых учителей, а также субсидии денежные на содержание школ. Конечно местные жители не устояли перед этим соблазном и начали подавать прошения о разрешении открыть у них в селах сербские училища.

Болгары со своей стороны прилагают все старания удержать селян от перехода к сербам и митрополиты болгарские объезжают теперь села, уговаривая народ оставаться верным Экзархии, и обещая в свою очередь тоже денежную помощь.

Единственным осязательным результатом всех этих уговариваний и обещаний является все более усиливающаяся испорченность народа, который начинает открыто торговать своей совестью и продает себя тому, кто больше дает²⁸. Тему этого донесения развивает доклад от 17 ноября: “Вражда между сербами и болгарами с каждым днем все более и более увеличивается, причем руководители пропаганд открыто проповедуют, что все средства хороши для уничтожения противника. Учителя внушают ученикам слепую ненависть к соперникам и результаты этих уроков не заставили себя долго ждать. На днях на гулявших за городом, под присмотром учителя, болгарских пансионеров напали сербские ученики и завязалась драка, в коей принял участие и учитель, раскrojивший ударом палки голову одному из сербских учеников²⁹. К Ростковскому обратилась группа болгар с обвинениями в адрес сербов, будто бы последние подкупили Вали и всех битольских чиновников и полицейских, заручившись тем самым их поддержкой в деле пропаганды. Консул писал: “На просьбы болгар заступиться за них в виду вмешательства турок в пользу сербской пропаганды, я отвечал, что, не имея в руках положительных доказательств уплаты сербами денег чиновникам, я не могу заявить о том

Губернатору, но, зная общую продажность турок, советую и им не скупиться на подкупы, если они хотят достичь если не содействия, то, по крайней мере, беспристрастия мелких властей”³⁰.

О перипетиях болгаро-сербо-греческих отношений в Македонии говорится в донесении от 1 декабря 1898 г.: “Сербские консула, присланные в конце 80-х гг. в Македонию, уверяли здешних греческих митрополитов, что главная цель сербской пропаганды - помочь Великой Церкви в борьбе с болгарской схизмой. В виду этого они просили Владык оказать содействие сербам в деле учреждения здесь славяно-македонских общин, не желающих больше признавать Экзарха и соглашающихся подчиниться Патриарху при условии, что им будет оставлено церковно славянское богослужение и училища с преподаванием на славянском языке.

Но греческие митрополиты, находящиеся на жаловании Афинского силлогоса, не осмелились исполнить просьбы сербов, т.к. главная цель греков не сохранение Православия, а эллинизация македонского населения, и потому, как болгарская, так и сербская пропаганда им одинаково враждебны. [...] Разочаровавшись в митрополитах, сербы приложили все старания получить разрешение Порты открывать свои училища в надежде достичь этим путем своей цели сербизировать македонское население. Долго им это не удавалось. Наконец в прошлом году издан был Султанский фирман, предписывающий властям разрешить открытие сербских училищ в Битольском вилайете.

Испугавшись возможности сербской пропаганды среди славян, оставшихся верными Патриархии, митрополиты предпочли войти в соглашение с сербами и направить их деятельность в места, окончательно потерянные для греков, обещая свою помощь против экзархистов под условием не стараться привлекать на свою сторону села, где греки считают себя хозяевами”³¹. (В октябре 1900 г. Ростковский напишет: “Если бы греческие митрополиты не задавались бы национальными идеями, а заботились только о поддержании православия и помогли бы сербам в их стараниях вернуть отпавших снова в ведение Патриарха, то можно было бы смело поручиться за то, что большинство македонцев объявило бы себя сербами.”³²)

(Интересно отметить в скобках, что на полях этого донесения среди пометок (Зиновьева?) имеется следующая: “Ростковский склонен к болгарофильству”. Она более или менее совпадает по времени с пребыванием в Македонии Милюкова, обвинявшего Ростковского в официальном сербофильстве. И еще раз говорит о степени объективности Павла Николаевича.)

28 января 1899 г., подводя итоги прошедшего года в Битольском вилайете, Ростковский писал обращаясь к более раннему времени: “Сознавая полную невозможность определить этнографическую границу между сербами и болгарами, т.к. вся северная Македония составляет переход от народности болгарской к сербской, представители ультраболгаризма старались во что бы то ни стало, возжечь дух нетерпимости и недоверия к сербам, обвиняя их в небывалых тогда замыслах сербизировать болгар. Быть может тогдашние руководители движения сами того не замечая вызвали сербов этим

на контрпропаганду, которая в настоящее время приняла столь грозные для болгар размеры. [...] Еще пока турки относились с недоверием к сербам и не позволяли им открывать училища, болгары делали кое-какие успехи, но действовали вяло, желая сберечь свои силы против надвигающейся опасности со стороны сербской пропаганды. Но едва только местные власти получили категорический приказ Порты не мешать открытию сербских училищ, как болгары оставили в покое греков и приложили все свои старания, чтобы уничтожить новых соперников. Для этой цели им все средства казались хороши. Начались убийства руководителей, поджоги сербских училищ и тому подобные преступления, совершаемые болгарскими учителями и чиновниками болгарских торговых агентств.” Ростковский пророчески замечал: “В настоящее время сербы еще слишком слабы в Македонии, чтобы отплачивать той же монетой, но, по всей вероятности, усилившись, и они не останутся в долгу.” И далее о сербской пропаганде: “Благодаря... неуверенности турок в благонадежности сербов, им навряд ли удалось бы когда-либо добиться разрешения открывать училища, если бы не случилась греко-турецкая война. Опасаясь возможных осложнений, султан дал категорическое приказание властям не препятствовать открытию сербских училищ в Македонии. [...] В настоящее время сербы повели деятельно свою пропаганду и уже несколько болгарских сел перешло на их сторону. [...] Тут невольно является вопрос, отчего так поздно спохватились сербы и дали возможность болгарам укрепиться в Македонии, тогда как они могли бы начать свою деятельность здесь лет сорок тому назад и беспрепятственно привлечь на свою сторону все славянское население. Сами сербы объясняют, что ранее они все свое внимание обращали на Боснию и Герцеговину, и только, потеряв всякую надежду получить их когда-либо, принуждены были обратить свои взоры на Македонию и искать здесь выхода к морю, без коего Королевство существовать не может, т.к. находится теперь в полном экономическом порабощении Австрии, а такое положение дел грозит разорением страны.” И вновь Ростковский пророчески писал: “Пока будет происходить борьба между сербами и болгарами за будущее обладание Македонией, греки воспользуются своим нынешним положением и, не тревожимые более славянами, укрепят свое положение в Южной Македонии. Т.е. добьются своей цели, т.к. они уже перестали мечтать о Северной и признают ее славянской.”³³ Ростковский подытоживал: “Все скрецающиеся в Македонии и враждебные друг другу пропаганды приносят стране страшный вред. Не говоря уже о развращающем влиянии на население, которое из-за материальных выгод готово чуть ли не каждый день менять национальность, пропаганды прибегают, с целью заслужить милость властей, к доносам и клеветам на соперников, причем не скрывают своей радости, когда им удастся нанести вред другой христианской общине. Во всех процессах по обвинению христиан в государственной измене пострадавшими являлись местные христиане, не принимавшие никакого деятельного участия, а имевшие несчастье получать письма и брошюры или от официальных представителей государств, ведущих здесь свою пропаганду, или от революционеров, благоразумно

укрывшихся заблаговременно за границу, где они безнаказанно могут держать у себя на квартире на виду у всех знамена, предназначенные для отправляемых в Македонию банд, составленных из разного сброда, которому терять нечего, т.к. рано или поздно он кончит свою деятельность тюрьмой”³⁴. Ростковский так же отмечал, что болгарская агитация заметно усилилась после “разрешения Критского вопроса”, когда издаваемые македонским комитетом в Софии газеты “начали проповедовать о необходимости поставить на очередь вопрос о введении полной автономии в Македонии, угрожая в противном случае вызвать поголовное восстание в стране.” Но эти газеты волновали в Македонии “главным образом молодых учителей и некоторых горожан, тогда как простое сельское население оставалось вполне спокойно и можно сказать равнодушно ко всем этим проповедям. Не ограничиваясь громкими фразами о необходимости подняться против турок с целью освободить родину, члены македонского комитета начали распускать в своих газетах разные сенсационные известия для придачи храбрости здешним жителям в надежде побудить их действовать энергично. Так, недавно они сообщили, что будто бы Государь Император изволил сказать английскому корреспонденту,.. что весной 1899 г. будет введена в Македонии такая же автономия, как и на о. Крит.” Вследствие этого “здешние руководители болгарской пропаганды начали открыто волновать население, произнося публично в церкви речи о наступающей новой эре.

Конечно, враги болгар не дремали и донесли властям о начавшейся антитурецкой агитации. По распоряжению Вали директор болгарского училища в Прилепе был арестован за произнесение речи в церкви и выслан административным порядком на родину в Адрианополь.”³⁵

Ростковский сравнивал поведение сербов и болгар в сложившейся обстановке: “В противоположность болгарам, указывающим на необходимость принять как можно скорее радикальные меры для введения порядка в Македонии, сербы наоборот стараются доказать, что в стране все обстоит благополучно и население не нуждается ни в каких реформах. Это поведение сербов объясняется тем, что в настоящее время их последователи еще так малочисленны в Битольском вилайете, что в случае введения автономии, их народность не будет принята во внимание, и потому они желают оттянуть время разрешения вопроса на 10-15 лет в надежде, что к тому времени их пропаганда, если и не вытеснит вполне болгарскую, то, во всяком случае настолько будет сильна, что они в состоянии будут претендовать на господство здесь.”³⁶

Консул сделал важное замечание, пожалуй, впервые отметив появление автономистских устремлений у некоторых македонцев: “Вследствие такого отношения пропаганд здешние жители начинают понимать значение громких фраз произносимых за границей о желании освободить своих братьев от турецкого ига, тогда как на самом деле главную роль играет алчный эгоизм, желающий все захватить и ничего не дать другим. Поэтому вполне понятным становится желание македонцев освободиться от всех этих враждебных друг другу пропаганд и искать спасения от турок в прове-

дении идеи, что “Македония для македонцев”. Правда, дальше Ростковский начинает тешить себя и Посольство иллюзиями: “Если эта идея осуществиться когда-либо, то этому можно будет только радоваться, т.к. таким образом, во-первых, Македония освободится от разных нарушителей порядка, а, во-вторых, македонцы, отвернувшись от представителей соперничающих между собой балканских государств, возложат надежду на Россию и будут беспрекословно слушать ее советы. [Какой сон при- снился Ростковскому?-Я.М] Самостоятельное славянское Македонское княжество, простирающееся до границ Албании, уничтожит также своим появлением всякий повод к раздорам между Сербией и Болгарией.” Затем консул вновь трезво отмечал: “Здесьняя интеллигенция незаинтересованная в пропагандах высказывает опасение, что устройство из Македонии автономной провинции опасно, пока Болгария - вассальное княжество, т.к. легко может повториться Восточно-Румелийская история и Болгария присоединит себе Македонию, разыграв комедию назначения князя генерал-губернатором. Как кажется, болгары первые догадались о существовании среди македонцев сепаратистских тенденций и принимают меры к искоренению их. С этой целью они постепенно заменяют учителей из местных уроженцев - присылаемыми из княжества, а здешних македонцев переводят на службу в Болгарию, таким образом, в течение одного 1898 г. они успели 25% здешнего учительского персонала пополнить природными болгарями”³⁷.

18 января 1900 г. Ростковский сообщал, что, по получаемым им конфиденциально сведениям, “болгары что-то замышляют и готовятся к наступающей весне” (как отмечалось выше, подобные слухи - обычное явление для Македонии тех лет). Подтверждение этому (“конфиденциальным сведениям”) Ростковский якобы нашел в болгарских революционных газетах. Например, в последних полученных номерах “появились статьи, доказывающие необходимость для России обратить серьезное внимание на Македонию и освободить ее от турецкого ига.” Статьи эти будто бы “сильно подействовали на здешнюю молодежь, готовую принять свои желания за совершившиеся факты”. Во исполнение инструкций МИД Ростковский “счел необходимым при всяком удобном случае убеждать болгар быть спокойными и не вызывать здесь осложнений, т.к. в настоящее время у России много собственного дела, чтобы заняться таким сложным вопросом как Македонский”³⁸. (О том же в донесении от 30 ноября 1900 г. : “...Здесь, помимо болгар, все, как турки, так и христиане других национальностей, убеждены, что Россия сочувствует устройству болгарскими революциями в Македонии. Конечно, я прилагаю все свои усилия, чтобы развеять это прискорбное убеждение.”³⁹) В этом же донесении есть следующие замечательные строки: “Вот уже несколько месяцев как в Битольском вилайете прекратились политические убийства сербов болгарскими. Не знаю, чему это приписать? Тому ли, что у болгар теперь в голове более серьезные дела, или тому, что здешний сербский консул объявил во всеуслышание, что сербы в долгу не останутся и с помощью наемных убийц-албанцев будут мстить за каждого убитого серба на голове [sic!-Я.М.] выдающихся болгар.”⁴⁰

Указанные события развивались на фоне албанских беспорядков в западных районах Битольского вилайета, начавшихся в октябре 1899 г., и перекинувшихся сюда из Косова. Битольский консул писал в феврале 1900 г., что “беспорядки в Дибре, благодаря слабости Турецкого правительства приняли громадные размеры и в конце концов перешли в открытое вооруженное восстание”. Беспорядки начались с требования албанцев отмены введения уголовного суда и смены мутесарифа (главы санджака). Албанцы заняли несколько христианских сел и уничтожили в них зимние запасы. После того, как их требования были исполнены, они освободили села. “...Инспектора правосудия и финансов бежали из Ускюба спасаться в Битоли.”⁴¹

10 мая 1900 г. Ростковский в донесении в Константинополь высказывает свой взгляд на албанские беспорядки: “Я скорее склонен думать, что у дибранцев существует ненависть к славянам и опасение подпасть при разделе Турции под власть Сербии или Болгарии, и потому они так преследуют христиан-славян в надежде, что, изгнав их, они тем лишат славянские соседние государства возможности требовать присоединения части Албании.

В этом меня убеждает то обстоятельство, что когда они узнали, что я желаю поехать через монастырь Св. Иоанна... к Битоли, то начали требовать у мутесарифа, чтобы он не пускал меня по этой дороге, где почти все села населены христианами-славянами, а предложил бы мне избрать другой путь. Дерзость дибранцев дошла до того, сто они ночью начали стрелять в дом мутесарифа с целью напугать его и меня. [...] Недавно назначенный мутесарифом в Дибру Ибрагим паша принял все угрозы... за чистую монету и долго, но безуспешно уговаривал меня не ездить в монастырь Св. Иоанна”⁴².

Тем временем деятельность болгаро-македонских революционеров в центральных районах битольского вилайета шла своим чередом. Летом все более менее состоятельные болгары получили письма с требованием предоставить определенные суммы революционным комитетам. Срок выплаты определялся в три дня. В случае неуплаты в срок, приходили еще два письма. Сумма каждый раз удваивалась под угрозой смерти, если оплата не состоится. По дошедшим до сведения Ростковского слухам, болгарский торговый агент в Битоли “хотел было известить свое правительство о преступной деятельности комитетов, но ему под рукою [sic!-Я.М.] дали знать, что если министерство и не сочувствует, то во всяком случае не осмелится что-либо предпринять против этих рьяных патриотов.” Турки предприняли ряд арестов и, как это часто бывало, совершенно не тех людей. “Благодаря такому неумению турок, комитеты приободрились и решили не приостанавливать своей преступной деятельности...

На днях один из получивших ранее извещении о произнесенном над ним смертном приговоре за отказ дать 500 франков комитету 70-летний [!!!-Я.М.] священник о.Ставре, отправляясь в церковь для очередного служения обедни, подвергся нападению у самого входа в церковь подосланных убийц.

Раненный в ногу пулей навyleт, о.Ставре узнал одного из убийц, который будучи арестован, выдал не только своего сообщника, но и человек десять приказавших им убить священника. [...]

Покушение на убийство о.Ставре [Все же он погиб от рук наемных убийц комитета.-Я.М.] возмутило всех, тем более, что он - первый священник, признавший в Битоли Экзарха и потому считавшийся здесь одним из возродителей болгарской национальности. Но нынешние македонские деятели не стесняются убивать чуть ли не в самой церкви, не признают для себя никаких авторитетов, а только ищут денег под предлогом необходимости вести агитацию, а на самом деле для того чтобы без труда иметь возможность жуировать. Эти меры устрашения принимаемые комитетами якобы для укрепления болгарской идеи достигают совершенно противоположного результата. Так, например, убийство Абдурахмана бея возле Дибры, совершенное, как говорят, болгарскими за то, что он покровительствовал сербской пропаганде, заставило 10 сел Поречья признать себя сербскими из опасения, что албанцы будут мстить болгарам за убийство бея⁴³.

25 сентября 1900 г. Ростковский подытоживал: "Вообще следует заметить, что все меры принимаемые в последнее время комитетами приносят скорее вред нежели пользу болгарской идее. Не говоря уже о властях, которые стараются всеми силами поддержать другие национальные пропаганды во вред болгарской и потому не дают экзархистам никакой защиты от притеснений мусульман, но и сами богатые турки-землевладельцы заставляют своих крестьян отказываться от болгарской национальности и переходить на сторону сербов, которые считаются лояльными относительно султана, а не такими революционерами, какими являются болгары. Все эти обстоятельства заставляют поневоле простых крестьян избегать всяких сношений с болгарскими и дружить с сербами, тем более, что здешнее народонаселение до того развращено, что для него нет ничего священного, ни национальности, ни патриотизма, и потому руководствуется исключительно личной выгодой. Раз им не выгодно быть болгарскими, то отчего же не быть сербами.

Число убийств все увеличивается и они остаются большей частью ненаказанными, т.к. ни один свидетель из боязни мести не решается давать показания против убийц."⁴⁴

14 февраля 1901 года Ростковский сообщил, что "болгарские революционеры... устраивают в разных горных селах склады оружия и подговаривают население весной подняться, чтобы сбросить с себя турецкое иго. Деятельность болгарских революционных комитетов не ограничивается только селами, признавшими себя под ведомством Экзарха, но распространяется и на села, признающие еще Патриарха, причем в последних говорят населению, что будто произошло, по совету России, соглашение между всеми Балканскими государствами об освобождении Македонии от турецкого владычества". При этом, комитеты "усиленно вымогают под угрозами деньги на революционные цели не только у болгар, но и у последователей эллинизма". Комитет раздает ружья греческого образца "Гра" населению, "уверяя его, что само греческое правительство сочувствует восстанию

наравне с Болгарией. Кроме того, в казе Флорина появился какой-то Марко, эмиссар болгарского комитета, объезжающий села и уговаривающий население восстать против турок". Сопровождавший его человек выдавал себя за греческого офицера. Они демонстрировали населению некую бумагу с государственными гербами России, Греции, Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории, в которой обещалась "скорая помощь восставшим". Об этом консулу сообщили селяне, не поверившие провокаторам и явившиеся к нему за разъяснениями. Ростовский убедил их в том, что это "наглый обман". Эта история имела печальное продолжение. На поимку этих активистов комитета были посланы турецкие отряды. Они, конечно же, не смогли арестовать эмиссаров - те давно уже покинули названную казу. Но турецкие обыски в деревнях, сопровождавшиеся издевательствами над крестьянами, продолжались.⁴⁵

18 марта 1901 года Ростовский сообщал о судебном процессе над болгарскими, обвиненными в организации революционного комитета, а также в убийстве священника Ставре "за отказ дать деньги комитету на революционные цели" (убийство произошло осенью 1900 года). Часть обвиняемых была оправдана, 12 осуждены и один из них - убийца - к смертной казни. На следствии подсудимые сообщили о том, что приказ убить священника, револьвер и деньги они получили от болгарского торгового агента А.Михайлова. На суде они, однако, отказались от признаний, заявив, что их заставили это сделать побоями. Ростовский, числившийся у многих деятелей комитета едва ли не турецким пособником, сомневался в справедливости следствия и обвинений. Тем не менее, то, что Ставре был убит членами битольского комитета, факт неоспоримый.⁴⁶

Осенью 1901 года Ростовский сообщил о появлении "болгарских банд", участники которых были переодеты мусульманами. Они занимались тем, что подобно настоящим албанским разбойникам, хватали на "больших дорогах" проезжих с целью получения выкупа от родственников. Состоятельные жители Битольского вилайета продолжали получать письма с требованием денежных взносов на нужды комитета под угрозой смерти в случае отказа. По данным Ростовского, собираемые таким образом деньги "служат, большей частью, для подкупа полиции и других турецких чиновников, вследствие чего главные руководители комитетов пользуются полной свободой действий и могут безнаказанно совершать всевозможные преступления". В качестве примера такого рода Ростовский приводит рассказ об убийстве в городе Прилепе "среди бела дня" одного болгарского учителя "членами комитета за то, что осуждал их революционные стремления". Несмотря на обстоятельства убийства (людное место, день), полиция не может найти преступника, что и заставило Ростовского подозревать ее в получении взятки от комитета.⁴⁷

Как докладывал Ростовский, отношение населения к деятельности комитета было недружелюбным, ибо крестьяне убеждались в неисполнимости в скором времени обещаний комитета

←—————→

(главное - освобождение Македонии от турецкого господства), а мирному населению приходилось “расплачиваться перед властями за все поступки революционеров, ускользающих, благодаря взяткам, из рук правосудия”. Поэтому крестьяне стараются не укрывать “банды” у себя в селах и даже иногда выдают их властям (по крайней мере, так было в 1901 - н.1902 годов). Комитет жестоко карал непослушных. 5 января 1902 года Ростковский докладывал: “ За последние три месяца было убито 9 мусульман и 18 христиан, доносивших властям о движении банд. В число убитых христиан входят один греческий священник и три болгарки”⁴⁸.

Осенью 1901 года Ростковский заключил, что руководители комитетов стали приходить “к убеждению о необходимости ускорить события и подготовить к весне резню христиан путем возбуждения фанатизма мусульман. Лучшим средством для достижения этого взрыва комитет считает последовательные убийства турок, которые выведенные из терпения, накинутся на беззащитных христиан, что повлечет за собою, по мнению этих народолюбцев, вмешательство Европы в дела Македонии.” Руководители комитетов решили не распускать на зиму отряды, как они делали всегда, а предписали им “энергично действовать” для того, чтобы ускорить события и “устрашить население”⁴⁹.

Зимой 1902 г. Ростковский вновь говорил об автономистских тенденциях в среде македонских комитетов. В секретном донесении от 28 февраля 1902 года консул сообщает, что комитеты, в сущности, “будут рады, если Македония сделается самостоятельной и не присоединится к Болгарии, т.к. в таком случае Македонцы, с одной стороны, избегнут необходимости принять участие в уплате громадных болгарских долгов, а, с другой стороны, будут иметь в своем распоряжении более чиновничьих мест, из коих самые важные надеются получить нынешние члены комитетов.” Тогда же Ростковский сообщал, что гектографическая подпольная газета Битольского комитета “Оружие” напечатала статью, в которой “советует македонцам добиваться собственными средствами своей свободы и не надеяться на поддержку извне, т.к. ни одно государство не действует бескорыстно, а желает только захватить чужие области”⁵⁰.

Деятели революционных комитетов даже пытались шантажировать Ростковского принятием унии в случае если Россия не окажет им содействия: “Революционный комитет относится доброжелательно к этому религиозному движению и даже старается преувеличить его размеры, уверяя, что болгарам, брошенным якобы Россией на произвол судьбы, ничего другого не остается, как сделавшись униатами, искать покровительства Западных Европейских Держав... Революционный комитет прибегает к этому средству в надежде, что мы, испугавшись массового перехода в унию, постараемся всеми средствами удержать здешних христиан от этого рокового шага и не остановимся даже перед войною с Турцией, чтобы доставить столь желательную им автономию Македонии”⁵¹.

Ростковский считал, таким образом, что стремление добиться автономии для Македонии - это лишь желание деятелей комитетов удобно устроиться в администрации ("комитеты не прекратят своей деятельности, пока не добьются хорошо оплаченных мест на государственной службе"). Он называл их "интеллигентный пролетариат" (Активистами комитетов были, в основном, учителя. А в Охридском комитете были вообще одни учителя). Не имея возможности работать в своей сфере, они проявляли себя в совершенно другой. Ростковский считал, что и проект реформ, разработанный Россией и Австро-Венгрией, был встречен холодно комитетам, "т.к. не обеспечивает здешнему интеллигентному пролетариату возможность пристроиться на государственную службу, о чем они мечтали, требуя автономии для Македонии"⁵².

А во имя достижения своей цели комитеты были согласны идти на применение любых средств.

Ростковский сообщал о планах "восстания", подготавливаемого комитетам. Необходимо было продержаться недели 2-3, затем, как считали руководители, "болгарское правительство, под давлением общественного мнения, принуждено будет двинуть войска на Македонию. Тогда Сербия, в свою очередь, не пожелает допустить, чтобы одна Болгария была замешана и тоже двинется на Македонию. А раз Болгария и Сербия будут втянуты, Великим Державам поневоле придется заняться македонским вопросом»⁵³.

По утверждению Ростковского, в апреле 1902 года сил у комитета было не так много: "...Комитетская сила только в воображении его ярых последователей существует, тогда как, на самом деле, комитеты способны лишь из засады нападать на своих врагов." В апреле ими было убито три албанца и Ростковский не сомневался, что родственники этих албанцев обязательно отомстят, но жертвами их будут "не лично комитетские убийцы, которые прячутся в пещерах и оврагах, а бедные христиане тех деревень, в окрестностях коих было совершено убийство." Тогда же, в апреле 1902 года, в связи со складывающейся ситуацией, из Константинополя пришло распоряжение увеличить численность жандармов и полиции в Битольском вилайете на 570 человек. Турецкие отряды, посылаемые на поимку чет, продолжали грабить села и издеваться над крестьянами. пытки и жестокости превращались в обыденное явление. В одном селе в поисках оружия турки разбили алтарь в храме, а в другом в церкви разбили иконы и сорвали хоругви⁵⁴.

К августу 1902 года положение ухудшилось. Набеги турецких отрядов на села стали сопровождаться поджогами домов, крестьяне стали уходить в горы, примыкая к четникам. Их число росло. Ростковский в одном из донесений за август 1902 года утверждал, что положение населения стало таковым, что оно готово поднять восстание, от которого его удерживает боязнь ответных репрессий. Тюрмы были переполнены арестованными за участие в революционном движении, а к таким относили всех "на кого укажут или шпионы или допрашиваемые под пыткой". По предположению

Ростковского, в Битольской тюрьме содержалось до 200 человек. К началу сентября было осуждено 33 человека, из них

- 5 приговорены к смертной казне,
- 4 - к пожизненному заключению,
- 12 - на три года,
- 12 - оправданы за недостаточностью улик.⁵⁵

По данным Ростковского, осенью 1902 года участились случаи убийств полевых сторожей, в основном, албанцев. Селяне, много терпевшие от них и подстрекаемые комитетами, приступили к самостоятельной расправе (“...Убийства полевых сторожей сделались обыденным явлением.”)⁵⁶.

Как сообщал Ростковский, центрами революционного движения в Битольском вилайете были Флоринская (Леринская) и Касторийская (Костурская) казы. Осенью 1902 года туда были стянуты все имеющиеся у властей войска. 28 октября 1902 года Ростковский докладывал о том, что в Касторийской казе находятся три “инсургентских банды”. В самой большой - 50-60 человек, из которых - 40 болгарских солдат запаса. Все вооружены ружьями системы Манлихер. Отрядом командует полковник Янков. В другой “банде” - 15-20 человек “под начальством бывшего разбойника Коте”. Отряды действуют согласованно, не притесняют жителей, за продукты предлагают деньги, не заставляют патриархистов переходить на сторону Экзархата, “проповедуют, что все христиане, без различия национальности, должны соединиться и сбросить турецкое иго”. Отряды Янкова и Коте присвоили себе судебные-административные функции. Так, они запрещали селянам обращаться к властям с жалобами, а заставляли их прибегать для урегулирования взаимных споров к суду своих отрядов. Янков и Коте - сторонники Михайловского, “а третья банда из 16 человек под начальством бежавшего из тюрьмы бывшего учителя Чакаларова признает власть Сарафова. Вследствие чего, они враждуют между собой и при встречах вступают в борьбу, причем, с обеих сторон бывают убитые и раненые.” “Банда Чакаларова” забирает продукты бесплатно, облагает села “денежной контрибуцией”, заставляя всех переходить в ведомство Экзархата, выгоняет греческих священников и учителей⁵⁷.

Ростковский описывает тактику этих чет (характерную для всех чет). Они находятся постоянно в селах, а когда узнают о посылке против них войск, уходят в горы. После ухода войск вновь спускаются в села. Вообще, “инсургенты избегают открытых столкновений с войсками, а если и случилось невзначай им встретиться, то стараются убежать”⁵⁸.

В декабре 1902 года Ростковский отмечал, что сторонники Сарафова и Михайловского примирились между собой, согласившись поддерживать революционное движение в течение всей зимы с тем, чтобы весной поднять всеобщее восстание в Македонии. Интересно, что, по наблюдениям Ростковского, к концу 1902 года простые мусульмане начали бояться вооруженного русского вмешательства⁵⁹.

В феврале 1901 года Ростковский сообщал в Константинополь Зиновьеву такие факты: “Австрийские здешние консула также сочувственно относятся к устройству турецких комитетов [Речь идет об идее властей заняться устройством “турецких комитетов в противовес болгарским”, т.е. в противовес Революционной Организации.-Я.М.], вероятно из желания вызвать здесь серьезные беспорядки. По крайней мере, недавно переехал сюда из Ускюба Галицийский еврей Хаим Кальмейер, известный у турок под именем М. Carlo, вечно разъезжающий по всему вилайету и открыто заявляющий мусульманам о необходимости организовывать комитеты для самообороны.” Этот Carlo являлся султанским агентом и шпионом, но, вместе с тем, он состоял и “на жаловании у австрийского консула, к которому он приходил всегда ночью”. Ростковский и сербский консул проследили маршруты Carlo и убедились, что “он всегда выбирает стратегические дороги, ведущие к Новому Базару, и по дорогам собирает военно-топографические и статистические сведения”⁶⁰.

Кроме того, до Ростковского доходили слухи о переговорах революционных деятелей “о покровительстве со стороны Австрии и недопущении раздела Македонии между Сербией, Грецией и Болгарией, о чем мечтает якобы Россия.” “Меня уверяют, - пишет Ростковский, - будто мой австрийский коллега очень старательно допрашивает, как отнесется население к временной австрийской оккупации Македонии.”⁶¹ Подтверждения этой информации о расспросах о возможной австрийской оккупации в других донесениях найти не удалось. Не исключено, что эти слухи умышленно распространяли сами участники македонского революционного движения, надеясь таким образом активизировать политику России в македонском вопросе.

Донесения из Косовского вилайета.

1896 г. прошел в районах Македонии относящихся к Косовскому вилайету относительно спокойно. Лишь в марте В.Ф.Лисевич докладывал о поездке агентов ВМК в подведомственный ему район, будто бы с целью на месте ознакомиться с перспективами поддержки местным населением возможного проникновения чет ВМК “в нынешнем, или будущем году, и затем условиться и договориться с влиятельными болгарами и с тайными комитетами, о существовании коих во многих городах Македонии проговорились мне и в самой болгарской епископии в Ускюбе”. Здесь, пожалуй, впервые встречается информация о существовании тайных комитетов в Македонии. Речь идет о “подразделениях” Революционной организации, созданной в 1893 г. в Салониках. Лисевич сообщал, что с 1895 г. начался тайный провоз оружия и боеприпасов (“преимущественно револьверов и даже динамитных бомб”) из Болгарии. Оружие хранилось в окрестностях г.Штип (Иштиб) и “некоторых других сильно оболгаризованных центрах пограничной и средней Македонии”⁶². Кстати, селение Винаца находится именно там - в пограничных районах и не так далеко от Штипа. Если информация об оружии стала доступна русскому консулу, то о складах боеприпасов могли догадываться и

соответствующие турецкие структуры. Поэтому открытие таких складов - "Виницкое дело" - было всего лишь навсего вопросом времени.

В 1897 г. обстановка в македонских санджаках Косовского вилайета осложняется сразу по нескольким направлениям.

В начале 1880-х гг. в православной церкви в г.Куманово по решению турецких властей для предотвращения в будущем имевших место столкновений между приверженцами Патриархии и Экзархата было установлено поочередное богослужение: неделю - "экзархисты", другую - "патриархисты". Однако, как докладывал ускубский консул в январе 1897 г., на Богоявление "произошло довольно серьезное столкновение" между соперничающими сторонами. Накануне праздника экзархисты, "окончившие свою неделю", обязаны были передать церковные ключи сербам, признающим Патриархию. Последние их так и не получили. Экзархисты отказались отдать ключи и по требованию местной полиции под предлогом их утери. Сербы не растерялись - они "на другой день рано утром привели слесаря, разломали замки в дверях и, войдя в церковь, начали в ней богослужение".

"Узнав об этом, болгары тотчас стали собираться" на церковном дворе и в находящейся вблизи школе "с явным намерением силой помешать совершению божественной службы". "Сербы принуждены были защищаться. Произошла свалка и удары палками, коими ранено много лиц, некоторые довольно опасно."

Драка была прекращена после вмешательства полиции и небольшого отряда солдат, разогнавших болгар и давших тем самым возможность сербам окончить литургию и "освящение иорданской воды".

До Ускуба дошли слухи, что и в Гостиваре произошло подобное столкновение, вызванное, "якобы, тоже экзархистами, которые, однако, в той местности составляют значительное меньшинство в сравнении с сербами, придерживающимися Патриархии". Можно догадаться, что акции болгар были заранее организованы. Консул отмечал по этому поводу: "По мнению сербов и даже турецких властей, подобные беспорядки диктуются экзархистам Болгарской митрополией в Ускубе [Синесий!-Я.М.] и разными ее агентами, с целью доказать... силу и значение болгарского элемента в крае и затруднить решение вопроса о назначении сюда епископа сербской народности"⁶³. Вскоре, однако, кумановская церковь по решению Порты была для сербов закрыта и передана в исключительное пользование экзархистов. В мае 1897 г. экзархистский митрополит Синесий предпринял "путешествие по своей епархии с агитационными целями". Он заставлял признающие его общины направлять телеграммы Порте, "что сербов вовсе нет в Македонии и что, по сему, невозможно назначить сюда сербского епископа"⁶⁴.

Закрытие церкви в Куманово, затягивание вопроса о назначении сербского митрополита в Ускуб подтолкнули сербских деятелей к действиям аналогичным болгарским - т.е. к шантажу Рос-

сии. Так, в присутствии сербского военного агента в Турции Радойчича архиерейские наместники городов Ускюба, Тетова, Куманова и Прешово заявили русскому консулу, что “народ изверился в защите Сербии и России, что все их бросили в борьбе за свою народность и язык, что народ уже трудно удержать в православии и что т.к. даже мощная Россия не обращает-де должного внимания на местных сербов, то им приходится или потурчиться или принять унию”. “Благодаря агитации местных патеров, *направляемой австрийским консульством* [Курсив мой.-Я.М.], в пользу унии все чаще и чаще раздаются голоса среди здешнего духовенства и сербов.”⁶⁵

В апреле по пути из Ускюба в Тетово турецкими полицейскими был арестован некий Серафим. У него при обыске было обнаружено несколько экземпляров литографированных “революционных воззваний” предназначенных для “болгарских вожаков” и учителей в Тетово, Гостиваре, Дибре (Дебаре). Аресту подверглись еще четверо болгар, обвиненных в передаче воззваний Серафиму, и управляющий болгарских школ в Тетово. Прокламации призывали болгар Македонии к восстанию против Турции, “находящейся ныне при последнем издыхании”. “По словам Косовского Вали, прокламация эта... послана сюда, вероятно, какими-либо агентами Македонского комитета в Софии с целью вызвать власти и албанцев на преследования и репрессии против райи, могущие обратить на себя внимание Европы.”⁶⁶ Значение албанского фактора действительно постепенно усиливалось. За одну майскую неделю 1897 г. в Ускюб прибыли возвратившиеся с греко-турецкой войны 4 800 албанских добровольцев. Они привезли с фронта множество оружия, которое открыто продавали в городе.⁶⁷ В январе 1898 г. консул докладывал Послу об участвовавших “в последнее время” “гонениях и угнетениях” албанцами христиан, что вызвано победой Турции над греками в 1897 г. и “Виницким делом”. Консул неоднократно обращался по этому поводу к Вали.⁶⁸

В ноябре 1897 г. были раскрыты склады оружия в пограничных с Болгарией районах Косовского вилайета - “Виницкое дело”. Его подробности были освещены выше. Можно добавить, что по сообщениям Лисевича нападение совершили сами “виницкие болгары, переодетые” в костюмы полицейских. Они убили турка - кмета (старосту) деревни и его мать. По уверениям Вали, комитеты из Болгарии “доставляли в этот край оружие с ведома болгарского правительства, которое в прошлом году посылало даже своих офицеров для ревизии тайных складов оружия и что о тайном провозе последнего и местах, где оно хранится, знают многие из местных учителей и священников болгарских с их митрополитом Синесиём во главе.” Консул докладывал в Константинополь о слухах, что “почти в каждом городе и большом болгарском селении Юго-Восточной и Центральной Македонии имеются, будто бы склады боевых припасов и оружия и организованы тайные комитеты большей частью из учителей, молодежи и влиятельных местных болгар”. “Они, конечно, находятся в сношениях с Македонскими комитетами в Болгарии, - писал Лисевич. - Необходимые на расходы деньги получают, как оттуда, так и от добровольных пожертвований в среде болгар этого края”⁶⁹.

Весной 1898 г. новое развитие получил конфликт вокруг православной церкви в Куманово. Меджлис вилайета после многочисленных жалоб и прошений патриархов с одобрения Порты принял решение предоставить экзархатам две недели богослужения, а сторонникам Патриархии - одну. (По данным Лисевича, в Куманово имелось 600 домов относящихся к ведомству Экзархата и 370 - к Патриархии.) Местные болгарские деятели, подстрекаемые Синесием, не признали этого решения, заявив, что готовы выдать сербам до 500 лир для строительства другой церкви. Сербы, в свою очередь, отказались от предложения экзархов и не приняли решения меджлиса. Они заявили, что большинство кумановских болгар - "пришельцы, не принимавшие никакого участия в созидании церкви", тогда как последнюю строили "из благочестивых и душеспасительных побуждений" отцы и деды проживающих в Куманово сербов. Потому "уступить ее этим пришельцам за деньги они считают для себя великим грехом и что... они требуют лишь восстановления прежнего очередного богослужения". Сербские требования оказались без ответа, а во время экзархистских богослужений церковь охраняли полицейские. Накануне Пасхи сербы просили каймакама и коменданта дозволить присутствовать на Пасхальной Вечере и вновь получили отказ. Тогда они решили действовать по-другому - силой ворваться в церковь. Но на церковном дворе их уже ждали, посланные заблаговременно, две роты солдат и отряд жандармов, ставшие вытеснять сербов прикладами. Несколько человек получили серьезные ушибы. В итоге, косовский Вали приказал закрыть церковь до распоряжений из Константинополя или до достижения соглашения между спорящими сторонами. По просьбе архимандрита Фирмилиана и кумановских сербов Лисевич просил Зиновьева ходатайствовать перед Портой о восстановлении прежнего порядка богослужения.⁷⁰ (В.Ф.Машков объяснял особый интерес проявляемый болгарскими и сербскими к Куманово тем, что этот город играет роль "одного из трех ключей (Куманово, Ускюб, Тетово), которыми открывается сербам Македония"⁷¹.)

Летом 1898 г. умершего Ф.К.Лисевича сменил В.Ф.Машков, человек военный, бескомпромиссный и порой излишне резкий. Вот как он отзывался о македонском движении: "Болгарское македонское движение - это огромный злокачественный нарыв на вялом организме Больного Человека". ("Больной Человек" - метафора, часто употребляемая в отношении Турции со второй половины XIX в.) Поговаривали, что Лисевич последнее время своего пребывания в Ускюбе вообще не покидал консульского помещения⁷². Даже если это было и так, подобное затворничество так или иначе досаждало болгарам не менее, чем будущая активность Виктора Федоровича. Болгарский торговый агент в Скопье Д.Ризов⁷³ настаивал перед Стоиловым: "Не знаю, будет ли уместно и своевременно... воспользоваться последним политическим переломом в Сербии,.. чтобы переместить и здешнего русского консула известного г.Лисевича. После отъезда из Константинополя его покровителя г.Нелидова и после последнего австрофильского поворота сербской политики, перемещение отсюда г.Лисевича едва ли будет составлять для Вас особенную трудность"⁷⁴.

Официальные донесения болгарских торговых агентов в Софию оставляют ощущение двойственности в отношении деятелей Внутренней организации и отсутствия определенного к ней отношения. Так, поносимый Машковым Ризов жаловался в июне 1898 г. Теодорову в связи с очередным провалом - Кратовским. "Благодаря тому обстоятельству, что софийские полицейские власти позволяют авантюристам типа Г.Петрова играть с огнем, сегодня мы имеем еще одну новую "комитаджийскую аферу" [провал комитета внутренней организации и связанный с этим скандал.-Я.М.] в Кратово. И я боюсь, что вскоре будем иметь другие подобные аферы. Потому что... в болгарской деятельности в Македонии отсутствует тот дух солидарности и единства, что есть главная гарантия успеха любого политического предприятия. Мы различаемся не только по способам и средствам, которые приведут нас к желаемой цели, но и различаемся по самим задачам, которые преследуем. Экзархия думает, что увеличив число своей паствы в Македонии за счет какого-либо села или перетянув из сербоманских школ несколько детей - и дело в порядке. Некоторые же наши молодые в Македонии думают, что любой болгарский скандал в этой стране... полезен, даже когда он производится не принимая в расчет общую ситуацию в Европе, ни готовность Болгарии встретить случившийся скандал. А болгарское правительство вынуждено впустую тратить большую часть своих усилий, чтобы выпрямить кривые деревья Экзархии и молодых. Настоящее полотно Пенелопы... Один ткёт, другой расплетает. Энергия, силы и средства тратятся только на то, что можем сказать миру, как грибоедовский Репетилов: шумим, братец, шумим!.." Далее Ризов сообщает вкратце в чем состояло Кратовское дело. Петров направил из Софии несколько молодых людей с целью политических убийств и грабежей. Несколько уже задержано турками.⁷⁵ Замещавший позже Ризова Наумов сообщал, что по его просьбе в дело вмешался русский консул и один из подвергнутых жестоким пыткам террористов доставлен в Скопье.⁷⁶

Отмечая рост "албанских беспорядков", подстрекаемых Австрией и Портой, и сравнивая положение православного славянского населения в Старой Сербии (входящей в Косовский вилайет) и Северо-Восточной Македонии, Машков подчеркивал, что в последней им живется "намного сноснее", чем в первой, "ибо арнауты там встречаются спорадически". "Подтверждением сказанного, - по мнению Машкова, - служит, между прочим, и то обстоятельство, что болгары, судя по их газетам, и смотрят на арнаутов, как на своих естественных против сербов союзников и цинично, хотя и безуспешно, с ними заигрывают." "И не странно ли! - восклицал Машков. - Не беспощадно истребляемые арнаутом, притесняемые турецким правительством и изводимые болгарскими сербы кричат о невыносимости настоящего положения, а негодуют на жестокости, грозят восстанием сравнительно благоденствующие болгары, у которых, однако, и у самих "рыльцо (sic.-Я.М.) очень и очень в пушку"⁷⁷.

Осенью 1899 г. косовские албанцы выступили против неугодного им ускубского Вали Хафиз паши. По некоторым данным албанцев негласно поддержали деятели болгарского движения в вилайете. Напротив, сербы были склонны поддержать Вали. В депеше из Белграда П.Б.Мансуров отмечал:

«С точки зрения спокойствия в пограничных с Сербией областях Турции, вряд ли можно считать желательным смену честного и энергичного администратора, каковым наши местные представители постоянно признавали Хафиз пашу, произведенную под давлением столь беспокойного элемента как албанцы.»⁷⁸ Султан пошел на уступки. Албанские волнения прекратились после того, как Хафиз паша был смещен и заменен бывшим призренским мутесарифом Решад беем, а арестованные зачинщики беспорядков были освобождены. В связи с этим Зиновьев отметил, что «такая уступчивость Султана, служа поощрением своеволию арнаутов, не обещает ничего хорошего в будущем»⁷⁹. Машков же докладывал, что изначально требования албанцев были значительно обширнее - удаление всех «преданных Хафиз паше чиновников», упразднение суда, табачной монополии, десятинного, муниципального и некоторых других налогов. Албанцы требовали удаления русского консула из Ускюба (Машкова - «как одного из приятелей» Хафиз паши) и вице-консула из Призрена, а также сербских консулов и администратора Ускюбской митрополии архимандрита Фирмилиана, высылки сербских учителей и закрытия сербских школ. Машков пришел к выводу: «Нет нужды прибавлять, что все относящиеся к сербам требования ставились... в угоду и в благодарность за содействие своих союзников болгар»⁸⁰.

Амфитеатров так представлял читателю ситуацию с Хафиз пошой: «...Арнаулы заставили султана сменить... талантливого и деятельного администратора - ускюбского Вали Хафиз пашу, неугодного им за то, что был справедлив, строго применял законы к делу, не слишком позволял душировать христиан, - вообще, пробовал не только получать свое генерал-губернаторское жалованье, но и управлял краем серьезно и добросовестно. Все албанские атаки на волю смелого Вали потерпели полное крушение, и, не будучи в состоянии сломить характер Хафиза паши, вожаки дикой анархии вызвали арнаутское восстание в Ускюбе. Оно продолжалось одиннадцать дней и кончилось было полной победой Хафиза, но затем - албанская дворцовая интрига одолела, и Хафиз был смещен ко всеобщему сожалению - и турок и христиан». Позднее - в 1903 г. - Амфитеатров добавил: «В настоящее время он опять генерал-губернаторствует в Ускюбе, но уже с суровыми, антихристианскими инструкциями и прежней своей репутации «друга Машкова» не поддерживает и не заслуживает...»⁸¹

«Все познается в сравнении.» Возможно, сопоставляя положение дел в Старой Сербии и Македонии, Машков пришел к своим категоричным выводам, превратившись в принципе в ярого политического «болгарофоба».⁸² И было отчего...

«Рыльце в пушку»... 10 января 1900 г. Машков перечисляет в донесении Зиновьеву некоторые действия агентов тайных комитетов революционной организации за прошедшие до этого несколько недель: «После убийства сербского священника о.Иоанна в Кратове, несколько покушений в Велесском округе и сожжение сербского попа в Струмице; на второй день Рождества был убит при выходе из

церкви сербский же священник Ефтимий Стефанович в Кочанах, по каковому поводу арестовано несколько болгарских учителей.

Дом сербского священника о.Павла в Гостиваре ночью облит керосином и подожжен; семья священника спаслась благодаря лишь тому обстоятельству, что пожар в самом начале был замечен соседями мусульманами.

Там же.. болгарский учитель Тополов и монах Аверкий устроили засаду на делавших рождественские визиты сербов и одного из них Теофила Сенадиновича выстрелом из револьвера тяжело ранили в голову; виновники задержаны.

4-го января в пяти минутах ходьбы от села Араовац, велесской казы, группа возвращавшихся с базара сербов подверглась нападению также из засады, причем некий Ристо Малезан был убит наповал, а Стоян Настович ранен в ногу.

11 участвовавших в засаде болгар, из которых четверо принадлежат к одной и той же фамилии,.. уже арестовано.

Директор ускюбской мужской гимназии г.Агафонович уже несколько дней выслеживается каким-то молодым болгаринном, на что я не преминул обратить внимание Вали.

На днях до 20 учеников здешней болгарской школы напали на шестерых безобидно прогуливавшихся по набережной воспитанников призренской семинарии; к счастью вовремя подросшие заптии помешали столкновению принять кровавый характер; у задержанных при этом болгарских учеников было найдено 6 больших ножей однообразно, точно по форме, спрятанных в левом рукаве их жакетов.

Вали меня уверяет, что все это делается не только с ведома, но и при поощрении митрополита Синезия, особенно натравливающего своих духовных чад против сербских священников⁸³. Здесь будет весьма кстати грубоватая поговорка “Каков поп - таков приход”. Только сугубо политическими мотивами обуславливалось нахождение Синезия во главе болгарской Ускюбской митрополии⁸⁴. Синезий активно поддерживал существовавшие революционные комитеты. Между тем, его образ жизни и поведения никак не вязался со священным саном. По наблюдениям Машкова, Синезий был очень равнодушен к молоденьким прихожанкам. Да и служил он по-особому. Например, в первый день Пасхи 1901 года избил молящихся палкой. Машков приводил слова некоего Дымкова, как он его называл, ускюбского “болгарского деятеля”: “Вот сам наш Синезий ведет распутную жизнь, как какой-нибудь мейхандусие (содержатель кабака), открыто содержит несколько любовниц,.. насилует учительниц, подбивает народ к насилиям и беспорядкам, а когда, исполняя его желания, люди попадают в тюрьму, то он и пальцем не пошевелит не только для их спасения или хотя бы найма адвоката, но и для простого облегчения участи узников.” Далее Дымков отмечал, что неоднократно ходатайствовал перед экзархом “об удалении Владыки, который своим поведением не только

роняет народное достоинство, но и топчет в грязь самую нашу святую веру. Экзарх, интересуясь лишь политикой, а не поддержанием чистоты веры на нашу просьбу и внимания не обратил...” В конце концов, Синезий организовал травлю Дымкова и добился его увольнения с должности члена церковно-школьного совета.⁸⁵

Предоставление автономии Криту и назначение Георга комиссаром острова вскружило головы и “заправилам революционного движения” (выражение Машкова) в Македонии. По замечанию Машкова, они начали рассуждать следующим образом: “Если поднявшие знамя восстания сравнительно немногочисленные критяне сумели заставить работать на себя Европу, то как же эта самая Европа... останется безучастной к восстанию и неизбежному затем избиению христиан всей Македонии?” В декабре 1898 г. у Машкова состоялся разговор с болгарским торговым агентом в Ускубе Ризовым, который горячо убеждал русского консула поддержать болгарское движение в Македонии, “соблазняя перспективой” занесения его имени “в скрижали истории”. Машков пересказывал содержание “речи” Ризова: “Поверьте, что мы находимся в жерле вулкана. С помощью России или без России - македонский вопрос получит разрешение в самом непродолжительном времени. Мы готовы к действию. Мы хотим умереть или добиться освобождения Македонии. Если Македония не может быть присоединена к Болгарии, мы удовольствуемся ее автономией. Если это невозможно... мы бросимся в объятия Австрии и с радостью примем австрийскую оккупацию. Во всяком случае мы хотим изменения режима. От самой России зависит - будет ли Болгария с ней или Австрией”⁸⁶. В “речи” Ризова содержится весь стандартный набор демагогических приемов болгарских македонских деятелей - грубая лесть (перспектива занесения имени консула в “скрижали истории”), согласие на автономию (на деле - то же самое присоединение к Болгарии), обещание быть с Россией, если она поможет с Македонией (Чего стоит это обещание можно судить по последовавшим за освобождением Болгарии событиям - Россия нужна для достижения своих целей, а затем о ней забывают.). Вскоре Ризов выехал по делам в Петербург и его замещал Наумов. В день тезоименитства Николая II он был на официальном обеде в русском консульстве. Когда ушли турецкие чиновники и европейские консулы, между Наумовым и сербским консулом Куртовичем состоялась интересная беседа, содержание которой передавал Машков. Куртович доказывал, что македонцы не болгары, “а просто-напросто македонцы, гораздо более близкие к сербам, - а часто и прямо-таки сербы, - чем к болгарам и, шутя, стыдил г.Наумова, что он сам серб по крови, стал называть себя болгарин, переделав имя отца - Наума - в болгарскую фамилию Наумов”. На это Наумов, смеясь, отвечал: “А зачем же Вы, господа сербы, спали тридцать с лишком лет? Болгары все это время неустанно работали и, вполне естественно, что теперь интеллигенция, вся молодежь оказывается на нашей стороне. Начав Вашу пропаганду всего лишь в 1889 г., Вы, конечно, не имеете ни такого, как болгары положения, ни таких как они на Македонию прав. Да и к чему права? продолжал он, воодушевляясь, - мы, болгары, хотим Македонию,

варя 1900 г. Машков напишет: “В официальных турецких сферах утверждают,.. что здешний новый болгарский коммерческий агент г.Пеев под маской добродушия, невмешательства и осуждения производимых болгарскими насилием на самом деле состоит председателем местного революционного комитета и руководит, будто бы, всеми безобразиями болгар.”⁹¹ Пеев имел указания Иванчова следить за Машковым и докладывать обо всех переменах в его поведении, по которым можно судить о тех или иных новых инструкциях посольства России в Константинополе консулу.⁹² (Пеев в донесениях в Софию обвинял Машкова в том, что он всегда видит в «борьбе и самообороне беззащитных болгар против сербской пропаганды» революционные комитеты и болгарскую революцию. Торговый агент приводит слова Машкова о том, что он не может симпатизировать «террористам-болгарам»⁹³.) Что тут сказать? Судить о переменах во внутривосточной жизни Болгарии, находясь в Македонии, не располагая достоверными данными, - все равно, что судить о ситуации в Македонии из здания российского представительства в Софии. Даже сверхосторожный Машков, не был лишен определенных иллюзий в отношении внешних жестов официальной Софии. Впрочем, в том же донесении от 3 сентября 1899г. он далее высказывает вполне определенные опасения (в дальнейшем, естественно, оправдавшиеся, о чем свидетельствует упомянутое выше донесение от 10 января 1900 г.) и предостерегает: “...Было бы большой ошибкой думать, что с этой переменой [замена Ризова Пеевым.-Я.М.] умиротворились все беспокойные здесь элементы. Вожаки революционного движения, как, например, сам Ризов, почти разорвали все отношения со слишком, по их мнению, миролюбивыми правительственными кругами и ведут независимую политику, наперекор всем добиваясь возбудить движение. В Косовском вилайете эта клика состоит из большинства духовенства, с митрополитом Синезием во главе, учителей, прошедшей болгарские школы молодежи, молодежи учащейся, людей которым терять нечего, преимущественно из городского пролетариата и, наконец, из “чорбаджиев” (людей состоятельных), кои в перемене существующего порядка видят средство для собственного возвышения.”⁹⁴ По мнению Машкова, официальная и революционная линии в болгарском македонском движении сходятся “лишь в одном” - “в их стремлении во что бы то ни стало не допустить усиления сербов по линии Куманово, Ускюб, Велес и Тетово, - линии, долженствующей представить собой барьер против распространения сербской пропаганды к югу...”⁹⁵

В целом же перспективы всех “работающих в Македонии пропаганд” Машков оценивает крайне пессимистически. Ни одна из них не может, по его мнению, “рассчитывать на массу”, которая “в политическом отношении безразлична”. Машков приводит в качестве иллюстрации своего наблюдения один из многочисленных примеров, несколько комичный, но более чем показательный. Так, два жителя Куманова пришли к архимандриту Фирмилиану и заявили о желании перейти “с болгарской стороны на сербскую” и, “по обыкновению”, обусловили свой переход “материальной поддержкой”. Далее Машков описывает события следующим образом: “Прежде чем исполнить эту просьбу, Фир-

милиан задумал проверить твердость их убеждений. Он с таинственным видом сообщил им, что сербам служить не стоит, ибо у них нет денег, но что нарождается новая пропаганда - испанская [подчеркнуто в тексте.-Я.М.], представители которой широко оплачивают людей способных вербовать им новых сторонников и, в заключение, предложил просителям принять на себя эту “крайне выгодную миссию”.

И предложение служить хорошо оплачиваемой “испанской” пропаганде в Македонии было с восторгом принято вчерашними болгарам, сегодняшними сербами...” “Удачу этого опыта не следует считать случайной, - делает вывод Машков. - Население Македонии вконец развращено разными ее разъедающими пропагандами, в которых оно и видит лишь легкий и верный источник наживы”⁹⁶.

Заслуживают внимания наблюдения Машкова за сербской пропагандой. 20 июля 1899 г. Машков отмечал в своем донесении: “В моем секретном письме от 3 августа прошлого 1898 г. я, между прочим, имел честь говорить о положении здесь сербской пропаганды. Я тогда же констатировал, что, в полную противоположность болгарам, сербы не имеют преданных своему делу людей, что сербские здесь деятели - это ожидающие 1-го числа чиновники и что и тот незначительный запас энергии, какой они имеют, тратится не на развитие пропаганды, а на партийные интриги, которые для них заслоняют самые жизненные национальные интересы. С тех пор положение в общем не изменилось. За все это время усилия здешней сербской, так называемой, интеллигенции направляются исключительно на сокрушение администратора Ускюбской Митрополии архимандрита Фирмилиана и бывшего здесь до последнего времени сербским Генеральным консулом г. Куртовича.”⁹⁷ В таком положении вещей Машков обвинял местных приверженцев Радикальной партии, “которые несколько не думают, что культивируемая ими разрозненность местных сербов, их интриги, доносы печально отражаются на общем ходе сербской пропаганды (в сущности стоящей на весьма благоприятной почве)...” “Здесь радикалы... усердно работали и, наконец, успели свалить Куртовича.”⁹⁸ До Машкова дошла информация о том, что в Нише состоялся “съезд” сербских консулов в Македонии. По предложению Денича, нового ускубского консула (по словам Машкова, “дворцового либерала” и “проводника дворцовых взглядов”), “было решено перейти из пассивной обороны, которой до сих пор держались против болгар, в наступление... Денич, согласно указаниям из Белграда, стремится стать между народом и нашим консульством, рассчитывая утилизировать наше влияние таким манером, чтобы народ не знал о нашем в его защиту участии, и, таким образом, мало-помалу искоренить в массе чувство преданности к России.”⁹⁹ (Завершая свое донесение, Виктор Федорович особо подчеркнул, что он, “не обращая внимания на удовольствие или неудовольствие гг. сербских политиканов, без замедления” исполняет свой долг “по покровительству христиан без различия национальностей”¹⁰⁰.) 20 апреля 1900 г. он писал Зиновьеву: “Мне неоднократно приходилось говорить в предшествующих секретных донесениях о неудовлетворительной с точки зрения сербских интересов постановке серб-

ской здесь пропаганды. Разбившись на мелкие партии, преследующие чисто эгоистические задачи, сербские деятели преисполнены глубокой ненавистью к членам других партий, и, забыв о прямой цели своего пребывания в Македонии, всецело погрязли в партийных интригах, заслоняющих для них интересы государственные. Понятно, что при таких условиях, несмотря на крайне благодарную почву, сербское дело в Македонии начинает идти назад. Так, например, не говоря о многочисленных отдельных отпадениях, за последнее время они не мало потеряли сел и деревень в Велесской казе, а также и в окрестностях Ускуба. Некоторую роль в этом ретроградном движении сербского дела, кроме вышеизложенных причин, сыграла и постоянная безнаказанность болгарских террористов-убийц... [...] Но еще большее значение, мне кажется, тот необъяснимый разлад, который существует между сербскими консулами и белградским МИД. В Белграде как бы поставили себе задачей вести систематическую войну против своих консулов, ни одно представление которых и не удостоивается одобрения. [...] ...Перемена четырех консулов в течение двух лет до крайности, конечно, вредит сербским интересам”¹⁰¹. То же отмечал и Риттих: “К сожалению, сербы, хоть искренно и желают добра своему отечеству, но у большинства не хватает сил и энергии довести дело до конца. Такие же работники, как Куртович подвергаются партийным интригам в Сербии и весьма редко бывают поддержаны в полной мере в своих начинаниях”¹⁰².

31 января 1901 г. Машков сообщал о покушении болгарина, переодетого в мусульманскую одежду, на сербского священника на многолюдной ускубской улице. Священник (получивший образование в России) был ранен. Преступник бежал с криками “Турок, турок!”, несколько других болгар (сообщники?) тоже кричали “Турок!”. Виновного все-таки задержали. Машков отметил, за последнее время “это 11-й случай удавшихся или неудавшихся убийств Болгарским Македонским Комитетом сербских священников в Македонии”. Машков приводит и ряд фактов. Например, убийство топором о.Алексея за то, что отказался “дать пристанище революционной банде” и принять на хранение оружие. Один из полевых сторожей был изрублен топором в “мелкие куски”¹⁰³.

15 марта 1901 года Машков писал: “Уже издавна, издеваясь над всеми принципами обычной морали, Македонский комитет погряз в тенденциозной лжи, систематической клевете, инсинуациях, подкупах, вымогательствах, насилиях, убийствах. Кому не известны насильственные поборы комитета, официально признанные Болгарским правительством. Кто не знает, что в Салоникском вилайете представители Комитета жгли живьем греческих попов, предварительно обливая их бензином, что в Косовском вилайете подверглись нападению комитета до 11 сербских священников, не говоря уже о многочисленных более или менее пострадавших, а по большей части просто-напросто прирезанных светских лицах, что комитет сплошь и рядом режет и экзархистов, т.е. тех, кто называет себя болгарами, лишь за то, что тот или другой показался комитету недостаточно активным, послушным, щедрым, надежным и т.д., и чему примером служат... зверские убийства...”¹⁰⁴

Машков писал, что в венской газете "Information" и лондонской "Times" появилась информация о том, русский консул в Ускюбе - Машков - "завален жалобами христиан" на зверства турок, "но относится к ним нейтрально". Однако в донесении от 15 марта 1901 года Машков утверждал, что в районе вверенного ему консульства "за последние 2-3 месяца" ему "не было принесено болгарами ни одной жалобы". Информация в европейские газеты шла от деятелей комитета. По данным Машкова, содержащимся в донесении от 30 апреля 1901 года, за первые месяцы наступившего года в Косовском вилайете никаких насилий со стороны турецкой администрации над христианами не было. В том же донесении он рассказывает, как к нему явились жалобщики, уверявшие, что их били по пяткам палками. При этом они ужасно хромали и опирались на своих товарищей. Машков их осмотрел, но следов побоев не обнаружил. Хромая, они ушли. Вскоре консул вышел на улицу и встретил "пострадавших", которые, не узнав его, шли без всякой поддержки или затруднения, "весело пересмеиваясь с товарищами"¹⁰⁵.

Машков задавался вопросом, почему, несмотря на свою преступную деятельность, руководители комитетов на свободе. Он писал: "...Все известные, часто ловимые с поличным, деятели комитета почти всегда оставались безнаказанными, или... наказывались как обыкновенные, а не политические преступники." (В этом месте пометка карандашом на полях: "Это утверждают все наши консулы".) По мнению Машкова, турецкие власти потому закрывают глаза на политический характер преступлений, что опасаются возбуждения крупного политического дела и привлечения внимания Европы к македонскому вопросу (Это верно лишь отчасти, т.к. в Солуни в начале 1901 года состоялся процесс над крупными деятелями революционной организации. См. ниже.) Потому-то не преследовались руководители комитета, в результате чего "дерзость последних все более возрастала". Кроме того, турки наивно полагали, что "дело не пойдет дальше истребления "гяура" серба "гяуром" болгарин" (Ср. с Ростковским: "Власти всегда в восторге, когда между христианами существуют раздоры и даже подстрекают одних против других с целью извлекать себе негласные доходы.") До Машкова доходили слухи, что Ускюбский Вали Решад бей получил от комитета крупную взятку и потому не принимает никаких мер. Трудно сказать насколько эти слухи соответствовали действительности, но они заставляют задуматься если вспомнить, что писал Ростковский 5 января 1902 года: "С каждым днем члены комитетов действуют все смелее, т.к., благодаря даваемым полиции и судебным следователям взяткам, обеспечили себе полную безопасность. Точно также, благодаря даваемым... взяткам, разыскиваемый Ускюбскими властями председатель комитета гор. Штиба Делчев преспокойно разгуливает по всему Битольскому вилайету"¹⁰⁶.

И все же, турецкие власти приступили "после долгих колебаний, как бы нехотя... к вялым розыскам по Болгарско-Македонскому революционному движению". В результате в Куманове было найдено несколько ружей и "компрометирующих бумаг", 43 человека арестовано (24 вскоре освобож-

дены). “В одном из центров движения... сами христиане предъявили турецким властям десятка два ружей, розданных им учителями, на которых они при этом горько и жаловались, как на постоянных виновников всех их несчастий”¹⁰⁷.

Говоря о целях комитетов, Машков в марте 1901 года сообщал, что их конечная цель - объединение Македонии с Болгарией. Машков считал, что распространяя “фантастические известия о положении дел” в Македонии “Македонский Революционный комитет преследует все ту же цель перекройки карты Балканского полуострова”. Для этого деятели комитета стремятся привлечь внимание Европы, представляя себя “жертвами сербских и греческих насилий, варварства турок”. Более того, Машков считал, что сам лозунг, “афишируемый заинтересованными болгаро-македонскими кружками - Македония для македонцев - обычная наглая мистификация”. “Если бы такой девиз был принят в действительности, - писал Машков, - и принят чистосердечно, то, правда, дарование автономии могло почитаться наилучшим разрешением македонского вопроса.” Однако во главе комитетов стоят болгарские учителя и в случае дарования автономии они выдвинутся на административные посты. Отсюда, по Машкову, не будет и речи о “Македонии для македонцев”: “Автономная Македония получит чисто болгарский характер и при первом удобном случае... войдет в состав Великой Болгарии...”¹⁰⁸ В своих воспоминаниях Д.Юруков отмечал, что в начале XX в. Ускюб представлял место, «где шла наиожесточеннейшая борьба между сербами и болгарам в во всей Македонии»¹⁰⁹. Передававший ему пост торгового агента в Ускюбе Колушев отметил, «что с сербским и русским консульствами, хотя мы и находимся формально в корректных и лояльных отношениях, в сущности, мы в наивраждебнейших отношениях. В том же положении, - добавил он, - находится и болгарская митрополия. Митрополит Синезий и Машков давно прекратили взаимные визиты.

И, наконец, он мне представил и австрийского консула... как нашего хорошего друга и защитника болгарских интересов». Юруков спросил о причинах такого положения. Колушев объяснил это тем, что «мы находимся в соперничестве здесь и во всей Македонии с сербами, а русские консулы помогают сербам! Машков ненавидит болгар по личным причинам»¹¹⁰. Юруков встретился с Машковым, который был «очень любезен и попросил... видеться чаще», т.к. они были соседями. Юруков принял приглашение Машкова. Политика была обычной темой их разговоров. Русский консул сказал Юрукову: «Ваши болгары... должно быть много наговорили против меня, представив большим болгарофобом. Это неправда. Когда я прибыл сюда консулом, то имел инструкции защищать всех православных христиан, особенно славян – болгар и сербов. Я защищал всех без какого-либо различия... Что будет болгарским, а что сербским, это политический вопрос будущего, но мы хотим, чтобы Македония была славянской. Мы хотим, чтобы между болгарам и сербам были хорошие отношения, особенно здесь. Однако здешние болгары не понимают этого. Они начали преследовать сербов, совершать убийства. Я не мог... смотреть на это равнодушно. И потому стал им [болгарским

революционерам, вероятно. – Я.М.] неприятен». Машков привел несколько случаев убийств, заявил, что недоволен болгарскими революционными комитетами, преследующими сербов в селах и заставляющими их силой признавать Экзархию. Он подчеркнул, что делает разницу между македонскими болгарскими: «Одно дело, когда речь идет о массе, и другое – об интеллигенции. С массой я и теперь в хороших отношениях, с интеллигенцией – нет. ...В начале я был в хороших отношениях и с ней, но, увидев, что она во всем мне врет, прекратил отношения с ней.» Машков задал Юрукову риторический вопрос: «Наконец, чего хотят ваши комитеты? Неужели освобождения Македонии? Но можете ли вы это сделать сами?» И тут же ответил: «Ни вы не можете, ни сербы. Этот вопрос снова ляжет на наши плечи. Но и вы и сербы хотите от нас многовато. Хотите не только, чтобы мы вас освободили, но и нам указываете, мол, когда вы нас освободите, то у нас свои особые интересы и нужды...» В конце разговора Машков сказал: «Я только прошу Вас содействовать тому, чтобы сербов больше не убивали. Тогда Вы можете искать моей помощи во всем, что касается защиты ваших болгар»¹¹¹. Юруков рассказывает о еще одном примечательном визите Машкова. Юруков в тот момент рассматривал карту Европейской Турции, и она лежала у него на столе. «Ха, Вы изучали карту?» - поинтересовался Машков. Болгарский торговый агент ответил, что он рассматривал границы Сан-Стефанской Болгарии и что они «точно совпадают с существующим этнографическим положением». Машков ответил: «Сан-Стефанская Болгария, прости Господи... Сан-Стефанская Болгария была нашей ошибкой, посредством коей мы бросили Сербию в руки австрийцев, а вы же, болгары, вашим Объединением нам открыли глаза, став инструментом наших неприятелей против нас. Вот тогда мы и увидели нашу ошибку. Теперь наша задача другая: нужно, чтобы вы договорились с сербами...» Тогда, по мнению консула, придет время, когда будут довольны и болгары и сербы.¹¹²

7 апреля 1902 года Машков сообщает о попытках мусульман создать с ведома властей «организацию для подавления возможных проявлений политических aspirations христиан» (Ростковский еще в феврале 1901 года писал, что власти занялись «устройством турецких комитетов в противовес болгарским». Кстати, к осени 1901 года относится сообщение из Солуни Илларионова, в котором сообщается о «турецких шайках» (см. ниже). Вполне вероятно, что речь шла о тех же «турецких комитетах». В дальнейшем ни у одного из консулов данных об их деятельности нет.). Машков считал, что в этом «большую роль сыграли... революционные приготовления болгар». Подстрекательская деятельность комитетов продолжалась. «Ненависть мусульман к христианам, вольным и невольным виновникам всех обрушившихся на голову правоверных несчастий, растет в угрожающей прогрессии,» - отмечал весной 1902 года Машков. Тогда же он сообщил, что к обычным притеснениям христианского населения чиновниками прибавилась ненависть «темной массы»: Мусульмане «очевидно крайне угнетены слухами о подготавливаемом восстании и возможности войны... И вот начинается травля на христиан, в коей одинаковое участие принимают военные и чиновники,

нотабли и темная мусульманская масса”. В Ускубе начались “огульные беспричинные избиения христиан, как будто дело происходило в горах Албании”. Машков приводил множество фактов арнаутских зверств от насильственного обращения в ислам до убийств и изнасилований беременных женщин и несовершеннолетних, начиная с десятилетнего возраста. Консул докладывал тогда же: “...Лишь за первые три месяца этого года приведено 20 проверенных примеров убийств и покушений на убийства, совершенных исключительно на почве искусственно подогретого политического фанатизма мусульман...” Чиновники не принимают никаких мер, ибо руководствуются принципом: “Благодарение Аллаху - одним гяуром стало меньше”. Увеличивалось число покидавших родные места христиан.¹¹³

Машков продолжал считать, что “болгарско-македонское революционное движение не опирается на сочувствие народных масс даже в соседних с Болгарией районах”, за исключением Штипского и Прилепского районов, а также некоторых местностей в окрестностях Велеса¹¹⁴. Интересно, что, судя по донесениям, активность комитетов в Косовском вилайете была ниже, чем в 1901 году. Кроме того, христиане, терпящие бесчинства со стороны мусульман, все еще не торопились присоединяться к четам, вероятно, рассчитывая на иные способы облегчения своей участи.

Донесения из Солунского вилайета.

Еще в 1896 г. деятельность созданной в Салониках за три года до этого Революционной Организации воспринималась русским генконсулом Н.А.Илларионовым как проявление изменения тактики ВМК. Так, в марте 1896 г. он докладывал в Константинополь о том, что Македонский Комитет продолжил свою деятельность в Солунском вилайете, но “на этот раз, не высылает сюда, как в прошлом году [Мелникское дело.-М.Я.], шайки повстанцев, а предпочитает действовать более скрытно, организуя в разных местностях Македонские тайные комитеты, имеющие задачей подготовить население к восстанию и заготавливать необходимые для сего денежные средства, равно как и вооружение. *Такой комитет существует и в Солуни* [Курсив мой.-М.Я.], и здесь даже изготавливаются гектографическим способом революционные листки, распространяемые по стране, в которых описываются разные турецкие злодейства, с приглашением населения приготовиться к свержению турецкого ига.” Один из таких листов, писал консул, выходит “под названием “Въстаник” - “Орган на Бълг.[арски] Македонски Революционери”.”¹¹⁵ “В члены комитетов принимают, будто бы, с неособенно большим разбором, а в числе членов Солунского комитета состоят два учителя здешней болгарской гимназии...” Как полагал Илларионов, “без указаний из Болгарии ничего решительного здешними комитетами предпринято не будет”¹¹⁶.

1897 год ознаменовался в Солунском вилайете обострением сербо-болгарских отношений. В июне месяце в саду одной из салоникских гостиниц произошла крупная ссора, переросшая в драку,

между болгарскими учителями и сербами и одним черногорцем, окончившаяся убийством одного учителя - Ганова и ранением другого - Гарванова(!!!). Сербы и черногорец, подозреваемый в убийстве, были арестованы. По данным Илларионова, поводом к драке послужило “вызывающее поведение болгарских учителей, грубо выражавшихся о сербах и желавших отомстить некоему македонцу, Пейчиновскому, оставившему преподавание в болгарских школах и перешедшему к сербам”. В объяснениях же о смерти Ганова, напечатанных в газетах по-болгарски и по-французски, было сказано, что он погиб от рук сербских убийц. Интересно заметить, что, как отмечал консул, “утверждают”, что болгарскому торговому агенту А.Шопову “был небезызвестен замысел болгарских учителей, которые, может быть, сами не предполагали, что устраиваемое ими мщение своему бывшему товарищу, успевшему вовремя от него уклониться, будет иметь такие последствия”¹¹⁷. В связи с произошедшим консул предупреждал, что “болгаро-сербская вражда в Македонии принимает все большие размеры, заставляя опасаться возможности ее кровавых проявлений”. Но, “нельзя при этом не заметить, что задор, выказываемый болгарскими более значителен нежели у сербов и, как кажется, болгарская интеллигенция с учителями во главе стала еще более заносчивой со времени прибытия сюда торговых агентов, являющихся, конечно, руководителями болгарской пропаганды”¹¹⁸.

Для Пейчиновского все закончилось печально... В сентябре по дороге домой вечером на него было совершено покушение со стороны трех неизвестных. Он получил ножевые и огнестрельные ранения. В результате чего и скончался спустя два месяца.¹¹⁹ К числу “подстрекателей” болгаро-сербских столкновений Илларионов вновь безоговорочно отнес Шопова.¹²⁰ (Интересно, что Шопов писал в августе 1897 г. Стоилову, что находится с Илларионовым в хороших отношениях, они вместе часто встречаются, «угощают друг друга», дискутируют...¹²¹)

Непосредственный участник описываемых событий И.Гарванов (Лидер Болгарского тайного революционного братства. О нем уже шла речь в главе I.) ничего не говорит о причастности Шопова к убийству Пейчиновского. Зато он открывает иные подробности. Так, убитый в июне болгарин Ганов - член руководства Революционного братства. Гарванов отмечает, что убийство Ганова “подняло Братство в глазах людей. Стало известно, что мы существуем как самостоятельная организация...” Гарванов характеризует Пейчиновского как “сербского агитатора, агитировавшего в смысле, что надо убить одного из болгарских учителей”. Вразумительного ответа, зачем это ему было нужно, он, правда, не дает. Зато рассказывает (скорее проговаривается), что Пейчиновский был в плохих отношениях с Гановым. Последний, оказывается, писал жене первого о том, чем ее муж занимается в Солуни (Оцените!!! Ганов делал это, якобы, по просьбе самой жены убиенного впоследствии Пейчиновского.). Организовать покушение на Пейчиновского помог Д.Груев.¹²²

В октябре 1897 г. замещавшего Илларионова (находившегося в отпуске) Лишина посетил А.Шопов. Он завел речь о “бесцельности” (Так в тексте. Вероятно, имеется ввиду бесперспектив-

ность.) сербской пропаганды в Солунском вилайете, а затем перешел к жалобам на поворот общественного мнения в России против болгар и “на защиту сербских интересов в Македонии, будто бы предпринятую русской печатью и даже Правительством”. “Россия, говорил Шопов, пробудила болгарское народное чувство, крепко заснувшее в душе поработанного племени. Она вдохнула в нас жизнь и развила самосознание. Россия дала нам самостоятельное существование как отдельному государству, имеющему свои особые задачи. Мы быстро пошли по пути прогресса... и теперь мы с горестью видим, что та же Россия ставит препоны нашим законным стремлениям”¹²³. Лишину пришлось объяснять Шопову, что “Россия не только не препятствует Болгарии развиваться и исполнять свои исторические задачи, но даже готова помогать осуществлению ее надежд, если они не вредят интересам других национальностей, особенно славянских”, покровительство которым составляет основу деятельности России на европейском Востоке. Лишин подчеркнул, что мнения газет не могут служить точным выражением намерений Императорского правительства. Он отметил: “Россия высказала свое решительное мнение о пределах распространения болгарской народности, намереваясь создать болгарское Княжество в границах определенных Сан-Стефанским договором. В общем границы предполагавшейся Болгарии почти совпадают с границами распространения болгарской народности на Балканском полуострове. Из этого не следует,.. чтобы Россия относилась хладнокровно к чрезмерным притязаниям болгар, особенно если эти притязания вредят другим славянским национальностям или толкают Болгарию на чрезвычайно скользкий путь политических приключений...” При этом Лишин отметил, что высказывает сугубо личное мнение. Он напомнил, что сербо-болгарская борьба в Македонии может “очень вредно отозваться на будущности обоих родственных племен”. Долгий разговор закончился обещанием Шопова повлиять на “местную болгарскую молодежь” в смысле данных Лишиным объяснений “для убеждения ее в том, что Болгария должна видеть в России доброго опытного советника, не только поощряющего болгар в их добрых начинаниях, но и остерегающего их от дурных поступков и от нарушений братских отношений к родственным племенам, населяющим Балканский полуостров”. Лишин заключал донесение в Константинополь замечанием о том, что болгарские торговые агенты ничем не отличаются в своей деятельности от политических агентов “других мелких государств, за исключением, может быть, лучшего подбора агентов и подведомственных им чиновников, нежели у сербов, румын и греков, ставящих принадлежность... той или другой политической партии главным условием назначения на должности”¹²⁴.

Зимой в Македонии, в частности в Солунском вилайете, наступило, как обычно, относительное затишье. Но уже в мае 1898 г. последовало громкое убийство в г.Гевгели. Вечером на одной из улиц был убит куцовлах Ристо Цицо, один из “состоятельных и почетных христиан”, “державшийся одно время болгар” и перешедший на сторону сербов. Последним он помог открыть в Гевгели школу,

разрешение на открытие которой было выдано на его имя. Убийца не найден. Илларионов вновь подчеркивал, что убийство - "новое проявление деятельности руководителей болгарского дела в Македонии, прибегающих ко всем средствам, чтобы противодействовать сербской пропаганде, надеясь, вероятно, разными преступлениями запугать сербов и заставить их отказаться от своего предприятия". Генконсул особо отмечал необходимость "остановить не в меру расходившихся болгар, т.к. избранный ими преступный путь неминуемо приведет к кровавым последствиям". Указывая, что к подкупам прибегают как сербская, так и болгарская стороны, Илларионов подчеркивал, что "к убийствам первая из них не прибегала, тогда как преступление в Гевгели уже не первый пример способа действий второй из них"¹²⁵.

2 июля 1898 г. Н.А.Илларионов докладывал И.А.Зиновьеву о "проявлении деятельности руководителей болгарского дела" в Македонии, выразившемся в "новом преступлении" в Солуни - был убит серб Андрей Ангелович, торговец и член солунской сербской церковно-школьной общины¹²⁶, отец которого занимал должность старосты домовая сербской церкви подворья Хиландарского монастыря в Солуни. Убийца - Христо Узунов - был опознан, но ему удалось бежать с места преступления. К удивлению Илларионова, он так и не найден, "хотя хорошо известен полиции, т.к. неоднократно подвергался задержанию за разного рода преступные действия". Убийство, как писал генконсул, "произвело здесь впечатление" и подтвердило слухи о существовании "тайного болгарского комитета". Интересно следующее замечание Илларионова: "Об этом комитете знает, если я не ошибаюсь и вали Риза-паша, но он относится довольно благосклонно к происходящему, что заметно было из моего случайного с ним разговора о последнем преступлении. Риза-паша, как многие турецкие власти, видимо, мирволят болгарам, но такое их поведение может иметь весьма печальные последствия." Но, безусловно, основного внимания заслуживает характеристика Илларионовым самого "комитета": "Что касается этого комитета, то по его... распоряжению болгары-экзархисты стараются не иметь никаких дел с болгарскими униатами и особенно с **македонцами, считающими себя сербами, против которых и направлена главная деятельность с убийствами для устрашения** [выделено мной.-Я.М.]"¹²⁷.

В октябре 1898 г. - новое преступление. Среди бела дня на улице Велеса убит "уроженец близлежащего селения" Петр Ташевич "(для болгар - Ташев)", считавший себя сербом, хлопотал об открытии в Велесе сербского училища. Лицо убийцы, нанесшего несколько смертельных ран было закрыто, и он успел скрыться. Илларионов сообщал, что арестовано несколько подозреваемых, но "убийца не будет найден, - благо генерал-губернатор солунского вилайета, Риза паша¹²⁸ всегда мирволит болгарам". Перед смертью, якобы, Ташевич успел заявить, что он убит "по наущению болгарского велесского митрополита Авксентия"¹²⁹.

В феврале 1899 г. Илларионов докладывал Зиновьеву о некотором затишье в деятельности революционных комитетов вилайета: “за последнее время не было... обычных их открытых действий против сербской пропаганды,.. пока же случаются только предъявления со стороны комитетов денежных требований к некоторым состоятельным болгарам, как это было недавно в г.Велесе, где один болгарин, не уплативший требуемой с него суммы, был тяжело ранен успевшими скрыться членами тайного комитета”. Тем не менее, “такое поведение комитетов вселяет страх среди болгар, которые опасаются заявлять жалобы и разглашать что-либо им известное по этому поводу.”¹³⁰

Илларионов так оценивал перспективы возможного восстания в Македонии: “Хотя почва для революционной деятельности тайных комитетов отчасти подготовлена благодаря продолжающемуся царить в крае бесправию, но все-таки трудно будет Македонскому комитету в Софии, при невмешательстве в дело болгарского правительства, возбудить серьезное восстание. Бывали примеры попыток произвести здесь кровавый переворот и в минувшие годы, как со стороны болгар, так и греков, - но население держалось в стороне и, за незначительным исключением, не принимало участия, так что все ограничивалось небольшими вооруженными столкновениями без результатов. Боязнь тяжелых и хорошо известных последствий в случае неуспеха, влияла, конечно, на поведение населения, несмотря на всю тяжесть его положения и такого образа действий будет придерживаться население, по всей вероятности, и впредь, если только не появятся точные доказательства прямого участия в деле заинтересованных государств. Кроме того, турецкие военные силы, хотя не особенно грозны в Македонии в данную минуту, но все таки довольно значительны и могут дать весьма чувствительный отпор местному христианскому движению, и при этом необходимо считаться и с мусульманским населением, которое поспешит не только отозваться весьма охотно на первый призыв своего правительства, но при настоящем своем возбужденном настроении, особенно после албанских сходов, может расправиться с христианами даже и без этого призыва, при первых попытках их к восстанию”¹³¹.

Весной вновь произошли антисербские инциденты. 6 апреля Илларионов сообщил о попытке убийства в г.Дойран его жителя Георгия Дмитриевича. “Этот Дмитриевич, славянин по происхождению, не признавал болгарской экзархии, а оставался верным патриархии, считая себя сербом, оказывал за последнее время содействие свое сербской пропаганде в ее работах в Дойране. Дмитриевич, будучи человеком влиятельным, был конечно весьма полезным для сербов деятелем, об устранении которого не могла не хлопотать болгарская пропаганда.” Двое покушавшихся нанесли Дмитриевичу в одной из кофеен пять огнестрельных ранений. Пострадавший доставлен в Салоники и помещен во французскую больницу. Виновные, как обычно, не найдены.¹³² В мае произошел новый инцидент - покушение на учителя сербской школы в Кукуше черногорца Йовичевича, которому удалось отделаться сравнительно легкими ранениями. Преступники “по обыкновению не найдены”¹³³. Сербам

удалось добиться разрешения у нового Вали на открытие трех сербских школ в Велесском округе, чем они вызвали бурю протестов со стороны болгар. Произошли беспорядки. Было арестовано несколько болгар их зачинщиков. "...Только присутствие довольно значительных турецких военных сил отчасти сдерживает сильно разгоревшиеся страсти болгар, а также и местных мусульман"¹³⁴.

В декабре 1899 г. Илларионов докладывал о новых преступлениях болгарских революционеров: "Существующие в Македонии тайные болгарские комитеты продолжают проявлять по временам свою преступную деятельность по отношению к македонцам, не желающих по какой-либо причине признавать себя, принадлежащими к болгарской народности." В Дойране был убит состоятельный христианин, "державший сторону сербов". В двух селах "убиты два священника, признававшие патриархию". Один из священников "был даже подвергнут сначала мучению огнем". В селении Валандово было совершено нападение на дома сербских учителей "целою вооруженною шайкой"¹³⁵.

Илларионов неоднократно обращал внимание Посольства на опасность действий болгаро-македонских революционеров. В очередной раз он сделал это в январе 1900 г.: "...Я считаю долгом повторить... убеждение мое о крайней необходимости обратить серьезное внимание на преступную деятельность болгарских тайных комитетов в Македонии, - что особенно настоятельно теперь, когда начинают проявляться действия противных болгарам-эксархистам партий."¹³⁶ Подобные обращения и представления посла в Ильдизе, дипломатических агентов России в Софии не имели никаких результатов. В феврале 1900 г. в Солуни произошло очередное покушение. Был ранен отказавшийся уплатить дань комитету болгарский торговец. К 1900 г. свернуло свою деятельность сербское консульство в Сересе, открытое в 1897 г. Сербы убедились в пустой трате средств на содержание подобной структуры в городе, где преобладают греки и эллинизированные элементы, а в сельской местности - болгары. Положительно оценивая данный факт, Илларионов в то же время отмечает: "Сербское правительство поступает, думаю я, благоразумно, закрывая свое консульство,.. но нельзя того же сказать относительно болгарского правительства, которое учредило торговое агентство в Призрене, где нет ни болгар, ни болгарских интересов, а потому это агентство учреждается, без всякого сомнения, единственно для болгарских действий заодно с албанцами против сербов.

Проявление такого албано-болгарского единодушия уже было в последнее время в Ускюбе во время тамошних беспорядков"¹³⁷.

В мае в районе Мелника и Неврокопа, в Сересском округе, в добавок к мелким "шайкам", добавились две крупные, "состоящие из болгар и действующие, конечно, с ведома Македонского комитета"¹³⁸. Летом произошло несколько случаев убийств христиан, но Илларионов колебался в определении виновных. Недалеко от Солуни революционной четой были убиты два мусульманских бега - крупные землевладельцы и сопровождавшие их два албанца-телохранителя.¹³⁹ 24 августа Илларионов отметил в донесении в Посольство: "Возобновившаяся за последнее время преступная

деятельность болгарских комитетов имеет своим последствием учащающиеся убийства христиан. Убийства эти приписываются мусульманам, как являющиеся мщением за бывшие убийства их единоверцев.” Преследуя четы, турецкие отряды подвергают насилиям сельских жителей. “Конечно, нельзя оправдывать как мщение мусульман, так и особенно злоупотребления турецких властей, но сам Македонский комитет вполне виноват, если приходится страдать здешним христианам, весьма часто к делу совершенно непричастным”¹⁴⁰. Уже 4 октября 1900 г. Илларионов докладывал: “Преступная деятельность болгарских комитетов непрерывно продолжается и их разбойничьи шайки постоянно действуют в Солунском вилайете, причем мусульмане являются теперь, во многих случаях, жертвами этих комитетов. Мусульмане не остаются в долгу и стараются отплачивать, по возможности, за смерть своих единоверцев.

Не перечисляя немалое число обоюдных убийств, совершенных за последние месяцы, нельзя только не заметить, что образ действия комитетов сильно способствует к ускорению весьма возможного взрыва мусульманского фанатизма.

Когда деятельность болгарских комитетов ограничивалась убийствами неблагоприятных ему христиан, то турки относились к этому более или менее благодушно, но когда дело коснулось мусульманского населения, то власти стали более убедительны, так сказать, причем приходится, без сомнения страдать наравне с виновными и лицам к комитетам совершенно непричастным”¹⁴¹.

Начало 1901 г. ознаменовалось в Солуни крупным политическим процессом над деятелями революционной организации. На скамье подсудимых оказались не только рядовые ее участники, но и члены ЦК. Прошли массовые аресты, причиной которых, по-видимому, было предательство. При обысках было найдено несколько револьверов, запрещенные в Турции болгарские издания, а также “шифр Македонского Комитета”, “наставления комитета его членам для действий в Македонии”.

Иногда аресты сопровождалось столкновениями. Так, в Гевгелийской казе при аресте двух болгарских учителей произошла стычка турецких солдат с “шайкой”. В ходе столкновения из 14 членов последней погибли 10. У турок потери составили 6 человек.

По сведениям Илларионова, многие из арестованных не скрывали своей деятельности и даже указывали на соучастников. Так, некто Михайлов якобы указал Татарчева, Матова, Тошева, Ризова (покончившего с собой при аресте) и других. Первые трое руководили делами комитета в Солуни, посылали материалы в Софию в печатный орган комитета “Реформа”, экземпляры которого они распространяли в Солуни.

19 арестованных были преданы суду “по обвинению в преступлении против государства”. Среди них, по информации Илларионова (имеются данные на 12 человек), - 1 инспектор болгарских школ, 1 учитель, 2 ученика болгарской гимназии, 1 доктор, 1 священник, комиссионер, содержатель постоянного двора, повар, извозчик, столяр и каменщик. Трех приговорили к смертной казни, семе-

рых к вечной каторге, одного к двум годам тюрьмы, остальных к каторжным работам. Несколько оправдано.

26 апреля 1901 года Илларионов сообщил о новом суде, на этот раз над 65 болгарскими. 34 из них были приговорены к каторжным работам на срок от 3 до 7 лет, а 31 оправдан. 24 мая Илларионов сообщил об окончании разбирательства “болгарских дел”. “Всех преданных суду было 197 человек, из коих 64 оправданы, остальные же 133 осуждены...” Из них -

- 8 - смертная казнь,
- 24 - пожизненная каторга,
- 1 - 15 лет каторжных работ,
- 97 - каторжные работы на срок от 3 до 7 лет,
- 3 - тюремное заключение на срок от 1 до 2 лет.

Среди осужденных - 9 священников, 27 учителей, 1 доктор, несколько учеников школ, “остальные принадлежат к разным классам населения городского и сельского”.

На заседании суда, указывает Илларионов, был зачитан устав “революционного македонского комитета”. “В этом уставе, состоящем из 8 глав, объясняется между прочим цель комитета, указывается на способы добывания средств для его деятельности, говорится об управлении комитетами в Македонии, которое сосредоточено в Солуни, имея во главе доктора Татарчева и двух главных членов, - одного в Кукуше, а другого в Битоли.”¹⁴² Илларионов 28 февраля докладывал о сообщениях “из разных местностей вилайета” о злоупотреблениях и бесчинствах жандармов при обысках. 15 марта он вновь пишет о жалобах на бесчинства жандармов. 29 марта сообщает о столкновениях в казах Тыквеш и Струмица турецких войск и жандармерии с “шайками” и о бегстве в горы мирного болгарского населения от преследования турок в селах каз Гевгели, Кукуш и Тыквеш.¹⁴³

В донесении от 4 октября 1901 года Илларионов замечает, что после арестов болгар и суда над ними в первой половине года “водворилось в Солунском вилайете некоторое затишье, которое продолжалось, однако, не особенно долго и снова было нарушено месяца два тому назад появлением болгарских шаек”. Контингент их состоял, в основном, из тех, кто укрылся в горах во время арестов. Отряды эти стали довольно многочисленны. Сами они не нападали, а защищались при их обнаружении турецкими властями. В сентябре случилось уже несколько стычек. Вновь начались аресты среди мирных жителей. Некоторые селяне указывали при этом на тех, “которые, которые подготавливая смуту, собирали для этого деньги”. Но что важно, “не особенно значительные турецкие шайки, уже существовавшие в Солунском вилайете, стали за последнее время несколько увеличиваться, и их умножение является, как бы, ответом на деятельность болгарских комитетов...”¹⁴⁴

Характеристика русскими консулами в Солуни методов “работы” комитетов совпадает с характеристикой, даваемой консулами в Битоли и Ускюбе. Это - “требование взносов на, так называ-

емое, народное дело”, “возмездие” несогласным, преследования и убийства неугодных, мешающих комитету лиц - греков, сербов, болгар (Гирс: “...Болгарские шайки состояются из сброда людей, не останавливающихся ни перед какими репрессиями...”). Это - тактика ухода от столкновений с войсками. Илларионов даже несколько иронизирует над бегством четы, “явившейся, как бы, защитницей преследуемых поселян”¹⁴⁵.

А.А.Гирс, вступивший в должность генконсула в Солуни весной 1902 г., пытался объяснить неспособность власти справиться с четами тем, что турецкие военные (со слов их самих) “из чувства известного самолюбия, мало склонны открывать и поддерживать настоящие военные действия против разбойничьих шаек”. Т.е. турецкие военные считали или делали вид, что четы для них - не более чем шайки бандитов, обезвреживать которые - дело полиции и жандармов, а не регулярной армии. Другая причина, которую называет Гирс, состояла в том, что начало широкомасштабных военных действий привело бы к привлечению европейского внимания и, вероятно, к вмешательству держав. (Позднее Гирс так высказался о создавшейся ситуации: “...Одна сторона всеми средствами добивается европейского вмешательства, а другая всячески от него уклоняется”). В конце концов Гирс заключал: “Если же власти до сей поры действовали нерешительно, то невольно можно придти к выводу, что присутствие в селениях комитаджиев им отчасти с руки”¹⁴⁶.

Примечательно, что и донесения консулов из Солунского вилайета в 1901-1902 годах не содержат информации о какой-либо активной поддержке сельским населением деятельности комитетов. Напротив, в октябре 1902 года Гирс сообщал: “Мысль о поголовном восстании, как о единственном и надежном средстве вызвать вмешательство европейских держав со всеми его последствиями и улучшить свое положение далеко не проникла в сознание всего болгарского и вообще христианского населения Македонии”¹⁴⁷. Говоря о фактах укрывательства селянами четников, Илларионов отмечал, что, большей частью, это укрывательство вынужденное из страха наказания. Добровольные укрыватели состоят, главным образом, из “местной интеллигенции, т.е. учителей и лиц духовного звания”¹⁴⁸. Илларионов писал: “Но было бы неправильным обобщать поведение последних с деятельностью и стремлениями коренного сельского населения и возлагать на болгар Македонии ответственность за подвиги шаек болгарских комитаджиев. Масса сельского и торгового населения Македонии, независимо от входящих в ее состав народностей крайне инертна. Такие крупные события в жизни Турции, как последние две войны ее (с Россией и столь недавно с Грецией) отклика среди нее не находили, и она с тем же хладнокровием переносила в ту пору, как переносит и ныне, гнет турецких распоряжений”¹⁴⁹.

Проблема Македонии пути её разрешения с точки зрения русских консулов в регионе

Кроме информирования Российского посольства в Константинополе и МИДа Российской Империи об обстановке, складывающейся на подведомственной консулам территории, они предлагали и свои варианты решения македонского вопроса.

Взгляды представителей России в Македонии на суть македонского вопроса и проблему его разрешения были во многом различны между собой, а, кроме того, с течением времени трансформировались.

Так, в начале 1897 г. в связи с провалившимися турецкими реформами А.А.Ростковский отмечал, что главным основанием реформ в Македонии должно быть равноправие между христианами и мусульманами и обеспечение безопасности сельских жителей, подвергающегося насилиям бандитов и притеснениям “мелких властей, не получающих жалованья по несколько месяцев и принужденных для того, чтобы жить, вымогать взятки у населения”. С другой стороны, вице-консул, тешил себя иллюзиями относительно автономии Македонии, полагая, что автономное управление под властью султана было бы “высшим благополучием для здешних жителей”, когда “всякая народность” сможет “развиваться совершенно самостоятельно согласно своему желанию и влечению”. Непонятно также, где он смог найти “благоразумную часть интеллигенции”, начавшую “приходить к убеждению, что Македония со своим разнохарактерным и разноплеменным населением не может стать исключительным уделом одного из соседних государств, как того желают руководители пропаганд, не допускающие и мысли об уступке клочка земли другой национальности раз там имеется хоть одна деревушка принадлежащая им”¹⁵⁰.

Машков писал, что в силу определенных причин (особые успехи болгарской пропаганды в Македонии в условиях не сформировавшегося национального самосознания ее населения), “автономная Македония... получит чисто болгарский характер и при первом удобном случае... войдет в состав Великой Болгарии, имеющей стать орудием Запада против России”¹⁵¹. Живым примером для Машкова была ситуация, сложившаяся после освобождения Россией Болгарии в 1878 году, когда последняя вскоре заняла далеко не дружественную позицию по отношению к России.

18 декабря 1898 г. в донесении Зиновьеву Машков предлагал два, по его мнению, “наиболее соответствующих настоящему положению дел в Македонии” пути разрешения македонского вопроса:

“1) Оставить Македонию так, как она есть, под турецким владычеством, обязав только Турцию ввести действительные для защиты жизни, чести, имущества и свободы исповедуемого христианами культа реформы,.. с негласным, но обязательным для Болгарии и Сербии разделением их сфер влияния, или

2) Если Турция на введение столь настоятельно необходимых реформ окажется не способной, то отделив Македонию от Турции, разделить ее между Болгарией и Сербией, а, может быть, и Черногорией.

Но нельзя не сознаться, что и это последнее, наиболее справедливое и соответствующее нашим интересам разрешение македонского вопроса [на полях документа напротив слова “соответствующее” и т.д. отчеркнуто карандашом и написано “не соответствует!”], возбудит справедливые, с их точки зрения, неудовольствия - Болгарии, навсегда лишаящейся надежды играть крупную политическую роль, и Австрии, которой закроется дорога к столь драгоценным ее сердцу Салоникам¹⁵². Решение о разделе, на наш взгляд, безусловно несправедливое по отношению к населению Македонии, все же было в перспективе (после того как у России “развяжутся” руки на Дальнем Востоке) единственным политически целесообразным, позволяющим избежать создания некоей балканской “сверхдержавы”. И одним из первых это осознал Машков (Нельзя забывать, что с идеей раздела Македонии выступил еще в 1897 г. посол в Вене Капнист. На тот конкретный момент предложения Капниста и Машкова шли в разрез с курсом на поддержание статус кво.). Политика не терпит сентиментальностей. Во главе угла должен стоять строгий политический расчет, долгосрочные внешнеполитические выгоды.

Здесь важно обратить внимание на указанное замечание на полях документа, вероятно принадлежащее Зиновьеву¹⁵³. Оно служит лишним подтверждением того очевидного факта, что в планы России на рубеже XIX-XX вв. не входил раздел Македонии.

20 апреля 1900 г. Машков в донесении Зиновьеву вновь настаивает на разделе Македонии между соседними государствами: “Я уже неоднократно говорил, что, по моему мнению, удаление сербов с политической арены в Македонии нам невыгодно, как отдающее эту страну в безусловное распоряжение, несмотря на все авансы данной минуты, в сущности глубоко нам враждебной Болгарии [подчеркнуто в тексте. - Я.М.], притязания и дерзость которой несомненно доставят нам не мало забот и неприятностей в будущем. С Великой [подчеркнуто в тексте. - Я.М.] Болгарией нам придется считаться, тогда как взаимно уравновешенные Сербия, Румыния [???-Я.М.], Греция и просто [подчеркнуто в тексте. - Я.М.] Болгария для нас были и будут более или менее безразличны.”¹⁵⁴

Машков предельно четко формулировал свою точку зрения, в то же время, как бы, обосновывая и дополняя внешнеполитический курс России на Балканах: “Наши усилия должны... быть направлены к тому, чтобы не допустить на Балканах ничьей кроме нашей гегемонии, иначе - к поддержанию там равновесия”. (Поддержка Россией назначения Сербского митрополита в Ускюб - яркий пример ее стремления не допустить одностороннего усиления Болгарии в Македонии.) В одном из январских 1901 года донесений, сравнивая “болгарское македонское движение” с “огромным злокачественным нарывом на вялом организме Больного Человека”, Машков подчеркивал: “Представленный самому себе он [“нарыв”-Я.М.]... может повести к общему заражению крови или вскрыться при неблагопри-

ятных условиях, - в самую неудобную минуту, что может быть для Турции фатальным. Не было бы правильнее, чтобы этот грозный вред был **вскрыт** [выделено Машковым. - Я.М.] в момент наиболее подходящий, гарантирующий наиболее благоприятный исход?"¹⁵⁵ Иначе говоря, Машков считал, что Россия в тот момент не имела возможности решить македонский вопрос без ущерба для себя, а если бы он и разрешился без ее участия, то это имело бы самые неприятные последствия. Отсюда, самый приемлемый выход - отложить его на более поздний срок, не давая, в то же время, ситуации обостриться. Консул в Солуни Гирс предлагал в декабре 1902 года такое решение македонского вопроса: "...Лишь безотлагательным, по возможности, примирением на почве дел македонских этих двух славянских народностей [сербов и болгар. - Я.М.] и властным разграничением их национальных вождельней, можно достигнуть скорого и прочного успокоения края"¹⁵⁶. Речь идет о посредничестве России в сербо-болгарском споре о Македонии. О таком посредничестве в 1912-1913 годах вопрос будет стоять уже не только на уровне консульских донесений. Однако до него дело так и не дойдет.

"Заграничные дипломатические и консульские представительства России не играли большой роли в принятии внешнеполитических, являясь главным образом источником разнообразной информации и основными звеньями в осуществлении принятых решений. Взаимоотношения центрального аппарата МИД с представительствами за границей строились в духе беспрекословного подчинения послов и посланников столичному начальству, о чем они с горечью впоследствии писали в своих мемуарах. [...] Лишь в отношении маститых и авторитетных послов (вроде И.А.Зиновьева или А.И.Нелидова) в Петербурге проявляли внимание, к их мнению прислушивались, с ними советовались," - пишет исследователь российской внешней политики и, в частности, механизма принятия внешнеполитических решений, В.А.Емец¹⁵⁷.

Русский консул Григорий Щербина и Старая Сербия

У меня в руках старый русский журнал начала XX в.¹⁵⁸ Пожелтевшая бумага, мятые, надорванные страницы — время берет свое... Черно-белые фотографии. Под одной из них надпись — «Григорий Степанович Щербина — российский консул в Косовской Митровице»: Во дворе некоего строения стоит невысокий человек в сопровождении охраны. Он одет в форменную шинель, на голове — фуражка. Небольшая бородка, простоватое лицо доверчивого человека и какой-то растерянный, удивленный взгляд. Нет на героя совсем не похож. На первый взгляд, какой-то чеховский персонаж — чиновник, инженер... Но на долю именно этого человека выпало совершить подвиг, несущий глубокий мистический смысл, так четко осознаваемый в наши дни.

Рубеж XIX-XX вв. в Старой Сербии ознаменовался заметным усилением албанской активности. Определенное влияние в этом отношении оказала греко-турецкая война 1897 г. Вернувшиеся с фронта «фанатизированные панисламистской пропагандой» вооруженные башибузуки (албанские воору-

женные «добровольцы») повернули оружие против беззащитной сербской райи («райя» — название всех немусульман в Османской империи).¹⁵⁹ Побывавший в начале XX века на Балканах известный русский литератор А. В. Амфитеатов так тогда отозвался об албанцах: «Самые отвратительные подданные (Османской империи. — М. Я.), самая восхитительная орда».¹⁶⁰ С молчаливого согласия Порты и при подстрекательстве Австро-Венгрии албанцы терроризировали сербское население края, которое, опасаясь убийств и грабежей, оставляло родные места. В начале XX века русский консул в Ускюбе (ныне — Скопье, столица Республики Македония) В. Ф. Машков в донесении в Российское Императорское Посольство в Константинополе с горькой иронией отмечал, что Старую Сербию «вследствии поразительно быстрого разжижения славянского элемента и замещения его арнаутским (албанским. — М. Я.), уже давно правильнее было бы называть Новой Албанией».¹⁶¹ Машков так описывал сложившуюся в крае ситуацию: «Предоставленные самим себе арнауты повели дело так, что еще живущие между ними христиане стали их бесправными рабами... Всякий... самый негодный из арнаутов может невозбранно отобрать и дом, и имение, и скот, и дочь, и жену, и детей христианина. Люди, почему-либо имеющие несчастье не понравиться тому или иному арнауту, а, тем более, осмеливающиеся протестовать против насилий, безжалостно исчезают с лица земли. [...] Благодаря такому ужасному положению, православное население Старой Сербии поразительно быстро редет, и уже теперь эта исконно славянская земля (выделено мной. — М. Я.) остается славянской лишь по имени. Еще десять, много — два десятка лет такого режима, — и христиане останутся лишь по городам.

Огромное значение в поддержании анархии играет и то обстоятельство, что арнауты вооружены, как говорится, до зубов. Эта постоянная близость оружия, при полной уверенности в безнаказанности, естественно ведет к слишком поспешному и частому его употреблению, как в счетах между собой, а особенно против христиан, так даже и против правительства. Правом ношения оружия пользуются и католики. И лишь одно православное население обездолено в этом отношении, хотя в Старой Сербии и на западной периферии Македонии существование без оружия прямо-таки невыносимо. Тут и женятся, и крестят детей, и пахут землю, — все под ружьём под рукой. Но лишь арнауты узнают, что такой-то христианин обзавёлся не капсульным ружьём, а «доброй пушкой», т. е. «Мартинкой» (винтовка системы Мартини. — М. Я.), — на него тотчас устраиваются форменные облавы, он травится наравне с дикими зверями. Ещё памятны всем здесь события 1901 года в Колашине, когда власть и простые, не имеющие никакого официального положения арнауты в трогательном согласии ополчились против 43-х сербских сёл, возымевших величайшую дерзость обзавестись полуторасотней «маринок», безусловно необходимых для самозащиты. Каких тогда только жестокостей и издевательств не чинилось — до катаний заповей (турецкие жандармы. — М. Я.) и арнаутов на православных старцах-попах включительно! Не помогло тогда и вмешательство

Императорского Правительства, добившегося было от султана формально, но затем не исполненного, обещания оставить христианам ружья... и даже наказать арнаутов».¹⁶²

Между тем, массовый исход православного сербского населения из Старой Сербии противоречил не только жизненным интересам Сербии, но и угрожал России потерей естественной опоры её внешней политики в этом важном балканском регионе.¹⁶³ (Показательно замечание А. Башмакова, одно время служившего в русской администрации в Болгарии, затем известного журналиста, много путешествовавшего по Балканам: «Местное славянство... живёт одной только затаённой надеждой на Россию. Это — их святыня. Не будь этого идеала, они бы упали духом, их заели бы грозные «зулумы» (беззакония и жестокости турецкой администрации и рядовых албанцев. — М. Я.), и они все кончили выселением, переходом в другую веру или вымиранием... Сербы в Старой Сербии твердят в виде поговорки: «Да нема Русије, не би било крста од три прста!» — кабы не было России, не было бы трехперстного крестного знамения»¹⁶⁴

В таких условиях в 1902 году было принято решение открыть в Митровице Российское Императорское Консульство. Оно стало первым европейским представительством в городе.

Весной 1903 г. в Митровице побывал русский журналист П. Вожин (П. Дубенский). Какой же предстала Митровица перед привыкшим к европейскому комфорту корреспондентом (Вожин долгое время жил в Париже)? «Всё имело какой-то унылый, серый колорит. По чёрным горам причудливыми зубцами обступающими отовсюду Митровицу ползли клокастые разорванные облака. Тишина и безлюдье. [...] Город представляет лабиринт узких, грязных, отвратительно мощёных улиц. Всё носит унылый заброшенный вид. Побурелые от непогоды дома, слепые мутные окошки, отсутствие порядочных магазинов. Кроме консульства и казарм я не видел ни одного европейски построенного дома. Всё жалкие хибарки, мазанки... Базар состоит из ряда грязных «ханов» и «кафе». [...] Помещение консульства — обширный, почти квадратный дом в два этажа, с мансардами и подвалом. Он построен из дикого местного камня, без каких-либо архитектурных затей. Стены солидной толщины, а на окнах железные полосы. Всё грубо и просто. Белые, крашенные известью стены, сосновые, кое-как сколоченные двери и полы.

В верхнем этаже — квартира консула. Здесь всё убрано со вкусом образованного светского человека. Гостиная с восточными коврами, столовая, спальня, кабинет. Внизу помещается канцелярия и кавасы (телохранители консула. — М. Я.). Тут всё примитивно. Голые стены, кой-какие тахты, недостаток стульев и столов...»¹⁶⁵ Вот в этом-то здании было суждено мученически окончить свой земной путь первому русскому консулу в Митровице — Григорию Степановичу Щербине.

... Он родился в Чернигове 17 ноября (здесь и далее даты даны по старому стилю) 1868 г. в семье простого горожанина, столяра по профессии. Гриша был первенцем. Отец, человек мало образованный, дал своим детям — дочери и трём сыновьям — превосходное образование.

С детства маленький Григорий отличался поразительным трудолюбием и настойчивостью. В гимназии учился отлично, в совершенстве овладел древними языками. Обучаясь в пятом классе, давал уроки латыни и древнегреческого младшим детям города, помогая небольшими заработками семье. Рано проявившиеся удивительные способности к языкам, вероятно, оказали влияние на выбор жизненного пути.

В 1886 г. Григорий окончил Черниговскую гимназию с серебряной медалью и поступил в московский Лазаревский институт восточных языков, по завершении которого в 1889 г. его принимают на учебное отделение Азиатского департамента МИД. Уже к этому времени он владел арабским, персидским, татарским, армянским, грузинским и турецким языками (на последнем была написана его диссертация). Позднее Григорий Степанович изучил сербский и болгарский языки, албанские наречия. О знании европейских языков говорить не приходится — без этого дипломатическая служба была немыслима.

Через полтора года Щербина был назначен атташе при русском посольстве в Константинополе, затем служил в Ускубе, выполнял секретную миссию в Египте.

В 1894 г. за содействие работе экспедиции по изучению Мраморного моря Русское географическое общество присудило Щербине серебряную медаль «За полезное дело» и рекомендовало к избранию в действительные члены.

С назначения в 1897 г. вице-консулом в Скутари (нынешний Шкодер в Албании) началась консульская служба Григория Степановича. Здесь русскому представителю пришлось употребить максимум энергии и смелости, чтобы предотвратить переход нескольких тысяч православных албанцев в католичество, к чему их склоняли путём подкупов, интриг и запугивания австрийские и папские агенты. При посещении вскоре после этого Петербурга для сдачи дипломатического экзамена Щербина был принят обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым, высоко оценившим действия консула в данном вопросе, имевшем в то время важнейшее политическое и моральное значение.

В сентябре 1901 г. «С.-Петербургские ведомости» поместили заметку из белградской газеты «Глас српства»: «... С тех пор, как назначен русским консулом в Шкодре (Шкодер, Скутари. — М. Я.) г. (господин. — М. Я.) Щ. (так в тексте. — М. Я.), исключительно благодаря его мощной защите, мы, шкодрянские сербы, не имеем повода жаловаться на местное турецкое правосудие. [...]

Со времени приезда к нам г. Щ., смело можем сказать, что мы — полновластные хозяева своего имущества. Русский консул защищает нас от тех злодеев-миродов, которые раньше привыкли жить на чужой счет. Кроме того, русский консул помогает материально здешним беднякам без различия вероисповедания. Он внёс крупную сумму в городскую кассу для бедных. Он же энергично препятствует переходу православных в магометанство. По его требованию уволен от службы местный

полицейский пристав, угнетавший христиан. Обязанные своим благосостоянием русскому консулу, мы приносим сердечное своё спасибо ему как великому благотворителю и славянскому патриоту».¹⁶⁶

Занимая пост вице-консула в Скутари, Григорий Степанович исполнял одновременно обязанности министра-резидента в Цетинье (Черногория). Его деятельность в этой должности получила горячее одобрение и личную симпатию черногорского князя Николая.

Летом 1902 г. Щербина отправился в Россию. Август он провел дома — в Чернигове. Навестил семью, к которой всегда был сильно привязан. Со временем это чувство только возрастало, — сказывались ежегодная длительная разлука и расстояния в тысячи верст. Средний брат окончил юридический факультет Киевского университета и служил во Владикавказе. Григорий Степанович так и не увидел его. А с родителями, сестрой (она вышла замуж и жила не так далеко — в Глухове) и младшим братом, шестиклассником-гимназистом, повидался. Григорий Степанович, можно сказать, содержал семью. На его деньги братья учились в гимназии и университете; благодаря ему был куплен небольшой домик на Шоссейной улице, где жила семья. Дом наконец-то отремонтировали. Родители начали «сдавать». 56-тилетний отец уже едва ходил, от былой силы не осталось и следа. Мать заметно постарела. Григорий Степанович видел, как они за него переживали. Пока их сын находился в Турции, оттуда ежедневно приходили нехорошие известия. Младший сын постоянно зачитывал родителям по их просьбе сообщения из газет. Отец и мать, хорошо помнившие русско-турецкую войну 1877-1878 гг., боялись новой, и им казалось, что их Гриша погибнет одним из первых. Особенно родители заволновались, узнав из газет о нападении албанцев на «имущество русского консула г. Щербины» при перевозке из Скутари в Митровицу.

... А Григорий Степанович все чаще в полном одиночестве бывал в черниговском Троицком монастыре. О чем он размышлял тогда? И почему по дороге в Митровицу он составил в Константинопольском посольстве духовное завещание, в котором просил о погребении в этом монастыре?

Но какие бы мысли не посетили его тогда, можно быть уверенными в том, что он ни сколько не сомневался в верности избранного им пути и не колебался в решимости исполнить свой долг до конца. После его смерти один из русских дипломатов скажет, что Григорий Степанович был счастлив, что ему выпала возможность погибнуть за своих братьев.

Вскоре наступило время прощания. Вопреки всем просьбам и уговорам сына мать проводила его до Киева. Больной отец порывался поехать с ними — едва отговорили. Грозился идти пешком, если его не возьмут в коляску. Через неделю его окончательно разбил паралич...

На вокзале, упав на колени, мать умоляла не ехать сына в Митровицу. Сердце дипломата сжалось в комок, но Григорий Степанович взял себя в руки и произнёс:

— Я не могу не ехать. Я должен ехать туда. Только там моё место.¹⁶⁷ Григорий Степанович прекрасно представлял все опасности своего нового назначения. Он уже знал о появившихся угрозах

←—————→

смерти в его адрес со стороны албанцев, если он появится в Митровице. Он знал и о том, что арнауты совершили нападение на его имущество, перевозимое из Скутари в Митровицу. Перед отъездом из Чернигова он передал мужу сестры своё завещание. Он просил его ходатайствовать перед русским послом в Константинополе И. А. Зиновьевым исполнить две его просьбы. Во-первых, перевезти и похоронить его тело в Чернигове на счет государства за неимением у него средств. Во-вторых, похлопотать об обеспечении средствами родных... Он знал, на что идёт, и не дрогнул...

В турецкой столице Щербина по дипломатическим документам знакомился с быстро меняющейся обстановкой в Старой Сербии, размышлял о том, какие шаги следует предпринять для умиротворения края, для ограждения мирных селян от бандитов. Хорошо изучивший за долгие годы нравы восточной жизни, он великолепно разбирался во всех ее тонкостях. Щербина не собирался требовать особых прав для христиан или ущемлять права мусульман. Человек высокой культуры, он уважал законные интересы и тех и других, хотя не мог не симпатизировать единоверцам. Он желал, чтобы православные не боялись за свою жизнь из-за того, что албанские разбойники проявляют свой «героизм» в отношении беззащитных. Когда Щербина убыл к месту службы, посол Зиновьев как бы в шутку сказал сербскому послу (знал бы он цену этой «шутке!»): «... Если Щербина погибнет, сербы должны причислить его к своим святым». Пробыв в Константинополе около трёх месяцев, в январе 1903 г. Щербина прибыл в Митровицу. На новом посту он пробыл всего 10 недель.

Положение дел на месте как нельзя лучше характеризуют строки одного из частных писем Щербины: «Что сказать о себе? Дожил до вечера. И слава Богу!..» (Там же.) Или: «Я водворяюсь в Митровице с большими трудностями: отношение ко мне албанского населения продолжает быть открыто враждебным и меня предупредили из Посольства о готовящемся против меня заговоре» (письмо от 12 февраля 1903 г.) Опытный дипломат, прекрасный знаток балканской жизни, он чётко оценил складывавшуюся обстановку. Православному населению Митровицы угрожала серьёзная опасность. Австро-венгерские агенты подстрекали мятежных албанцев напасть на город.¹⁶⁸ Щербина потребовал от Порты присылки подкреплений для защиты города.

Очередным формальным толчком к албанским бесчинствам послужил проект реформ для европейских провинций (вилайетов) Турции, предусматривавшем некоторые «ослабления» христианам. 1 марта 1903 г. в г. Пече (Ипеке) (Амфитеатров со свойственной литератору выразительной образностью писал: «Арнауты — всюду разбойники и своевольцы, но Ипек — гнездо их буйств, очаг и центр анархии.»¹⁶⁹ состоялось собрание албанских представителей от всех племён. Собрание решительно высказалось против реформ и приняло следующую резолюцию:

Мы протестуем самым решительным образом против принятия на службу в полицию, в судебные или административные учреждения хотя бы одного христианина.

Мы протестуем против учреждения новых русских или других иностранных консульств в Македонии и Старой Сербии.

Мы предупреждаем турецкие власти, начавшие говорить об изъятии у нас оружия, что лучше умрем, чем его отдадим.

Мы не нуждаемся в иных средствах мира и порядка, помимо нашей доброй воли. Мы гарантируем порядок и мир каждому мусульманину или христианину.

Если это наше уверение будет принято, то мы обещаем и на будущее время оставаться верными подданными Султана.¹⁷⁰

Затем албанцы из Митровицы телеграфировали султану, что они не успокоятся до тех пор, пока султан не откажется от введения реформ и не уволит жандармов-христиан. Тем временем, албанцы перешли от слов к делу — последовали убийства христиан, состоящих на службе.

Город Призрен несколько дней находился под страхом албанского нападения. Однако албанцы напали на небольшой городишко Вучетырн, повергнув его разграблению. Турок-каймакам («глава администрации» города) выдал 12 жандармов-христиан, которых нападавшие увели в Приштину.

17 марта масса албанцев (по разным оценкам, от двух до пяти тысяч вооруженных человек) осадила Митровицу.¹⁷¹ Они требовали изгнания русского консула из Митровицы и сербского из Приштины. Комендант города Саид-бей вступил с ними в переговоры. Щербина предполагал, что осаждавшие стараются затянуть время, готовясь на самом деле к ночному штурму. Ему удалось уговорить (с разрешения генерал-инспектора европейских вилайетов Хильми-паши) коменданта прекратить переговоры и силой оружия заставить их отступить от города.

Потеряв убитыми и ранеными около трёхсот человек, они отступили, рассредоточившись в окрестностях.¹⁷²

Вечером 18 марта около половины шестого Щербина решил лично удостовериться в сложившейся вокруг города обстановке, а заодно совершить обычную прогулку... Русского консула в тот роковой вечер сопровождали казак Георгий Половин, кавас албанец Джемаил и писарь консульства, житель Митровицы Трифон Попадич. Кроме того, чуть позади шли полицейский и несколько турецких солдат из отряда, отбившего арнаутов от города. По дороге попадались вооруженные солдаты, шедшие, одни — с позиций в город, другие — наоборот. Они, как и полагалось, останавливались и «брали на караул» (отдавали честь) при встрече с иностранным консулом. Где-то в полуверсте от города навстречу попался солдат, несший ружьё наперевес. Шагах в десяти справа от Григория Степановича он, поравнявшись с ним, быстро поднял ружьё. Щербина решил, что солдат, как это делали его товарищи, собирается отдать честь. Консул поднёс руку к козырьку и тут понял, что солдат уже прицеливается. Раздался выстрел...

Пуля попала в правый бок и вышла навывлет слева. Почувствовав жуткую боль в спине, обессиленный Щербина опустился медленно на землю. Он успел тихо вскрикнуть и сунуть руку в карман шинели, где лежал пистолет. Падая, Щербина промолвил: «Он меня убил». Солдат выстрелил снова и побежал в сторону осаждавших Митровицу албанцев. Сопровождавшие Щербину открыли огонь по убежавшему, ранили и схватили его.

Григорий Степанович уже не видел всего этого. Страшная рана причиняла невыносимую боль. Лежа на земле, он едва сдерживал стоны и скрежетал сжатыми зубами...

Найти повозку не удалось. Солдаты положили консула на кушаки и шинели и так понесли в консульство. Естественно, что подобная «транспортировка» доставила раненому страшные мучения. На протяжении всего пути по городу до консульства Григорий Степанович не издал ни звука. В помещении он начал метаться и кричать. После оказания первой помощи раненый несколько успокоился. Были вызваны лучшие врачи из Белграда и Константинополя. Состояние Щербины не улучшалось — ранение оказалось слишком тяжелым: была разорвана печень, пуля пробила почку, диафрагму, повредила поясничный позвонок.¹⁷³

Григорий Степанович понимал — дни его сочтены. Однако, не желая тревожить родных, он телеграфировал 22 марта сестре в Глухов: «... По милости Божией мне лучше». А 25 марта — брату во Владикавказ: «Слава Богу, лучше».¹⁷⁴ Сознание же всё чаще оставляло его...

Страдания продолжались более недели. Консул скончался в страшных муках в ночь с 26 на 27 марта (с 8 на 9 апреля по новому стилю). [По другим данным он умер 28 марта (10 апреля).] Ему не было и 35 лет...

Появившиеся тогда нелепые слухи (имевшие хождение и по прошествии времени) о том, что убийца мстил за погибшего родственника,¹⁷⁵ или еще более бредовая сплетня, будто Щербина лично стрелял из орудия по осаждавшим, чем и спровоцировал трагедию,¹⁷⁶ не соответствуют действительности. Убийца рассказал в тюрьме своему сокамернику как всё обстояло на самом деле. Дней за пять до осады города он стоял на посту. К нему подошли несколько соплеменников и сообщили, что через несколько дней нападут на Митровицу. Они сказали, что хотят прогнать полицейских-христиан и убить русского консула. Тогда он поинтересовался, чем их так разгневал консул.

— Ничего он нам не сделал, — был ответ. — Но до сих пор в Митровице не было консулов — не должно быть и в будущем!

Тут у него и появилась мысль убить Щербину:

— ... Не беспокойтесь с консулом, если жив буду, я и один расправлюсь.¹⁷⁷

То, что нападение на консула стало результатом искусственного разжигания албанского фанатизма подтверждают конкретные факты усиления австрийскими агентами антирусской агитации после того, как стало известно о решении открыть русское консульство в Митровице. Они

открыто подстрекали албанцев и турок убить консула, как только он появится в городе.¹⁷⁸ Временно возглавивший митровицкое консульство В. Ф. Машков докладывал летом 1903 г. в Посольство в Константинополе об обстоятельствах трагедии: «Первая весть о предположенном открытии здесь русского Консульского учреждения особенного впечатления на мусульман не произвела. Движение зародилось значительно позже и мало-помалу, впоследствии приняло свои серьёзные размеры. По всеобщему убеждению, подтверждаемому, как имевшимися у меня ещё в Ускубе, так и собранными здесь, на месте, сведениями, толчок возбуждению был дан извне.

Уже с давних пор посредником между австрийским консульством в Ускубе и швабскими (т. е. австрийскими. — М. Я.) прозелитами в Старой Сербии служат католический патер в Фризовичах и кавас названного консульства Бекир. Эти господа чуть не с каждым поездом (т. е. 3 раза в неделю) прибывали в Митровицу, первый, якобы, для исполнения треб, хотя в городе всего семь католических семейств, а второй — под видом доставления австрийской почты, которую, однако, здесь никто не получает.

Как первый, так, особенно, второй, Бекир, неоднократно и публично, даже по кафеням, возбуждали мусульман не допускать нашего сюда представителя. [...] Невозможно, конечно, допустить, чтобы все эти махинации низших австрийских агентов велись по их собственной инициативе. [...]

И так искусственно созданное против нашего консульства возбуждение приняло особенно острые формы после разгрома нападавших на Митровицу арнаутов, — разгрома, виновником коего, дирижируемое таинственной, но умелой рукой, общественное мнение стало считать нашего агента».¹⁷⁹

А вот, что писал из Солуни упомянутый выше Вожин: «Бедные сербские учителя народных школ, еле пробивающиеся с копейку на копейку, немедленно собрали между собой 200 франков на постройку памятника Щербине в Митровице или другом городе Старой Сербии. Их роскошные венки, цветы наполняют теперь солунскую церковь Пантелеймоновского монастыря...

Это общий славянский порыв, хоть чем-то помянуть, отблагодарить угасшего русского деятеля. Его разделяют и болгары. Не то в так называемом «европейском» населении Солуни... Среди евреев, греков, мусульман, левантинцев-католиков — глубокое, тупое равнодушие. Злодейское нападение называют «инцидентом», обвиняют Щербину в ненужной храбрости, желают полного забвения его имени...»

Скорбное известие о смерти Щербины болью отозвалось в Сербии. Известный сербский учёный Йован Цвиич в статье памяти героя писал: «Всякий раз, когда я беседовал со Щербиной, всякий раз, когда я о нём думал, у меня являлась мысль, что он должен сыграть выдающуюся роль. Это был человек с чрезвычайно широкими взглядами, редкой энергии и вполне преданный своей высокой миссии. Это был необыкновенный консул; он выделялся не только своим умом, но поражал всех своей сердечностью, верой, своей тёплой славянской религиозностью. Щербина прекрасно владел

сербским языком, основательно изучил литературу, касающуюся Балканского полуострова, его историю и географию.»¹⁸⁰ Посмертно, в 1904 г., Г. С. Щербина был избран почетным членом Сербского литературного общества.

(По свидетельству современников, Григорий Степанович оставил архив с огромным количеством бумаг, касающихся совершенно разных — от политики до географии — вопросов. Где они? Четыре года поисков в московских архивах ни к чему не привели.)

Ранним утром гроб с телом Щербины вынесли из консульства. Его сопровождали Призренский митрополит, девять священников, сербские консулы из Ускюба и Приштины, множество турецких офицеров и чиновников. Девять офицеров несли ордена покойного. Было дано пять пушечных выстрелов. Гроб внесли в вагон, обитый черной материей.

Так, 4 апреля 1903 г. Г. С. Щербина отправился в свой последний путь... Долгий скорбный путь домой... Из Митровицы через Салоники, Константинополь и Одессу в Чернигов...

На родину прибыли 12 апреля (25 по н. с.). В скорбном молчании на вокзале застыло бескрайнее людское море. В это хмурое пасмурное утро здесь собрался, наверное, весь город. Семья консула была здесь же. Не было лишь отца. Парализованный, бессильный, он дожидался гроба на ступенях дома, где родился его сын...

Похороны состоялись в Троицком монастыре, в стенах которого так много времени проводил Щербина в дни последнего своего пребывания в России. Было шесть часов вечера. Моросил дождик — будто сама природа плакала над усопшим...

На могиле воздвигли крест привезенный из Митровицы. В 1928 г. в Косовской Митровице от имени горожан и офицеров гарнизона был поставлен памятник Григорию Степановичу. На памятнике был портрет консула и указаны даты его жизни.¹⁸¹ В годы Второй мировой войны памятник пострадал, а ныне уничтожен албанскими боевиками в ходе натовской агрессии против Сербии и изгнания сербов из Косова и Метохии после 1999 г.¹⁸²

Спустя годы черниговский губернатор Е. К. Андреевский вспоминал о том, что, оказывается с Г.С.Щербиной был знаком о. Иоанн Кронштадский. Как-то о. Иоанн, или знал, или, можно сказать, видел насквозь то удовольствие, которое Григорий Степанович испытывал неизменно в деле оказания помощи малоимущей братии, и это покойный Кронштадский добрый пастырь особенно превозносил. «Отец Иоанн Кронштадский, познакомившись с ним во время бытности его на учебной службе в Азиатском департаменте МИД, пришел в крайний восторг от всевозможных его качеств; он, при первой же встрече со мной, не мог найти слов для выражения по его адресу самой высокой похвалы и, затем, каждый раз при свидании со мной, во-первых, непременно вспоминал о нем, а во-вторых, кроме того, что торопился рассыпаться в самых сердечных похвалах ему, высказывал по отношению к нему самые лучшие пожелания свои.

— Ну уж, говорил о. Иоанн, и земляк же у Вас черниговский Щербина, вот воистину достойный человек, пошли ему Господи во всем добра и счастья, редкость, а не человек.¹⁸³

Русский консул на Балканах Александр Аркадьевич Ростковский

Драматичным был 1903 год для служащих МИД Российской империи на Балканах - летом в городе Битоля/Монастир (ныне - Битола в Республике Македония) от пули албанского фанатика погиб русский консул, один из лучших дипломатических представителей России в этом регионе - Александр Аркадьевич Ростковский.¹⁸⁴

Российская империя добилась права назначать своих консулов в Турцию по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Начало российским консульским учреждениям в Македонии положило открытие в последней четверти XVIII в. консульства в Салониках (с 1878 г. - генеральное консульство). В 1856 г. Россия вместе с другими государствами-участниками Парижского конгресса стала гарантом его постановлений. В связи с этим расширяется российская консульская сеть на Балканах. В задачу консульств входило наблюдение за реализацией реформ, объявленных хатт-и-хумаюном (указом) Порты в 1856 г. и предусматривавших уравнивание в правах христиан и мусульман.¹⁸⁵ В Битоли консульство было основано в 1861 г. В период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. оно временно прекратило свою деятельность, а по окончании войны было восстановлено в 1881 г. Преобразованное тогда в вице-консульство, в 1901 г. оно вновь получило статус консульства. Консульство в Ускупье (ныне - г. Скопье, столица Республики Македония) было организовано в конце XIX в.

Консульские функции были очень обширны и многообразны, и это позволило Отто Бисмарку отметить, что «легче быть хорошим дипломатом, нежели хорошим консулом».¹⁸⁶ Известный журналист начала XX века Александр Валентинович Амфитеатров характеризовал положение русских консулов в славянской Турции как «двусмысленное»: с одной стороны, всесильные «в воображении здешних властей и народа», а с другой, «совершенно бессильные и безгласные пред Константинополем и Петербургом».¹⁸⁷ В задачи консула входило информирование своего правительства о политических, экономических и прочих аспектах жизни соответствующего консульского округа. В этой связи будет уместно сослаться на того же А. Амфитеатрова, очевидца многих событий начала века на Балканах, лично знавшего едва ли не всех консулов России в этом регионе. Он писал:

«Ознакомившись с архивами нескольких наших консульств, я был поражен той массой литературно-политической работы, к которой обязан русский консул; каждое донесение его в посольство есть единовременно и фактическая, подробная, проверенная корреспонденция «с места», и обстоятельная передовая статья по поводу корреспонденции. Еженедельно, а то и чаще, уходят из консульских пунктов наших в Константинополь огромные пакеты с тяжелыми тетрадами таких донесений, а дубликаты их идут в Петербург. И вот - как дойдут они до этого богоспасаемого города, тут им и

капут: их очень ласково принимают, нумеруют, складывают в архивный шкаф и... покойся милый прах, до радостного утра! Архивы нашего министерства иностранных дел полны драгоценнейшим этнографическим и политикоисторическим материалом из консульских донесений, слежавшимся и пропадающим в недрах дипломатико-бюрократических бесцельно, бесплодно и безвыходно». ¹⁸⁸ Сам же Ростковский с горечью говорил (разумеется, в частной беседе) о консульских донесениях: «...Читает это лишь посол в Константинополе, а в России - лишь министерские... мыши». ¹⁸⁹

Императорский российский консул, статский советник Александр Аркадьевич Ростковский родился 18 октября (здесь и далее даты даны по старому стилю) 1860 г. в г.Херсоне. Он происходил из старинной семьи могилевских дворян. Отец его, Аркадий Николаевич Ростковский, долгое время был офицером Генерального штаба и начальником штаба 8-й кавалерийской дивизии, а в царствование Николая I находился в чине майора, являлся участником Венгерской кампании 1848 г. и по поручению Царя передал императору Францу-Иосифу сабли сорока венгерских генералов, сложивших оружие перед русскими войсками при Вилагоше. Майор Ростковский был награжден тогда австрийским орденом Железной короны. А.Н. Ростковский участвовал и в Крымской войне. Умер он в 1882 г. в чине генерала в отставке. Александр Аркадьевич Ростковский воспитывался в одной из одесских гимназий, а затем получил образование в Императорском Александровском лицее, полный курс которого окончил в 1883 г. Желая посвятить себя службе на мусульманском Востоке, А.А. Ростковский поступил в Азиатский (позже - Первый) департамент министерства иностранных дел. Вскоре он был командирован в Болгарию на должность второго секретаря Императорского Российского дипломатического агентства и генерального консульства. Затем его перевели на должность секретаря и драгомана генерального консульства в Иерусалиме. Здесь он пробыл три года, кропотливо изучая быт, законодательство, культуру и наречия народов мусульманского Востока. В 1887 г. он оказался на аналогичном посту в Янине, а потом в Бейруте. Осенью 1890 г. коллежский асессор Ростковский - заместитель агента МИД в Одессе Г.В. Путяты. В 1893 г. он был назначен вице-консулом в Бриндизи (Италия). Спустя два года Ростковский вновь попадает на Балканы, теперь вицеконсулом в Битоли (с 1899 г. по 1901 г. он также находился на должности консула в Ускюбе), а после преобразования соответствующего вицеконсульства в консульство в 1901 г. - консулом. ¹⁹⁰

Заслуживает отдельного внимания история любви Александра Аркадьевича и его супруги Екатерины Васильевны (урожденной княжны Дабижа). ¹⁹¹ В ту пору, когда юный Александр обучался в одной из одесских гимназий, окружным инспектором был князь Василий Дмитриевич Дабижа, с семьей которого он и сдружился. (Сын Василия Дмитриевича учился вместе с Ростковским.) Оказывается, он полюбил дочь инспектора еще в те годы и задумывал брак с ней еще «с гимназической скамьи». Впоследствии князь Дабижа был переведен на службу в Петербург. Его сын поступил в Императорский Александровский лицей. За ним последовал друг его детства Александр Ростковский.

С юных лет он отличался целеустремленностью, всегда знал чего, хотел и настойчиво шел к своей цели. Удивительно! еще почти ребенком он полюбил девушку и решил, что она станет его женой. Так и произошло. Мать двоих его детей (мальчика и девочки), она озаряла всю его жизнь. По отзывам современников, «очаровательная, поэтически настроенная, страстная музыкантша», она была верной и доброй женой и в то же время «умелой хозяйкой маленького дипломатического салона». Вместе с мужем она объездила верхом неприступнейшие дебри Македонии... Иностранцы видели в них идеальную пару - очаровательнейшая жена и муж «рослый, голубоглазый, с белокурыми волосами, изящный малоросс...»

Обеспеченный человек, служивший по призванию, не ради личных выгод, он был великолепным знатоком истории и быта населения современной ему Македонии. Находясь на консульской службе в Македонии, Ростковский не ограничивался строгими рамками своих прямых обязанностей и проводил скрупулезную работу и в других сферах деятельности. Например, в журнале «Живая старина» в выпуске №1 за 1899 г. и в выпуске №4 за 1900 г. вышли, соответственно, его исследования «Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 г.» и «Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г.». Эти труды были оценены наградой Императорской Академии наук (если верить А. Амфитеатрову, то, по свидетельству самого А.А. Ростковского, МИД воспринял публикацию холодно-безразлично).

Город Битоли (Битоля, Битолия, Монастырь) являлся центром Битольского вилайета - одного из трех (также Салоникский/Солунский и Услюб-ский/Косовский) вилайетов, которые административно (в той или иной степени) охватывали территорию историко-географической области Македония. Большую часть населения Битольского вилайета составляли православные славяне. На западе провинции достаточно компактно проживали албанцы-мусульмане.

В начале XX в. обстановка в Македонии постепенно обостряется. Между тем, все внимание Российской империи было сосредоточено на Дальнем Востоке, а первейшая задача внешней политики России на Балканах состояла в поддержании там статус кво.

И именно в это время македонские революционные комитеты все более определенно берут курс на подготовку и проведение восстания в македонских вилайетах, целью которого провозглашалось достижение автономии Македонии.¹⁹² Лидеры повстанцев прекрасно понимали бесперспективность своей затеи. Много позже, в 1925 г. новые лидеры ВМРО признают: «Даже Илинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос».¹⁹³

Итак, лидеры организации в полной мере понимали обреченность своей акции. Трудно было не понять (исходя из прошлого опыта), что выступление будет подавлено в относительно короткие

сроки. Однако предполагалось, что неминуемо последующая за вооруженным выступлением резня христиан подтолкнет великие державы к вмешательству и вынудит Турцию предоставить автономию Македонии. Ставка делалась и на помощь Болгарии. Кроме того, деятели комитетов рассчитывали, что болгарское вмешательство подтолкнет к решительным действиям и Сербию. Такая позиция лидеров революционного движения резко противоречила планам России. О своем негативном отношении к деятельности комитетов российское правительство сообщало неоднократно через консулов в Македонии, дипломатических представителей в балканских странах и публично.

Показательной в этом отношении является секретная телеграмма посла России в Константинополе от 5 февраля 1903 г. Ростковскому: «Ввиду продолжающихся происков революционных комитетов, имеющих целью вызвать восстание в Македонии, предлагаю принять зависящие от Вас меры для внушения христианскому населению, что деятельность комитетов строго осуждается Императорским Правительством, что зачинщики и участники беспорядков не должны ни под каким видом рассчитывать на поддержку России, и что, в случае принятия турецким правительством мер к подавлению беспорядков, они будут предоставлены собственной участи».¹⁹⁴

Официальная точка зрения перекликалась и с настроениями самого русского консула в Битоли. Еще в 1900 г. в частной беседе он заявил: «В скромных пределах моих полномочий я сделаю все от меня зависящее, чтобы предотвратить осложнения, могущие вовлечь Россию в политическую авантюру. Мне сердечно жаль македонских славян, но русские интересы мне дороже и по личному чувству, и по долгу службы».¹⁹⁵

Между тем, государственный механизм Османской империи к этому времени был полностью атрофирован. Христианское население Македонии было терроризируемо албанскими разбойниками и абсолютно беззащитно против произвола коррумпированных турецких чиновников. Войска рыскали в поисках комитаджий (деятелей революционных комитетов) по селам, срывая злобу на крестьянах, безжалостно избивая и грабя их (солдаты и офицеры месяцами не получали жалованья, будто умышленно подталкиваемые к грабежам). Пытаясь хоть как-то умиротворить обстановку, осенью 1902 г. Россия поставила перед Портой вопрос о проведении реформы системы управления в трех македонских вилайетах. В январе-феврале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия выработали проект реформ для Македонии (т.н. Венская программа). Порта должна была дать обещание, что назначенный ею генерал-инспектор европейских вилайетов будет возглавлять их администрацию в течение трех лет, имея право распоряжаться находящимися там войсками. Турция должна была передать дело реорганизации местной жандармерии в руки иностранных офицеров. Предлагаемая финансовая реформа включала ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления вместо существующей откупной системы. Порта должна была принять меры против произвола башибузу-

ков и даровать амнистию политическим заключенным и беженцам. Эта программа была вручена австро-венгерским и российским послами в Константинополе великому везиру в феврале 1903 г.

Программа реформ была «встречена в штыки» и албанцами, увидевшими в ней покушение на свое привилегированное положение, и лидерами македонских комитетов, а местная администрация была не способна (и не хотела?) их провести. Ростковский в связи с этим докладывал, что местные «турецкие власти прилагают все свои старания, чтобы парализовать вводимые реформы и с этой целью не исполняют даже предписаний высшего начальства», а несколько позже он констатировал: «...Турецкая администрация дошла до полного расстройтва, никто не желает исполнять приказания своего начальства».¹⁹⁶

Православное население европейских провинций Турции находилось в ужасном положении из-за бесконечных и безнаказанных притеснений и насилий со стороны албанцев. Хотя Ростковский еще в 1901 г. докладывал о таком примечательном случае: В округе Поречье, соседнем с Дебарским, и «населенном почти исключительно сербами, мудир (управитель небольшой каззы/округа. - М.Я.) без ведома высших властей разрешил жителям-христианам приобрести ружья и иметь в каждом селе вооруженную стражу, которая не допускала бы албанцев-разбойников грабить население. По сведениям, полученным из Поречья, в течение этого года (донесение от 1 сентября 1901 г. - М.Я.) не было нападений разбойников и никогда еще население не пользовалось такой безопасностью, как в нынешнем году».¹⁹⁷

Подстрекаемое своими вождями, албанское население видело в представителях России живое воплощение курса на «ущемление своей свободы» и «попрание вековых традиций». Весной 1903 г. первой жертвой стал консул в Митровице (Косово) Григорий Степанович Щербина, убитый турецким солдатом-албанцем.¹⁹⁸

С другой стороны, руководители революционных комитетов с нескрываемой ненавистью относились к представителям России, постоянно «остужавшим» пыл горячим головам. В донесениях русских консулов говорится и о жестокостях, творимых мусульманами в отношении христиан, и о провокационных действиях революционных комитетов, направленных на обострение ситуации и на ожесточение мусульман против христиан.

Да, позиция России абсолютно не удовлетворяла устремлений лидеров македонского движения. Это вело к озлоблению их против проводников внешнеполитического курса России - консулов. Получили даже хождение слухи о готовящемся покушении на Ростковского со стороны революционных деятелей. (Македонский историк Д. Димески отмечает,¹⁹⁹ между тем, что в 1898 г. члены комитетов планировали похищение Александра Аркадьевича во время его поездки в Буков монастырь с целью выкупа для получения «средств на Организацию».) Однако сами участники комитетов, - писал по этому поводу консул, - уверяли, «что, несмотря на всю ненависть питаемую комитетом ко мне, моя

жизнь в полной безопасности».²⁰⁰ Достаточно резко и вполне недвусмысленно А. А. Ростковский общал о целях лидеров революционных комитетов (которых он, кстати, называл «интеллигентный пролетариат», ибо комитеты состояли, главным образом, из учителей болгарских гимназий). По его мнению, они «не столько заботятся о благе сельского населения, как о себе лично». Они «мечтали уже, что при введении автономии они получат хорошо оплачиваемые выдающиеся места в администрации». Ростковский считал, что проект реформ, разработанный Россией и Австро-Венгрией, был встречен комитетами холодно, «т.к. не обеспечивает здешнему интеллигентному пролетариату возможность пристроиться на государственную службу, о чем они мечтали, требуя автономии для Македонии». Ростковский отмечал, что комитеты противодействуют реформам, заставляют селян покупать оружие и присоединяться к четам, угрожая им в противном случае смертной казнью.²⁰¹

Мирное христианское население оказалось в самом жутком положении. В январе 1903 г. Ростковский так писал о жителях христианских сел: «С одной стороны, они страдают от посещения турецких солдат, уносящих с собой все, что им попадет под руку, и, к тому же, подвергающих пыткам жителей с целью узнать, где скрываются инсургенты, с другой стороны, бесчисленные революционные банды, постоянно увеличивающиеся в числе, отнимают у жителей последние крохи».²⁰² В своем донесении от 19 июля

1903 г. по итогам поездки по селам округа Ростковский напишет: «Несмотря на все бесчинства и грабежи турок, во многих селах мне говорили, что жители сел еще больше страдают от банд, которые поставили себе целью довести население до полного отчаяния и тем заставить его примкнуть к революционному движению. Для ободрения и внушения мужества селянам инсургенты уверяют, что нынешние страдания скоро кончатся, т.к. Россия поддерживает революционное движение и ждет только момента, чтобы оно разрослось, чтобы иметь предлог вмешаться в македонские дела и освободить здешних христиан от турецкого ига».²⁰³

Непоколебимый и последовательный в проведении внешнеполитического курса России, в исполнении служебного долга, Александр Аркадьевич нажил себе множество врагов. При этом консул отличался завидным бесстрашием. Он обычно не брал с собой револьвера. На следующий день после резни христиан в Битоли в апреле 1903 г. он вышел безоружным вместе с женой на прогулку по улицам города, одним своим появлением успокоив христианское население. Вот что писал о Ростковском всемирно известный византист Н.П.Кондаков: «В это время (1900 г. - М.Я.) в Битоле русским консулом был уже и тогда известный храбрец, знаток края, изъездивший его вдоль и поперек А.А.Ростковский. В бытность нашу в Битоле он жил на даче в Буково, на высокой горе, не более, как в нескольких верстах от города, в одном из таких монастырей, которого обширные кельи сдаются иностранцам под дачу... Александр Аркадьевич был настоящий храбрец и, пренебрегая

Сербская печать отозвалась на событие намного более остро. В Новом Саде в журнале С.Лазича и С. Теодоровича вышла передовица в форме вымышленного монолога «С того света»:²⁰⁹

Са „онога света“.

(Уздах покојног Шчербине на глас о убиству Александра Ростковског, руског конзула у Битољу.)
Русијо силна, страшна! Маћушко наша света!

Зар већ и друга жртва тек овог једног лета.
Још се и моја крвца Косовом пољем пуши,
А ето иста рука РОСТКОВСКОГ у гроб сруши!
А ти, мајчице, рече, кад мене душман смрви:
Да је то пала „задња капља словенске крви!»
И као брижна мајка, што љуби децу своју,
Ти ниси сметла с ума крваву жртву моју.
Теби је тешко било, твој синак да те куне,
Што мора у туђини овако сам да труне.
И ти обриса сузе, па лепо у џеп сави —
И сад РОСТКОВСКИ дође, зар, да ми друштво прави!
О, брижна, добра мајко! Ал на што дружба нова?
Таквог је друштва, мајко, препуна пустош ова.
И ма ко још да дође, све је то дружба лоша
Спрам — Марка и Милоша.
Русијо силна, страшна! Маћушко наша мила!
За моћ и славу твоју и моја крв се лила.
Ја сам ти љубав твоју платио крвљу врелом,
Па 'прости, мајко, 'прости уздаху овом смелом.
Не жалим жртве своје, нити те ичим корем:
Ко је већ зап'о у зло, нада се још и — горем.
Већ само питам, мајко, (у том је сва ми јадња):
Је л' после моје »задње« бар ово сад — најзадња?...

В целом стихотворение отражало повисший в воздухе вопрос: будет ли Россия и далее терпеть насилие над её дипломатическими представителями?

Скорбная телеграмма о гибели консула прибыла в Константинополь в тот момент, когда весь дипкорпус и цвет местного общества собрались на бал в летнем дворце русского посольства.

Разумеется, светское «мероприятие» пришлось отменить. Российский посол И.А.Зиновьев, узнав подробности, скорее всего, негодовал - «Угроздило же его оказаться послом в Турции. Вот, до этого несколько лет пробыл в тихом, спокойном «цивилизованном» Копенгагене. А здесь? Зимой и летом - жара, духота, вечное солнце. Потом, эти консулы со своим геройством. Весной - Щербина, не было и 35 лет, теперь - Ростковский - 42 года. Никакого покоя». Зиновьев был действительно вне себя. Вдова Ростковского была глубоко возмущена поведением посла. Он открыто осуждал ее мужа, что стало известно туркам. Как отметил один из чиновников посольства, Зиновьев рассуждал как «турецкий паша».

Когда весть о гибели русского консула достигла Белграда, толпы возмущенного народа собрались у турецкой миссии, устроив грандиозную антитурецкую демонстрацию. Несмотря на защиту полиции, в здании камнями были выбиты все окна.

Николай II, помиловавший весной 1903 г. убийцу Г.С. Щербину, на этот раз проявил так не свойственную ему твердость. Вероятно, в первом случае не нашлось никого, кто бы напомнил ему, что на Востоке великодушные чаще всего воспринимают как малодушие и слабость. Император потребовал самой суровой кары убийце. Среди требований к султану: наказание жандарма «безотлагательное и самое тяжкое», «арест и примерное наказание стрелявших в экипаж русского консула», «немедленная строгая кара для всех гражданских и военных чинов ответственных за убийство русского консула». В 75-ти верстах от Босфора встал отряд Черноморского флота в составе 4-х броненосцев, прибывших из Севастополя.

Ростковский был похоронен с почестями 14 августа 1903 г. в Одессе на Новом кладбище, там же, где лежал и его отец.

Судебное расследование было довольно скоротечным. Существовало предположение (не опровергнутое, но и не доказанное), что на пути следования Ростковского были еще и другие засады, а все случившееся отнюдь не случайность, а результат заговора. Жандарм-убийца и его напарник, который не помешал совершившемуся убийству, были повешены 1 августа на том самом дереве, возле которого погиб Ростковский. Третий полицейский был осужден на 15 лет тюремного заключения за лжесвидетельство. Четвёртый был признан невиновным. Проходивший во время убийства рядом турок, который отказался свидетельствовать против убийцы, был осужден на пять лет. Ещё два турецких офицеры были разжалованы, за то, что выражали осуждение мёртвому Ростковскому. В ходе подготовки к казни, когда убийца и его соучастник осознали, что участь их решена, казалось, что они были готовы выдать тех, кто подстрекал их к убийству. Однако дальнейшего расследования не было. Не последовало больше и новых покушений на русских консулов в регионе.

Ряд австрийских и немецких газет обвинили Ростковского (как ранее Г. С. Щербину) в том, что он сам виноват в случившемся, так как, якобы, своим «вызывающим» поведением «восстановил»

при смутных обстоятельствах десятилетия назад, был восстановлен при содействии посольства РФ в Скопье. Вот что по этому поводу сообщил в ноябре 2003 г. журнал «Дипломатический вестник»:

«8 сентября в г. Битола, Республика Македония, состоялась торжественная церемония открытия памятника российскому императорскому консулу А.А. Ростковскому в ознаменование 100-летия со дня его гибели от рук мусульманских фанатиков. Надпись на постаменте гласит: «В честь и во славу российского императорского консула Его Превосходительства Александра Аркадьевича Ростковского (1860—1903) к 100-летию его гибели. 8 августа 2003 г. граждане Битолы».

Установленный сразу после гибели А.А. Ростковского деревянный крест в 1936 г. был заменен на сохранившийся до наших дней импозантный памятник, ставший одним из главных символов города и получивший в народе название «Русский крест».

Нынешний девятиметровый памятник в виде русского православного креста возведен при содействии Министерства культуры Республики Македонии, мэрии и горожан Битолы. На торжественной церемонии в присутствии министра культуры Республики Македонии, мэров ряда македонских городов, Почетного консула Российской Федерации в Битоле, активистов Союза обществ македонско-русской дружбы, наших соотечественников, представителей духовенства, интеллигенции и многочисленных горожан выступили мэр Битолы - З. Вршковский и Посол России в Македонии - А.Н. Асатур. По словам градоначальника, «Русский крест» - не только дань прошлому, но и символ братства наших народов, всегда ощущающих свое единство и готовых прийти на помощь друг другу в трудную минуту».

В местных СМИ, широко освещавших данное событие, отмечалось, что это первый в стране памятник, символизирующий русско-македонскую дружбу. А.А. Ростковский в соответствии с политикой России вел активную работу по защите христианского населения в Македонии, входившей в то время в состав Османской империи. Именно эта деятельность во многом, как полагают историки, способствовала укреплению национального самосознания македонцев, но в то же время стала причиной убийства русского дипломата. Когда-то В. В. Розанов написал о гибели адмирала Нахимова: «Так мы потеряли и приобрели героя в этот день. Славна смерть славных. Мы напрасно оплакиваем их. Мы умираем именно так, как нужно». Григорий Щербина и Александр Ростковский были русскими консулами, героически сложившими свои головы на своем посту глашатаев воли империи. Они погибли от рук террористов, но не отступили, зная, что по их поведению судят о всей России. И после своей смерти уроженец Ростковский и Щербина продолжили своё служение, продолжили представлять Россию для грядущих поколений православных славян на Балканах. Они навеки остаются высоким образцом образованного, честного и преданного интересам России дипломата, защитника сербов и македонцев.

Список источников и использованной литературы

Архивы:

- Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ), фонды: “Отчеты МИД”, №151 “Политархив”, №180 “Посольство в Константинополе”, №213 “Консульство в Битоли”, №279 “Генеральное консульство в Салониках”
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), фонд 892 “Гирс А.А.”

Периодика

- «Новое время».
- «С.-Петербургские ведомости».
- «Русский вестник»
- «Голос Москвы»

Опубликованные источники:

1. Авантюры русского царизма в Болгарии. Сборник документов. М., 1935.
2. Борбите в Македония и Одринско. 1878-1912. Спомени. София, 1981.
3. Георгиев В., Трифонов С. Гръцката и сръбската пропаганди в Македонии (Краят на XIX - началото на XX век). София, 1995.
4. Они же. Македония и Тракия в борба за свобода (Краят на XIX - началото на XX век). София, 1995.
5. Известия Русского археологического института в Константинополе. Т.4. Вып.3. София, 1899.
6. Кънчов В. София, 1900.
7. Реформы в Македонии. Дипломатическая переписка. 1902-1903. С.-Пб., 1906.
8. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952.
9. Струкова К.Л. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 году (Из донесений русских консулов)//Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С.256-285.
10. Она же. Новые документы о положении в Ускюбском вилайете в 1903 году (Из донесений русских консулов)// Славянское источниковедение. Сборник статей и материалов. М., 1965. С.285-320.
11. Шопов А. Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995.
12. Carnegie Endowment for International Peace, Division of Intercourse and Education, Report of the International Commision To Inquire into the Causes and Coduct of the Balkan Wars. (No. 4, 1914). (Доклад международной комиссии по расследованию причин и ведения балканских войн. Вашингтон, 1914.)

Литература.

1. Bridge F. The Great Powers and European States System 1815-1914. London, 1980.
2. Crampton R. Bulgaria 1878-1918. A History. N.Y., 1983.
3. Dakin D. Thessaloniki, 1966.; The Unification of Greece. 1770-1923. London, 1972.

4. Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. 1897-1913.
5. Jelavich Ch., Jelavich B. The Establishment of the Balkan National States. 1804-1920. London, 1977.
6. Macedonia. Past and Present. Thessaloniki, 1992.
7. Malcolm N. Kosovo. A short history. N.Y. 1999.
8. Perry D. The Politics Of Terror: The Macedonian Liberation Movements. 1893-1903. Durham and London. 1988.
9. Poulton H. Who Are The Macedonians. Indiana University Press, 1995.
10. Setton-Watson H. The Russian Empire 1801-1917. Oxford, 1967.
11. Амфитеатров А.В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903.
12. Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903.
13. Батаковић Д. Погибија руског консула Г. С. Шербине у Митровици 1903. године. // Историјски часопис. Кн. XXXIV. Београд, 1987.
14. Башмаков А. Болгария и Македония. С.-Пб., 1903.
15. Бендерев А. Военная география и статистика Македонии и соседних с нею областей Балканского полуострова. С.-Пб., 1890.
16. Билунов Б.Н. К истории македонского вопроса.//Болгария и Россия. Сборник трудов Б.Н.Билунова. М., 1996. С.324-331.
17. Битоски К. Македонија и кнежество Бугарија (1893-1903). Скопје, 1977.
18. Божилова Р. Сърбия и реформената акция на великите сили в Европейской Турции 1895-1903. // Studia Balcanica, N16, София, 1982. С.140-188.
19. Божилова Р. Сърбия и българо-турските отношения в началото на XX в. // Там же, №14, София, 1979. С.282-304.
20. Божилова Р. Сърбия и българското националноосвободително движение в Македония в началото на XX в. // Българският национален въпрос след Берлинския конгрес (до социалистическа революция). София, 1986. С.7-70.
21. Божинов В. Българската проствета в Македония и Одринска Тракия. 1878-1913. София, 1982.
22. Болдырев А.В. Ближний Восток и проливы во внешней политике России и западноевропейских стран на рубеже XIX – начала XX в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2001 г. №5. С.3-21.
23. Бурбыга В.А. Российские ученые и публицисты об этнической принадлежности македонских славян (1893-1903).//Болгарский ежегодник. Т.3.Киев, 1997.
24. Бурбыга В.А. Македонският въпрос в кореспонденция на руската дипломация 1893-1908 г. (По материали на консулствата в Солун и Битоля). // Македонски преглед, 1996, №1.С.63-80.
25. Бурбыга В.А. Российская печать о реформах в македонских вилайетах Османской империи (1904-1908).// Болгария, Дагестан, Турция. Вып.2. Махачкала, 1997.
26. Вечев Д. Реформите в Европейска Турция и руско-българските отношения (началото на XX в.).//Векове. 1980.№2.С.15-23.
27. Вечев Д. Русия и българският национален въпрос в края на XIX и началото на XX век.//България 1300. Институции и държавни традиции.Т.3. София, 1983.С.223-331.

28. Вечев Д. Русия и революционното движение в Македония и Одринско в края на XIX- началото на XX век. // България след освобождение. Втори международен конгрес на българистика. Доклади. Т.8. София, 1988. С.330-340.
29. Војводи, М. Србија у меѓународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988.
30. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII- начало XX в. М., 1978.
31. Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов в Европейской Турции в 1905-1912 гг. М., 1960.
32. Генов Г. Източният въпрос (политическа и дипломатическа история). София, 1925.
33. Георгиев Г., Шопов Й. Илинденското въстание. София, 1969.
34. Георгиев Д.В. Документы посольств и миссий России как источник для изучения роли заграничной службы МИД во внешнеполитическом аппарате самодержавия. // История СССР, 1987, №6.
35. Германов С. Источники информирования русской общественности о национально-освободительном движении в Македонии и Одринской Фракии (1893-1908).//История. Научни трудове. 1989.№14. С.61-96.
36. Германов С. Революционното движение в Македония и Одринска Тракия през погледа на руската общественост в края на XIX и началото на XX в. // България след освобождение. Втори международен конгрес на българистика. Доклади. Т.8. София, 1988. С.351-360.
37. Германов С. Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско. 1893-1908. София, 1992.
38. Германов С. Старите “нови” идеи на македонизма.//Македонски преглед. 2001.№1. С.83-90.
39. Глебов Л.В. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце 19 - нач. 20 века // Советское славяноведение. 1973. №4. С.12-27.
40. Гоцев С. Борби на българското население в Македония срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878-1945. София, 1991.
41. Грънчаров С. България на прага на 20 столетие. София, 1986.
42. Грънчаров С. Към въпроса за отношенията между България и балканските страни (1900-1903). // Studia Balcanica, N16, София, 1982. С.191-218.
43. Димитров С., Манчев К. История на балканските народи. 1878-1918. София, 1975.
44. Дюлгерова Н. Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария. 1894-1903. София, 1994.
45. Дюлгерова Н. Является ли болгарская “Мегали идея” вариантом болгарского панславизма?//Вестник МГУ. Сер.8. История. 1996.№3.
46. Дюлгерова Н.Руски шрихи към източния въпрос (1894-1904). София, 1997.
47. Едемский А.Б., Карасев А.В., Цехмистренко С.П. К истории македонского вопроса.//Советское славяноведение. 1993.№3.С.66-78. С.66.
48. Екмечи, М. Стварање Југославије (1790-1918). Београд, 1989.
49. Елдъров Св Македонският въпрос и Россия в н. XX в.//Новая и новейшая история. Вып. 15. Саратов, 1995. С.46-64.

50. Елдъров Св. Сръбска въоръжена пропаганда в Македлния (1901-1912). София., 1993.
51. Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт “умиротворения” Македонии.// Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999.С.72-99.
52. История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века. М., 1997.
53. История Югославии. М., 1963.Т.1.гл.37.С.625-638.
54. Карасев А.В., Косик В.И. Этапы борьбы македонского народа за независимость.// Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С.10-23.
55. Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в к. XIX в. (1878 - 1898). М., 1994.
56. Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. М., 1947.
57. Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. С.-Пб., 1909.
58. Константинов Д.К. Битола и Битолско во Илинденската револуција на македонскиот народ - 1903. Битола, 1983.
59. Косик В.И. Гордиев узел Балкан.//Македония. Проблемы... С.59-71.
60. Косик В.И. Македония - споры, соглашения, войны.//На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С.318-340.
61. Куманов М. Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993.
62. Лалков М. ВМОРО и балканските държави (1893-1918).//100 години ВМОРО. София, 1994.
63. Македония през погледа на австрийски консули 1851-1877/1878. Т.1. 1851-1865. София, 1994.
64. Маньковская Г. Л. Дипломат Щербина. // «Вопросы истории». 1985. № 7.
65. Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения в 1894-1902 гг. Киев, 1967.
66. Мартыненко А.К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905-1907 гг. Киев, 1974.
67. Милюков П.Н. Воспоминания. М.,1990.
68. Миноси М. Политиката на Австро-Унгария спрема Македонија и македонското праше?е (1878-1903). Скопје, 1982.
69. Николова В. Руско-български отношения в края на XIX в. в руската и съветската историография.//II национална школа на младите историци. 1980. Ч.1. София, 1981. С.177-192.
70. Ортаковски В. Малцинствата на Балканот. Скопје, 1998.
71. Палоташ Э. Из дипломатической истории македонского вопроса на исходе XIX в. // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Historica. Budapest, 1963.
72. Палоташ Э. К истории соглашения 1897 г. между Австро-Венгрией и Россией. // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae. Sectio Historica. Budapest, 1962.
73. Пандев К. Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878. // Борбите в Македония и Одринско. 1878-1912. Спомени. София, 1981.
74. Пандев К. Националноосвободителното движение в Македония и Одринско. 1878-1903. София, 1979.
75. Пандевски М. Македонија на Балканот. XIV-XX в. Скопје, 1990.
76. Пасков Р. Върховният Македоно-Одрински Комитет начело с Михайловски-Цончев (1902-1903г.) //

- Национален център по военна история. Военноисторическо научно дружество. Известия. Т.53. София, 1992. С.175-203.
77. Петров Т. Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899-1908). София, 1993.
 78. Попов Р. Австро-Унгария и реформите в Европейска Турция. София, 1974.
 79. Попов Р. България и Русия (1894-1898). Политически отношения. София, 1985.
 80. Ристовски Б. Русско-македонские исторические связи.//Македония: Путь... С.24-48.
 81. Ристовски Б. Историја на македонската нација. Скопје, 1999.
 82. Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. С.-Пб., 1909.
 83. Российская дипломатия в портретах. М., 1992.
 84. Ростковский А.А. Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году.//Живая старина.1899.№1.С.62-112.
 85. Ростковский А.А. Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г.//Там же.1900.№4. С.393-425, 565-583.
 86. Силянов Х. Освободителните борби на Македония. Т.1.София, 1983.
 87. Сими? С. Српска револуционарна организација. Београд, 1998.
 88. Тимофеев А.Ю. Истоки косовской драмы. Москва, 1999.
 89. Тимофеев А.Ю. Сербские четы в Старой Сербии. 1903-1912 // Югославянская история XIX-XX в. Сборник статей памяти В.Г.Карасева, Москва, 2002.
 90. Тимофејев А. Један извештај руског конзула Јастребова у Призрену од 1883.г у фонду МПС-Ц у Архиву Србије Београд 2000 //Архивска граѓа као извор за историју. Београд, 2000.
 91. Тимофејев А. Сан-Стефанскиј договор, Берлинскиј трактат и судба Старой Сербии // Труды научной конференции Ломоносов-2002, Москва, 2003.
 92. Тимофејев А. Стара Србија у руском јавном мњењу XIX века // Годишњак за друштве-ну историју, год VI, т.2. 2000.
 93. Тодоровски Гл. Македонско прашање и реформите во Македонија (од дипломатска историја на македонскиот народ). Скопје, 1989.
 94. Тодоровски Гл.Реформите на големите европски сили во Македонија.Т.1.1829-1909. Скопје, 1984.
 95. Трубецкой Г.Н. Русская дипломатия 1914-1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983.
 96. Хвостов В.М. История дипломатии. Т.2.М., 1963.
 97. Цехмистренко С.П. Греция и македонский вопрос.//Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994.
 98. Шофман А.С. Очерки по истории Македонии и македонского народа. Т.1-2. Казань, 1960.
 99. Юруков Д. Спомени из политическия живот на България. София, 1932.

Сноски

- 1 Наш проект совместного издания под одной обложкой трудов, посвященных Старой Сербии и Македонии, как продолжение творческих споров, был задуман около десяти лет назад. К сожалению, многое стояло на пути его осуществления. Когда 15 мая 2019 года Михаил Ямбаев умер, не дотянувшись до пятидесяти, составителю сборника показалось, что этому проекту никогда уже не дано осуществиться, как и многим другим мечтам покойного. Однако, благодаря помощи неравнодушных, к пятилетию кончины раба божьего Михаила этот текст увидит свет. Это дань памяти исследователя, с которым было пройдено не мало живописных балканских дорог, равно как и извилистых московских улочек. Инструкция проста: пусть всегда звучит Ромыч, пусть молодость будет жива!
- 2 Публиковалось: Ямбаев М.Л., Македония и Россия: 1897-1902 гг. Кандидатская диссертация, Москва, 2004.
- 3 Илларионов Николай Александрович - родился в 1844 г. Действительный статский советник. На Балканах находился на консульской службе с нач. 1860-х гг. - в Сараево, Мостаре, Скутари. В 1874 г. назначен косулом в Салоники, затем в Иерусалим, Адрианополь, генеральным консулом в Смирну. С 1894 г. - генеральный консул в Салониках. 19 апреля 1902 г. убит со службы согласно прошению по болезни.
- 4 Машков Виктор Федорович - "уроженец Кубанской области, воспитывался в тифлисском пехотном юнкерском училище, начал службу во Владикавказском полку и в чине поручика вышел в запас". ("Новое время".1903.30 марта.) До поступления на консульскую службу предпринял ряд рискованных путешествий по Абиссинии. В Ускюбе он "потрудились... над тем, чтобы поднять снова престиж России. Турки уважают в нем отвагу и решительность, с которою он всюду требует, чтобы все стояло на вытяжку перед именем России". (Башмаков А. Болгария и Македония. С.-Пб., 1903. С.156.) И.А.Зиновьев так отзывался о Машкове: "...Он хорошо знает край, пользуется большим значением в глазах турецких властей..." АВПРИ.Ф.151.Д.1475.Л.8.
- 5 Ростовский Александр Аркадьевич (1860-1903 гг) - второй секретарь дипломатического агенства в Болгарии, секретарь и драгоман генерального консульства в Иерусалиме, затем - в Янине, потом - в Бейруте. В 1893 г. назначен вице-консулом в Бриндизи. С 1895 г. вице-консул, затем консул в Битоли. Убит в пригороде Битоли турецким жандармом-албанцем.
- 6 Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. М., 1947. С.216.
- 7 Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903. С.115.
- 8 Там же. С.112-113.
- 9 Там же. С.114.
- 10 АВПРИ. Ф.151. Д.1473.Л.14.
- 11 Там же. Ф.180.Д.1449.Л.22-22об.
- 12 Там же. Л.5-6.
- 13 Там же. Л.97.
- 14 Там же. Л.113,114об,118-118об.
- 15 Там же. Л.119.
- 16 Там же. Л.123.
- 17 По утверждению С.Симича Хаджи Попев (Хаджи-Попович) был убит. См. Сими? С. Српска револуционарна организација. Београд, 1998.. С.36.
- 18 Там же. Л.123-124.
- 19 Там же. Д.3608.Л.54-55об.
- 20 Там же. Л.56.
- 21 Там же. Л.17-24.

- 22 Там же. Д.1450.Л.34-34об.
- 23 Там же. Д.3608.Л.17-24.
- 24 Там же. Д.1450.Л.18-19.
- 25 Там же. Л.37-37об.
- 26 Там же. Л.47-48.
- 27 Там же. Д.1451.Л.83.
- 28 Там же. Л.62-62об.
- 29 Там же. Л.65-65об.
- 30 Там же. Л.66.
- 31 Там же. Л.69-70об.
- 32 Там же. Д.1452Л.53об.-54.
- 33 Там же. Д.1451.Л.34-34об., 35об.-36, 39-40, 40об.-41.
- 34 Там же. Л.51об.-52.
- 35 Там же. Л.55-55об.
- 36 Там же. Л.56.
- 37 Там же. Л.52об.-53об.
- 38 Там же. Д.1452.Л.7об.-8.
- 39 Там же. Л.62об.
- 40 Там же. Л.8-8об.
- 41 Там же. Л.13-13об.
- 42 Там же. Л.41.
- 43 Там же. Л.46-47, 48об-49.
- 44 Там же. Л.51об.
- 45 Там же. Д.1453.Л.16-17, 41-42.
- 46 Там же. Л.21-22. Константинов Д.К. Битола и Битолско во Илинденската револуција на македонскиот народ - 1903. Битола, 1983. С.48.
- 47 АВПРИ. Ф.180. Д.1453.Л.72-74.
- 48 Там же. Д.1454.Л.6-7.
- 49 Там же. Д.1453.Л.75-76, 6.
- 50 Там же. Д.1454.Л.20-21
- 51 Там же. Д.1455а.Л.161.
- 52 Там же. Л.34.
- 53 Там же. Д.1454.Л.15.; Там же. Ф.151.Д.564.Л.20.
- 54 Там же. Ф.180.Д.1454.Л.38,42.
- 55 Там же. Ф.151.Д.563.ЛЛ.68-70.;Там же. Ф.180, Д.1454.Л.47, 49.
- 56 Там же. Л.62, 83.
- 57 Там же. Л.92-93.
- 58 Там же.
- 59 Там же. Л.117.; Там же. Ф.151.Д.563.Л.194.

- 60 Там же. Ф.180. Д.1453.Л.7-8.
- 61 Там же. Д.1455а.Л.46.
- 62 Там же. Ф.151.Д.1468.Л.16-16об.
- 63 Там же. Д.1469.Л.2-3.
- 64 Там же. Л.37об.
- 65 Там же. Л.37об.-38.
- 66 Там же. Л.17-17об.
- 67 Там же. Л.32.
- 68 Там же. Д.1470.Л.5.
- 69 Там же. Д.1469.Л.85об-86,89, 93-93об.
- 70 Там же. Д.1470.Л.24-25.
- 71 Там же. Ф.180.Д.3608.Л.109.
- 72 "...Предшественник Машкова Лисевич в последнее время своей службы в Ускюбе не решался выходить на улицу. [...] Машкову выпала на долю нелегкая задача восстановить пошатнувшийся в глазах населения русский престиж, и надо сознаться, что он выполнил эту задачу блистательно." "Новое время." 17(30) августа 1901.
- 73 Ризов Димитр (1862-1918) - общественный деятель, журналист. Родился в Битоли. В 1880-е гг. экзархистский инспектор болгарских школ в Македонии. Активный участник подготовки и совершения объединения Восточной Румелии с Болгарским Княжеством в 1885 г. В 1897-1899 гг. торговый агент в Ускюбе. Куманов М. Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993. С/217
- 74 Георгиев В., Трифионов С. Гръзката и сръбската пропаганда в Македонии (Краят на XIX - началото на XX век). София, 1995. С.260.
- 75 Они же. Македония и Тракия в борба за свобода (Краят на XIX - началото на XX век). София, 1995. С.24-25.
- 76 Там же. С.26-27.
- 77 АВПРИ.Ф.151.Д.1471.Л.3-6.
- 78 Там же. Д.1472.Л.33об.-34.
- 79 Там же. Л.35.
- 80 Там же. Л.46об.
- 81 Амфитеатров А. Ук. соч. С.93-94.
- 82 А.В.Амфитеатров: "...На ускубском консуле, В.Ф.Машкове, сосредотачивались и албанские, и болгарские ненависти". Амфитеатров А. Страна раздора... Из главы "От автора". П.А.Риттих писал: "По рассказам обывателей... [Машков] был какой-то полубог, который наводил панический страх на албанцев и на те мятежные элементы, которым выгодно производить постоянную смуту в Косовском вилайете. Для славян и, в частности, для сербов, как наиболее страдательного элемента, Машков - это спаситель, на которого они все молятся, и считают обязанными своим существованием исключительно ему". Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. С.-Пб., 1909. С.138. "Виктор Федорович в Скопье не живет, а горит. Абиссинские экспедиции, которые он проделал на свой риск и страх,.. не оставили на нем следа; тут же трехлетнее пребывание в Косово сделало его седым и чрезвычайно нервным." Там же. С.148. "Его не одобряют болгары и считают сербофилом. Этот самый упрек делается болгарам по адресу других наших консулов в Македонии. [Машков] один является форпостом русского влияния, - среди тяжелой, можно сказать, ужасной атмосферы". Башмаков А. Болгария и Македония. С.-Пб., 1903. С.159-160. В феврале 1903 г. Виктор Федорович в частном письме генконсулу в Салониках Гирсу напишет: "Начальство спохватилось и желает, чтобы я здесь остался на неопределенное время. Но я сыт Македонией по горло. Пусть поработает молодежь." ГА РФ.Ф.892 (А.А.Гирс).Оп.1.Д.192.Л.7об.

- 83 АВПРИ.Ф.151.Д.1472.Л.3-4.
- 84 Для России (в лице ее представителей), содействовавшей утверждению в должности митрополита Ускюбской епархии Константинопольского патриархата архимандрита Фирмилиана, было ограничено “поле маневра” в деле обуздания действий Синезия. Не могло быть и речи о его смещении. “Дело Фирмилиана” и без того вызывало бурю негативных эмоций болгар, как в Княжестве, так и на месте. Само собой протестовал и Экзархат.
- 85 Там же. Ф.180.Д.2640.ЛЛ.24-25.
- 86 Там же. Д.3608.Л.81об.-82об.
- 87 Там же. Л.83-84об.
- 88 Там же. Л.91-91об.
- 89 Шопов А. Дневник, дипломатически рапорты и писма. София, 1995. С.88.
- 90 АВПРИ.Ф.180.Д.3608. Л.319-320.
- 91 Там же. Ф.151.Д.1472.Л.4.
- 92 Георгиев... Ук. соч. С.294.
- 93 Там же. С.293.
- 94 АВПРИ.Ф.180.Д.3608.Л.320-320об.
- 95 Там же. Л.324.
- 96 Там же. Л.322об.-323.
- 97 Там же. Ф.151.Д.1471.Л.79.
- 98 Там же. Л.85об.-86.
- 99 Там же. Л.86-86об.
- 100 Там же. Л.87.
- 101 Там же. Ф.180.Д.2639.Л.53-54.
- 102 Риттих П.А. По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. С.-Пб., 1909. С.151.
- 103 АВПРИ.Ф.151.Д.1473.Л.32-33.Там же. Ф.180.Д.2640.Л.2. Там же. Л.19.
- 104 Там же. Л.9.
- 105 Там же. Л.14-15.
- 106 Там же. Л.9-10., Д.1453.Л.35, 7, 74.
- 107 Там же. Д.2640.Л.18.
- 108 Там же. Л.10-11, 39-40.
- 109 Юруков Д. Спомени из политическия живот на България. София, 1932. С.220-221.
- 110 Там же. С.221-222.
- 111 Там же. С.222-223.
- 112 Там же. С.226.
- 113 АВПРИ.Ф.180.Д.2641.Л.1, 2, 6., Д.1453.Л.7.
- 114 Там же. Ф.151.Д.1475.Л.4, 9.
- 115 Там же. Ф.180.Д.2292.Л.19об.-20об.
- 116 Там же. Л.22.
- 117 Там же. Д.2293.Л.71-71об.
- 118 Там же. Л.72-72об.
- 119 Борбите в Македония и Одринско. 1878-1912. Спомени. София, 1981. С.201-202.

- 120 АВПРИ.Ф.180.Д.2293.Л.92-93.
- 121 Шопов А. Ук. соч. С.70.
- 122 Борбите... Там же.
- 123 АВПРИ.Ф.180.Д.2293.Л.130-131.
- 124 Там же. Л.131-133.
- 125 Там же. Д.2294.Л.44-45об.
- 126 О том же см. Сими? С. Српска револуционарна организација. Београд, 1998. С.36.
- 127 АВПРИ.Ф.180.Д.3608.Л.30-31.
- 128 В конце 1898 г. на место Ризы паши был назначен Хаджи Хасан Рефик паша.
- 129 Там же. Д.2294.Л.89-89об.
- 130 Там же. Д.2295.Л.13об.-14об.
- 131 Там же. Л.14об.-15об.
- 132 Там же. Л.28об-28.
- 133 Там же. Л.32-32об.
- 134 Там же. Л.71-71об.
- 135 Там же. Л.87-88.
- 136 Там же. Д.2296.Л.7-7об.
- 137 Там же. Л.18-19.
- 138 Там же. Л.27.
- 139 Там же. Л.30-31об.
- 140 Там же. Л.36-37.
- 141 Там же. Л.48-49.
- 142 Там же. Д.2297.Л.2-4, 6, 7, 10, 14, 16, 17, 22, 27, 41, 42, 46, 47.
- 143 Там же. Л.18, 20, 29.
- 144 Там же. Л.72-73.
- 145 Там же. Д.2298.Л.14, 24, 30., Ф.151.Д.1144.Л.71.
- 146 Там же. Ф.180.Д.2298.Л.66, 92., Д.2299.Л.3
- 147 Там же. Д.2298.Л.92.
- 148 Там же. Ф.151.Д.1143.ЛЛ.71-72.
- 149 Там же. Л.72.
- 150 Там же. Ф.180.Д.1449.Л.21об.-22.
- 151 Там же. Д.2640.Л.40.
- 152 Там же. Д.3608.Л.104об.-105.
- 153 В связи с указанной пометкой уместно привести здесь следующий факт. В марте 1898 г. Зиновьев написал Муравьеву о том, что в связи с тем, что со временем Македония «будет служить весьма существенным фактором при решении восточного вопроса», то нет и основания «уже ныне предрешать ее участь». Цит. по: Палоташ Э. Из дипломатической истории македонского вопроса на исходе XIX в. // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando nominatae. Sectio Historica. Budapest, 1963. С.123.*
- 154 Там же. Д.2639.Л.54.
- 155 Там же. Ф.151.Д.1473.Л.15.

- 156 Там же. Ф.180.Д.2298.Л.122об.
- 157 История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века. М., 1997. С.71.
- 158 Публиковалось: Ямбаев М.Л. События весны 1903 г. в Старой Сербии: албанские беспорядки и гибель в Митровице русского консула Г. С. Щербина. // Югославянская история XIX-XX в. Сборник статей памяти В.Г.Карасева, Москва, 2002; Ямбаев М.Л. Выстрел в Митровице. Кому помешал российский консул в Старой Сербии // Родина, № 8. 2003.
- 159 Батаковић Д. Погибија руског консула Г. С. Шербине у Митровици 1903. године. // Историјски часопис. Кн. XXXIV. Београд, 1987.С. 309.
- 160 Амфитеатров А. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1907. С. 90.
- 161 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2021. Л. 107.
- 162 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2021. Л. 165-167 об.
- 163 Батаковић Д. Погибија руског консула Г. С. Шербине у Митровици 1903. године. // Историјски часопис. Кн. XXXIV. Београд, 1987. С. 309, 319.
- 164 Башмаков А. Болгария и Македония. С.-Пб., 1903. С. 150-152.
- 165 «Новое время». 1903. 30 марта.
- 166 «С.-Петербургские ведомости». 1901. 12 сентября.
- 167 «Русский вестник». 1903. 4 апреля.
- 168 «Русская старина».1916. Т. 168. № 11., С. 318.
- 169 Амфитеатров А. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1907. С. 92.
- 170 «Русский вестник». 7, 1903. № 4. С. 825.
- 171 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2., Д. 5654. Л. 1.; «Новое время». 1903. 30 марта.; Батаковић Д. Погибија руског консула Г. С. Шербине у Митровици 1903. године. // Историјски часопис. Кн. XXXIV. Београд, 1987. С. 317.)
- 172 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2., Д. 5654. Л. 1-2.
- 173 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2., Д. 2021. Л. 66 об-68 об., 74-74 об.
- 174 «Новое время». 1903. 14 апреля.
- 175 Батаковић Д. Погибија руског консула Г. С. Шербине у Митровици 1903. године. // Историјски часопис. Кн. XXXIV. Београд, 1987. С. 314-319.
- 176 Malcolm N. Kosovo. A short history. N.Y. 1999. P. 409.
- 177 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2., Д. 2021. Л. 80 об.
- 178 «С.-Петербургские ведомости». 1902. 18 сентября.
- 179 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2., Д. 2021. Л. 198-198 об., 199 об.
- 180 «Правительственный вестник». 1903. 13 апреля.
- 181 Маньковская Г. Л. Дипломат Щербина. // «Вопросы истории». 1985. № 7. С. 186.
- 182 8 ноября 2011 г. памятник Г.С. Щербине был вновь установлен в сербской части Косовской Митровицы. (АТ)
- 183 «Русская старина».1916. Т. 168. № 11. С. 288-289.
- 184 Публиковалось: Ямбаев М.Л. Сербская политика в Македонии на рубеже XIX-XX веков глазами русских консулов // Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Санкт-Петербург, 2005; Ямбаев М.Л. А.А.Ростковский в Македонии. Начало XX века. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции, Москва, 2004; Ямбаев М.Л. Деятельность русского консула А.А.Ростковского в Македонии. 1900-ые годы // Межрегиональная конференция славистов. Рос-

- сийское славяноведение в начале XXI века, Москва, 2005; Ямбаев М.Л. Русский консул на Балканах А.А.Ростковский // Славянский мир в третьем тысячелетии. Москва, 2010.
- 185 Хевролина В.М. Донесения российских консулов в Боснии и Герцеговине как источник по истории их дипломатической деятельности. 1856—1874 // Внешняя политика России. Источники и историография. М., 1991. С. 42.
- 186 Кожевников Ф.И. Русское государство и международное право. М., 1947. С. 216.
- 187 Амфитеатров А.В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903. С. 115.
- 188 Там же. С. 112-113.
- 189 Там же. С. 114.
- 190 Русский вестник. 1903. IX. С. 351.
- 191 О непростой судьбе Е.В. Ростковской см.: Бордато Э., Талалай М. Под чуждым небосводом. С.-Пб., 2009.
- 192 Еще в 1893 г. в Салониках была создана организация, позже ставшая известной под именем Внутренней Македонской Революционной Организации (Самое громкое дело ВМРО — убийство в сотрудничестве с хорватскими уставами короля Югославии Александра и министра иностранных дел Франции Л. Барту в Марселе в 1934 г.). Несколько позднее в Софии был создан Верховный Македонский комитет. Между двумя организациями существовали значительные разногласия по многим вопросам, однако, начало XX в. характеризуется их активным взаимодействием.
- 193 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. М., 2000. С. 272.
- 194 АВПРИ. Ф. 213 (Консульство в Битоли). Д. 14. Л. 12.
- 195 Русский вестник. 1903. IX. С. 352.
- 196 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 1455а. Л. 129, 213.
- 197 Там же. Д. 1453. Л. 58.
- 198 Подробнее: Ямбаев М.Л. События весны 1903 г. в Старой Сербии: Албанские беспорядки и гибель в Митровице русского консула Г.С. Щербины // Югославская история в новое и новейшее время. М, 2002. С. 155-161.; Он же. Выстрелы в Митровице // Родина, 2003, № 8. С. 44-46.
- 199 Димески Д. Македонското националноослободително движение во Битолскиот вилает (1893— 1903). Скопје, 1981. С. 253.
- 200 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1455а. Л. 99.
- 201 Там же. Л. 27, 34, 43-43об.
- 202 Струкова К.Л. Новые документы о положении в Битольском вилаете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1963. С. 257.
- 203 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1455а. Л. 215а.
- 204 Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. С.-Пб., 1909. С. 213.
- 205 Амфитеатров А. Указ. соч. С. 105—111.
- 206 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 892. Д. 227. Л. 5—6.
- 207 Новое время. 20.08.1903.; РВ, 1903. IX. С. 337.
- 208 Константинов Д.Х. Битола — 1903. Битола, 1983. С. 284.
- 209 Врач (Нови Сад). 1. (14.) августа 1903.
- 210 Русский вестник. 1903. IX. С. 341.
- 211 Dakin D. The Greek Struggle in Macedonia. 1897-1913. Thessaloniki, 1966., P. 110.
- 212 Амфитеатров А. Эхо. М., 1913. С. 232—233.
- 213 Русский вестник. 1903. IX. С. 343-344.
- 214 Голос Москвы. 28.07.1913.

Сводный справочник. Русские дипломаты в независимой Сербии и Старой Сербии на рубеже веков

Российские консульства в Скадарском, Битольском и Косовском вилаетах	247
Руководители русских консульских учреждений в западной части европейских провинций Османской империи в конце XIX - начале XX века и в Сербии.....	248
Список дипломатических представителей Российской империи в Княжестве/ Королевстве Сербии с момента обретения независимости.....	266
Список источников.....	269

Российские консульства в Скадарском, Битольском и Косовском вилаетах

В это время в Скадарском, Битольском и Косовском вилаетах (в Старой Сербии и Македонии) действовало несколько консульских учреждений Российской империи:

- Русское консульство в Скадре (Скадар-на-Бояне, Скутари, Шкодер/Шкодра) открыто в 1856/1857 году.
- Русское консульство в Битоле (Монастырь) открыто в 1861 году.
- Русское консульство в Скопье (Ускюб) открыто в 1893 году.
- Русское консульство в Призрене открыто в 1866 году.
- Русское консульство в Косовской Митровице открыто в 1903 году.

Почти четверть века дипломатической службы М. М. Бакунина прошло на Балканах: он занимал место консула в Скадаре в период с 1870 по 1875 г., затем в Дубровнике (Рагуза). В 1878–1880 годах - секретарь русской миссии в Белграде. В ноябре 1880 года Бакунин был назначен генеральным консулом в Сараево и занимал эту должность более двенадцати лет.

Беляев Алексей Константинович (1870–1960), с 1895 - секретарь консульства в Скопье, затем секретарь и драгоман консульства в Трабзоне, а с 1896 г. - секретарь и драгоман консульства в Эрзеруме. В 1899 был вице-консулом в Призрене, с 1902 - в Скадаре, а с 1903 - консул в Скопье. В 1906 отправил в МИД по предложению 1-го департамента министерства «Заметку о сербах, получивших образование в России», где привёл данные о 107 сербских духовных, военных и научных деятелях, а также дал краткий очерк истории российско-сербских образовательных контактов и свои рекомендации по поводу обучения сербов в российских учебных заведениях. Позже генеральный консул в Смирне и в Салониках. В эмиграции в Югославии и Франции.

Демерик (Демерин) Николай Николаевич (1855 - ?), в период с 1889 г. по 1894 г. был вице-консулом в Битоле, а в 1895 г. - консул в Нише. Позже был генеральным консулом в Яссах (1900 г.), затем в Эрзуруме (1901 г.) и в Бейруте (1902 г.). С 1905 по 1910 год Демерик был генеральным консулом России в Салониках. В 1910 году он был назначен послом в сенаты свободных ганзейских городов Гамбург, Любек, Бремен и Ольденбург. Покинул пост после начала Первой мировой войны в 1914 году.

Емельянов Николай Александрович (? - ?), консул в Призрене в 1912- 1913 году. Потом вице-консул в Нише и Белграде. Был обвинён в растрате и покинул свой пост в 1920 г.

Зуев Сергей Лаврентьевич (? - ?), в 1911 консул в Призрене. До этого был секретарем консульства в Мешхеде (Персия).

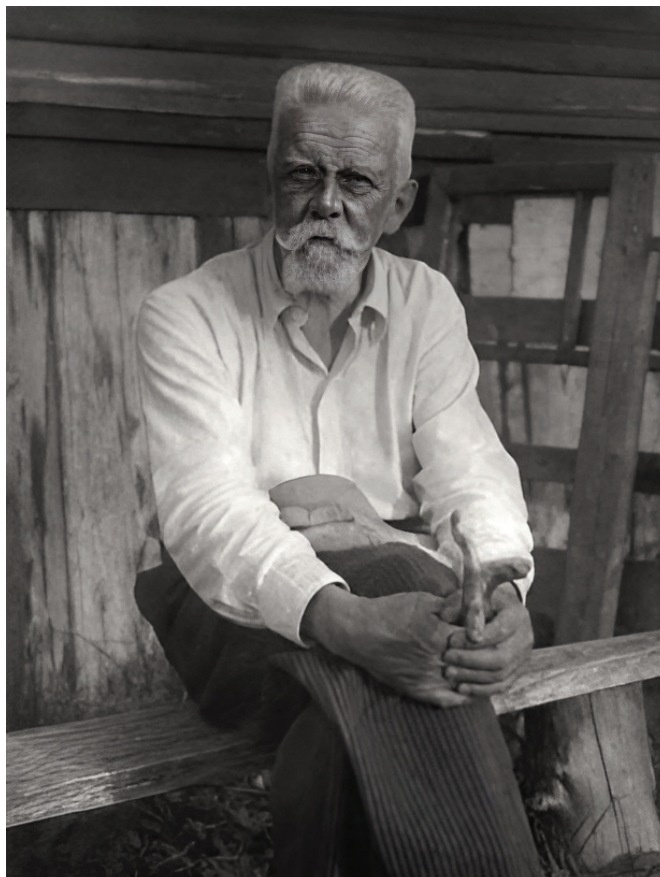
Иванов Николай Григорьевич (1828-?), русский консул в Скадаре в период с марта 1867 г. по август 1868 г. С 1868 до 1879 года русский консул в Эрзеруме и Алеппо.

Илларионов Николай Алексеевич (? - ?), занимал должность консула с марта 1872 г. по август 1874 г.) После был консулом в Иерусалиме и в Адрианополе. В период с 1894 по 1902 г. был генеральным консулом в Салониках.

Калмыков Андрей Дмитриевич (1870–1941) - сотрудник генконсульства в Тебризе, и.о. генконсула в Тегеране (1896). С 1898 по 1900 г. временный поверенный в делах в Бангкоке, Сиам (1898–1900). Потом комиссар по пограничным отношениям в Ашхабаде (1900–05). С 1911 генконсул в Скопье (одновременно занимался делами консульства в Косовской Митровице) С конца 1912 генконсул в Смирне, где с перерывами оставался до середины 1921. С июля 1923 в эмиграции в США.

Каль Виктор Федорович (? – ?), консул в Битоле с 1903г. по 1910 г.

Кохманский Николай Вячеславович (Венцеславович) (1876-1955), с 1912 г. до 1915 г. Кохманский был консулом в Битоле. До этого 1910 г. он был консулом в Алеппо. Позже занимался урегулированием отношений между Санкт-Петербургом и Вселенским Патриархатом, Святой Горой, а также ревизией всех институтов Императорского Православного Палестинского общества на Ближнем Востоке. Остался в Советской России. В 1930-е годы он был экономистом картографического производства Военно-воздушной академии в Москве. Был репрессирован, находился в ссылке в Костромской губернии.

Крылов Иван(? - ?), вице-консул в Скадаре с января 1879 г. по март 1890 г., а с марта 1890 г. по октябрь 1895 г. – консул

Лисевич Теодосий (Феодосий) Константинович (? -1898), с 1886 по 1893 год консул в Призрене. Известен тем, что добился освобождения игумена монастыря Высоки-Дечаны из турецкой

тюрем (игумна обвиняли в том, что он получал деньги из Сербии для развития школ на сербском языке). Первый консул в Скопье, который руководил консульством до своей смерти в 1898 году. До этого был вице-консулом в Варне.

Лобачев Павел Артемьевич (1874- 1921), с декабря 1903 по январь 1910 был вице-консулом в Скадаре. С 1910 года по 1913 - консул в Косовской Митровице. В 1914 году получил назначение в Канею на острове Крит. В июне 1917 года он был переведен в Салоники, где вёл большую работу по оказанию помощи раненым, снабжению войск, устройству быта русских солдат, сражавшихся в составе союзнических войск на Салоникском фронте. В эмиграции в Югославии. Скончался в Дубровнике, похоронен в городе Нови-Сад на Успенском кладбище. Его сын Юрий (Джордже) Павловича Лобачёв, основатель сербского комикса, участник Союза Советских патриотов в Белграде.

Максимов Виктор Александрович (1836- 1900), с 1873 г. по 1877 был русским консулом в Битоле, где составил «Программу улучшений для христиан». До этого служил драгоманом в русском посольстве в Константинополе. Покинул Битолу в 1877 году, когда разразилась русско-турецкая война. С 1888 г. он был генеральным консулом в Иерусалиме, а с 1891 г. по 1900 г. консул в Эрзуруме. Умер в 1900 г. в Эрзеруме

←—————→

Мандельштам Андрей Николаевич (также *Генрих Николаевич*) (1869–1949), консул в Скопье и Битоле с 1903 г. по 1907 г. До этого драгоман консульства в Константинополе (1898). Позже секретарь второй Гаагской мирной конференции. В 1913 был делегатом русского посольства в международной комиссии о реформах в турецкой Армении, им был составлен Российский проект Армянских реформ. Профессор международного права Петроградского университета. Директор департамента МИД. В эмиграции во Франции.

Машков Виктор Федорович (1888–1932), инициировал установление официальных отношений между Россией и Абиссинией. С 1894 г. секретарь русского консульства в Багдаде. В 1899–1903 г. российский консул в Скопье. После - с июня 1903 по 1908 г. генеральный консул в Багдаде.

Уполномоченный Красного Креста в Новороссийске. Эвакуирован из Новороссийска в марте 1920 г. В эмиграции в Белграде. В 1922 г. содержал «Столовую 98 беженцев». Похоронен на Новом кладбище в Белграде.

Миллер Борис Всеволодович (1877-1956), консул в Скадаре с марта 1911 г. по август 1914 г. Поступил на службу в Министерство иностранных дел в 1903 году. Работал в консульствах Ирана и в Марокко. После революции 1917 года служил в Красной Армии, в Академии имени М. В. Фрунзе в чине комдива заведовал кафедрой восточных языков. Работал в Академии наук СССР, был заведующим сектором иранской филологии Института языкознания АН СССР. Заведующий кафедрой иранской филологии филологического факультета МГУ (1943—1953). Профессор, доктор филологических наук.

←—————→

Николаев Александр Николаевич(? – ?), консул в Скадаре с июня 1869 г.по декабрь 1871 г., до этого был секретарь в российском посольстве в Тегеране,затем служил чиновником в Военном ведомстве.

Няга Лука Анастасиевич (1833-1908), с 1880 по 1881 год он был русским вице-консулом в Битоле До этого занимал должности в Бессарабской правительственной дирекции, был советником в Азиатском отделе МИД России, ответственный за особые поручения во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. С 1878 года драгоман в Румынии. После был консулом в Салониках, консулом на острове Крит и в Смирне. Ушел в отставку в 1902 году.

Орлов Аркадий Александрович (1870 (по др. свед. 1868) – 1940), с января 1903 вице-консул в Скадаре, а с марта 1904 консул в Митровице. С декабря 1906 по июль 1911 консул в Скопье. До этого, с 1897 г. был драгоманом генерального консульства в Константинополе, поверенным в делах в чине титулярного советника (1900-1902) в Аддис-Абебе. С июля 1911 по сентябрь 1913 генеральный консул в Багдаде, оставил важные записки о жизни курдов - «Путевые дневники объезда турецко-персидской границы в 1913 г.» С сентября 1913 генеральный консул в Тавризе(Марокко), в августе 1916 переведен на такой же пост в Урге (Монголия). В 1917 одновременно был генеральным консулом в Кобдо. В апреле 1917 обнародовал в Монголии текст «Декларации П.Н. Милюкова» о самоопределении народов, после чего министр иностранных дел Автономной Внешней Монголии Цэрэн-Доржи направил ему ноту с утверждением незаконности установления протектора России над Урянхайским краем. После Октябрьской революции 1917 фактически продолжил исполнять обязанности генконсула в Урге (до осени 1920), поддерживал отношения Сибирского временного правительства и правительства А.В. Колчака с правительством Монголии. С конца 1920 - в эмиграции в Китае. Председатель Русской общины в Тяньцзине.

Петряев Александр Михайлович (1875-1933), в 1902 году был консулом в Призрене, а в период с 1910 г. по 1912 г.-консулом в Битоле. С 1913 г. посланник в Албании. До этого драгоман Российского посольства в Константинополе, помощник российского гражданского агента в Османской империи по реформам в Македонии. После начала Первой мировой войны по поручению министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова занимался изучением положения славян в Австро-Венгрии и выработкой проекта устройства их будущей судьбы. Начальник Ближневосточного отдела МИД. При Временном правительстве (1917) - товарищ министра иностранных дел. 13 ноября 1917 после отказа подчиниться новой власти приказом Л. Троцкого уволен от должности без права на пенсию. В 1919 в Особом совещании при генерале А.И. Деникине - помощник кн. Г.Н. Трубецкого по управлению ведомством вероисповеданий. С 1920 г. официальный дипломатический представитель генерала А.И. Деникина в Болгарии. Занимался обустройством русских беженцев. Оказал существенную помощь правительству барона П.Н. Врангеля. После ареста осенью 1922 г. в Болгарии правительством А. Стамболийского русского депонированного фонда (11 млн. левов), конфискации армейского имущества и высылки воинских чинов и др., в конце 1922-начале января 1923 покинул Софию и переехал в Югославию Служил в Министерств иностранных дел. Один из создателей казачьего хора Сергея Жарова.

←—————▶

Разумовский Сергей Павлович (1875-1947), в 1907 году консул в Призрене, потом атташе Дипломатического агентства в Каире, с 1916 года консул в Яффе с управлением консульствами в Суэце и Порт-Саиде.

Ростковский Александр Аркадьевич (1860-1903), в 1901 году вице-консульство в Битоле было преобразовано в консульство, консулом был назначен Александр Ростковский. Убит 26 июля/8 августа, когда на въезде в город его застрелил на полицейском посту турецкий жандарм (этнический албанец). Убийство русского дипломата едва не привело к войне, из Севастополя к берегам Турции вышла русская военная эскадра из 14 кораблей, включавшая броненосцы «Императрица Екатерина II», «Три святителя», «Ростислав», «Двенадцать Апостолов», а также 6 миноносцев и 4 миноносных

←—————→

катера. Эскадра стала на якорь в бухте Иниада на болгарском побережье за 70 миль от Босфора. И только извинения турецкого султана Абдул-Хамида II перед императором Николаем II, немедленная казнь убийцы и его напарника и освобождение с должности наместника Оттоманской Порты в Битоле позволили замять конфликт. На могиле Александра Ростковского был установлен надгробный памятник, сохранившийся до настоящего времени.

Скрябин Николай Александрович (1849-1914), с 1882 по 1889 год был русским вице-консулом в Битоле, позже был секретарем и драгоманом в консульстве в Бейруте (1885 г.) и в консульстве в Салониках (1888 г.). Первый российский консул в Лозанне (1911). Отец композитора Александра Скрябина

Строев Петр Николаевич (? - ?), консул в Скадаре с мая по сентябрь 1910 г., позже драгоман консульства в Хоросане (Иран).

Сученков Алексей Егорович (1825–1871), первый русский консул в Скадаре был назначен на должность 1 января 1857 г., а прибыл в этот город в мае 1857 г. и прослужил здесь - с мая 1857 по март 1867 года. До приезда в Скадар был драгоманом российского консульства в Бейруте. С 1867 до самой смерти в 1871 был генеральным консулом в Русе.

Тимаев Евгений Матвеевич (1838-1907), в период с 1864 г. по 1865 г. временный управляющий, а затем (с августа 1866 г.) первый вице-консул в Призрене. Эту должность Евгений Матвее-

←—————→

вич занимал три с половиной года. Служба в Призрене повлияло на его душевное здоровье (у него развилась мания преследования) и в 1869 г. он был вынужден подать в отставку. Также в период с 1863 по 1865 находился на службе в Битоле.

Тухолка Сергей Владимирович (1874-1954), с 1902 по 1906 годы был вице-консулом в Призрене, а в 1912 -1913 г. был генеральным консулом в Скопье. В качестве консула в Призрене занимался вопросом обновления и населения русским братством монастыря Высоки-Дечаны. В начале 1907 г. занял должность российского консула в Косовской Митровице, упоминался как консул ещё в 1909 и 1913 годах. Специалист по албанскому языку. До этого был консулом в Джидде (Саудовская Аравия), и с июня 1901 по 1902 год в отсутствие главного консула, заведовал консульством. Был секретарем консульства в Дамаске (Сирия), где дружил и переписывался с известным византистом Ф. И. Успенским. В 1911 году был консулом в Басре (Ирак). С 1912 по 1920 на службе в должности российского консула

в Варне (Болгария), где в 1920 во время массовой эмиграции из России в связи с гражданской войной возглавлял консульство. С 1920 года эмигрант в Константинополе, где был представителем при Лиге Наций и занимался защитой интересов русских беженцев. С 1922 жил в Париже, работал как переводчик. Писал мемуары, выступал с публичными лекциями по оккультизму. Автор ряда трудов: «Оккультизм и магия» (СПб., 1907; многократно переиздавался), «Процессы о колдовстве в западной Европе в XV-XVII веках» (СПб., 1909) и др. Похоронен в Париже на кладбище Пантен.

Хитрово Михаил Александрович (1837-1896), в 1860 г. был управляющим консульством в Битоле, затем консулом в период с 1861 г. по 1864 г. Позже генеральный консул в Константинополе и Салониках, комиссар международной комиссии по делам Болгарии и с 1881 года генеральный

консул в Болгарии, с 1883 года — на такой же должности в Египте. С 1886 года — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Румынии. Позже посланник в Португалии и Японии. Внук известного полководца Михаила Илларионовича Кутузова. Поэт.

Чемерзин Борис Александрович (1874 - 1942), русский консул в Косовской Митровице с октября 1903 года. До этого вице-консул в Болгарии. В 1910—1917 годах - и. о. поверенного в делах и секретарь миссии в Абиссинии. Остался в Советской России. В начале 1920-х — помощник управляющего 1-м отделением III (юридической) секции Главархива. Был членом Секции научных работников Ленинграда. В 1930 подвергся аресту по делу Ленинградской контрреволюционной организации. Скончался в Ленинграде во время блокады.

←—————▶

Четверухин Николай Николаевич (? – ?), в период с 1868 по 1869 временно управляющий в консульстве в Битоле.

Шпейер Алексей Николаевич (1854-1916), участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1879 году в чине губернского секретаря состоял исправляющим должность секретаря при министре-резиденте в Черногории А. С. Ионине. Короткое время замещал Ястребова в консульстве в Призрене. Позже Чрезвычайный Посланник в Китае, Бразилии, Персии.

Щербина Григорий Степанович (1868—1903), был назначен вице-консулом в Скадар в мае 1896 г. . Занимая пост вице-консула в Скутари, Щербина исполнял одновременно обязанности

министра-резидента в Цетинье. Русское консульство в Косовской Митровице открыто в 7 мая 1902 г. Оно стало первым европейским диппредставительством в этом городе. Консулом был назначен Григорий Щербина, а впредь до его прибытия консульские обязанности исполнял Виктор Фёдорович Машков. Щербина прибыл в Митровицу в январе 1903 г. На новом посту он пробыл всего 10 недель. 18 марта 1903 г. смертельно ранен отбашой (ефрейтором) 17-го турецкого пехотного полка Ибрагимом бенг-Халидом (этническим албанцем) и скончался в ночь с 26 на 27 марта/10 апреля по новому стилю 1903 г. Похоронен у стен черниговского Свято-Троицкого собора. В честь Г. С. Щербины названа одна из улиц Белграда. В 1928 г. в Косовской Митровице от имени благодарных горожан и офицеров гарнизона был поставлен памятник Григорию Степановичу. В годы Второй мировой войны памятник пострадал, а в ходе агрессии против Сербии в 1999 г. и изгнания сербов из Косово и Метохии уничтожен албанскими фанатиками (памятник находился в албанской части города). 8 ноября 2011 г. памятник Г.С. Щербине был вновь установлен в сербской части Косовской Митровицы.

Якубовский Николай Федорович (1825-1873/1874), с 1865 по 1872 год он был русским консулом в Битоле. До этого был секретарем вице-консула в Дарданеллах и секретарем консульств в Белграде (1856 г.), Эдирне (1862 г.) и Константинополе (1863 г.). С 1872 по 1873 год генеральный консул в Салониках. Умер в Салониках. Похоронен в Русском Афонском монастыре «Святой Пантелеймон».

Ястребов Иван Степанович (1839-1894), начинал свою карьеру на Балканах в консульстве в Скадаре: сначала как секретарь и драгоман консульства (с 1867 по апрель 1870), а затем консул - с сентября 1874 г. - март 1877 г. (в некоторых источниках стоит до 1880 г.). В этот же период был вице-консулом в Призрене. Консул в Призрене с 1879 г. Служил консулом в Янине с сентября 1880 года по февраль 1881 года. В 1886 году он вернулся в качестве русского консула в Призрене и оставался в Призрене до марта 1886 года. С 1886 года до кончины, генеральный консул в Салониках. Известный этнограф. издал «Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипеке, Мораве и Дабре» (СПб., 1886; 2-е изд., 1889, дополненное прозой сербов); писал в «Гласнике сербского ученого дружба» и в «Известиях спб. славянского благотворительного общества». Все свое имущество и библиотеку завещал сербской гимназии города Призрена.

Здание бывшего русского
консульства в Косовской
Митровице, ул. Зеленгора 10.
Снесено после 1999 года.

Сотрудники русского
консульства в Скадаре, 1909(?)
Семейный архив Лобачевых.

**Список дипломатических представителей Российской империи
в Княжестве/ Королевстве Сербии с момента обретения независимости.**

Главы дипломатической миссии в Белграде.¹

имя	должность	годы службы в Сербии
Александр Иванович Персиани	дипломатический агент и генеральный консул 1878; министр-резидент 1879–1889; чрезвычайный посланник и полномочный министр 1890–1895	1877–1895
Роман Романович Розен	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1895–1897
Александр Петрович Извольский	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1897
Валерий Всеволодович Жадовский	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1897–1899
Павел Борисович Мансуров	поверенный в делах	1900
Николай Валерьевич Чарыков	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1900–1904
Владимир Владимирович Муравьев-Апостол-Коробьин	поверенный в делах	1903–1904
Константин Аркадьевич Губастов	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1904–1906
Василий Сергеевич Сергеев	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1906–1909

¹ Составлен на основании данных ежегодника «Шематизам Краљевине Србије». Фактическое состояние дел в этих справочниках указывалось на конец года, предшествовавшего изданию ежегодника. Поэтому, хотя эти даты и расшифровка имен и уточнялись на основании биографических и справочных изданий, они могут служить лишь примерной основой для уточнения дипломатических реалий. Дополнено с опорой на rusdiplomats.narod.ru

Николай Генрихович Гартвиг	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1909–1914
Григорий Николаевич Трубецкой	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1914–1915
Борис Алексеевич Татищев	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1916–1917
Сергей Николаевич Палеолог	чрезвычайный посланник и полномочный министр	1917

Консулы в Нише.

имя	должность	годы службы
Степан Иванович Чахотин	консул	1897–1914

Сотрудники посольства в Белграде.

имя	должность	годы службы
Николай Федорович Ладыженский	секретарь	1878
Модест Модестович Бакунин	секретарь посольства	1879–1880
Михаил Николаевич Гирс	I секретарь посольства с 29.12.1882 по 29.01.1883 выполнял обязанности поверенного в делах	1880–1883
Богданов	II секретарь посольства	1882–1883
Михаил Александрович Поджио	I секретарь посольства	1884–1888
Андрей Болеславович Кукель-Краевский	II секретарь посольства	1884–1887

Александр Сергеевич Со- мов	II секретарь посольства	1888–1892
Василий Сергеевич Сергеев	I секретарь посольства	1889–1891
Анатолий Васильевич Неклюдов	I секретарь посольства	1892–1898
Александр П. Хитрово	драгоман	1890–1891
Николай Смирнов	II секретарь посольства	1893–1897
Павел Борисович Мансуров	I секретарь посольства	1899–1902
Георгий Нелидов	II секретарь посольства	1899–1900
Евгений Васильевич Са- блин	аташе (1900–1903); II секретарь посольства (1904 – 1905)	1900 – 1905
Борис Николаевич Евреи- нов	II секретарь посольства (1902); I секретарь посольства (1907–1910)	1902; 1907–1910
Владимир Владимирович Муравьев-Апостол-Коро- бьин	I секретарь посольства поверенный в делах в Сербии (1903–1904)	1903–1905
М. Горьянов	аташе	1904–1905
Каншин	I секретарь посольства	1906
Николай Обнорский	II секретарь посольства	1906–1909
Иосиф Гаврилович Маму- лов	секретарь-переводчик	1908–1914
Борис Александрович Ионин	II секретарь посольства	1910
Стремоухов	I секретарь посольства	1911
Муравьев	II секретарь посольства	1911

Василий Николаевич Штрандтман	I секретарь посольства	1911–1915
Зорин	II секретарь посольства	1912–1914
Борис Павлович Пелехин	поверенный в делах при правительстве Сербии в эвакуации 1915-1916 в 1916 1-й секретарь миссии в Цетине, в 1917 советник миссии и временный поверенный в Белграде.	1915-1917

Военные агенты Российской империи в Белграде

имя	должность	годы службы
Фёдор Фёдорович Таубе	военный агент	1890–1899
Евгений Александрович Леонтович	военный агент	1901-1902
Иван Николаевич Сысоев	военный агент	1903–1906
Владимир Петрович Агапеев	военный агент	1907-1909
Виктор Алексеевич Артамонов	военный агент	1909–1917

Список источников.

Архивы

- Архив Југославије (АЈ)
- Историјски архива Београда (ИАБ)
- Државни архив Србији (ДАС)
- Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ)
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.),
- Семейный архив семьи Лобачевых
- Musée Albert-Kahn: <http://albert-kahn.hauts-de-seine.net/>

Базы данных

Дипломаты Российской империи, <http://www.rusdiplomats.narod.ru/>

Русская Сербия, <https://russianserbia.com/>

Литература

1. Анисимов, Максим. Косово и Метохия в донесениях первого русского вице-консула в Призрене Е. М. Тимаева (1866 – 1869), в: Косово и Метохија у цивилизацијским токовим. Међународни тематски зборник, Књига 3, Косовска Митровица 2010, с. 220– 243.
2. Антанасиевич Ирина, Русский комикс королевства Югославия, Санкт-Петербург: Скифия, 2018
3. Аншаков Ю.П. ,Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902-1912 гг.),Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 16, №3, 2014, с.170-189
4. Батаковић Душан, Погибија руског конзула Г. С. Шчербине у Митровици 1903. године“, Историјски часопис, XXXIV. Београд: Историјски институт, с.309–327
5. Бован Владимир, Јастребов у Призрену : (културно-просветне прилике у Призрену и рад руског конзула И. С. Јастребова у другој половини деветнаестог века), Приштина : Јединство, 1996
6. Вишняков Я.В., Тимофеев А.Ю., Милорадович Г., На дальних рубежах. Россия и Сербия в годы Первой мировой войны. 1914–1917, Москва: МГИМО-Университет, 2018.
7. Грушевой, А. Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке. Санкт-Петербург, Российская академия наук. Институт восточных рукописей ((Азиатский музей), 2016
8. Зарковић Весна, Деловање Исе Бољетинца уочи отварања руског конзулата у Косовској Митровици, Баштина, с в. 51, 2020, стр. 427-448
9. Зарковић Весна, Стара Србија у жижи интересовања аустроугарске и руске дипломатије на прелазу из XIX у XX век, Зборник радова, Приштина: Правни факултет, 2019, Стр. 31-48
10. Зарковић Весна, Руске дипломате на удару атентатора у Косовском и Битољском вилајету почетком XX века, Баштина : гласник св. 32, 2012, стр. 129-144
11. Заркович Весн, Консул Виктор Федорович Машков–участник событий в Старой Сербии начала XX века“. Сборник научных трудов Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире. Конференция: Ялта, 02–07 октября 2018 года, с. 96–107
12. Јошевски Александар, Етническата картина в Македонија през погледа на руските консули в Битоља Александър Ростковски и Виктор Кал (1895 – 1910), Македонски преглед, св.4, Македонски научен институт 2021, с.29-72
13. Иван Степанович Јастребов : зборник радова са научног скупа одржаног у Призрену 31. октобра и 1. новембра 1996, Београд : Историјски институт Српске академије наука и уметности ; Призрен, 1997
14. Искандеров П.А., Александр Михайлович Петряев, Вопросы истории, Москва, 2018, номер 1, с.18-33

15. Костић Петар, Европски консули у Призрену“. Јужни преглед, бр. 5, 6, 7 Скопље, 1928, с.207–213;с 245–251,с. 256–270
16. Кудрявцева Е.П., Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.)“. Сборник Славяне и Россия: проблемы государственности на Балканах (конец XVIII–XXI вв.),Институт славяноведения РАН, 2020,с.45–60
17. Куликова, А. М. Российское востоковедение XIX века в лицах. Российская академия наук, Институт востоковедения, Санкт-Петербургский филиал, 2001.
18. Недељковић Славиша,Активности руских конзула у Старој Србији крајем XIX и почетком XX века,Баштина, св. 12, 2001, стр. 165-171
19. Милошевић Мирослав, Делатност руских конзула на Косову и Метохији у XIX и почетком XX века,Тематски зборник Косово и Метохија кроз чињенице, тумачења и симболе, књ.2, Лепосавич, 2023, с.105-126
20. Москва - Србија Београд - Русија = Москва - Србија Белград - Россия : документа и материјали = сборник документов и материалов. Том 2. = Т. 2, Друштвене и политичке везе 1804-1878 = Обществено-политические связи. 1804-1878 гг., Сборник, Београд : Архив Србије ; Москва : Главное архивное управление города Москвы: Государственный архив Российской Федерации, 2011
21. Москва - Србија Београд - Русија = Москва - Србија Белград - Россия : документа и материјали = сборник документов и материалов. Том 3. = Т. 3, Друштвене и политичке везе 1878-1917 = Обществено-политические связи. 1878-1917 гг., Сборник, Београд : Архив Србије ; Москва : Главное архивное управление города Москвы: Государственный архив Российской Федерации, 2012.
22. Русские в Сербии : Павел и Юрий Лобачевы, дипломат и художник : каталог выставки = Руси у Србији : Павле и Ђорђе Лобачев, дипломата и сликар : каталог изложбе,Москва : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020
23. Секулић Весна,Отварање руског конзулата у Косовској Митровици,Баштина св. 19, 2005, стр. 139-153
24. Србија и Русија 1838-1918 : (поводом 150 година успостављања дипломатских односа) : каталог, Архив Србије, 1988.
25. Станојевић, Саша, Из историје руске дипломатије у старој Србији - почетак рада конзулата у Призрену ,Српске студије = Serbian Studies, год. 3, бр. 3, 2012, стр. 337-347
26. Стојанчевић, Владимир, Дипломатско-политичка активност В. Машкова, руског генералног конзула у Скопљу, на заштити српског становништва у Косовском Вилајету на почетку 20. века ,Научни скупови / Српска академија наука и уметности ; књ. 155. Одељење историјских наука ; књ.38,Београд : САНУ, 2016, с. 133-138
27. Рускиот императорски конзулат во Битола 1861-1915,Зборникот, Свети Николе: Институт за национална историја, Меѓународен славјански универзитет „Гаврило Романович Державин“, 2015
28. Терзић, Славенко, Прилике у Старој Србији уочи ослобођења 1912. године,Београд : Српска академија наука и уметности, 2015, с.37-44

-
29. Терзић, Славенко, Скадарски вилајет у другој половини XIX века. Према опису руског конзулата у Скадру, Глас CDXXVIII Српске академије наука и уметности, Одељење историјских наука, књ. 18 – 2018, с.97-110
 30. Терзич Славенко, Старая Сербия : (XIX - XX вв.) : драма одной европейской цивилизации , Москва : Вече, 2015
 31. Фролова М.М., Российский консул в Битоле Н.Ф. Якубовский: неизвестные страницы биографии Сборник Славяне и Россия: Славяне и Россия в системе международных отношений. Москва, Институт славяноведения Российской академии наук, 2017, с.106-120
 32. Ямбаев М.Л. А.А.Ростковский в Македонии. Начало XX века. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции, Москва, 2004.
 33. Ямбаев М.Л., Македония и Россия: 1897-1902 гг. Кандидатская диссертация, Москва, 2004.

*Тимофеев Алексей Юрьевич
Ямбаев Михаил Леонидович
Антанасиевич Ирина*

Дипломаты Российской империи в Старой Сербии на рубеже веков

Издатель
Русский научный институт

Тираж
300

Типография
Графо-сан

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

327:341.7/.8(470:497.11)"1878/1912"
94(497.11)"1878/1912"

ТИМОФЕЕВ, Алексей Юрьевич, 1977-

Дипломаты российской империи в Старой Сербии на рубеже веков / Тимофеев Алексей Юрьевич, Ямбаев Михаил Леонидович, Антанасиевич Ирина. - Белград : Русский научный институт, 2024 (Београд : Графо-сан). - 273 стр. : илустр. ; 23 см

Тираж 300. - Напомене и библиографске референце уз свако поглавље.

ISBN 978-86-81328-15-6

1. Ямбаев, Михаил, 1970-2019 [аутор]

а) Међународни односи -- Дипломатија -- Русија -- 1878-1912 б) Међународни односи -- Дипломатија -- Србија -- 1878-1912 в) Србија -- Историја -- 1878-1912

COBISS.SR-ID 136908809